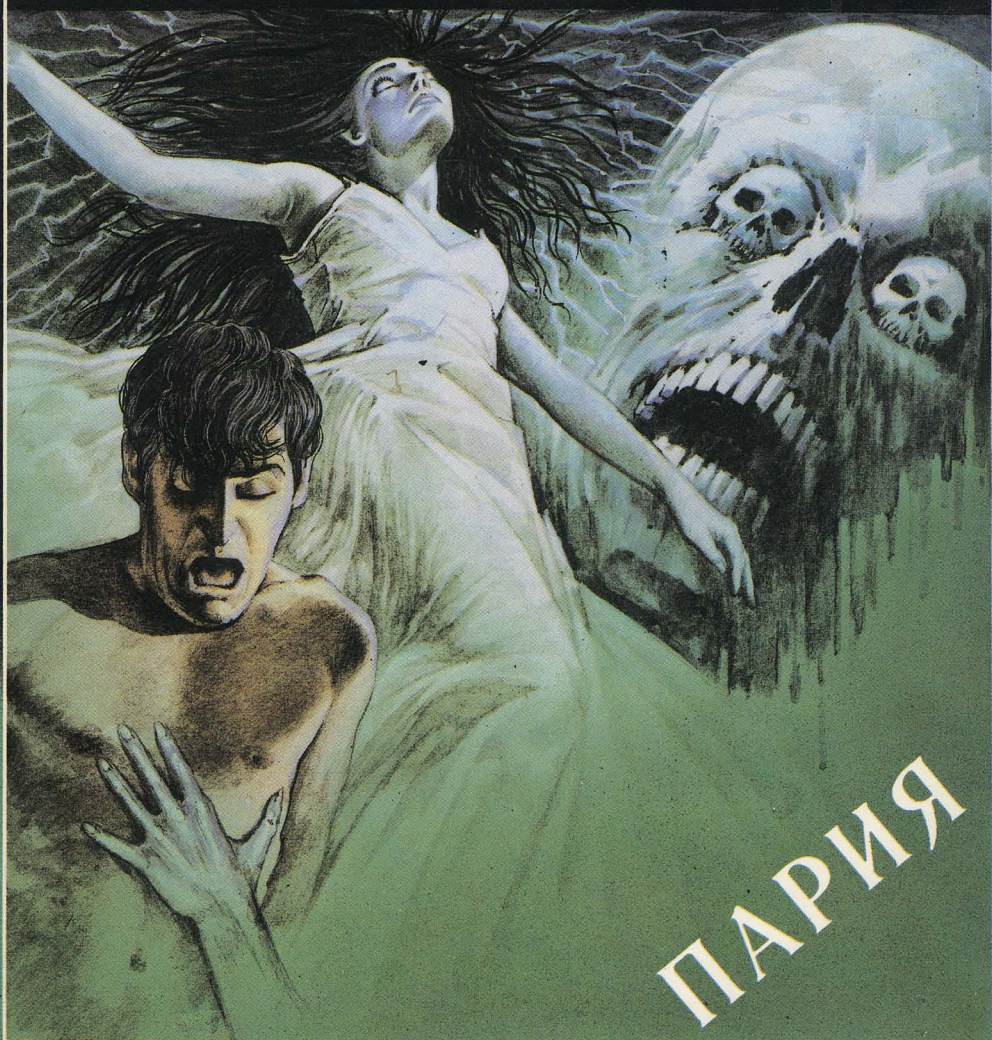

ГРЭМ МАСТЕРТОН

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ПАРИЯ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Грэм Мастертон

ПАРИЯ

Львов
СИГМА
1995

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 32

Graham Masterton

PARIAH

**Грэм Мастертон
ПАРИЯ : роман**

Copyright © by Graham Masterton.

ISBN 0-451-14746-9

ПАРИЯ

Есть, однако, еще и другой, имя которого никогда не бывает произнесено, ибо он изгнанник, прогнанный и с Неба, и из Ада, проклятый как среди Высшего Бытия, так и в земной юдоли. Имя его вычеркнуто из всех книг и списков, а изображение его уничтожено везде, где люди воздавали ему честь. Он — пария и способен пробуждать наивысший страх, по его повелению мертвые могут восстать из гробов и даже само Солнце погасит свой блеск.

Это — так называемый «последний запрещенный» абзац из «Кодекса Ватиканус А», книги, появившейся в 1516 году и также «запрещенной» до 1926 года, когда она появилась вновь в Париже, изданная небольшим тиражом (без последнего абзаца). Единственный не подвергнутый цензуре экземпляр «Кодекса» ныне хранится в тайниках Библиотеки Ватикана.

ЖЕНА СТРОИТЕЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ИСЧЕЗЛА В МОРЕ. ТАИНСТВЕННАЯ НОЧНАЯ ПРОГУЛКА НА ЯХТЕ

Грейнитхед, вторник. Сегодня с утра вертолеты береговой охраны патрулировали залив Массачусетс между Манчестером и Ноаном, разыскивая жену мистера Джеймса Гулта III, строительного предпринимателя из Грейнитхед, которая вчера вечером вышла из дома, одетая только в прозрачную ночную

рубашку. Миссис Гулт, сорокачетырёхлетняя брюнетка, около половины двенадцатого вечера доехала на личном автомобиле к пристани Грейнитхед, затем вышла в море на сорокафутовой семейной яхте «Патриция».

— Моя жена — опытный моряк, — заявил Гулт, — и я не сомневаюсь, что в нормальных обстоятельствах она способна одна управлять яхтой. Но тут обстоятельства явно были ненормальные, и я крайне обеспокоен за ее безопасность.

Мистер Гулт заявил, что между ним и женой не было никакой ссоры и что ее исчезновение для него является «полнейшей загадкой».

Лейтенант Джордж Робертс из береговой охраны Салема сказал: «Мы проводим систематические поиски и, если это только возможно, мы наверняка найдем «Патрицию».

Глава 1

Я внезапно открыл глаза, не будучи при этом уверенным, спал ли вообще. Что это, продолжение сна? Было так темно, что у меня вообще не было уверенности, открыты ли у меня глаза. Постепенно я начал различать фосфоресцирующие стрелки антикварных часов: две зеленые стрелки, тлеющие зеленым светом, будто глаза враждебного, хоть и бессильного демона. 2 часа 10 минут холодной мартовской ночи на побережье Массачусетса. Но мне пока еще было непонятно, что же меня разбудило.

Я лежал неподвижно, затаив дыхание и вслушиваясь, один-одинешенек на огромном колониальном ложе. И слышал только ветер, шумно пытающийся пробраться через окно. Здесь, на полуострове Грейнитхед, где только сотни миль темного, бурного моря отделяли мой дом от побережья Новой Шотландии, ветер, упорный, порывистый и сильный не прекращался никогда, даже весной.

Я напряженно вслушивался, как человек, все еще отчаянно не привыкший к одиночеству; как жена бизнесмена, оставшаяся в одиночестве дома, в то время как муж поехал по делам. Я весь превратился в слух. А когда ветер неожиданно налетел с новой силой и сотряс весь дом, а потом также неожиданно стих, мое сердце забилось быстрее, задрожало, а потом замерло вместе с ветром.

Стекла в окне зазвенели, неподвижно застыли, потом опять задрезбужали.

Потом я что-то услышал, и, хотя звук этот был едва уловим, хотя я его воспринял больше нервами, чем ушами,

я узнал его сразу и вздрогнул, как если бы меня ударило током. Именно этот звук меня и разбудил. Монотонный и жалобный скрип моих садовых качелей.

Расширенными глазами я уставился в темноту. Фосфоресцирующие демонические стрелки встретили мой взгляд. Чем дольше я на них смотрел, тем больше они напоминали мне глаза демона, а не часовые стрелки. Я хотел было спровоцировать их, чтобы они шевельнулись, подмигнули мне, но «глаза» не приняли вызова. А снаружи, в саду, все еще раздавалось монотонное скрип-скрип, скрип-скрип, скрип-скрип...

Это всего лишь ветер, подумал я. Это ветер, не так ли? Наверняка. Тот самый ветер, который ночи напролет пытается забраться в мое окно. Тот самый ветер, который так громко лопочет и шумит в камине моей спальни. Но тут я осознал, что еще никогда ветер не раскачивал садовые качели — даже в такую бурную ночь, когда я отчетливо слышал, как вырванный из дремоты северный Атлантик беснуется в полутора милях отсюда, ударяя в скалы пролива Грейнитхед, и как в деревеньке Грейнитхед разошедшиеся садовые калитки аплодисментами вызывают его «на бис». Качели были исключительно тяжелыми; они представляли собой что-то вроде садовой скамейки с высокой спинкой, вытесанной из увесистого американского граба, подвешенной на железных цепях. Они скрипели лишь тогда, когда их раскачивали сильно и высоко.

Скрип-скрип, скрип-скрип, скрип-скрип раздавалось непрерывно, заглушаемое ветром и отдаленным ревом океана, но ритмично и выразительно; в это время стрелки часов передвинулись на целых пять минут, будто демон склонил голову.

Это психоз, сказал я себе. Кто это станет качаться на качелях в 2:20 ночи? Во всяком случае это какого-то рода безумие. Вероятнее всего, просто депрессия, о которой говорил доктор Розен; искажение восприятия, нарушение психического равновесия. Через это проходит почти каждый, кто потерял близкого человека.

Доктор Розен говорил, что я, возможно, буду переживать ужасное ощущение, что Джейн все еще жива, что она все еще со мной. У Розена были такие же галлюцинации после смерти его жены. Он видел ее в супермаркетах, как она отворачивается и исчезает между стойками. Он слышал, как она включает миксер в кухне, и тут же бросался к дверям кухни, но там уже никого не было, лишь блестели чисто вымытая посуда и утварь. Наверняка, то же и с этим моим скрипом, который мне так упорно слышится. Он кажется совершенно реальным, но он всего лишь галлюцинация, следствие эмоционального потрясения, вызванного неожиданной потерей близкого человека.

И все же скрип-скрип, скрип-скрип, скрип-скрип, и так без конца. И чем дольше это длилось, тем труднее мне было верить, что это только слуховая галлюцинация.

Я же рассудительный и взрослый человек, сказал я себе. За каким дьяволом мне надо вылезать холодной ночью из теплой, удобной постели и подходить к окну, чтобы увидеть, как мои собственные садовые качели качаются в порывах мартовского ветра?

Но... если там, на дворе, кто-то есть? Если кто-то качается в моем саду так, как раньше качалась Джейн, схватившись за цепи высоко поднятыми руками, с головой, откинутой на спинку, и закрытыми глазами? Ну и что, если там кто-то есть? Мне-то чего бояться?

Ты на самом деле думаешь, что там, во дворе, кто-то есть? Ты на самом деле веришь, что кому-то захотелось перелезть через ограду и продираться сквозь заросший сад лишь затем, чтобы сесть на старые, ржавые садовые качели? В темную, бурную ночь, холодную, как соски груди колдуньи, когда ртутный столбик упал до нуля по Цельсию?

Возможно. Все же признай, что это возможно. Наверняка, кто-то возвращался из деревни по Аллее Квакеров, кто-то пьяный, или просто подгулявший, или замерзший, или просто какой-то бедолага. Наверняка, этот кто-то увидел качели и подумал: прекрасно было бы покачаться;

поэтому начхать на холод и на то, что могут прихватить на «горячем».

Только кто бы это мог быть? Вот загадка, подумал я. На Аллее Квакеров стоял еще один дом. Дальше дорога сужалась, превращаясь в крутую, поросшую травой тропинку для верховой езды, и зигзагами спускалась вниз, на берег Салемского залива. Путь был каменистым и неровным, почти непроходимым даже днем, не говоря уже о ночи. К тому же этот последний дом зимой почти всегда пустовал, по крайней мере так я слышал.

Это мог быть Томас Эссекс, старый мизантроп в кавалерийской шляпе с широкой тульей. Он обитал в развалившейся рыбацкой хижине рядом с Кладбищем Над Водой. Иногда он прохаживался здесь, напевая и подпрыгивая, а однажды заявил Джейн, что может подманивать рыб свистом. Больше всего они любят «Лиллибуллера», заявил он. Еще Томас умел жонглировать складными ножами.

А потом я подумал: он чудака, это правда, но он стар. Ему по меньшей мере шестьдесят восемь. Что делать такому старику на моих качелях, да еще в два часа ночи в такую погоду?

Я решил, что не буду обращать внимания на этот скрип и попытаюсь заснуть. Натянул до ушей теплое домотканое одеяло, свернулся в постели, закрыл глаза и попробовал глубоко дышать. Если бы Джейн еще была со мной, она, наверняка, заставила бы меня выглянуть в окно. Но я был слишком измучен. Измучен и страшно нуждался в сне. После того несчастья я спал самое большее по четыре-пять часов в сутки, чаще еще меньше, а завтра мне нужно было рано встать, чтобы встретиться за завтраком с отцом Джейн; затем я хотел заглянуть на площадь Холкок к Эндикотту, где выставляли на продажу коллекцию редких маринистских гравюр и картин, на которые стоило посмотреть.

Я выдержал с закрытыми глазами почти целую минуту. Потом снова открыл глаза и увидел всматривавшегося в меня демона. И хотя я изо всех сил затыкал уши, я все

еще слышал это неустанное скрип-скрип, скрип-скрип, скрип-скрип из сада.

А потом... Боже, я мог бы поклясться, что услышал пение. Слабый, тоненький голосок, заглушаемый ветром, такой неясный, что он вполне мог быть сквозняком, свистящим в камине. И все же этот голосок пел. Женский голос, чистый и удивительно жалобный.

Я выволок себя из постели так поспешно, что ушиб себе колено о ночной столик красного дерева. Демонический будильник упал со столика и покатился по полу. Я был слишком перепуган, чтобы вставать медленно, поэтому мог отважиться только на атаку в стиле камикадзе. Я стащил одеяло с кровати и завернулся в него, как римский сенатор в тогу, а потом на ощупь, затаив дыхание, добрался до окна.

Снаружи было адски темно, так что я почти ничего не видел. Небо и холмы были почти одного цвета. Темные, с неясными очертаниями деревья боролись с ветром, который безжалостно пригибал их к земле. Я вслушивался и всматривался, всматривался и вслушивался. Я чувствовал себя сразу и глупцом и героем. Я прижал ладонь к стеклу, чтобы оно перестало дребезжать. Скрип садовых качелей как-то стих, и никто не пел — я не слышал ничьего голоса.

Однако это пение, эта удивительно мрачная мелодия все еще эхом звучала в моей голове. Мне припомнилась матросская песенка, которую старина Томас Эссекс пел в тот день, когда мы впервые встретили его на Аллее Квакеров:

*Мы выплыли в море из Грейнигхед
Далеко к чужим берегам,
Но нашим уловом был лишь скелет,
Что сердце сжимает в зубах.*

Позже я нашел этот текст в книжке Джорджа Блайта «Матросские песни старого Салема», но в отличие от других запевок эта песня не была снабжена примечания-

ми, касающимися ее смысла, происхождения и связи с местными историческими традициями. К ней был только один комментарий: «Любопытно». Но кто мог распевать эту «любопытность» под моим окном так поздно ночью и почему? Ведь во всем Грейнитхед могло найтись самое большее с дюжину человек, знающих эту песню или хотя бы ее мелодию.

Именно про эту песенку Джейн всегда говорила мне, что она «безумно грустная».

Я стоял у окна, пока не замерз. Мои глаза медленно привыкли к темноте, и я смог различить черные скалистые берега пролива Грейнитхед, обрисованные волнами прибоя. Я отнял руку от стекла. Ладонь была ледяной и влажной. На стекле на секунду остался отпечаток моих пальцев, словно зловещее приветствие, а потом он исчез.

Я на ощупь нашел выключатель и зажег свет. Комната выглядела как обычно. Большая деревянная раннеамериканская кровать с пузатыми пуховыми подушками; резной двустворчатый шкаф; деревянный комод для белья. На другой стороне комнаты на столе стояло маленькое овальное зеркальце, в котором я видел бледное отражение собственной физиономии.

Я подумал, будет ли признаком нервного срыва то, что я спущусь вниз и налью себе солидную порцию? Я поднял с пола синий халат, который бросил там вечером перед тем, как отправиться спать, и натянул его.

С тех пор, как Джейн не стало, дом стал удивительно тихим. Еще никогда я не отдавал себе отчета в том, сколько шума издает живое существо, даже во сне. Когда Джейн была жива, она наполняла дом своим теплом, своей личностью, своим дыханием. Теперь же во всех комнатах, куда я заглядывал, было одно и то же: пустота, древность и тишина. Кресло-качалка на полозьях, которое теперь не качалось. Занавески, которые теперь не закрывали окон, разве что я сам задерну их. Плита, которая теперь не включалась, разве что я входил и зажигал ее, чтобы приготовить себе очередной завтрак одиночки.

Не с кем поговорить, некому даже улыбнуться, когда нет желания разговаривать. И эта ужасная, непонятная мысль, что я уже никогда, никогда никого не увижу.

Прошел уже месяц. Месяц, два дня и несколько часов. Я уже перестал оплакивать себя. Точнее, мне так казалось. Конечно же, я перестал плакать, хотя до сих пор время от времени слезы неожиданно наворачивались мне на глаза. Такое испытывает каждый, кто сам пережил тяжелую потерю. Доктор Розен предупреждал меня об этом, и он был прав. Например, во время аукциона, когда я приступал к осмотру какого-нибудь особенно ценного имеющего отношение к морю предмета, который хотел бы иметь в магазине, в моих глазах неожиданно появлялись слезы; я должен был извиняться и выходить в мужской туалет, где слишком долго вытирал нос.

— Чертова простуда, — сообщал я в таких случаях смотрителю.

А он, глядя на меня, сразу понимал, в чем дело. Все люди, погруженные в траур, объединены каким-то таинственным сходством, которое они вынуждены скрывать от остального мира, чтобы не выглядеть тряпками, болезненно плачущими над самими собой. Однако, ко всем чертям, я как раз и был именно такой тряпкой.

Я вошел в гостиную с низким балочным потолком, открыл буфет у стены и проверил, сколько у меня осталось спиртного.

Чуть меньше глотка виски «Шивас Регал», остатки джина и бутылка сладкого шерри, к которому Джейн приистрастилась в первые месяцы беременности. И я решил выпить чая. Я почти всегда делаю себе чай, когда неожиданно просыпаюсь среди ночи. Индийский, без молока и сахара. Я научился этому у аборигенов Салема.

Я проворачивал ключики в дверцах буфета, когда услышал, что кухонные двери закрылись. Они не захлопнулись с шумом, как от порыва ветра, а заперлись на старинный засов. Я замер с бьющимся сердцем, затаил дыхание и прислушался. Но я слышал только вой ветра, хотя и был уверен, что чувствую чье-то присутствие, будто

в доме кто-то чужой. После месяца, проведенного в одиночестве, месяца абсолютной тишины, я стал чувствителен к малейшему шелесту, легчайшему скрипу, каждому шагу мыши и более сильным вибрациям, вызываемым человеческими существами. Люди резонируют, как скрипки.

Я был уверен, что в кухне кто-то есть. Кто-то там был, но я не чувствовал никакого тепла, не улавливал ни одного из обычных дружелюбных звуков, означающих человеческое присутствие. Удивительно. Как можно тише я прошел по коричневому коврику к камину, в котором все еще тлела вчерашняя зола. Я поднял длинную латунную кочегру с тяжелым ухватом в форме головы морского конька и взвесил ее в руке.

Навощенный паркет в холле запищал под моими босыми ногами. Напольные большие часы фирмы «Томпион», свадебный подарок родителей Джейн, издавали задумчивое медленное тиканье изнутри корпуса красного дерева. Я остановился у двери кухни и прислушался, пытаюсь уловить легчайший шум, тишайший вздох, слабейший шелест материала, трущегося о дерево.

Ничего. Только тиканье часов, отмеряющих продолжительность моей жизни, так же, как отмеряли жизнь Джейн. Только ветер, который так и будет гулять в проливе Грейнитхед, когда я отсюда уеду. Даже море как будто утихомирилось.

— Есть ли кто-нибудь? — закричал я голосом сначала громким, а потом сдавленным. И стал ожидать ответа или отсутствия ответа.

Было ли это пение? Отдаленное, приглушенное пение?

*Мы выплыли в море из Грейнитхед
Далеко к чужим берегам...*

А может, это всего лишь сквозняк свистел в щелях дверей, ведущих в сад?

Наконец я нажал на ручку, заколебался, но все-таки открыл дверь кухни. Ни скрежета, ни скрипа. Я же сам

смазал маслом петли. Я сделал шаг, потом другой, может, слишком нервно, шаря рукой по стене в поисках выключателя. Люминесцентная лампа замигала и засветила ровным светом. Я инстинктивно поднял кочергу, но сразу увидел, что старинная кухня пуста, и опустил ее.

Двери в сад были закрыты на ключ и на засов. Ключ лежал там, где я его и положил, на тихо урчащем холодильнике. Чистенький настенный кафель весело блестел: ветряные мельницы, лодка, тюльпаны и сабо. Медная утварь, висящая рядами, слабо поблескивала, а кастрюля, в которой я вчера варил на ужин суп, все еще ждала, пока я ее помою.

Я открывал шкафчики, хлопал дверцами, поднял страшный шум, чтобы увериться, что я один. Я послал угрожающий взгляд в непроницаемую темноту за окном, чтобы отпугнуть любого, кто мог таиться в саду. Но увидел лишь неясное отражение своей перепуганной физиономии, и именно это испугало меня больше всего. Страшен даже сам страх. А вид собственного страха еще страшнее.

Я вышел из кухни и в коридоре еще раз громко, но осторожно спросил:

— Кто там? Есть ли кто здесь?

И снова в ответ — тишина. Но у меня было удивительное тревожное чувство, что кто-то или что-то передвигается рядом со мной, будто невидимое движение вызывает дрожание воздуха. Меня также пронизало ощущение холода, чувство затерянности и болезненной грусти. То же самое испытывает человек после дорожной катастрофы или когда ночью слышит диссонирующий рев младенца, боящегося темноты.

Я стоял в холле и не знал, что делать; более того, я не знал, что мне думать. Я был совершенно уверен, что дом пуст, что в нем нет никого, кроме меня. У меня не было никакого конкретного доказательства, что кто-то чужой вторгся внутрь. Никаких выбитых дверей, никаких разбитых стекол. И все же не менее очевидно было, что атмосфера дома подверглась тонкому изменению. У меня появилось впечатление, что я вижу холл в иной перспек-

тиве, как негатив, перевернутый на сто восемьдесят градусов.

Я вернулся в кухню и снова заколебался, потом все же решил заварить себе чашечку чая. Пара таблеток аспирина также должна мне помочь. Я подошел к плите, где стоял чайник, и к своему крайнему удивлению увидел, что из его носика выходит тонкая струйка пара.

Кончиками пальцев я коснулся крышки. Она была горячая. Я отскочил и подозрительно уставился на чайник. Мое собственное лицо, отраженное в нержавеющей стали, уставилось на меня с таким же подозрением. Я и в самом деле хотел вскипятить чайник, но действительно ли я поставил его? Я не мог этого припомнить. Однако в таком случае вода должна была закипеть минуты через две-три, и чайник что, выключился автоматически?

Возможно, я сам его и выключил. Просто я был чересчур измучен. Я полез в буфет за чашкой и блюдцем. И тогда я услышал снова, на этот раз совершенно отчетливо, то же тихое пение. Я застыл, напряг слух, но все стихло. Я вынул чашку, блюдце и сахарницу, а потом включил чайник, чтобы еще раз вскипятить воду.

Может, неожиданная смерть Джейн задела меня больше, чем я сознавал? Может, каждый, кто теряет близкого человека, переживает удивительные видения и иллюзии? Юнг ведь говорил о коллективном подсознании, сравнивая его с морем, в котором мы все плаваем. Может, каждый умирающий ум создает на поверхности этого моря волну, которую чувствуют все, но особенно — самые близкие.

Вода уже почти кипела, когда блестящая поверхность чайника медленно начала запотевать — так, будто температура воздуха резко упала. Но ночь была холодной, поэтому я не очень удивился. Я пошел на другой конец кухни за старой жестянкой с чаем. Когда я возвращался, пару секунд мне казалось, что на запотевшей поверхности чайника я вижу какие-то буквы, как будто написанные пальцем. Но тут вода закипела, чайник выключился, и пар исчез. Я внимательно осмотрел чайник, разыскивая ка-

кие-нибудь следы. Я наполнил чашку и еще раз включил чайник, чтобы проверить, не появятся ли буквы снова. Проявились какая-то каракатица, напоминающая букву «С», еще какой-то знак, похожий на «П», и ничего больше. Без сомнения, я медленно сдвигался по фазе. Я унес чай в гостиную и сел у еще теплого камина, отпил глоток и попробовал рассуждать логически.

Это не могли быть буквы. Чайник, наверняка, был грязным, и на жирных местах пар конденсироваться не мог. Я не из тех, кто верит в вертящиеся столики, самопишущие блюдца и контакты с иным миром. Я не верил в духов и прочий оккультный вздор: психокинез, передвигание пепельниц силой воли и так далее. Я не имел ничего против людей, которые верят в такое, но сам не верил. Вообще. Мне никогда не было присуще бездумное отрицание сразу всех сверхъестественных явлений; может, другие и сталкивались иногда с чем-то таким, но я нет. И от всей души молился, чтобы со мной такого не случилось.

Прежде всего я не хотел допускать мысли, что мой дом может быть одержим, особенно духом кого-то, кого я знал. Особенно, храни меня Бог, духом Джейн.

Я сидел в гостиной, не смыкая глаз, потрясенный, глубоко несчастный, пока часы в коридоре не пробили пять. Наконец суровый североатлантический рассвет заглянул в окна и выкрасил все в серый цвет. Ветер стих, дул только холодный бриз. Я вышел через задние двери и прошествовал босиком по траве, покрытой росой, одетый только в халат и старую куртку на меху. Я остановился у садовых качелей.

Видимо, был отлив, поскольку далеко над проливом Грейнитхед чайки начали охоту за моллюсками. Их крики напоминали голоса детей. На северо-западе я видел все еще мигающий маяк на острове Винтер. Холодное, фотографическое утро. Картина мертвого мира.

Качелям было уже лет семьдесят или восемьдесят. С виду они напоминали кресло с широкой резной спинкой. На спинке кто-то вырезал солнце, знак Митры и слова:

«Все постоянно, кроме Солнца», которые, как открыла Джейн, были цитатой из Байрона. Цепи крепились к чему-то вроде перекладины, теперь уже почти невидимой, поскольку тот, кто годы назад сделал качели, посадил рядом с ними яблоньку, и со временем сучковатые ветки старого дерева полностью скрыли из вида верх качелей. Летом же, когда кто-то качался на качелях, цветы яблони осыпали его, как снег.

Качели (рассказывала Джейн, качаясь и напевая) были игрушкой шутов и жонглеров, средневековым безумием, напоминающим экстатические танцы дервишей. Ей приходили в голову жонглеры, фокусники, маскарад и свиные пузыри на посохах; она твердила, что раньше таким образом вызывали дьяволов и упырей. Помню, как я смеялся над ней тогда; а в то утро, одиноко стоя в саду, поймал себя на мысли, что мои глаза невольно движутся вдоль невидимой дуги, которую когда-то описывали качели вместе с сидящей на них Джейн. Теперь качели висели неподвижно, покрытые росой, и их не могли привести в движение ни утренний бриз, ни мои воспоминания.

Я сунул руки в карманы куртки. Похоже, шел очередной светлый свежий атлантический день, дьявольски холодный, но тихий.

Я легко толкнул качели, цепи звякнули, но даже когда я толкнул их еще раз сильнее, я не мог извлечь из цепей такие же звуки, как те, которые слышал ночью. Мне пришлось бы сесть на качели, ухватиться покрепче и качаться изо всех сил, почти касаясь ногами нижних ветвей яблони, чтобы воспроизвести то выразительное «скрип-скрип».

Я медленно прошел через весь сад и посмотрел на круто спускающуюся вниз Аллею Квакеров, ведущую к деревне Грейнитхед. В рыбацкой деревне уже дымили две или три трубы. Дым улетал на запад, в направлении Салема, очертания которого были отчетливо видны на фоне неба с другой стороны залива.

Я вернулся домой, выискивая по пути примятую траву, следы ног, какое-то доказательство того, что ночью кто-то

побывал в моем саду. Но ничего не нашел. Я вошел в кухню, оставив двери открытыми, приготовил себе очередную чашку чая и съел три кокосовых пирожных. Я чувствовал себя без вины виноватым, поскольку это был весь мой завтрак. Джейн всегда готовила мне ветчину, яичницу или сметану. Я забрал чашку чая с собой наверх и пошел в ванную бриться.

Мы поставили у себя в ванной комнате огромную викторианскую ванну, которую спасли из заброшенного дома в Свомпскотте и украсили большими латунными кранами. Над ванной висело настоящее парикмахерское зеркало в овальной раме из инкрустированного дерева. Я посмотрел в зеркало и убедился, что выгляжу довольно неплохо для того, кто почти всю ночь не спал — не просто не спал, но и переживал муки страха. Потом я отвернул краны и наполнил ванну горячей водой.

Лишь когда я поднял голову, начиная вытираться, я увидел буквы, нацарапанные на зеркале. По крайней мере мне это показалось буквами, хотя с таким же успехом могли быть и просто стекающие капли влаги. Я присмотрелся к ним поближе, одновременно перепуганный и увлеченный. Я был уверен, что различаю «С», «П» и «А», но оставшихся так и не смог прочитать.

С, запотевшая поверхность, П, запотевшая поверхность, А. Что бы это могло значить?

СПАСИ МЕНЯ? СПАСЕНИЕ?

Неожиданно я заметил в зеркале какое-то движение. Что-то белое мелькнуло в дверях ванной комнаты за моей спиной. Я развернулся и немного слишком громко спросил:

— Кто там?

Потом на негнущихся ногах я вышел на лестничную площадку и окинул взглядом темные резные ступени, ведущие в холл. Там никого не было. Никаких шагов, никакого шепота, никаких таинственно закрывающихся дверей, ничего подобного. Только небольшая картина

Эдварда Хикса, изображающая моряка, который глазел на меня с тем телячьим выражением лица, которое было так характерно для всех портретов кисти Хикса.

Никого здесь не было. И все же, впервые с тех пор, как мне пришлось взглянуть в лицо одиночеству и страданию, впервые за целый месяц я тихо прошептал:

— Джейн?

Глава 2

Уолтер Бедфорд сидел за большим, обитым кожей столом. Его лицо наполовину загораживал зеленый абажур лампы.

— В следующем месяце я уезжаю вместе с женой, — говорил он. — Пара недель на Бермудах позволит ей прийти в себя и восстановить душевное равновесие, примириться со всем этим. Я должен был подумать об этом раньше, но, сам понимаешь, теперь, когда старый Виббер слег...

— Очень жаль, что она так переживает, — пробубнил я в ответ. — Если я могу хоть чем-то помочь...

Мистер Бедфорд покачал головой. Для него и его жены, Констанс, смерть Джейн стала величайшей трагедией их жизни. По-своему даже более тяжелой, чем смерть их второго ребенка, Филиппа, брата Джейн, умершего еще в детстве, в возрасте пяти лет, от паралича. Мистер Бедфорд сказал мне, что когда Джейн погибла, то он чувствовал себя так, будто Господь Бог его проклял. Его жена переживала еще больше и почему-то считала, что именно я накликал на них эту беду.

Хотя один из младших компаньонов юридической фирмы «Бедфорд и Виббер» предложил проследить за похоронами Джейн и исполнением ее последней воли, мистер Бедфорд с непонятным мазохизмом заупрямился, настаивая на том, что сам проследит за всем. Я понимал его. Джейн была так важна для всех нас, что тяжело было смириться с ее утратой. И еще тяжелее было осознать, что придет день, когда мы ни разу о ней не вспомним.

Ее похоронили на исходе морозного февральского дня на Кладбище Над Водой в Грейнитхед, в возрасте двадцати восьми лет, вместе с нашим неродившимся сыном, а надпись на ее надгробии гласила: «Укажи мне дорогу к прекрасной звезде».

Миссис Бедфорд не соизволила даже взглянуть на меня во время церемонии похорон. В ее глазах я был, наверняка, хуже убийцы. У меня не хватило храбрости убить Джейн самому, своими руками. Вместо этого, по ее мнению, я согласился на то, чтобы судьба сделала за меня грязную работу. Судьба была моим наемным убийцей.

Я познакомился с Джейн случайно, при довольно удивительных обстоятельствах — на охоте на лис около Гринвуда, в Северной Каролине, менее двух лет назад, хотя теперь мне казалось, что с тех пор прошло уже двадцать лет. Мое присутствие было обязательным, поскольку охота происходила на территории в тысячу двести акров владений одного из наиболее влиятельных клиентов моего работодателя. Джейн же появилась там потому, что ее пригласила подружка из Уэлсли-колледжа, обещая острые ощущения и «крещение кровью». Крови не было, лисы разбежались. Но позже, в элегантном колониальном доме, мы сидели с Джейн в тихой гостиной на втором этаже, утопая в необыкновенных итальянских креслах, пили шампанское — и влюбились друг в друга. Джейн обожала Китса. Цитата из Китса и была на ее надгробии.

*Смертельно бледных королей
И рыцарей увидел я.*

Вроде бы нас ничто друг с другом не связывало: ни среда, ни образование, ни общие знакомые. Я родился и вырос в Сент-Луисе, штат Миссури. Мой отец был сапожником, хозяином обувного магазина, и хотя он сделал все, чтобы дать мне лучшее образование — «Мой сын не будет всю жизнь заглядывать людям под подошвы», — все же я оставался неисправимым провинциалом. Когда мне гово-

рят о Чилликоте, Колумбии и Сиу-Фоллс, эти названия западают мне в сердце. Я изучал экономику в Вашингтонском университете и в возрасте двадцати четырех лет нашел должность в торговом отделе фирмы «Мидвестерн Кемикал Билдинг» в Фергюсоне.

В возрасте тридцати одного года я занимал пост младшего руководителя, носил серые костюмы и темные носки, и со мной всегда была свеженькая «Форчун» в кожаной папке с моими инициалами. Джейн же была из уважаемой, но не слишком богатой семье, осевшей в Салеме, штат Массачусетс, единственной дочерью и в то время уже единственным ребенком. Старательные воспитатели немного по-старосветски приучили ее к зажиточности, даже определенной утонченности. Вот такая местная Вивьен Ли. Джейн любила антикварную мебель, картины американских примитивистов и одеяла домашнего шитья, но у нее самой не было времени на шитье, и она очень мало что носила под платьем, а когда выходила в сад, то из принципа надевала французские туфельки на высоком каблучке и по щиколотки погружалась в грязь между грядками с капустой.

— Черт побери, должна же я быть хорошей хозяйкой, — повторяла она, когда хлеб у нее не хотел подниматься или конфитюры превращались в густую жижу. — Но у меня почему-то нет к этому никаких способностей.

На Новый год она пыталась приготовить «джека-попрыгуна» — традиционное южное блюдо из ветчины и фасоли, но вышло что-то напоминающее красные резиновые перчатки, смазанные пригорелым клеем. Когда она подняла крышку кастрюли, мы оба смеялись до слез, ведь в конце концов в каждой благополучной семье подобное так и должно кончаться. Однако потом, когда мы уже лежали в постели, она сказала:

— Есть такая примета, что если на Новый год не подашь «джека-попрыгуна», то потом весь год будут сплошные неудачи.

Она была не так безнадежна, как Хонни из кантри-песенки, которая разбила автомобиль и голосила над

тающим снегом, но вы, наверное, поймете, что песенка «Хонни» не относилась к числу моих любимых. Когда потеряешь близкого человека, то всегда бываешь склонен придавать чрезмерное значение сентиментальной чуши.

Все закончилось на мосту через реку Мистик под конец февраля, в слепящую снежную метель, когда Джейн возвращалась домой после визита к родителям в Дедхэм и затормозила перед кассой оплаты проезда по мосту. Молодая темноволосая женщина на шестом месяце беременности за рулем желтого «мустанга» каплевидной формы. В грузовике, который ехал за ней, подвели гидравлические тормоза. Грузовик весил семнадцать тонн и был гружен стальными трубами, предназначенными для ремонта канализационной сети в Глостере. Джейн вместе с ребенком надело на руль «мустанга».

Мне позвонили, а я весело прокричал: «Алло!». Тогда мне и сообщили, что Джейн мертва, и всему пришел конец.

Это ради Джейн меньше года назад я бросил место в «Мидвестерн Кемикал Билдинг» и переехал в Грейнитхед. Джейн желала покоя. Она тосковала по покою, деревенской жизни в старинном окружении. Она тосковала по детям и по Рождеству в кругу семьи, по тому спокойному счастью из песенок Бинга Кросби, о котором давно забыли современные обитатели больших городов Америки. Я протестовал, объясняя, что я — на пороге карьеры, что я нуждаюсь в признании, деньгах, сауне и дверях гаража, открывающихся на мой голос. А она сказала на это:

— Ты, наверно, шутишь, Джон. Зачем тебе обременять себя всем этим?

И поцеловала меня в лоб. Однако после переезда в Грейнитхед мне показалось, что у нас теперь больше вещей — часов, столиков, кресел-качалок — чем я мог бы себе представить в самых смелых мечтах, даже больше, чем считал необходимым. Более того, в глубине души я паниковал при мысли, что я не заработаю в этом году больше денег, чем в прошлом.

Когда я просил об отставке, на меня смотрели так, будто я заявил, что являюсь педерастом. Президент прочитал мое заявление, потом прочитал снова, затем осмотрел его со всех сторон, чтобы окончательно убедиться в его существовании. Потом сказал:

— Джон, я принимаю твою отставку, но позволю себе привести цитату из Горация: «Изменяются небеса, но не души, плывущие через океан».

— Да, мистер Кендрик, — бесцветно ответил я. Я поехал в снятый нами домик в Фергюсоне и выдул целую бутылку «Шивас Регал», прежде чем вернулась Джейн.

— Ты уволился, — заявила она, нагруженная покупками, которых мы уже не могли себе позволить.

— Я дома и я пьян — значит, я сделал это, — ответил я.

Через шесть недель мы уже переехали в Грейнитхед, в полчаса езды от родителей Джейн. А когда пришло лето, мы купили дом у Аллеи Квакеров, на северо-западном берегу полуострова Грейнитхед. Предыдущий хозяин был по горло сыт ветром, как сказал нам посредник из бюро по торговле недвижимостью: с него было довольно морозных зим и обилия моллюсков, и он переехал на юг, снял жилье в Форт-Лодердейле.

Еще две недели спустя, когда в доме все еще царил хаос, а мой банковский счет стал еще более жалким, мы сняли лавку в самом центре старой деревушки Грейнитхед. Большие окна фасада выходили на площадь, где в 1691 году повесили за ноги и сожгли единственную грейнитхедскую ведьму и где в 1775 году британские солдаты застрелили трех рыбаков из Массачусетса. Мы назвали нашу лавку «Морские сувениры» (хотя мать Джейн в качестве альтернативного названия предложила «Лом и рухлядь») и открыли ее с гордостью, истратив перед этим море темно-зеленой краски. Я не был до конца убежден, что мы заработаем на жизнь, продавая якоря, корабельные орудия и мачты, но Джейн рассмеялась и сказала, что все обожают морские сувениры, особенно люди, которые никогда не плавали, и что мы будем богаты.

Ну что ж, богачами мы не стали, но зарабатывали достаточно, чтобы хватало на суп из моллюсков и красное вино, а также на поленья для камина. Джейн ничего больше и не было нужно. Конечно, она хотела детей, но не прямо сейчас, вот так сразу, а тогда, когда они сами естественным образом появятся на свет.

За короткие месяцы нашей с Джейн жизни и работы в Грейнитхед я сделал несколько важных для себя открытий. Прежде всего я открыл, что любовь действительно существует, и твердо убедился в том, что до сих пор не понимал и не знал этого.

Я открыл, что могут означать верность и взаимное уважение. Научился я и терпимости. В то время отец Джейн относился ко мне как к какому-то безымянному мелкому клерку, которого он вынужден развлекать на торжественном приеме, и время от времени, хоть и с явной неохотой, угощал меня рюмочкой домашнего бренди еще 1926 года изготовления, а мать Джейн буквально содрогалась, когда я входил в комнату, и кривилась, едва я, забывшись, переходил на выразительный сент-луисский говор. Относилась же она ко мне с ледяной вежливостью, что было намного хуже, чем откровенная враждебность. Она прилагала всевозможные усилия, чтобы только со мной не разговаривать. Например, она спрашивала у Джейн: «Будет ли твой муж пить чай?», хотя я сидел тут же, рядом. Но Джейн с загоревшимися глазами отвечала:

— Не знаю. Сама спроси. Я же не ясновидящая.

Причина была проста: я не учился в Гарварде, я жил не в Хьюниспорте, даже не в Бек-Бей, к тому же я даже не относился ни к какому загородному клубу. Когда Джейн еще была жива, они имели ко мне претензии, что я испортил жизнь их ребенку, а когда она погибла, обвиняли меня, что я ее убил. Они не винили водителя грузовика, который должен был уступить дорогу, не винили механика, не проверившего тормоза. Они винили только меня.

Как будто, прости меня, Боже, я сам себя не винил.

— Я уладил все денежные вопросы, — сказал мистер Бедфорд. — Я заполнил форму номер 1040 и потребовал возмещения расходов на врачебную помощь в госпитале, хотя было очевидно, что это бессмысленно. С этих пор... гм... я буду передавать твои счета мистеру Роснеру, если ты ничего не имеешь против.

Я кивнул. Естественно, Бедфорды желали как можно скорее избавиться от меня, но, конечно же, так, чтобы это не выглядело излишней поспешностью или отсутствием хороших манер.

— И еще одна мелочь, — продолжал мистер Бедфорд. — Миссис Бедфорд желала бы оставить себе на память ожерелье из алмазов и жемчуга, которое принадлежало Джейн. Она считает, что с твоей стороны это был бы прекрасный жест.

Было очевидно, что эта просьба глубоко заботила мистера Бедфорда, ему явно было неловко, но ясно было и то, что он не осмелился бы появиться дома с пустыми руками. Он барабанил пальцами по краю стола и неожиданно повернул голову в сторону, как будто это не он упомянул об ожерелье, а кто-то иной...

— Учитывая при этом стоимость ожерелья... — небрежно бросил он.

— Джейн дала мне понять, что это семейная реликвия, — сказал я самым мягким тоном, на который только был способен.

— Ну... да... это правда. Оно принадлежало нашей семье сто пятьдесят лет. Его всегда передавали очередной миссис Бедфорд. Но поскольку у Джейн не было детей...

— ...и к тому же она была всего-навсего миссис Трентон... — добавил я, пытаясь за иронией скрыть горечь.

— Ну вот, — озабоченно буркнул мистер Бедфорд. Он шумно кашлянул. Вероятнее всего, он не знал, как себя вести.

— Ну хорошо, — сказал я. — Все для Бедфордов.

— Очень тебе обязан, — выдавил из себя мистер Бедфорд.

Я встал.

— Должен ли я еще что-нибудь подписать?

— Ничего. Ничего, благодарю, Джон. Все уже улажено. — Он тоже встал. — Помни, если мы будем в состоянии тебе чем-то помочь... достаточно будет позвонить нам.

Я кивнул. Наверно, я все же был неправ, питая такую антипатию к Бедфордам. Да, я потерял молодую жену и еще не родившегося ребенка, но они потеряли единственную дочь. Кого они могли винить в своем несчастье, если не Бога и не самих себя?

Мы обменялись с мистером Бедфордом крепким рукопожатием, будто генералы враждебных армий после подписания не слишком почетного мира. Я направился к двери, когда неожиданно услышал женский голос, говорящий совершенно естественным тоном:

— Джон?

Я резко обернулся. У меня волосы на голове от страха стали ежиком. Я вытаращил глаза на мистера Бедфорда. Мистер Бедфорд в свою очередь уставился на меня.

— Да? — бросил он. Потом наморщил лоб и спросил: — Что случилось? У тебя такой вид, будто ты увидел привидение.

Я поднял руку, напряженно прислушиваясь.

— Вы слышали что-нибудь? Какой-то голос? Кто-то произнес мое имя?

— Голос? — повторил мистер Бедфорд. — Чей голос?

Я заколебался, ведь сейчас я слышал только уличный шум за окном и стук пишущих машинок в соседних комнатах.

— Нет, — наконец выдавил я. — Видимо, мне что-то почудилось.

— Как ты себя чувствуешь? Может, тебе надо еще раз поговорить с доктором Розеном?

— Нет, зачем же. Это ничего не значит, все в порядке, спасибо. Со мной ничего не случилось.

— Это точно? Ты выглядишь не особенно хорошо. Едва ты вошел, я сразу подумал, что выглядишь ты неважно.

— Просто бессонная ночь, — объяснил я, оправдываясь.

Мистер Бедфорд положил мне руку на плечо — не так, будто хотел придать мне уверенности, а скорее так, будто сам должен был на что-то опереться.

— Миссис Бедфорд будет очень благодарна за ожерелье, — заявил он.

Глава 3

Перед ленчем я выбрался на одинокую прогулку по сале́мскому парку «Любимые девушки». Было холодно. Я поднял воротник плаща, а из моего рта вылетал пар. Голые деревья застыли в немом ужасе перед зимой, как ведьмы Сале́ма, а трава была серебряной от росы. Я дошел до эстрады, покрытой полукруглым куполом, и сел на каменные ступени. Неподалеку на лужайке играли двое детей; они бегали, кувыркались, оставляя на траве зеленый запутанный след. Двое детей, которые могли бы быть нашими: Натаниэль, мальчик, умерший в лоне матери, — как же еще иначе назвать неродившегося сына? — и Джессика, девочка, которая так и не была зачата.

Я все еще сидел на ступенях, когда подошла пожилая женщина в потертом подпоясанном плаще и бесформенной вельветовой шляпке. Она несла раздутую сумку и красный зонтик, который по непонятным причинам раскрыла и поставила у ступеней. Она села примерно в паре футов от меня, хотя места было предостаточно.

— Ну наконец, — проворковала она, раскрывая коричневый бумажный пакет и вынимая из него сэндвич с колбасой.

Украдкой я присматривался к пожилой даме. Она, наверно, не была так стара, как мне вначале показалось, ей было самое большее пятьдесят, может, быть пятьдесят пять. Но она была так бедно одета, а ее седые волосы — настолько неухоженны, что я принял ее за семидесятилетнюю бабуку. Она начала есть сэндвич так изысканно и с таким вкусом, что я не мог оторвать от нее глаз.

Мы так сидели почти двадцать минут на ступенях эстрады в Салеме в то холодное мартовское утро. Пожилая дама ела сэндвич, я наблюдал за ней краем глаза, а люди шли мимо нас, разбредаясь по расходящимся от эстрады веером тропинкам. Некоторые прогуливались, другие спешили куда-то по делам, но все мерзли, и всех сопровождали облачка пара, выходящего изо рта.

В 11:55 я решил, что пора идти. Но прежде чем уйти, я сунул руку в карман плаща, вытащил четыре монеты в четверть доллара и протянул их женщине.

— Пожалуйста, — сказал я. — Возьмите их, хорошо?

Она посмотрела на деньги, а затем подняла взгляд на меня.

— И вы не боитесь давать серебро ведьме? — улыбнулась она.

— А разве вы — ведьма? — спросил я не совсем серьезно.

— Разве я не похожа на ведьму?

— Сам не знаю, — с улыбкой ответил я. — Я еще никогда не встречал ведьм. По-моему, ведьмы должны летать на метле и носить на плече черного кота.

— О, обычные предрассудки, — ответила пожилая дама. — Ну что ж, принимаю ваши деньги, если вы не опасаетесь последствий.

— Каких последствий?

— Для человека в вашем положении всегда возможны последствия.

— В каком это положении?

Пожилая дама порылась в сумке, вытащила яблоко и вытерла его о полу плаща.

— Вы же одиноки, правда? — спросила она и откусила от яблока единственным зубом, как белочка из мультфильма Диснея. — Вы одиноки с недавнего времени, но все же одиноки.

— Возможно, — уклончиво ответил я. У меня появилось чувство, что этот разговор полон подтекста, словно мы встретились с ней в «Любимых девушках» с определенной целью, и что люди, проходящие мимо нас по

тропинкам, напоминают шахматные фигуры. Анонимные, но передвигающиеся по строго определенным маршрутам.

— Что ж, вам лучше знать, — заявила женщина. Она откусила очередной кусок яблока. — Но мне кажется, что это так, а я редко ошибаюсь. Некоторые утверждают, что у меня есть мистический дар. Однако эти утверждения не мешают мне, — особенно здесь, в Салеме. Салем — хорошее место для ведьм, лучшее во всей стране. Хотя, может, и не лучшее для одиноких людей.

— Что вы хотите сказать? — спросил я.

Она посмотрела на меня. Глаза у нее были голубые и удивительно прозрачные, а на лбу — блестящий, слегка покрасневший шрам в виде стрелы или перевернутого вверх тормашками креста.

— Я хотела сказать, что каждый должен когда-то умереть, — ответила она. — Но важно не то, когда человек умирает; важно лишь, где он умирает. Существуют определенные сферы влияний, и иногда люди умирают вне их, а иногда внутри.

— Извините, но я все еще не совсем вас понимаю.

— Предположим, вы умрете в Салеме, — она улыбнулась. — Салем — это сердце, голова, живот и внутренности. Салем — это ведьмин котел. Как вы думаете, почему именно здесь начались процессы над ведьмами? И почему они так неожиданно прекратились? Вы когда-нибудь видели, чтобы люди так быстро приходили в себя? А вот я — нет. Никогда. Появилось влияние, а потом исчезло, но бывают места, в которых, по-моему, оно не исчезало никогда. Как посмотреть.

— А от чего оно зависит? — Все это меня заинтересовало.

Она улыбнулась снова и подмигнула.

— От многих вещей. — Она подняла лицо к небу. На шее у нее было что-то вроде ожерелья из сплетенных волос, скрепленных кусочками серебра и бирюзы. — От погоды, от цен на гусиный жир. От многого.

Неожиданно я почувствовал себя типичным туристом. Я сидел здесь и позволял какой-то полусвихнувшейся бабе

кормить меня сказочками о ведьмах и о «сферах влияний» и вдобавок воспринимал это серьезно. Наверняка, через секунду мне предложат погадать за соответствующую плату. В Салеме, где местная Торговая Палата заботливо эксплуатирует процессы ведьм 1692 года как главную приманку для туристов («Делаем на заказ любые наговоры», — уверяют плакаты), даже нищие используют колдовство в качестве средства для рекламы.

— Извините, — сказал я. — Желаю вам приятного дня.

— Вы уходите?

— Ухожу. Было приятно с вами поговорить. Все это очень интересно.

— Интересно, но не очень правдоподобно, так?

— О, я вам верю, — уверил я ее. — Все зависит от погоды и от цен на гусиный жир. Кстати, а почему нынче гусиный жир?

Она словно не услышала мой вопрос и встала, отряхивая крошки с поношенного плаща жилистой старческой ладонью.

— Вы думаете, я попрошайка? — резко спросила она. — Думаете, дело в этом? Вы думаете, что я — нищая попрошайка?

— Совсем нет. Просто мне уже пора.

Какой-то прохожий задержался рядом с нами, как будто чувствуя, что дело идет к ссоре. Потом остановились еще двое — мужчина и женщина, ее кудрявые волосы, освещенные зимним солнцем, создавали вокруг головы удивительный светящийся ореол.

— Я скажу вам две вещи, — заявило ископаемое дрожащим голосом. — Я не должна вам этого говорить, но скажу. Вы сами решите, предупреждение ли это или просто обычный вздор. Никто не может вам помочь, поскольку на этом свете мы никогда не получаем помощи.

Я не ответил, а только недоверчиво поглядывал на нее, пытаюсь угадать, кто она: обычная сумасшедшая или необычная попрошайка.

— Во-первых, — продолжала она, — вы не одиноки, хотя вам так кажется, и никогда не будете одиноки,

никогда в жизни, хотя временами и будете молить Бога, чтобы он освободил вас от нежелательного общества. Во-вторых, держитесь подальше от места, где не летает ни одна птица.

Прохожие, видя, что ничего особенного не происходит, начали расходиться.

— Если хотите, можете меня проводить до площади Вашингтона, — продолжала старуха. — Вы идете в ту сторону, верно?

— Да, — признался я.

— Тогда пойдемте вместе.

Когда старуха подняла сумку и сложила свой красный зонтик, мы вместе направились по одной из тропинок в западном направлении. Вокруг парка шла фигурная железная ограда. Тени от штакетов падали на траву. Было все еще холодно, но в воздухе уже чувствовалось дыхание весны. Скоро придет лето, совсем другое, чем было в прошлом году.

— Жаль, что вы подумали, будто я мелю вздор, — заговорила старуха, когда мы вышли на улицу с западной стороны площади Вашингтона. На другой стороне площади стоял Музей ведьм, вобравший в себя память о факте убийства в 1692 году двадцати ведьм из Салема. Это была одна из самых жестоких охот на ведьм в истории человечества. Перед парадным входом в музей стоял памятник основателю Салема, Роджеру Конанту, в тяжелом пуританском плаще, с плечами, блестящими от сырости.

— А знаете, это очень старый город, — сказала старуха. — У старых городов есть свои тайны, своя собственная атмосфера. Вы не чувствовали этого раньше, там, в «Любимых девушках»? Вам не казалось, что жизнь в Салеме напоминает загадку, колдовской круг? Полный смысла, но ничего не объясняющий?

Я посмотрел на другую сторону площади. На тротуаре напротив, в толпе туристов и зевак, я заметил красивую темноволосую девушку в короткой дубленке и обтягивающих джинсах, прижимавшую к упругой груди стопку учебников. Через секунду она исчезла. Я почувствовал

удивительную боль в сердце, ведь девушка была так похожа на Джейн. Но, наверно, таких хорошеньких девушек много. Все-таки я решительно страдал синдромом Розена.

— Здесь я должна свернуть, — сказала старуха. — С вами необычайно приятно беседовать. Люди редко слушают, что им говорят, так, как все-таки слушали вы.

Я искренне улыбнулся и протянул ей на прощание руку.

— Наверно, вы хотите знать, как меня зовут, — добавила она. Я не был уверен, вопрос ли это, но кивнул, что могло означать как согласие, так и отсутствие интереса.

— Мерси Льюис, — объявила она. — Не забудьте, Мерси Льюис.

— Ну что ж, Мерси, будьте осторожны.

— Вы тоже, — сказала она, а потом ушла удивительно быстрым шагом. Вскоре я потерял ее из вида.

По какой-то причине мне вспомнился отрывок из «Оды Меланхолии», который часто цитировала Джейн:

*С Красотой — но тленною — она живет;
С Веселостью — прижавшей на прощанье
Персты к устам; и с Радостью, чей мед
Едва пригубишь — и найдешь страданье...*

Я опять поднял воротник плаща, засунул руки глубоко в карманы и направился перекусить.

Глава 4

Я в одиночестве съел сандвич с говядиной и луком в баре Реда, находящемся в старом здании «Лондо Кофе Хаус» на Сентрал-стрит. Рядом со мной негр в новехоньком плаще барберри непрерывно насвистывал сквозь зубы популярную мелодию. Молодая темноволосая секретарша не мигая наблюдала за моим отражением в зеркале. У нее было удивительно бледное лицо, как на картинах прерафаэлитов. Я чувствовал себя измученным и очень одиноким.

Около двух часов дня я припелся под хмурым небом на площадь Холкок, в Зал аукционов Эндикотта, где происходила приуроченная к концу квартала распродажа старых маринистских гравюр и картин. В каталоге было упомянуто три важных лота, и среди прочих — масляная картина Шоу, представлявшая корабль «Иоанн» из Дерби, но я сомневался, смогу ли позволить себе купить ее. Я искал товары для лавки сувениров: офорты, гравюры и карты. Я мог бы себе позволить купить одну или две акварели, оправить их в позолоченные или ореховые рамы и продать с прибылью в девятьсот процентов. Была и одна картина неизвестного художника под названием «Вид западного побережья Грейнитхед, конец XVII века», которая достаточно заинтересовала меня хотя бы потому, что на ней был изображен полуостров, где я жил.

Аукционный зал был огромным, холодным, в викторианском стиле. Косые лучи зимнего солнца падали в него через ряд высоких, как в соборе, окон. Большая часть

покупателей сидела в плащах, а перед началом аукциона раздавалось «концертное» покашливание, хлюпанье носом и шарканье подошв по паркету. Явилось около дюжины покупателей, что было явно необычным для аукционов у Эндикотта. Я даже не заметил никого из музея Пибоди. Сам аукцион также был вялым; Шоу с трудом ушел за 18 500 долларов, а редкая гравюра в резной костяной раме — за 750 долларов. Я надеялся, что это не знаменовало упадок в торговле связанными с морем редкостями. Ко всему прочему, мне только не хватало к концу года обанкротиться.

Когда, наконец, аукционист выставил на продажу вид Грейнитхед, в зале осталось от силы пять или шесть покупателей — не считая меня и одного полоумного старикана, который являлся на каждый аукцион к Эндикотту и повышал цену на любой лот, хотя все знали, что у него нет даже пары целых носков и живет он в картонной коробке неподалеку от пристани.

— Стартовая цена — пятьдесят долларов. Есть желающие? — возвестил аукционист, заткнув большие пальцы рук за проймы элегантного серого жилета, украшенного цепочкой от часов.

Я по-кроличьи задвигал носом в знак подтверждения.

— Кто больше? Смелее, джентльмены, эта картина является частью истории. Побережье Грейнитхед в 1690 году. Настоящий раритет.

Желающих не было. Аукционист демонстративно вздохнул, ударил молоточком и заявил:

— Продано мистеру Трентону за 50 долларов. Следующий лот, пожалуйста.

Меня на аукционе ничего больше не интересовало, поэтому я вылез из кресла и пошел в упаковочную. Сегодня там царствовала миссис Донахью, крупная ирландка в полукруглых очках, с морковно-рыжими волосами и великолепнейшим задом, самым большим, который я когда-либо видел в жизни, и один вид которого вызывал вполне определенные ощущения в штанах. Она взяла у меня картину, потянулась за оберточной бумагой и верев-

кой, после чего взревела басом, обращаясь к своему помощнику:

— Дэмьен, ножницы!

— Как здоровье, миссис Донахью? — с дрожью возбуждения в голосе выдавил я.

— Еле жива, — ответила она. — Ноги болят и давление не в порядке. Но мне очень жаль вашу жену, мистер Трентон. Я даже расплакалась, как услышала об этом. Такая красивая девушка, Джейн Бедфорд. Я знала ее еще когда она под стол пешком ходила.

— Благодарю вас, — кивнул я.

— Значит, это и есть вид Салемского залива? — спросила она, поднимая картину.

— Грейнитхед, точно к северу от Аллеи Квакеров. Видите этот холм? Теперь там стоит мой дом.

— Ага. А что это за корабль?

— Корабль?

— Здесь, у другого берега. Пожалуй, это все же корабль, не правда ли?

Я поглядел на картину. Я не заметил этого раньше, но миссис Донахью была права. С другой стороны залива был корабль под всеми парусами, нарисованный в таких темных красках, что я принял его за кучу кустов на берегу.

— Не хочу вмешиваться в ваши дела, — сказала миссис Донахью, — но я знаю, что вы торгуете этими древностями с недавнего времени, а теперь потеряли любимую жену... На вашем месте я бы послушала доброго совета и постаралась проверить, что это за корабль.

— Вы думаете, стоит? — заикнулся я. Меня не обидело, что она давала мне совет. Хороший совет всегда пригодится, даже если исходит от упаковывающей картины Медузы Горгоны, хоть и с великолепным задом.

— Ну, никогда нельзя знать заранее, — заявила она. — Когда-то мистер Брейснот купил здесь картину, на которой были французские корабли, vyplывающие из залива Салем, а когда он проверил названия этих кораблей, то обнаружилось, что он владеет единственным изображением «Великого турка», сохранившимся до наших дней. Он

продал эту картину музею Пибоди за пятьдесят пять тысяч долларов.

Я еще раз посмотрел на удивительный темный корабль, нарисованный на заднем плане картины, которую я только что приобрел. Он не казался мне заслуживающим особого внимания. Анонимный художник не поместил на носу никакого названия. Вероятнее всего, это был просто плод воображения, поспешно дорисованный для общей композиции картины. Но я решил, что попробую его идентифицировать, особенно если так мне советует миссис Донахью. Ведь именно она сказала мне в свое время, чтобы я поискал фирменный знак в виде головы грифона на фонарях из Род Айленда.

— Если заработаю на этом миллион, выделю вам пять процентов, — пошутил я, глядя, как она уверенно запаковывает картину.

— Пятьдесят процентов или ничего, жадина, — рассмеялась она.

Я вышел из аукционного зала с картиной под мышкой. Остальные покупки — гравюры, акварели и небольшая коллекция гравировки по стали — должны были быть доставлены в лавку в течение недели. Я только жалел, что не мог себе позволить приобрести картину Шоу.

Когда я спускался по ступеням парадного входа, солнце уже скрылось за крышами изысканных старых вилл на Чеснат-стрит. Налетел холодный ветер. Удивительно, но меня вновь миновала та же секретарша, которую я видел в баре. На ней был длинный черный плащ и серый шарф. Она оглянулась и без улыбки посмотрела на меня.

На тротуаре я заметил Иена Херберта, хозяина одного из самых элегантных антикварных магазинов в Салеме, разговаривающего с кем-то из служащих Эндикотта. В магазине Иена Херберта везде были мягкие ковры, искусно расположенные лампы и приглушенный шум голосов. Херберт даже не называл его магазином, только салоном. Несмотря на это, он не был снобом, поэтому, увидев меня, небрежно махнул рукой.

— Джон, — сказал он, хлопая меня по плечу. — Наверняка ты знаешь Дэна Воукса, руководителя отдела продажи у Эндикотта.

— Добрый день, — заговорил Дэн Воукс. — Кажется, я немного на вас заработал, — он показал на пакет, который я держал под мышкой.

— Ничего особенного, — ответил я. — Так, старая картина с видом побережья, где я живу. Я купил ее ровно за пятьдесят долларов.

— Ну, раз вы удовлетворены... — улыбнулся Дэн Воукс.

— Вот именно, — вмешался Иен, — может, тебя интересует, что в музее Ньюберкпорта продается часть старой маринистской коллекции. Интересные экспонаты, некоторые даже магического характера. Например, знаешь ли ты, что раньше все корабли из Салема возили на палубе небольшие латунные клеточки, куда ставили миски с овсянкой? Это были ловушки для демонов и дьяволов.

— Мне и сейчас в отделе расчетов пригодилось бы что-то такого рода, — заметил Дэн Воукс.

— Мне пора возвращаться в Грейнитхед, — заявил я, уже собираясь уходить, и тут вдруг кто-то схватил меня сзади за плечо и дернул так резко, что я покачнулся и чуть было не потерял равновесие. Я очутился лицом к лицу с задыхающимся и взволнованным бородатым растрепанном молодым человеком в сером твидовом пиджаке.

— В чем дело, ко всем чертям? — взревел я.

— Извините, — сказал он, задыхаясь. — Я на самом деле очень извиняюсь. Я не хотел вас перепугать. Вы Джон Трентон? Джон Трентон из Грейнитхеда?

— Да, это я. А кто вы, черт возьми?

— Прошу прощения, — повторил молодой человек. — Я на самом деле не хотел вас пугать. Но я боялся, что вы от меня уйдете.

— Послушай, парень, мотай отсюда, — вмешался Дэн Воукс, подходя ближе. — Тебе везет, что я еще не вызвал фараонов.

— Мистер Трентон, я должен поговорить с вами с глазу на глаз, — заявил молодой человек. — Это очень важно.

— Так мотаешь или вызвать фараонов? — бросил Дэн Воукс. — Этот джентльмен мой хороший знакомый, и я предупреждаю: оставь его в покое.

— Ладно, мистер Воукс, — сказал я. — Я поговорю с ним. Если он будет хамить — я закричу.

Иен Херберт рассмеялся.

— До свидания, Джон. Заходи как-нибудь в магазин.

— Вы хотели сказать, в салон, — пошутил я.

Молодой человек в твидовом пиджаке нетерпеливо ждал, пока я попрощаюсь со всеми. Потом я поправил картину под мышкой и направился в сторону стоянки на Рили-плаза. Молодой человек шел рядом, время от времени переходя на бег, чтобы не отставать.

— Это очень затруднительное положение, — заявил он.

— Почему затруднительное? — удивился я. — Я что-то не заметил.

— Мне следует сначала представиться, — сказал молодой человек. — Меня зовут Эдвард Уордвелл. Я работаю в музее Пибоди, в отделе архивов.

— Ну что ж, приятно познакомиться.

Эдвард Уордвелл нетерпеливо дернул себя за бороду. Он относился к тем молодым американцам, которые напоминают чучела и одеты в стиле шестидесятых годов прошлого века: пионеры или проповедники. На нем были поношенные джинсы, а его волосы, наверняка, месяц не видели расчески. Похожих на него молодых людей можно встретить почти на каждой фотографии времен начала расселения в таких местах как, Мэнси, Блэк Ривер Фоллс или Джанкшн-сити.

Неожиданно он снова схватил меня за руку так, что мы остановились, и склонился так близко, что я почувствовал запах анисовых конфет в его дыхании.

— Сложность в том, мистер Трентон, что мне строго приказали приобрести для архива картину, которую как раз купили вы.

— Вот эту? Речь идет о виде побережья Грейнитхед?

Он поддакнул.

— Я опоздал. Я хотел прийти на аукцион около трех. Мне сказали, что картину не выставят на продажу до трех часов. Поэтому я подумал, что у меня еще много времени. Но я как-то забылся. Моя знакомая недавно открыла салон моды на площади Ист-Индия, я пошел ей помочь, ну, так все и вышло. Я опоздал.

Я пошел дальше.

— Значит, вам приказали купить эту картину для архивов музея Пибоди?

— Вот именно. Это исключительно интересная картина.

— Ну тогда я очень рад, — заявил я. — Я купил ее только потому, что на ней изображен мой дом. Всего за пятьдесят долларов.

— Вы купили ее за пятьдесят долларов?

— Вы же слышали.

— Знаете ли вы, что она стоит много больше? Пятьдесят долларов — это просто настоящая кража.

— В таком случае, я тем более рад. Я коммерсант, как вам известно. Я занимаюсь торговлей, чтобы заработать на жизнь. Если я могу купить что-то за пятьдесят долларов, а потом продать это долларов за двести, то это и есть мой хлеб.

— Мистер Трентон, — сказал Эдвард Уордвелл, когда мы сворачивали с площади Холок на улицу Гедни. — Эта картина имеет исключительную ценность. Она на самом деле необычна.

— Великолепно.

— Мистер Трентон, я дам вам за эту картину двести пятьдесят долларов. Сразу, из рук в руки, наличными.

Я остановился и уставился на него.

— Двести пятьдесят долларов наличными? За эту картину?

— Ну округлим сумму до трехсот долларов.

— Почему эта картина так чертовски важна? — спросил я. — Ведь это всего лишь весьма посредственная

акварель с видом побережья Грейнитхед? Ведь неизвестно даже, кто ее нарисовал.

Эдвард Уордвелл упер руки в бока, глубоко вздохнул и надул щеки, будто разъяренный отец, пытающийся что-то объяснить инфантильному тупому сыну.

— Мистер Трентон, — заявил он. — Ценность этой картины в том, что она представляет вид Салемского залива, который в те времена не воплотил ни один художник. Она восполнит пробелы в топографии этих мест, поможет нам установить, где стояли определенные здания, где росли деревья, как точно проходили дороги. Знаю, что произведением искусства эту картину не назовешь, но я успел заметить, что она необычайно точно передает подробности пейзажа. А именно это — самое важное для музея.

Я на минуту задумался, а потом сказал:

— Я не продам ее. Пока. Пока не узнаю, в чем здесь дело.

Я перешел на другую сторону улицы Гедни. Эдвард Уордвелл попробовал меня догнать, но проезжавшее такси гневно просигналило ему.

— Мистер Трентон! — закричал он, отскакивая перед капотом автобуса. — Подождите меня! Вы, наверно, не поняли!

— Возможно, не захотел понять, — буркнул я в ответ.

Эдвард Уордвелл, задыхаясь, догнал меня и шел рядом, время от времени поглядывая на пакет с картиной с такой миной, будто хотел его у меня вырвать.

— Мистер Трентон, если я вернусь в музей Пибоди с пустыми руками, меня выгонят с работы.

— Пусть выгоняют. От души сочувствую, но не надо было опаздывать на аукцион. Если бы вы пришли вовремя, то получили бы эту картину. Теперь же картина моя, и пока я не имею желания продавать ее. Особенно, извините, на улице и в такую погоду, как сейчас.

Эдвард Уордвелл провел пальцами по всклокоченным волосам, отчего его прическа еще больше стала напоминать индейский головной убор из торчащих во все стороны перьев.

— Извините, — сказал он. — Я не хотел быть назойливым. Просто эта картина очень важна для музея. Понимаете, очень важна по архивным соображениям.

Мне стало почти жаль его. Но Джейн постоянно вколачивала мне в голову, что в торговле антиквариатом существует единственный принцип, который нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах. Никогда не продавай ничего из жалости, иначе сам будешь нуждаться в жалости.

— Послушайте, — заявил я. — Музей Пибоди мог бы время от времени одалживать эту картину. Я мог бы договориться об этом с директором.

— Ну не знаю, — буркнул Эдвард Уордвелл. — Мы хотели иметь картину для себя. Можно хотя бы посмотреть на нее?

— Что?

— Можно хотя бы посмотреть на нее?

Я пожал плечами.

— Если хотите. Идемте в мою машину. Тут недалеко, на Рили-плаза.

Мы прошли через улицу Маргин и прошли через стоянку к моему восьмилетнему песочному «торнадо». Мы сели, и я включил верхнее освещение, чтобы лучше видеть. Эдвард Уордвелл закрыл дверцу и устроился поудобнее, как будто его ожидало путешествие миль в двести. Я почти не сомневался, что сейчас он наденет ремень безопасности. Когда я развернул бумагу, он снова склонился ко мне, и я опять почувствовал анисовый аптечный запах. Видимо, его ладони вспотели от волнения, поскольку он вытер их о джинсы.

Наконец я закончил разворачивать бумагу и прислонил картину к рулю. Эдвард Уордвелл придвинулся так близко, что у меня даже заболела рука. Я мог заглянуть ему прямо внутрь волосатой спиральности левого уха.

— Ну и? — наконец спросил я. — Что скажете?

— Восхитительно, — ответил он. — Видите пристань Ваймана — здесь, со стороны Грейнитхед? Видите, как она мала? Обычная, на скорую руку скрепленная конст-

рукция из балок. Не то, что пристань Дерби со стороны Салема. Там были склады, конторы и порт для кораблей Вест-Индийской компании.

— Вижу, — ответил я равнодушно, стараясь сбить его с толку. Но он придвинулся еще ближе и всматривался в каждую малейшую подробность.

— А это Аллея Квакеров, она уже тогда шла от деревушки, а вот здесь Кладбище Над Водой, хотя тогда оно называлось Блуждающее кладбище, только неизвестно почему. Вы знаете, что Грейнитхед до 1703 года назывался Восстание Из Мертвых? Наверно, потому, что поселенцы из Старого Света начинали здесь новую жизнь.

— Я слышал об этом от пары человек, — озабоченно сказал я. — А теперь, если позволите...

Эдвард Уордвелл выпрямился.

— Вы точно не примете трехсот долларов? Это все, что мне выдали в музее на закупку. Три сотни наличными в руки, и никаких вопросов. Лучшей цены вам не дадут.

— Вы так считаете? Я думаю, что все же дадут.

— Кто еще даст вам столько? Кто заплатит хотя бы триста долларов за картину неизвестного происхождения, представляющую грейнитхедский берег?

— Никто. Но если музей Пибоди решил дать за это триста долларов, то при необходимости он может и повысить цену и дать четыреста долларов, а то и пятьсот. Сами видите.

— Вижу? Что я вижу?

— Не знаю, — честно ответил я, вновь заворачивая картину в бумагу. — Может, плохую погоду, может, интерес к цене на гусиный жир.

Эдвард Уордвелл навернул себе на палец колечко волос из бороды.

— Угу, — буркнул он. — Понимаю. Вижу, куда вы клоните. Что ж, все в порядке. Скажем так, что все в порядке. И злиться нечего. Но вот что я вам скажу. Я позвоню вам завтра или послезавтра, хорошо? Вы согласны? И мы поговорим еще раз. Знаете, об этих трех сотнях. Подумайте. Может, вы измените мнение.

Я положил картину на заднее сиденье, а потом протянул руку Эдварду Уордвеллу.

— Мистер Уордвелл, — сказал я. — Я могу вам обещать одно. Я никому не продам картину, пока не проведу исследования, и точного. А когда я решу ее продать, то музеем будет предоставлена возможность превысить любую сумму, которую мне предложат. Достаточно ли честно поставлен вопрос?

— Вы не забудете об этом условии?

— Конечно, нет. Почему вы решили, что будет иначе?

Эдвард Уордвелл пожал плечами, вздохнул и покачал головой.

— Без причины. Просто я не хотел, чтобы картина пропала или была уничтожена. Вы знаете, откуда она взялась? Кто ее продал?

— Не имею понятия.

— Ну так вот, я предполагаю, хотя и не вполне уверен, что эта картина — из коллекции Эвелита. Вы слышали об Эвелитах? Очень старая семья, сейчас часть ее живет неподалеку от Тьюсбери, округ Дрейкат. Но, начиная с XVI века, какие-то Эвелиты всегда жили в Салеме. Очень таинственная семья, отрезанная от мира, совсем как в книжках Лавкрафта. Вы слышали о Лавкрафте? Я слышал, что у старого Эвелита есть библиотека старинных книг о Салеме, по сравнению с которой все приобретения музея ничтожны. У него есть также различные гравюры и картины. Эта картина, наверняка, принадлежала ему. Время от времени он выставляет их на продажу, не знаю почему, но всегда анонимно и всегда трудно подтвердить их подлинность, но он и не пытается это делать и даже не хочет признавать, что они происходят из его коллекции.

Я снова посмотрел на картину.

— Интересно, — признался я. — Приятно знать, что в Америке еще осталось несколько настоящих оригиналов.

Эдвард Уордвелл на минуту задумался, прижав руки ко рту. Потом опять спросил:

— Вы на самом деле не передумаете?

— Нет, — ответил я. — Я не продам эту картину, пока не узнаю о ней побольше. Например, почему музей Пибоди так срочно и настойчиво нуждается в ней.

— Но я ведь вам уже сказал. Уникальная топографическая ценность. Это единственная причина.

— Я почти верю вам. Но вы позволите мне самому это проверить? Может, мне стоит поговорить с вашим директором?

Эдвард Уордвелл долго смотрел на меня, стиснув зубы, а потом сказал с отчаянием в голосе:

— Хорошо. Я не могу вам этого запретить. Буду только надеяться, что не потеряю работу из-за того, что опоздал на аукцион.

Он открыл дверцу и вышел из машины.

— Рад был познакомиться, — заявил он и застыл, как будто в глубине души ожидал, что я сдамся и уступлю ему картину. Потом он неожиданно добавил:

— Я достаточно хорошо знал вашу жену, прежде чем... ну, знаете, перед этим случаем.

— Вы знали Джейн?

— Конечно, — подтвердил он и, прежде чем я успел расспросить его поподробнее, ушел в сторону Маргин, ежась от холода.

Я довольно долго сидел в машине и думал, что мне, к дьяволу, делать. Я еще раз развернул картину и еще раз присмотрелся к ней. Может, Эдвард Уордвелл говорил правду и это был единственный сохранившийся с того времени вид на Салемский залив с северо-востока. Однако я был уверен, что уже где-то видел похожий ландшафт — на гравюре или на ксилографии. Ведь трудно поверить, что один из наиболее часто рисуемых и изображаемых заливов на побережье Массачусетса был только один-единственный раз изображен в такой перспективе.

Это был удивительный день. У меня не было никакого желания возвращаться домой. Какой-то человек, лицо которого скрывалось в тени широкой тульи, наблюдал за мной с другой стороны улицы. Я завел двигатель и включил в автомобиле радио.

Глава 5

Когда я съехал с Лафайет-роуд и повернул на север, в сторону Аллеи Квакеров, на северо-востоке над горизонтом уже собирались грозовые тучи, похожие на стадо темных мохнатых зверюг. Прежде чем я доехал домой, тучи уже закрыли небо. Первые капли дождя застучали по капоту автомобиля.

Я пробежал по садовой дорожке, натянув плащ на голову, и выгреб из кармана ключи. Дождь шептал и шелестел в сухих стволах, ограждавших дворик. Первые, еще не слишком сильные порывы ветра начинали трепать кусты лавра у дороги.

Я как раз вставил ключ в замок, когда услышал женский шепот:

— Джон?

Парализованный ледяным страхом, я с трудом заставил себя повернуться. Сад был пуст. Я увидел только кусты, заросшую лужайку и нарушаемую каплями дождя поверхность садового пруда.

— Джейн? — громко спросил я.

Однако никто не ответил, и здравый смысл подсказал мне, что это не могла быть Джейн.

Однако дом выглядел как-то иначе. Мне казалось, что я чувствую чье-то присутствие. Я повернулся к саду и, моргая под лупящими меня каплями дождя, пытался понять, в чем заключается разница.

Я влюбился в этот дом с первого взгляда. Меня восхитил его готический силуэт постройки 1860 года, слегка неухоженный вид, окна с ромбическими стеклами, оправ-

ленными в свинец, каменные парапеты, вьюнок, оплетающий двор. Дом построили на фундаменте более старого дома, и на старом каменном камине, который теперь располагался в библиотеке, стояла дата «1666». Но сегодня, слушая, как дождь лупит по позеленевшей черепице и оконная рама беспокойно поскрипывает на ветру, я начал жалеть, что не выбрал себе более уютного жилища, лишённого мрачной атмосферы воспоминаний и кающихся призраков.

— Джон? — раздался шепот, но, может быть, это был только ветер. Черные тяжелые тучи висели теперь прямо над домом. Дождь усилился, желоба и водостоки издавали звуки, похожие на смех стада демонов. Меня охватило леденящее кровь предчувствие, что мой дом посещает некий дух, который не имеет права появляться на земле.

Стоя на садовой тропе, я развернулся, а потом обошел вокруг дома. Дождь вымочил мне волосы и хлестал по лицу, но прежде чем войти, я должен был удостовериться, что мой дом пуст, что в него не забрались хулиганы или взломщики. Я так себе это объяснял. Я продрался через поросший бурьяном сад к окну гостиной и заглянул внутрь, прикрывая глаза ладонью, чтобы лучше видеть.

Комната казалась пустой. Холодный серый пепел устилал кострище камина. Моя чашка стояла на полу, там, где я ее оставил. Я вернулся к парадному входу и прислушался. Капли дождя падали за ворот моего плаща. Сквозь тучи пробился луч света, и поверхность садового пруда на мгновение заблестела, будто усыпанная серебряными монетами.

Я все еще стоял под дождем, когда, разбрызгивая грязь, по аллее проехал на «шевроле» один из моих соседей. Это был Джордж Маркхем, живший на Аллее Квакеров в доме номер семь со своей женой-калекой Джоан и множеством истерически лающих карликовых собачек. Он опустил стекло и выглянул из машины. На его шляпе был пластиковый чехол от дождя, а на очках поблескивали капельки воды.

— Что случилось, сосед? — закричал он. — Принимаешь душ в одежде?

— Ничего страшного, — уверил я его. — Мне показалось, что какой-то из желобов протекает.

— Осторожнее, а не то простудишься до смерти.

Он уже начал поднимать стекло, но я подошел к нему, с трудом пробираясь по грязи.

— Джордж, — спросил я. — Не слышал ли ты, чтобы кто-то шлялся здесь ночью? Около двух или трех часов утра?

Джордж задумчиво выпятил губы, а потом покачал головой.

— Я слышал ветер ночью, это точно. Но ничего больше. Никто не ходил по дороге. А почему тебя это так интересует?

— Сам толком не знаю.

Джордж задумчиво посмотрел на меня, а потом сказал:

— Лучше возвращайся домой и переоденься в сухое. Не обращай так мерзко со своим здоровьем только потому, что Джейн уже нет. Может, попозже заскочишь к нам поиграть в карты? Старый Кейт Рид, наверняка, появится, если приведет в порядок свой ржавый тарантас.

— Может быть, приду, Джордж, большое спасибо.

Джордж уехал, и я снова остался один под дождем. Я прошел по аллее и вернулся под дверь. Ну, подумал я, не буду же я стоять тут целую ночь. Я повернул ключ в замке и толкнул дверь, которая как всегда протестующе протяжно закрипела. Меня приветствовала темнота и знакомый запах дыма и старого дерева.

— Есть ли здесь кто-то? — закричал я. Глупейший вопрос на этом свете. Здесь никого не было, кроме меня. Джейн погибла уже больше месяца назад, и хотя я не хотел об этом думать, но вынужден был постоянно помнить про это, все время вспоминать ее последние секунды жизни, как в автомобильных катастрофах, которые часто показывают по телевизору, где безвольные манекены вылетают через переднее стекло. Только здесь были не манекены, а Джейн и наш еще не родившийся ребенок.

Я вошел в дом. Не подлежало сомнению, что атмосфера изменилась; казалось, за время моего отсутствия кто-то

немного переставил мебель. Сначала я подумал: черт, я был прав, сюда кто-то вломился. Но часы, стоявшие в холле, по-прежнему тикали с тошнотворным однообразием, а картина XVIII века, изображающая охоту на лис, висела на своем обычном месте. Джейн подарила мне эту картину на Рождество: сентиментальная шуточка, напоминание об обстоятельствах, при которых мы встретились. Помню, в тот день я хотел поиграть ей на охотничьем роге, исключительно из петушиного хвастовства, но смог лишь затрубить громко, бессмысленно и страшно незлегантно, как если бы пернул гиппопотам. До сих пор я еще слышу ее веселый смех.

Я запер за собой дверь и пошел наверх, в спальню, чтобы переодеться в сухую одежду. Меня постоянно преследовало неприятное ощущение, что кто-то был здесь, касался моих вещей, брал их в руки и снова клал на место. Я был уверен, что положил расческу на стол, а не на ночной столик. А мой будильник остановился.

Я натянул синий свитер с высоким воротником и джинсы, а потом спустился вниз и налил себе остатки «Шивас Регал». У меня было намерение купить в Салеме бутылку чего-нибудь покрепче, но из-за Эдварда Уордвелла и этой истории с картиной совсем забыл зайти в магазин. Я залпом проглотил виски и пожалел, что больше нет. Может, позже, когда будут исправлены прохудившиеся небеса, я пройду до Грейнитхед и куплю пару бутылок вина и несколько порций готового обеда, например, лазаньи. Я уже смотреть не мог на эскалопы Солсбери, даже под угрозой пыток. Эскалопы Солсбери — без сомнения, самая отвратительная и невкусная еда во всей Америке.

И именно в этот момент я снова услышал шепот, как будто где-то в доме двое шушукались обо мне вполголоса. С минуту я сидел неподвижно и вслушивался, но чем больше я напрягал слух, тем отчетливее слышал лишь шум ветра или звон воды в желобах водостока. Наконец я встал, вышел в холл с пустым стаканом в руке и закричал:

— Эй!

Никакого ответа. Лишь непрерывный стук ставней за окнами. Только вой ветра и отдаленный шум моря. «Извечный шепот все звенит на мрачных берегах морей». Снова Китс. Я чуть не выругал Джейн за этого ее Китса.

Я вошел в библиотеку. В ней было холодно и сыро. Под большой латунной лампой, которая когда-то висела в каюте капитана Генри Принса на корабле «Астроля II», находился столик, заваленный письмами, счетами и каталогами аукциона прошлого месяца. На подоконнике стояло пять или шесть фотографий в рамках. Джейн в день получения диплома. Джейн и я в саду перед домом. Джейн с родителями. Джейн и я перед гостиницей в Нью-Хемпшире. Джейн, щурящая глаза на зимнем солнце. По очереди я брал их в руки и с грустью рассматривал.

Однако было в них что-то удивительное. Каждая выглядела немного иначе, чем я помнил. Я был уверен, что в тот день, когда я сфотографировал Джейн в саду, она стояла на тропинке, а не на лужайке — она недавно купила себе новые замшевые туфельки цвета вина и не хотела их испортить. Кроме того, я заметил кое-что еще. В темном, оправленном в свинец стекле окна, примерно в пяти или шести футах за спиной Джейн, я заметил удивительное светлое пятно. Это могла быть лампа или обычное отражение света, однако это пятно тревожно напоминало бледное женское лицо с ввалившимися глазами, которое мелькнуло в окне так быстро, что аппарат не успел его отчетливо зафиксировать.

Я знал, что в тот день здесь не было никого, кроме меня и Джейн. Я очень внимательно обследовал фотографию, но так и не смог установить, чем являлось это пятно.

Я еще раз просмотрел все фотографии.

Трудно определить, почему, но у меня было впечатление, что на всех снимках люди и предметы были смещены. Незначительно, но заметно. Например, я когда-то сфотографировал Джейн около памятника Джонатану Поупу, основателю пристани Грейнитхед и «отцу торговли чаем». Я был уверен, что, когда в последний раз смотрел на эту фотографию, Джейн стояла справа от памятника, а теперь

она находилась слева от него. Фотография явно не была перевернута при печати, поскольку надпись «Джонатан Поуп» шла на снимке как положено, слева направо. Я повнимательнее присмотрелся к фотографии, потом отвел ее подальше от глаз, но так и не заметил никаких подозрительных следов. Кроме изменившегося положения Джейн, я открыл еще один тревожный факт: казалось, кто-то пробежал перед аппаратом и отвернулся в ту секунду, когда щелкнул затвор. Это могла быть женщина в длинном коричневом платье или длинном коричневом плаще. Ее лицо получилось на фотографии смазанным, но были видны темные ямы глаз и невыразительная полоска губ.

Неожиданно я задрожал от страха. То ли смерть Джейн потрясла меня до такой степени, что у меня появились галлюцинации и я постепенно сдвигался по фазе, то ли дом на Аллее Квакеров был безумным, его заселило чье-то ледяное присутствие, какая-то могучая, чужая и сверхъестественная сила.

Где-то в доме тихо закрылась дверь. Так закрывает двери сиделка, выходя из комнаты смертельно больного пациента.

На одну ужасную секунду мне показалось, что я слышу чьи-то шаги на лестнице. Спотыкаясь, я выбежал в холл. Там никого не было. Никого, кроме меня и мучающих меня воспоминаний.

Я вернулся в библиотеку. На столике лежала фотография Джейн в саду перед домом. Я еще раз взял ее в руки и присмотрелся, морща брови. В ней также было что-то неладное, но я никак не мог понять, что же именно. Джейн улыбалась мне, как обычно; дом за ее спиной выглядел совершенно нормально, если не считать бледного отражения в стекле. Но что-то все же изменилось, что-то было не так. Мне казалось, что Джейн не стоит на лужайке, что кто-то поддерживает ее сзади, так, как на ужасных полицейских фотографиях, представляющих жертв убийства. С фотографией в руке я подошел к окну и выглянул в сад.

Фотография, похоже, делалась во второй половине дня, поскольку солнце висело низко над горизонтом и на земле

лежали удлиненные тени. Тень Джейн доходила до середины тропинки, поэтому, хоть она и стояла какими-то десятью футами дальше, за лавровой живой изгородью, скрывавшей ее ноги, я мог точно определить, где во время съемки стояла моя жена.

Я переворачивал фотографию и так и сяк, сравнивая ее с расположением сада. Постепенно меня охватило такое отчаяние, что я был готов биться головой о стекло. Ведь это же было НЕВОЗМОЖНО!!! Это было совершенно и абсолютно НЕВОЗМОЖНО!!! Однако я держал в руках доказательство обратного: эту иронически усмехающуюся фотографию. Это было невозможно, однако и неоспоримо.

На фотографии Джейн стояла в единственном месте сада, где не мог бы стоять ни один человек: на креплении садовых качелей.

Глава 6

Я стремглав вылетел из дома и понесся по аллее между рядами сотрясаемых ветром тисов. Я добежал до главного грейнитхедского шоссе, а потом свернул на северо-восток, к торговому центру, где начинались деревенские постройки. Отрезок пути туда-обратно был порядочным, мили три, но я обычно ходил пешком, поскольку только так я мог хоть немного размяться. А сейчас я желал еще промокнуть и промерзнуть, чтобы увериться, что еще не свихнулся и что дождь и ветер вокруг меня истинны, а не порождения моего бреда. Откуда-то справа донесся собачий лай, упорный и действующий на нервы, как визг непослушного ребенка. Потом неожиданный порыв ветра подхватил сухие листья, так что они завертелись перед моими глазами. В такие ночи с домов слетают крыши, ломаются телевизионные антенны и на дороги падают деревья. В такие ночи тонут корабли и гибнут моряки. Дождь и ветер. Жители Грейнитхед называют их «дьявольскими ночами».

Я бежал мимо домов моих соседей. Скромный домик с двускатной крышей, принадлежащий миссис Хараден. Живописная беспорядочная усадьба Бедфордов со множеством балконов и обнесенных оградой клумб. Суровая готическая вилла под номером семь, где жил Джордж Мартин. В домах было светло и тепло, мигали экраны телевизоров, люди ужинали; и каждое окно в эту холодную дождливую ночь было как воспоминание о счастливом прошлом.

Я чувствовал себя одиноким и очень перепуганным, а когда приблизился к шоссе, то меня охватило предчувст-

вие, что кто-то за мной идет. Мне пришлось собрать всю свою храбрость, чтобы оглянуться. Но... слышны ли чьи-то шаги? Не затаил ли кто-то дыхание? Не покатился ли камень, задетый чьей-то нетерпеливой ногой?

Я долго брел под дождем и ветром по главной дороге, ведущей к торговому центру Грейнитхед. Мимо меня проехало несколько автомобилей, но ни один из них не задержался, чтобы подвезти меня, и я тоже не пытался их задерживать. Не считая этого, дорога была пуста, только перед домом Уолша трое молодых людей в непромокаемых куртках снимали с изгороди вывороченное из земли поваленное дерево. Один из них заметил:

— Как хорошо, что мы не выплыли сегодня вечером.

А я как раз припомнил песенку, любопытную песенку из «Старого Салема»:

*Но нашим уловом был лишь скелет,
Что сердце сжимает в зубах.*

Еще через минуту я увидел огни фонарей на автостоянке у лавки и красную светящуюся надпись: «Открыто с 8 утра до 11 вечера». Витрина вся запотела, но внутри можно было различить яркие цвета современной действительности и нескольких покупателей. Я открыл дверь, вошел и вытер ноги о половичок.

— Как плавалось, мистер Трентон? — вскричал Чарли Манци из-за стойки. Чарли был веселым толстяком с большой копной черных курчавых волос, способным, однако, на самое злобное ехидство.

Я поспешно стряхнул воду с плаща, дрожа, как промокший пес.

— Я как раз всерьез задумался, не стоит ли сменить автомобиль на каноэ из бересты, — заявил я. — Здесь ведь самое дождливое место на всем Божьем свете.

— Вы так думаете? — бросил Чарли, нарезая салями, — на Гавайях, на горе Байлеале, кажется, выпадает четыреста шестьдесят дюймов осадков в год, что в десять раз больше, чем здесь. Так что не жалуйтесь.

Я забыл, что хобби Чарльза — рекорды. Метеорологические рекорды, бейсбольные, рекорды высоты, скорости и тучности, рекорды в поедании дыни, стоя на голове. Жители холма Квакеров знали, что в присутствии Чарли Манци никогда нельзя называть что бы то ни было наилучшим или наихудшим в мире — Чарли всегда мог доказать, что это не так. Самая низкая температура, зафиксированная на североамериканском континенте составляет минус 81 градус по Фаренгейту, и было это в местности Сноу на Юкконе в 1947 году, так что не пытайтесь убедить Чарли, будто нынешняя ночь — «наверно, самая холодная ночь в истории Америки».

Для хозяина чрезвычайно многопрофильной лавки Чарли был дружелюбен, болтлив и любил пошутить с клиентами. По существу, веселые перебранки с Чарли главным образом и привлекали клиентов в его грейнитхедский магазинчик — если не считать той мелочи, что для многих из них это была ближайшая лавка в округе. Некоторые клиенты, отправляясь за покупками, заранее подготовив, что скажут Чарли, надеялись, что одержат над ним верх. Но редко кто побеждал его. Чарли прошел трудную школу издевательств еще давно, когда был толстым и неуклюжим ребенком.

Несчастное детство и одинокая юность Чарли еще больше усугубили его личную трагедию. Судьба улыбнулась ему, и Чарли в тридцать один год встретил и женился на красивой, трудолюбивой учительнице из Биверли. Через два года ожиданий, несмотря на какие-то гинекологические осложнения, жена Чарли родила ему сына, Нийла. Но тут же врач предупредил их, что следующая беременность может убить миссис Манци, поэтому Нийл должен оставаться их единственным ребенком.

Они оба так обожествляли сына, что в Грейнитхед даже начали сплетничать — дескать, «если они так будут развращать парня, то совершенно его испортят», резюмировал эти сплетни старый Томас Эссекс. И надо же было случиться, что одним дождливым пополуднем на салемской Бридж-стрит Нийла, едущего на новехоньком мото-

цикле, подарке родителей на восемнадцатилетие, занесло, и он врезался головой в борт проезжавшего грузовика. Он умер через пятнадцать минут.

Созданный каторжным трудом рай Чарли рассыпался на куски. Жена бросила его то ли потому, что не могла видеть, как он страшно горюет по сыну, то ли потому, что не могла дать ему других детей. Так что у него не осталось ничего, кроме лавки, клиентов и воспоминаний.

Мы с Чарли часто разговаривали о том, что с нами случилось. Иногда, заметив, что я особенно подавлен, он приглашал меня в маленькую подсобку, обвешанную заказами клиентов и японскими порнографическими календарями, наливал мне стакан виски и рассказывал, что он чувствовал, узнав, что Нийла больше нет. Он советовал мне, как с этим справиться, как смириться и научиться жить заново. «Не давай себя уговорить, что не следует переживать. Это неправда. Не давай себя уговорить, что легче забыть о том, кто уже умер, чем о том, кто бросил, — и это неправда». Мне припомнились эти его слова, когда, промокший и замерзший, я стоял в его лавке в ту бурную мартовскую ночь.

— Чего вы ищете, мистер Трентон? — спросил он меня, одновременно взвешивая кофе в зернах для Джека Уильямса с бензоколонки.

— Главным образом, спиртное. Я подумал, что как раз в такую погоду пригодится что-нибудь для разогрева.

— Ну, тогда вы знаете, где оно стоит, — сказал Чарли, махнув пакетом с кофе в сторону прохода между полками.

Я купил бутылку «Шивас», две бутылки замечательного вина «Стоунгейт Пино Нуар» и несколько бутылок минеральной воды «Перье». Я вытащил из холодильника лаванью, замороженного омара и несколько пачек приправ. У прилавка я еще взял половину булки.

— Это все? — спросил Чарли.

— Все, — кивнул я.

Он начал набирать цены на клавиатуре кассы.

— Знаете что, — бросил он, — вам надо лучше питаться. Вы теряете в весе, а это вредно. Скоро вы будете

выглядеть как тросточка Джин Келли в «Песенке дождя».

— А насколько похудели вы? — спросил я. Мне не надо было объяснять, когда.

Он улыбнулся.

— Я вообще не похудел. Не потерял ни грамма. Наоборот, прибавил двенадцать фунтов. Когда я чувствовал себя угнетенным, я съедал большую тарелку макарон с соусом из моллюсков.

Он открыл две коричневые бумажные сумки и начал паковать мои покупки.

— Толстый? — пробурчал он. — Жаль, вы меня не видели тогда. «Великий Чарли».

Я наблюдал, как он укладывает мои покупки, а потом спросил:

— Чарли, не рассердитесь, если задам один вопрос?

— Смотря какой.

— Да вот, хотел спросить, было ли у вас после смерти Нийла такое ощущение...

Чарли внимательно смотрел на меня, но молчал. Он ждал, в то время как я пытался найти слова, чтобы описать свои недавние переживания и хоть косвенно узнать, не появились ли у меня галлюцинации, не свихнулся ли я или я просто так сильно переживаю свой траур.

— Спрошу иначе. Было ли у вас когда-нибудь такое чувство, будто Нийл все еще с вами?

Чарли облизал губы, словно чувствовал на них вкус соли. Потом он заговорил:

— Это и есть ваш вопрос?

— Ну, скорее, это частично вопрос, а частично признание. Но если у вас когда-нибудь было такое чувство... то есть, не казалось ли вам, что он, может, и не совсем...

Чарли всматривался в меня, наверно, целую вечность. Но наконец он опустил глаза, склонил голову, посмотрел на свои мясистые руки, лежащие на прилавке.

— Видите эти руки? — спросил он, не поднимая головы.

— Вижу, конечно. Это хорошие руки. Сильные.

Он поднял их вверх. Большие красные куски бекона, заканчивающиеся толстыми ороговевшими пальцами.

— Я должен был их себе отрубить, эти чертовы руки, — сказал он. Впервые я услышал, чтобы Чарли ругался, и волосы у меня на загривке стали дыбом. — Все, чего коснулись эти руки, превращалось в дерьмо. Король Мидас наоборот. Была же такая песенка, да? «Я король Мидас наоборот».

— Я никогда ее не слышал.

— Но это правда. Только взгляните на эти руки.

— Крепкие, — повторил я. — И ловкие.

— О да, конечно. Крепкие и ловкие. Но недостаточно крепкие, чтобы притащить назад мою жену, и недостаточно ловкие, чтобы воскресить сына.

— Нет, — поддакнул я, смутно сознавая, что уже дважды за сегодняшний день услышал о восстании из мертвых. В конце концов, мы не очень часто слышим это выражение, разве что в воскресные утра по телевизору. «Восстание из мертвых» для меня всегда было связано с запахом кожаной обуви, поскольку отец объяснял мне про это в сапожной мастерской, где я помогал ему. Восстание из мертвых на небе для праведников, восстание из мертвых перед судом для грешников. В детстве я долго не понимал смысла этих слов, поскольку отец старался привить мне христианскую мораль весьма своеобразными методами. «Я выдублю тебе шкуру, если в день восстания из мертвых найду тебя среди грешников», — говаривал он.

Я помолчал еще немного, а потом заговорил:

— У вас никогда не было чувства, что... ну в общем вам никогда не казалось, что Нийл иногда к вам возвращается? Что он говорит с вами? Я спрашиваю только потому, что у меня самого было такое чувство и мне интересно, не...

— Возвращается ко мне? — повторил Чарли. Его голос был необыкновенно тих. — Ну, ну. Возвращается ко мне.

— Послушайте, — сказал я. — Не знаю, не свихнулся ли я, но я постоянно слышу, что кто-то зовет меня, шепчет мое имя голосом Джейн. Мне кажется, что в доме кто-то

есть. Это трудно объяснить. А прошлой ночью я мог бы поклясться, что слышу ее пение. Вы думаете, все это нормально? Я хочу сказать, с вами это бывало? Вы слышали голос Нийла?

Чарли смотрел на меня с таким выражением, будто хотел что-то сказать. Секунду он казался неуверенным и озабоченным. Но неожиданно он улыбнулся, поставил передо мной сумки с покупками, покачал головой и сказал:

— Никто не возвращается, мистер Трентон. Каждый, кто потерял дорогого человека, убеждается в этом на собственном опыте. Оттуда нет возврата.

— Конечно, — поддакнул я. — Все равно, спасибо, что выслушали. Всегда хорошо с кем-то поговорить.

— Вы просто устали и измучились. У вас разыгралось воображение. Почему бы вам не купить снотворное — например, найтол?

— У меня еще осталась куча таблеток нембутала от доктора Розена.

— Ну так принимайте их и получше питайтесь. От мороженых продуктов от вас останется только кожа да кости.

— Хватит, Чарли, ты же не его мать, — вмешался Ленни Данартс, хозяин магазина подарков — он нетерпеливо ждал, чтобы его обслужили.

Я взял с полки программу телевидения, помахал на прощание Чарли и с кучей покупок побрел к выходу. Все еще дуло, но дождь как будто утих. Я чувствовал свежий запах моря и влажной каменистой земли. Обратный путь — до Аллеи Квакеров и вниз, под гору, между рядами вязов — неожиданно показался мне очень длинным. Но у меня не было выбора. Я поправил сумки и двинулся через стоянку.

Посреди стоянки меня догнал кремовый «бьюик». Водитель нажал на клаксон. Я наклонился и увидел старую миссис Саймонс, легкомысленную и немного с причудами вдову Эдгара Саймонса, жившую за Аллеей Квакеров в большом доме, построенном самим Самуэлем Макинтай-

ром, чему я всегда завидовал. Она опустила стекло и предложила:

— Может, вас подвезти, мистер Трентон? Ужасная погода, а вы вынуждены возвращаться домой пешком с тяжелыми сумками.

— Буду крайне признателен, — искренне ответил я.

Она открыла багажник, чтобы я мог спрятать покупки. Я положил сумки рядом с запасным колесом, потом сел в машину. Внутри пахло кожей и лавандой, выветрившимися духами, но, пожалуй, все же приятно.

— Прогулки в магазин — это моя единственная гимнастика, — объяснил я миссис Саймонс. — В последнее время у меня нет возможности даже поиграть в сквош. Собственно, у меня ни на что нет времени, кроме работы и сна.

— Может, это и хорошо, что у вас ни на что нет времени, — заявила миссис Саймонс, поглядывая назад, через длинный, покрытый каплями воды багажник автомобиля. — Ничего не едет с вашей стороны? Я могу ехать? Эдгар всегда кричал на меня, что я еду, не глядя, свободно дорога или нет. Однажды я наехала прямо на коня. На коня!

Я посмотрел на шоссе.

— Можете ехать, — проинформировал я ее. Она выехала со стоянки, пища мокрыми шинами. Езда с миссис Саймонс всегда была интересным и нестандартным переживанием. Человек никогда не знал заранее, сколько это продлится и доберется ли он вообще до цели.

— Не подумайте, что я ужасная сплетница, — начала миссис Саймонс, — но я невольно подслушала, о чем вы говорили в лавке с Чарли. В последнее время мне не с кем поговорить, и я начинаю лезть не в свои дела. Надеюсь, вы не сердитесь? Скажите же, что вы не сердитесь.

— А почему я должен на вас сердиться? Ведь мы же не о государственных тайнах разговаривали.

— Вы спросили у Чарли, не возвращается ли его сын, — продолжала миссис Саймонс. — Удивительное совпадение, но как раз я точно знаю, что вы имели в виду.

Когда умер мой дорогой Эдгар — десятого июля будет как раз шесть лет — я переживала то же самое. Целыми ночами я слышала его шаги на чердаке. Поверите? А иногда я слышала его кашель. Вы, конечно, не знали моего дорогого Эдгара, но он так характерно покашливал, как будто хмыкал.

— И вам и теперь все это слышится? — спросил я.

— Время от времени. Раз или два в месяц, а иногда и чаще. Иногда я захожу в комнату, и мне кажется, что Эдгар в ней был секунду назад и только что вышел через другую дверь. Вы знаете, как-то раз мне показалось, что я его видела, но не дома, а на Грейнитхед-сквер. Он был одет в чудной коричневый плащ. Я остановила машину и побежала за ним, но он исчез в толпе.

— Значит, спустя целых шесть лет с вами все еще бывает такое? Вы говорили об этом кому-нибудь?

— Конечно, я советовалась со своим врачом, но он помог немногим. Выписал таблетки и сказал, чтобы я перестала впадать в истерику. Самое удивительное, что эти ощущения бывают то сильнее, то слабее. Не знаю, почему. Иногда я ясно слышу Эдгара, а иногда слабо, словно далекую радиостанцию. Кроме того, все это меняется в зависимости от времени года. Летом я слышу Эдгара чаще, чем зимой. Иногда летними ночами в тихую погоду я слышу, как он садится на садовую стену, поет или что-то говорит мне.

— Миссис Саймонс, — прервал я ее. — Вы на самом деле верите, что это Эдгар?

— Раньше не верила. Раньше я пыталась внушить себе, что это избыток воображения. Ох... вы только поглядите, что за идиотка, даже не обернется. В конце концов, попадет под машину, если будет так невнимательна.

Я поднял взгляд и в свете фар увидел на мгновение темноволосую девушку в длинном развевающемся плаще, идущую по обочине дороги. В этом месте шоссе делало поворот, огибая Аллею Квакеров с западной стороны, поэтому машина ехала относительно медленно. Я вывернулся на сиденье, чтобы присмотреться к девушке, мимо

которой мы как раз проезжали. Снова полил дождь и стало очень темно, поэтому я мог легко ошибиться. Но долю секунды, пока я видел ее через затемненное стекло автомобиля, я не сомневался, что узнал ее лицо. Белое, бледное как мел, с темными пятнами глаз. Такое же неясное, как лицо в стекле окна. Такое же, как лицо девушки, которая неожиданно повернулась, когда я фотографировал Джейн около памятника Джонатану Поупу. Такое же, как лицо секретарши из бара в Салеме.

Я почувствовал укол непонятного страха. Могла ли это быть она? А если да, то что бы это могло значить?

— Эти прохожие вообще раззявы, — пожаловалась миссис Саймонс. — Шляются, будто вся дорога принадлежит им. А когда попадут под машину, то чья будет вина? Даже если они сами влезут под колеса, виноват всегда будет только водитель.

Я всматривался в девушку, пока она не исчезла из вида за поворотом. Лишь тогда я повернулся к миссис Саймонс.

— Что вы говорите? Извините, вы что-то сказали?

— Да так, просто ворччу, — ответила миссис Саймонс. — Эдгар всегда мне твердил, что я ужасная брюзга.

— Да, — заметил я. — Эдгар.

— Да, это очень удивительно, — подтвердила миссис Саймонс, неожиданно возвращаясь к нашему предыдущему разговору о духах и призраках. — Вы знаете, я слышала голос Эдгара, и мне даже казалось, что я его видела. А теперь вы переживаете то же самое. Вы думаете, что Джейн пытается к вам вернуться. Вы же так думаете, верно? И Чарли вам заявил, что это просто ваше воображение.

— Но вы же, наверно, его не осудите? Ведь в это наверняка трудно поверить, если сам такого не переживешь.

— Но чтобы Чарли заявлял подобное — ну и ну!

— Что вы имеете в виду? — я уже начал нервничать.

— Дело в том, что у Чарли было точно то же самое с Нийлом. После смерти бедного мальчика он все время слышал, как Нийл ходил в своей спальне, как запускал

двигатель своего мотоцикла. И вроде бы Чарли даже видел его. Я немного удивилась, что он не сказал вам этого. В конце концов, ведь нечего же стыдиться. Почему он вам так ответил?

— Чарли... видел... Нийла? — недоверчиво переспросил я.

— Вот именно. Много раз. Главным образом из-за этого миссис Манци и уехала из Грейнитхед. Чарли всегда говорил, это, мол, потому, что у нее больше не могло быть детей. Но на самом деле она уехала потому, что не могла выносить ощущение, что ее мертвый сын постоянно ходит по дому. Она надеялась таким образом освободиться от него.

— Разве Чарли и теперь все еще слышит Нийла? — спросил я.

— По-моему, да. В последнее время он стал еще более скрытным. По-моему, он просто боится, что, если слишком многие начнут интересоваться Нийлом, это отпугнет его. Ведь вы знаете, как безумно он любил Нийла. Больше всего на свете.

Я немного подумал об услышанном, а потом сказал:

— Миссис Саймонс, у меня есть подозрение, что это не шутка.

Она присмотрелась ко мне глазами, напоминающими круглые переспелые виноградины. Я предупредительно махнул рукой в сторону переднего стекла, напоминая ей, что если она не хочет нас обоих убить, то пусть смотрит на дорогу, а не на меня.

— Шутка? — повторила она голосом, который неожиданно поднялся на октаву. Затем снова глянула на меня, моргая, и смотрела, пока я не сказал резко:

— Осторожно, миссис Саймонс. Следите за дорогой, пожалуйста.

— Фи! — она легкомысленно фыркнула. — Шутка, как же! Вы на самом деле думаете, что я способна на такие вульгарные шутки? Как же можно шутить над умершими?

— Значит, это правда? Чарли на самом деле вам так сказал?

— На самом деле.

— Тогда почему же он мне ничего не сказал?

— Не знаю. Наверно, у него были свои причины. Он даже со мной говорил лишь потому, что был вновь выведен из равновесия после бегства миссис Манци. С того времени он редко об этом говорит. Только намеками.

— Миссис Саймонс, — заявил я, — должен признаться, что я начинаю бояться. Я не понимаю того, что творится. Мне страшно.

Миссис Саймонс опять взглянула на меня и чуть не врезалась в запаркованный неосвещенный грузовик.

— Очень вас прошу, следите за дорогой, — опять взмолился я.

— Что ж, послушайте, — бросила она. — По-моему, у вас нет никаких причин для страха. Почему вы должны бояться? Джейн любила вас, когда была жива, так почему бы ей не любить вас и теперь, после смерти?

— Но она меня преследует так же, как Эдгар преследует вас, так же, как Нийл преследует Чарли. Миссис Саймонс, ведь они же духи, не более не менее.

— Духи? Ха, как в дешевом фильме ужасов!

— Я говорил о духах совсем не в этом смысле, а...

— Это просто скорбные воспоминания, эхо былых чувств, — заявила миссис Саймонс. — Они же не призраки или что-то подобное. По-моему, ничего больше в этом нет. Всего лишь следы прежних переживаний, оставшиеся от возлюбленных умерших.

Мы как раз подъезжали к пересечению шоссе с Аллеей Квакеров. Я показал миссис Саймонс, где ей остановиться.

— Вы можете здесь остановиться? Лучше вам, пожалуй, не въезжать в аллею. Слишком темно, вы можете испортить рессоры.

Миссис Саймонс улыбнулась почти радостно и съехала на обочину. Я открыл дверцу. Внутри вторгся влажный порыв ветра.

— Крайне обязан вам за любезность, — сказал я. — Весьма вероятно, что мы еще поговорим с вами. Знаете, о чем? Об Эдгаре. И о Джейн.

Лицо миссис Саймонс освещала зеленоватая флуоресценция приборного щитка «бьюика». Она казалась очень старой и очень трогательной: маленькая дряхлая колдунья.

— Умершие желают нам только счастья, знайте это, мистер Трентон, — ответила она и с улыбкой покачала головой. — Те, кто нас любил при жизни, так же доброжелательны к нам и после смерти. Я знаю это. И вы тоже в этом убедитесь.

На мгновение я заколебался.

— Спокойной ночи, миссис Саймонс, — наконец сказал я и закрыл дверцу. Я вынул сумки из багажника, закрыл его и постучал по крыше автомобиля в знак того, что можно ехать. «Бьюик» тронулся почти беззвучно. Задние огни отражались в мокрой смолистой поверхности дороги как шесть больших алых звезд.

Умершие желают нам только счастья, подумал я. О, Господи!

Ветер завывал в электрических проводах. Я посмотрел на темную Аллею Квакеров, окаймленную рядами вязов, шумящих на ветру, и начал длинное и трудное восхождение на холм.

Глава 7

Проходя по Аллее Квакеров, я почувствовал соблазн заскочить к Джорджу Маркхему и поиграть в карты с ним и со старым Кейтом Ридом. После смерти Джейн я забросил своих соседей, но если я собираюсь и дальше здесь жить, то, ничего не поделаешь, нужно посещать их чаще.

Но уже подходя к изгороди перед домом Джорджа, я знал, что просто-напросто ищу предлог. Визит к Джорджу был лишь предлогом оттянуть возвращение домой, к тем неизвестным ужасам, которые меня там ожидали. Визит к Джорджу был бы просто трусостью. Я не позволю шепотам и удивительным звукам выгнать меня из собственного дома.

И все же я колебался, заглядывая в окно гостиной Джорджа. Я видел спину Кейта Рида, раздающего карты, и освещенный лампой стол, бутылки пива и клубы голубоватого дыма от сигары Джорджа. Я поднял повыше сумки с покупками, набрал побольше воздуха в легкие и двинулся дальше по аллее.

Когда я добрался до места, дом был погружен в абсолютную темноту, хотя я хорошо помнил, что оставил зажженный свет над главным входом. Вьюнок, покрывающий стены, вился как волосы на порывистом ветру, а два прикрытых ставнями окна на втором этаже походили на глаза, прикрытые веками. Дом не хотел выдавать своих тайн. Издали доносилось неустannое угрожающее ворчание североатлантического прилива.

Я поставил сумки во дворе, вынул ключи и открыл главные двери. Внутри было тепло и тихо. В гостиной на

стенах танцевали отблески огня в камине. Я внес покупки и запер двери. Может, дом вообще не был одержимым? Может, просто прошлой ночью скрип качелей растревожил меня и вызвал легкий приступ истерии?

Но тем не менее, распаковав покупки и поставив лазанью на плиту, я обошел весь дом, первый и второй этаж, проверил каждую комнату, открыл каждый шкаф, опустившись на колени, заглянул под каждую кровать. Я хотел убедиться, что в доме никто не прячется и никто неожиданно не набросится на меня, когда я начну есть.

Я вел себя просто по-идиотски, но что бы вы сами сделали на моем месте?

Где-то с час я смотрел телевизор, хотя передачи шли с помехами из-за бури. Я посмотрел «Сэндфорд» и даже «Траппера Джона». Потом убрал за собой после ужина, налил себе двойное виски и прошел в библиотеку. Я хотел еще раз посмотреть на картину, из-за которой Эдвард Уордвелл выкручивал мне руки. Я решил попытаться определить, что за корабль нарисован на картине.

В библиотеке было довольно холодно. В обычное время это была самая теплая комната в доме. Мне не хотелось заново разжигать огонь, и я включил электронагреватель. Однако через минуту в нем возникло короткое замыкание, выстрелили искры, нагреватель затрещал и погас. Разнесся запах жженого пластика и озона. Ветви плюща, растущего во дворе, выстукивали на оконных стеклах сложный ритм, как будто заблудшие души, стучащие в окно.

Я взял картину, все еще завернутую в бумагу, прихватил с полки несколько книжек, при помощи которых надеялся идентифицировать корабль. «Торговый флот Салема» Осборна, «Торговые корабли Массачусетса в годы 1650—1850» Уолкотта. В порыве энтузиазма я захватил еще и «Великие люди Салема» Дугласа. Я помнил, что в старом Салеме самые важные купцы и политики нередко имели собственные корабли, и книжка Дугласа могла содержать сведения, касающиеся корабля на картине.

Пока я искал необходимые книги, в библиотеке стало так холодно, что мое дыхание превращалось в пар. Види-

мо, барометр свихнулся, подумал я. Но в холле было так же тепло, как и раньше, а барометр предсказывал улучшение погоды. Я оглянулся на двери библиотеки. Что-то здесь было не в порядке. Может, влажность воздуха? Какой-то сквозняк из камина. И мне снова показалось, что я что-то слышу — но что? Чье-то дыхание? Шепот? Я оцепенел и не мог решить, должен ли я вернуться в библиотеку и попытаться разобраться с этими непонятными явлениями или притвориться, что все это меня не волнует. Ведь духи, возможно, являются только тем, кто в них верит. Может, если я не поверю в них, то они потеряют силы, утратят желание и наконец оставят меня в покое?

Шепот. Тихий, упорный, настойчивый шепот, будто кто-то рассказывал какую-то длинную и исключительно неприятную историю.

— Ну хорошо, — сказал я вслух. — Ну хорошо, с меня хватит!

Я резко распахнул двери библиотеки, так, что они затряслись на петлях и жалобно скрипнули. Библиотека, конечно же, была пуста. Только ветви плюща, барабанившие в окно. Только ветер и ливень, хлещущий в стекла. При каждом выдохе из моего рта вырывался пар. Я невольно припомнил разнообразные фильмы ужасов, типа «Изгоняющего дьявола», где присутствие демона зла отмечалось резким падением температуры.

— Ладно, — буркнул я, стараясь принять тон крутого парня, который великодушно решает сохранить жизнь алкашу, пристающему к его жене. Я нащупал ручку и тщательно закрыл за собой двери библиотеки. — Там ничего нет, — сказал я сам себе. — Никаких духов. Никаких демонов. Ничего!

Я забрал книги и картину, отнес их в гостиную и разложил на коврик перед камином. Затем развернул картину и стал держать ее перед собой. В мигающем свете огня нарисованное море, казалось, волновалось.

Было удивительно думать, что этот листок вручную выделанной бумаги прикрепили к мольберту более двух-

сот девяноста лет назад менее чем в четверти мили отсюда, что неизвестный художник воспроизвел с помощью красок фрагмент прошлого, день, когда по пристани гуляли мужчины в камзолах, а Салем был полон коней, повозок и людей в пуританских одеждах. Я коснулся поверхности картины кончиками пальцев. Многие говорили об отсутствии у художника таланта. Колорит и перспектива были переданы решительно по-любительски. Однако что-то создавало впечатление, что эта картина изображает нечто жизненно важное, что ее нарисовали по какой-то серьезной причине. Так, будто художник спешил увековечить для потомства этот давно минувший день и потому старался так подробно запечатлеть, как выглядел тогда Салемский залив.

Теперь я понял, почему музей Пибоди так интересовался картиной. Каждая подробность была передана с большой точностью, каждое дерево находилось на своем месте, было видно даже крутое начало Аллеи Квакеров, у которой стояли маленькие домики. Один из них мог бы быть предком моего дома: невысокая развалюха с высокой каминной трубой и стенами, поблекшими от старости.

Я присмотрелся к кораблю на другой стороне залива. Это был трехмачтовый парусник с обычным такелажем, однако у него была характерная черта, которой я не заметил раньше. На корме развевались целых два больших флага, один над другим. Верхний изображал красный крест на черном фоне, нижний, видимо, был знаком владельца судна. Конечно, в 1691 году еще не знали «звезд и полос». Некоторые утверждают, что именно капитан дальнего плавания из Салема Вильям Драйвер впервые поднял на мачту американский флаг «Олд Глори», но это было уже в 1824 году.

Я долил себе виски и заглянул в книжку Уолкотта о торговых кораблях. Я узнал, что «сановники из Салема имели обычай поднимать на своих кораблях два флага: один для обозначения владельца, другой в честь начинающегося плавания, особенно если это плавание должно

было иметь исключительное значение или принести колоссальную прибыль».

В конце книги я нашел таблицу с рисунками флагов различных судовладельцев. Правда, рисунки эти были черно-белые и трудно было разобраться в различных комбинациях крестов, полос и даже звезд. Два изображения отдаленно напоминали флаг с корабля на картине, поэтому я сунул нос в «Торговый флот Салема» Осборна, чтобы найти что-нибудь о хозяевах кораблей. Один случай оказался безнадежным: флаг Джозефа Уинтертона, эскайдера, который якобы первым пустил паром из Салема в залив Грейнитхед. Однако другой флаг принадлежал Эйсе Хаскету, богатому купцу, чьи радикальные религиозные убеждения в 1670 году вынудили его к бегству из Англии. Вскоре он построил в Салеме, пожалуй, самый большой флот торговых кораблей и рыбацких судов на всем восточном побережье.

«Нам немного известно о флоте Хаскета, — говорилось в книге, — хотя вероятнее всего в его состав входили четыре стофутовых торговых корабля и бесчисленные меньшие суда. По современным меркам, корабль длиной в сто футов не причисляется к большим, но это были самые крупные плавающие суда, которые могли безопасно входить в залив Салем. Приливы там достигают девяти футов, и большой корабль, свободно войдя в залив во время прилива, во время отлива несомненно сел бы на мель. До нашего времени известными остались названия лишь двух кораблей Хаскета: «Осанна» и «Дэвид Дарк». Вырезанная из кости модель «Осанны», выполненная около 1712 года бывшим членом экипажа корабля, представляет корабль как трехмачтовый парусник с флагом, украшенным пальмовым деревом в знак того, что корабль ходил в плавания к берегам Вест-Индии. Не сохранилось ни одного описания «Дэвида Дарка», однако можно предположить, что это был корабль, во многом похожий на «Осанну»...»

Я открыл «Великих людей Салема» Дугласа и прочитал все, что мог найти об Эйсе Хаскете. Хаскет, энергичный

и неустрашимый предшественник Элиаса Дерби, видимо, снискал уважение не только как процветающий купец, но и как фанатичный защитник пуританской веры. Элиас Дерби преобразовал Салем в один из крупнейших и богатейших портов восточного побережья, сам воссияв славой первого в истории Америки миллионера, Хаскет же держал в кулаке как кошельки, так и души сограждан. Согласно текстам, сохранившимся с тех времен:

«...мистер Хаскет глубоко верует, что по земле нашей ходят как Ангелы, так и Дьяволы, и последний этого не скрывает, так как если человек должен верить в Бога и Его Небесные Воинства, говаривал мистер Хаскет, то столь же верно он должен веровать и в Сатану и его слуг...»

Я уже хотел отложить книгу, с удовлетворением думая, что могу теперь продать картину музею Пибоди или какому-нибудь другому из постоянных клиентов как «уникальное изображение одного из торговых кораблей Эйсы Хаскета», когда меня что-то кольнуло: поищи имя Дэвида Дарка. Это было странное имя, оно затронуло какую-то струну в моей памяти. Может, сама Джейн когда-то о нем упоминала, может, кто-то из клиентов? Не скажу точно. Я еще раз пролистал «Великих людей Салема» и наконец нашел его.

Заметка была довольно короткой. Всего два десятка строк очень убористого и мелкого петита: Дэвид Иттэй Дарк, 1610(?)—1691. Проповедник-фундаменталист из Милл-Понд, Салем. В 1682 году ненадолго приобрел популярность, утверждая, что несколько раз разговаривал с Сатаной и получил от него список всех душ в округе Салем, которые были прокляты и приговорены «к страшным мукам в пламени», чего Сатана «уже ждет не дождется». Дэвид Дарк был протеже и советник богатого купца из Салема Эйсы Хаскета (см.) и в течение нескольких лет при помощи Хаскета старался ввести в епархии Салем радикальную религию фундаментализма. Дарк умер при таинственных обстоятельствах весной 1691 года, согласно показаниям некоторых свидетелей, вследствие «самопро-

извольного взрыва». Хаскет в честь Дарка присвоил своему лучшему кораблю имя «Дэвид Дарк», хотя интересно отметить факт, что все записи, касающиеся этого корабля, были затем уничтожены в судовых журналах, расчетных книгах, реестрах и картах того периода, вероятнее всего, по приказу самого Хаскета...»

Сразу вслед за этим я и нашел то, что искал. Читая, я вел пальцем по строчкам, а затем прочитал текст еще раз вслух. Я чувствовал нарастающий прилив возбуждения, как любой торговец антиквариатом, который неожиданно для себя открывает, что он — обладатель чего-то ценного и уникального.

Эмблемой «Дэвида Дарка» был красный крест на черном поле, символизирующий триумф божественной мощи над силами тьмы. В течение нескольких десятков лет после смерти Дэвида Дарка этой эмблемой, наперекор ее первоначальному значению, пользовались тайные общества «ведьм» и людей, занимающихся черной магией. В 1731 году вице-губернатор Вильям Кларк, председатель уголовного суда, издал запрещение использовать эмблему где бы то ни было.

Я опустил книгу на пол и еще раз взял в руки картину. Так, значит, это «Дэвид Дарк», корабль, окрещенный именем человека, который утверждал, что разговаривал с дьяволом, корабль, даже название котсрого было стерто из всех местных реестров.

Черт, ничего удивительного, что Эдвард Уордвелл так хотел приобрести эту картину для музея Пибоди. Это могло быть единственное существующее в мире изображение «Дэвида Дарка». Во всяком случае, единственное, которое уцелело после чистки, проведенной двести девяносто лет назад, когда хозяин судна строго-настроено приказал уничтожить все, что имело хоть какую-то связь с этим кораблем.

«Дэвид Дарк» выплыл из Салемского залива под запрещенным черно-красным флагом. Я присмотрелся к кораблю повнимательнее и понял, что художник изобразил его необычайно точно, хотя и поместил его на дальнем плане

и несмотря на то, что наверняка ежедневно много кораблей врывало и выплывало из порта Салем.

Может, художник вообще не хотел рисовать побережье Грейнитхед? Может, он хотел лишь увековечить историческое мгновение, когда «Дэвид Дарк» отправлялся в свой важнейший рейс? Но куда плыл этот корабль и зачем?

Пылающие поленья в камине неожиданно зашевелились. Я перепугался и резко поднял голову. Мое сердце работало как помпа, старающаяся опорожнить трюм тонущего корабля. Ветер притих, и я теперь слышал только дождь, упорно шелестевший среди ветвей деревьев в саду. Я встал на колени на ковре, среди разбросанных книг, и вслушивался, вслушивался, надеясь, что дом не осмелится шептать, что двери не осмелятся открыться, что никакие духи трехсотлетней давности не осмелятся шляться по коридорам и лестницам.

А перед моими глазами «Дэвид Дарк» плыл по серому нарисованному морю к своему неведомому предназначению, таинственный и неясный на фоне прибрежных деревьев. Я всматривался в него, прислушиваясь, и поймал себя на том, что шепотом выговариваю его название:

— Дэвид Дарк...

С минуту царила тишина, были слышны лишь шум дождя и треск огня в камине. А потом раздался еле уловимый звук, тот самый звук, которого я так опасался. Невольно у меня вырвался сдавленный крик страха, как будто я очутился в самолете, который неожиданно начинает падать. Я весь оледенел, и даже если бы захотел убежать куда-то, то все равно не смог бы сдвинуться с места.

Это скрипели садовые качели. Ритмично и размеренно, то же самое скрип-скрип, скрип-скрип, которое я слышал прошлой ночью. Теперь не могло быть никакой ошибки.

Я встал и на ватных ногах вышел в холл. Двери библиотеки, которые я закрыл выходя, теперь были открыты. Не держит ручка? Я же запер двери, а теперь они открыты! Кто-то или что-то их открыло. Ветер? Невоз-

можно. Перестань сваливать все на ветер! Ветер может только шептать, шуметь, реветь, свистеть и хлопать ставнями, но он не может открыть запертых дверей, он не может переставлять предметы на фотографиях, он не может раскачивать садовые качели так сильно, чтобы они начали скрипеть. Кто-то есть в саду. Ты должен посмотреть правде в глаза: в твоём доме творятся чертовски удивительные вещи, творимые какой-то человеческой или нечеловеческой силой. Кто-то качается в саду, так, ради Бога, сходи и посмотри. Иди и убедись сам, чего ты так боишься. Посмотри этому в глаза!

Я вошел в кухню, спотыкаясь, как калека — мои ноги совершенно затекли, неизвестно от чего, от страха ли или от стояния на коленях. Я доковылял до задних дверей. Заперты. Ключ на холодильнике. Я неуклюже потянулся за ключом и уронил его на пол. Умышленно? Да, ты не удержал ключ умышленно. Правда-то в том, что ты не хочешь туда выйти. Правда в том, что ты обгаживаешь от страха свои штаны, пока какой-то малолетний мерзавец, прокрадываясь в твой сад, качается на этих дурацких качелях.

Опустившись на четвереньки, я нашел ключ. Встал, вставил его в замок, повернул и нажал на ручку.

А если это она?

Волны ледяного страха прокатывались через меня одна за другой, как будто кто-то непрерывно выплескивал на меня ведра ледяной воды.

А если это Джейн?

Не помню, как я открыл дверь. Помню только ливень, хлеставший меня по лицу, когда я шел через дворик кухни. Помню, как я продирался через сорняки и высокую траву, все больше ускоряя шаг от страха и из боязни, что не успею поймать с поличным того, кто качался. Однако еще больше я боялся того, что успею застать этого кого-то на месте преступления.

Я обошел яблоню, росшую рядом с качелями, и застыл на месте как вкопанный. Мокрые от дождя качели качались взад и вперед, высоко и ритмично. Мерно скрипели

цепи, скрип-скрип, скрип-скрип, скрип-скрип, но сиденье было пустым.

Я глазел на это, тяжело дыша. Я ничего не понимал, но испытывал удивительное облегчение. Это же естественное явление, подумал я. Слава Богу! Наука, а не призраки. Какие-то магнитные колебания. Может, луна притягивает железо цепей в определенные периоды года так же, как вызывает приливы, и каким-то образом создает центробежную силу согласно закону Ньютона, инерции или чего-то в этом роде. Может, в этом месте под землей есть магнитная руда, что сказывается при такой погоде, порождая, например, чрезмерное статическое электричество в грозовых тучах. А может даже, качели раскачивает направленный поток воздуха, вихревой поток, создающийся вокруг дома, который...

И тут я увидел. Мигающий голубоватый блеск на сиденье качелей. И больше ничего, словно отдаленная молния, но этого было достаточно. Я еще больше напряг зрение. Качели качались, поскрипывая. Потом снова что-то блеснуло, немного ярче, чем в прошлый раз. Я отступил на два шага. Свет блеснул еще раз, и мне показалось, будто я увидел что-то, что мне не понравилось.

Бесконечные минуты ничего не происходило. Потом свет сверкнул снова, четыре или пять раз подряд, и в этих кратких проблесках я увидел на качелях какую-то фигуру, как будто освещенную мигающим фосфоресцирующим блеском, в одно мгновение ослепительно яркую, в следующее — негатив, отпечаток на сетчатке глаза. Еле сформированную фигуру с размытыми контурами, словно передо мной была голограмма, высланная из какого-то отдаленного во времени и пространстве места.

Это была Джейн. И всякий раз, появляясь в проблесках, она смотрела прямо на меня. Ее лицо не изменилось, просто странно удлинилось, как будто похудело. Она не улыбалась. Ее развевающиеся волосы потрескивали, словно были до предела заряжены электричеством, как лейденская банка. Одета она была в какое-то белое платье с

широкими рукавами. Она то появлялась, то исчезала, но качели не переставали раскачиваться, вспыхивал свет и скрипели цепи: скрип-скрип, скрип-скрип, скрип-скрип. Но ведь, Боже Всесильный, Джейн была мертва! Она была мертва, и все же я ее видел.

Я открыл рот. Вначале я не мог выдавить из себя ни звука. Мое лицо было совершенно мокро от дождя, но в горле у меня была пустынная сухость и комок удивления. Джейн смотрела на меня, не улыбаясь, а свет начал угасать. Вскоре я ее уже почти не видел: бледное пятно ладони на цепи качелей, неясное очертание плеча, волны развевающихся волос...

— Джейн, — прошептал я. Боже, как я был перепуган. Качели замедляли свои колебания. Затем цепи неожиданно перестали скрипеть.

— Джейн! — закричал я. На секунду страх снова потерять ее победил весь накопившийся испуг. Если она была здесь на самом деле, если благодаря каким-то адским силам она все еще была здесь, если она все еще томится в чистилище или в потустороннем мире, если она все еще не совсем умерла, то, может быть...

Я не позвал ее снова. Я хотел, но что-то меня удержало. Качели качнулись еще пару раз и замерли. Я посмотрел на них, а потом медленно подошел к ним и положил руку на мокрый деревянный поручень. На нем не было ничего, никакого следа, который сказал бы мне, что там кто-то сидел. Два углубления, протертые в сиденье, были заполнены водой.

— Джейн, — выдавил я в третий раз, вполголоса, но при этом у меня уже не было чувства, что Джейн где-то близко. И я не был уверен, что действительно хочу вызвать ее сюда. Для чего ей возвращаться? Ее изуродованное тело уже больше месяца разлагается в гробу. Ей уже не вернуть себе свое прежнее земное воплощение. Так действительно ли я хотел, чтобы она посещала дом и сад, чтобы она преследовала меня своим присутствием? Когда-то она жила, но теперь она была мертва, а умершие не должны возвращаться в мир живых.

Я не позвал ее еще и по другой причине. Я припомнил, что Эдвард Уордвелл сказал мне несколько часов назад в Салеме. «Знаете ли вы, что Грейнитхед до 1703 года назывался "Восстание Из Мертвых"?»

Промокший и глубоко потрясенный, я вернулся домой. Прежде чем войти внутрь, я посмотрел на прикрытые ставни спальни. Мне показалось, что я замечаю голубовато-белое свечение, но наверно это было иллюзией. Ведь каждый кошмар должен когда-то закончиться.

Однако у меня было ужасное ощущение, что мой кошмар только начинается.

Глава 8

Джордж открыл дверь и удивленно посмотрел на меня.

— Немного поздно для карт, Джон. Мы как раз собирались на сегодня закончить. Но если хочешь выпить с нами рюмочку перед сном...

Я вошел в холл и остановился, промокший, озябший, дрожа, как жертва автомобильной катастрофы.

— Что с тобой? — спросил Джордж. — Ты не простыл на этом дожде? Разве у тебя нет непромокаемого плаща?

Я повернулся и посмотрел на него, но я не знал, что сказать. Как я должен был объяснить ему, что я бежал по Аллее Квакеров в темноте, поскользываясь и спотыкаясь на мокрых камнях так, будто за мной гнались все демоны ада? И что потом ждал возле его дома, пытаюсь отдышаться и убеждая себя, что за мной ведь никто не гонится, никакие духи, никакие вампиры, никакие белые мерцающие призраки из гроба.

Джордж взял меня за руку и провел через холл в гостиную. На стенах холла, оклеенных клетчатыми обоями, висели рыболовные дипломы Джорджа и фотографии Джорджа, Кейта Рида и других старожилов Грейнитхед, гордо сыплющих трухой, держа в вытянутых руках огромные камбалы и карпы. В гостиной Кейт Рид допивал у камина последний стакан пива. Пустое инвалидное кресло миссис Маркхем стояло в углу, на сиденье лежали спицы и что-то недовязанное.

— Джоан пошла спать, — сказал Джордж. — Она легко устает, особенно в обществе такого заводилы, как Кейт.

Кейт, седовласый отставной капитан рыбацкого катера, удовлетворенно фыркнул.

— Это я раньше был таким, — улыбнулся он, показывая в улыбке квадратные зубы с коричневыми пятнами от табака. — И раньше Кейт Рид не пропускал ни одной юбки в пределах взгляда, особенно натянутой на молодое мясо. Спроси капитана Рея из «Пир Транзит Компани», он подтвердит.

— Что будешь пить, Джон? — спросил Джордж. — Может, виски? Что-то ты бледно выглядишь.

— Таковы обычные последствия, когда спишь один, — подтвердил Кейт.

Я нащупал поручни дубового, обитого ситцем кресла у камина и повалился в него.

— Не знаю, как вам сказать, — признался я дрожащим неуверенным голосом. Кейт посмотрел на Джорджа, но Джордж только пожал плечами в знак того, что не имеет понятия, в чем дело. — Я... я бежал всю дорогу, — заикаясь, выдавил я.

— Бежал? — удивленно повторил Кейт.

Неожиданно я почувствовал, что мне хочется реветь. От облегчения и воспоминания о пережитом страхе на моих глазах показались слезы. Я не ожидал такого дружжелюбного приема со стороны двух местных ворчунов, которые обычно относились к чужакам с презрительным высокомерием и оплевывали им ноги, а теперь проявляли ко мне столько заботы.

— Ну хорошо, Джон, глотни виски и расскажи нам, что случилось, — предложил Джордж.

Он вручил мне стакан, украшенный изображением корабля под парусами. Я сделал внушительный глоток. Спирт обжег мне горло и желудок так, что я закашлялся, но постепенно дрожь прекратилась, сердце перестало биться судорожно, и я сумел совладать с нарастающей истерией.

— Я прибежал сюда прямо из дома, — сказал я.

— Но почему? — спросил Кейт. — Уж наверно тебе не насыпали перца под хвост? — Он произнес слово «хвост»

с четко выраженным акцентом жителей Грейнитхед. — Или дом у тебя горит?

Я посмотрел на Кейта и Джорджа. В этой знакомой комнате недавние переживания казались мне нереальными, как сон. Все выглядело так обыденно: бронзовые часы на камине, мебель, обитая ситцем, штурвал, висящий на стене. Полосатый кот дремал, свернувшись у камина. Закопченные трубки из вереска торчали рядом в подставке. Наверху слышался смех миссис Маркхем — она смотрела в постели телевизор.

— Я видел Джейн, — шепотом сказал я.

Джордж сел. Потом он встал, потянулся за своим бокалом пива и снова сел, не сводя с меня глаз. Кейт же молчал, все еще улыбаясь, хотя в его улыбке уже не было веселья.

— Где ты ее видел? — неожиданно очень мягко спросил Джордж. — У себя в доме?

— В саду. Она качалась на садовых качелях. Уже вторую ночь подряд. Вчера ночью она тоже качалась, только я ее не видел.

— Но сегодня ты ее видел?

— Только минуту. Очень неясно. Как телевизионное изображение с помехами. Но это... была Джейн. Я уверен. А качели... качели качались сами по себе. Это значит, вместе с Джейн. Джейн раскачала качели так сильно, как будто была не духом, а живым человеком.

Джордж вытер губы и задумчиво наморщил лоб. Кейт поднял брови и потер подбородок.

— Вы не верите мне, — заявил я.

— Этого я не говорил, — запротестовал Кейт. — Я вообще ничего не говорил.

— Для тебя это было страшное потрясение, так? — вмешался Джордж. — Собственными глазами увидеть духа. Ты не думаешь, что это мог быть оптический обман, мираж? Иногда ночью человеку черт знает что может примерещиться, особенно на берегу моря.

— Она сидела на качелях, Джордж. Она была освещена каким-то голубым мигающим светом. Бело-голубым, как фотовспышка.

Кейт сделал внушительный глоток пива и вытер губы тыльной стороной ладони. Потом он встал, помассировал спину, чтобы избавиться от зуда в позвоночнике, и медленно подошел к окну. Он раздвинул занавески и добрую минуту стоял, повернувшись к нам спиной, всматриваясь в темноту.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что видел, правда? — спросил он.

— Знаю только, что я видел мою жену. Она уже месяц как мертва, и все же я видел ее.

Кейт медленно повернулся и потряс головой.

— Ты не видел своей жены, Джон. Может, ты вообразил, что видишь ее, хотя на самом деле это было что-то другое. Да, да. Я сам видел это сотни раз. В старые времена моряки смертельно боялись этого. Это называлось «огни святого Эльма».

— Огни святого Эльма? А что это такое, огни святого Эльма?

— Естественные электрические образования. Их видят чаще всего на мачтах кораблей, на радиоантеннах или на крыльях самолетов. «Безумные огни», как их называют в Салеме. Они мигают, как газовый факел. Именно это ты и видел, так? Такой мигающий свет.

Я посмотрел на Джорджа.

— Кейт прав, — сказал он. — Я сам их видел, когда плавал на рыбную ловлю. На первый взгляд они действительно страшно нереальные.

— Но я же видел ее лицо, Джордж, — заявил я. — Тут не могло быть никакой ошибки. Я видел ее лицо.

Джордж склонился и положил мне руку на колено.

— Джон, верю тебе, раз ты говоришь, что видел ее. На самом деле верю, что ты видел Джейн. Но мы оба знаем, что духов нет. Мы оба знаем, что мертвые не могут восстать из могил. Мы можем верить в бессмертную душу и вечную жизнь, аминь, но мы знаем, что подобное не встречается на этом свете, ведь иначе повсюду было бы полно искупающих грехи душ, не так ли?

Он потянулся за бутылкой «Фор Роуз», налил мне еще один полный стакан. Потом продолжал:

— С самого начала ты храбро, очень храбро переносил свое несчастье. Не далее как вчера вечером я говорил Кейту, что ты так достойно держишься. Но в глубине души ты очень несчастен, и время от времени эта боль дает о себе знать. Это не твоя вина. Просто так устроен мир. Мой брат Уилф утонул в проливе однажды ночью восемнадцать лет назад, и уж поверь мне, я очень тяжело переживал это многие месяцы.

— Миссис Саймонс говорила мне сегодня, что она тоже видит своего покойного мужа.

Джордж улыбнулся и посмотрел на Кейта, который как раз был занят тем, что наполнял бокалы новой порцией пива. Кейт тоже улыбнулся и покачал головой.

— Не переживай из-за того, что наболтала вдова Саймонса. Ведь известно, что она... — он многозначительно постучал себя пальцем по лбу.

— Старый Саймонс хлебнул с ней лиха, — добавил Кейт. — Он рассказывал мне, что она как-то раз продержала его всю ночь на дворе в одних кальсонах, потому что он хотел воспользоваться своими законными супружескими правами, а у нее почему-то в дыре не свербело. Как, по-твоему, нормальный мужик вернулся бы к такой женщине, а уж тем более — дух?

— Не знаю, — ответил я. Я чувствовал себя все более потерянным. Я даже начинал сомневаться, действительно ли я видел в саду Джейн. Да и была ли это на самом деле Джейн? Мне было трудно в это поверить и еще труднее точно припомнить, как выглядело ее лицо. Оно было удлинненным, как на картинах Эль-Греко, с потрескивающими от электричества волосами. Были ли эти волосы только электрическими скоплениями, огнями святого Эльма, как их называл Кейт? Он говорил, что они мигают, как горящий газ.

Я допил второй стакан и поблагодарил за третий.

— Если выпью и этот, то не доберусь домой даже на четвереньках.

— Хочешь, проводим? — предложил Кейт.

Я потряс головой.

— Если там что-то есть, Кейт, то я должен сам с этим справиться. Если это дух, то в таком случае — этот дух мой, и никому до этого дела нет.

— Ты должен поехать в отпуск, отдохнуть, — сказал Джордж.

— То же самое мне советовал и отец Джейн.

— Он прав. Нет смысла сидеть одиноким сычом в этом старом доме и размышлять о прошлом. Ну, пожалуй, ты все же справишься!

— Ясно. Спасибо, что выслушали. Мне на самом деле это очень помогло.

Джордж кивнул в сторону бутылки.

— Для успокоения нервов нет ничего лучше виски.

Я пожал им обоим руки и отправился к выходу, но в холле повернулся к ним.

— Еще одно, — сказал я. — Вы не знаете случайно, почему раньше Грейнитхед назывался «Восстанием Из Мертвых» ?

Кейт посмотрел на Джорджа, а Джордж на Кейта. Потом Джордж сказал:

— Этого никто точно не знает. Некоторые твердят, что поселенцы из Европы называли так это место, поскольку собирались тут начать новую жизнь. Другие болтают, что это просто название, такое же, как и другие. Но мне лично больше всего нравится версия, что название было дано в честь Третьего Дня после Распятия, когда Христос восстал из гроба.

— Не думаете, что речь шла о чем-то другом?

— Например, о чем? — спросил Джордж.

— Ну... о чем-то таком, что я сегодня пережил. Миссис Саймонс тоже вроде бы столкнулась с тем же. И Чарли Манци из лавки.

— Чарли Манци? О чем это ты говоришь?

— Миссис Саймонс сказала мне, что Чарли Манци грезится его умерший сын.

— Это, значит, Нийл?

— Ведь у него же был единственный сын.

Джордж надул щеки в знак удивления, а Кейт Рид протяжно свистнул.

— Эта баба и впрямь свихнулась, — заявил он. — Ты вообще не должен слушать ее треп, Джон. Ничего удивительного, что тебе теперь являются привидения, если ты с ней поболтал. Ну, ну, тут еще тебе и Чарли Манци. Говоришь, он видел Нийла?

— Вот именно, — подтвердил я. Мне стало стыдно, что я поверил всему, что мне наболтала миссис Саймонс. Я не мог понять, почему я вообще слушал ее вздор-бред и почему я решил сесть в ее машину. Видимо, я слишком промок, или был пьян, или же попросту свалил дурака.

— Послушайте, — обратился я к Джорджу и Кейту. — Мне пора. Но если разрешите, Джордж, я забегу к вам завтра утром по пути в свою лавку. Вы не имеете ничего против?

— Милости прошу, Джон. Ты можешь великолепно позавтракать с нами. Мы с женой делаем такие славные старинные гречневые лепешки. Она готовит тесто, ну а мне приходится выпекать их. Непременно забегай, Джон.

— Спасибо, Джордж. Спасибо, Кейт.

— Будь осторожнее, слышишь?

Глава 9

Я вышел из дома номер семь и снова оказался под моросящим дождем. Я свернул направо, собираясь вернуться домой, но через минуту остановился, заколебался и посмотрел в сторону главного шоссе, где стоял дом миссис Саймонс. Было без нескольких минут десять, и я подумал, что миссис Саймонс не рассердится, если я нанесу ей визит. Наверняка у нее мало друзей. Мало кто теперь жил у главного шоссе, соединяющего Салем с Грейнитхед. Большую часть старых домов уже разрушили, чтобы освободить место для бензоколонок, супермаркетов и лавок, торгующих забавными сувенирами и живой приманкой для рыб. Прежние жители Грейнитхед также съехали, слишком старые, слишком измученные и слишком бедные, чтобы переселиться в модные прибрежные резиденции, обступившие Салемский залив.

Дорога заняла у меня добрых десять минут. Наконец я добрался до дома миссис Саймонс — большого каменного здания в федеральном стиле, изящно оформленного, с рядами запертых ставней и фигурным двориком с дорическими колоннами. Сад, окружающий дом, когда-то был ухоженным и старательно спланированным, но теперь одичал и зарос сорняками. Деревья не подстригали лет пять, и они опутывали ветвями стены, как некие паукообразные создания, цепляющиеся за одеяния прекрасной принцессы. Однако красота этой принцессы канула в Лету, что я заметил, проходя по протоптанной среди сорняков тропинке. Резные балконы поржавели, в полопавшейся стене змеились длинные трещины, и даже декоративная

корзина фруктов над главным входом в сад — наиболее примечательная особенность творений Макинтайра — была выщерблена и загажена птицами.

Ветер с Атлантики гулял по саду, посвистывая возле углов дома, и бил ледяным холодом прямо в спину.

Я вошел по каменным ступеням во дворик. Мраморные плиты пола были выщербленными и потрескавшимися, с дверей главного входа краска облезала полосами, как будто дерево отваливалось кусками. Я потянул за ручку звонка, в глубине дома раздался приглушенный звон. Я начал энергично потирать руки, чтобы согреться, но на ледяном ветру это было нелегко.

Ответа не было, поэтому я позвонил еще раз, а затем постучал. Рукоять дверного молоточка была сделана в виде головы химеры, с кривыми рогами и разинутой пастью на разъяренном лице. Один ее вид мог бы перепугать любого даже среди бела дня, и вдобавок молоток производил глухой, хмурый замогильный звук, как будто кто-то стучал по крышке солидного, красного дерева, гроба.

— Ну, пожалуйста же, миссис Саймонс, — вполголоса поторапливал я. — Не буду же я здесь торчать всю ночь.

Я решил попробовать в последний раз. Я дернул за звонок, заколотил молоточком в дверь и даже завопил во всю глотку:

— Миссис Саймонс! Прошу вас! Есть кто дома?

Ответа не было. Я повернулся и спустился по ступеням дворика. Может, миссис Саймонс отправилась к кому-то в гости, хотя я не мог себе представить, куда она могла пойти в такой час и в такую погоду. Однако в доме нигде не горел свет, и хотя в темноте мало что можно было разобрать, мне казалось, что занавески на втором этаже не задернуты. Значит, миссис Саймонс не смотрела телевизор и не спала в спальне наверху.

Я обошел дом, чтобы проверить, нет ли света в окнах сзади. Лишь затем увидел «бьюик» миссис Саймонс, запаркованный перед открытыми дверями гаража. Двери гаража раскачивались и стучали на ветру, но нигде не

было ни одной живой души. Никакого света, никакого звука. Только дождь, монотонно стучащий по крыше автомобиля.

Ну что ж, неуверенно подумал я, может, кто-то за ней приехал? Во всяком случае, это не мое дело. Я развернулся, чтобы уйти совсем, когда неожиданно заметил краем глаза белый блеск в одном из окон второго этажа.

Я повернулся и, замерев, напряг зрение, щурясь из-за дождя. С минуту ничего не происходило, а потом блеск появился снова, такой мимолетный, что мог быть чем угодно — отблеском фар проезжающего автомобиля, молнией, отражающейся в окне. Потом блеснуло еще раз, и еще: упорное мигание теперь длилось дольше, и я мог бы поклясться, что замечал лицо мужчины, поглядывающего на меня из окна.

В первую секунду мне захотелось убежать. На самом деле, при виде мигающей Джейн в саду я как-то смог справиться со страхом, но затем, вернувшись домой, тут же поддался панике, помчался к входной двери и понесся по Аллее Квакеров, как перепуганный заяц.

Но теперь я расхрабрился чуть больше. Может, Кейт и Джордж были правы и сегодня вечером я видел только огни святого Эльма или какое-то другое естественное явление? Кейт говорил, что видел их сотни раз — так что же удивительного в том, что я увидел их дважды подряд?

Была еще одна причина, которая удерживала меня от бегства, глубоко скрытая причина. Дело было в моем сложном чувстве к Джейн. Если Джейн на самом деле явилась передо мной как порожденный электричеством призрак, то в таком случае мне хотелось бы узнать о таких явлениях побольше. Даже если она не могла вернуться ко мне в физическом облике, наверняка существовал способ связаться с ней и, может, даже поговорить. Возможно, вся эта болтовня о медиумах и вращающихся столиках имеет какой-то смысл? Может, душа человека это не что иное, как совокупность слабых электрических токов, составляющая его личность, отделяющаяся от тела в минуту смерти, но все еще сохраняющая единство, все еще фун-

кционирующая как человеческий разум? А если разум несет в себе также прообраз тела, то разве невозможно, что время от времени тело показывается в виде мигающих нематериальных электрических образований?

Такие мысли клубились у меня в голове, когда я стоял перед домом миссис Саймонс. Я даже попытался открыть защелку кредитной карточкой, как это делают взломщики в кино, но защелка даже не дрогнула. Видимо, старинные, девятнадцатого века, замки не реагируют на пластик двадцатого века. Я обошел дом с другой стороны, огибая скрюченные, оплетенные дикими розами деревья, цепляющиеся ветвями за стены, и, наконец, нашел небольшое окно в подвал. Оно было защищено металлической сеткой, но в соленом морском воздухе железо проржавело, и достаточно было пару раз дернуть, чтобы сетка уступила.

Неподалеку, на заросшей садовой тропинке, лежала слепая облупившаяся голова мраморного ангела. Я поднял ее, подтащил под стену дома и бросил в окно, как пушечное ядро. Раздался звон лопнувшего стекла и глухой стук, когда голова шмякнулась о пол подвала. Я убрал пинками оставшиеся осколки, после чего сунул голову в окошечко, чтобы увидеть, что находится внутри.

Там царил полная темнота, было явно сыро, пахло плесенью. К запаху плесени примешивалась особая вонь гнилья, которая всегда присутствует в старых домах, поскольку камень и дерево за долгие годы так пропитываются эссенцией минувших событий, что на них как будто остается осадок грусти, горькая селитра гнева и прокисшая сладость радости.

Я вытащил голову и полез в окно подвала ногами вперед. Я разодрал штанину на колене о торчащий из фрамуги гвоздь и громко выругался в глухой тишине. Но спуск оказался очень легким. В отдаленном углу подвала послышался шорох и возбужденный писк. Крысы — злобные и опасные грызуны. Если верить традиции, то крысы, живущие в Грейнитхед, были беглецами с тонущих кораблей. Я прошел через подвал на ощупь, вытянув руки, как Слепой Пью из «Острова сокровищ» Стивенсона.

Я прошел по периметру весь подвал, пока наконец не нащупал деревянный поручень и каменные ступени. При каждом моем шаге крысы пищали, подпрыгивали и поспешно убегали.

Дюйм за дюймом я добрался по лестнице до дверей подвала и нажал на ручку. К счастью, она не была заперта на ключ. Я открыл ее и вышел в холл.

Дом миссис Саймонс построили в те времена, когда Салем был пятым по величине портом в мире и шестым по богатству городом в Соединенных Штатах, поскольку собирал одну двадцатую таможенных поступлений в государственный бюджет. Холл тянулся через весь дом, от главного входа до задних дверей, ведущих в сад. Вдоль одной стены бежали великолепные резные ступени. Хотя на мне была обувь с мягкой подошвой, мои шаги по черно-белому полу отдавались эхом и возвращались ко мне из темноты множества гостиных, пустых кухонь и окруженных галереями лестничных площадок.

— Миссис Саймонс? — закричал я, слишком тихо, чтобы меня кто-то услышал. И мой собственный голос тут же эхом вернул мне: «Миссис Саймонс?»

Я вошел в большой зал, высокий, пахнущий пылью и лавандой. Мебель в нем была старомодной, но не антикварной; обычная традиционная мебель, снискавшая популярность в середине пятидесятих годов, приземистая и дорогая, якобинская, по моде Гранд Рапидс¹. На другой стороне зала я увидел свою собственную бледную физиономию, отраженную в зеркале над камином, и быстро отвел взгляд, прежде чем меня снова начал охватывать страх.

Внизу миссис Саймонс нигде не было. Я заглянул в столовую, где пахло дымом свечей и прогорклыми грецкими орехами. В кладовую, которая, несомненно, была последним криком моды во времена, когда строился дом. В старомодную кухню с белыми мраморными столами.

¹ Гранд Рапидс, штат Мичиган, — центр мебельной промышленности США

Потом я вернулся в холл, сделал глубокий вдох и начал подниматься по лестнице на второй этаж.

Я был на середине пути, когда снова увидел бело-голубое свечение за дверями одной из спален. На секунду я застыл, вцепившись рукой в перила, но я знал, что нет смысла тянуть дальше. Или я сейчас узнаю, что означают эти электрические импульсы, или мне следует бежать отсюда со всех ног, забыв о мистере Саймонсе, Нийле Манци и обо всем подобном, в том числе и Джейн.

— Джон, — заговорил знакомый шепот прямо мне в ухо. Я снова почувствовал шевеление волос на голове, уколы медленно нарастающего страха. Из-под дверей спальни еще раз блеснул свет. В абсолютной тишине были слышны лишь приглушенные треск и гудение, которыми обычно сопровождаются мощные электрические разряды. Веяло ужасающим холодом.

— Джон, — услышал я снова, но на этот раз невыразительно, как будто два голоса шептали хором.

Я добрался до верха лестницы. Лестничная площадка была устлана ковром, когда-то толстым, теперь вытертым. На стенах кое-где висели картины. В царящей здесь темноте я не видел, что на них изображено. Лишь местами из темного масляного фона выступало чье-то бледное лицо, но я не замечал ничего больше, а свет зажигать не хотелось, чтобы не переполошить того, что так блестело и мигало в спальне.

Я долго стоял перед ее дверьми. Чего ты боишься? — допрашивал я сам себя. Электричества? Так в этом ли дело? Ты перепугался электричества? Не надо, ты ведь только что сам для себя выдумал прекрасную теорию, объясняющую существование духов, электрические матрицы, импульсы, образования, кучу подобного вздора, а теперь боишься открыть дверь и посмотреть на несколько гаснущих искорок? Ты сам веришь в свою теорию или нет? Ведь если не веришь, то ты вообще не должен был сюда приходить, ты должен был нестись в ближайший кабак, ведь это единственное место, где тебя наверняка не будут посещать никакие духи.

Я взялся за ручку двери и в ту же секунду услышал пение. Тихое, тихонькое, но достаточно выразительное, чтобы кровь стыла в жилах:

*Мы выплыли в море из Грейнигхед
Далеко к чужим берегам...*

Я закрыл глаза и как можно быстрее открыл их из страха, что кто-то или что-то появится, пока я не буду видеть.

*Но нашим уловом был лишь скелет,
Что сердце сжимает в зубах.*

Я невольно откашлялся, как будто должен был провозгласить тост. Потом нажал на ручку и осторожно открыл дверь.

Раздался оглушительный треск, ослепительно блеснул свет. Двери резко открылись, вырывая ручку из моей руки. Я стоял на пороге с открытым ртом, утратив дар речи; неспособный двигаться, я всматривался в то, что было у меня перед глазами.

Это была огромная, богатая спальня с большим занавешенным окном и резным ложем с балдахином. Напротив, в углу, стояла мерцающая, слепяще яркая фигура мужчины с широко распростертыми руками. Воздух вокруг него дрожал и потрескивал, насыщенный электричеством, конвульсивно извивались голубые молнии, как черви на сковороде. Лицо мужчины было длинным и худым, удивительным образом искривленным, глаза казались двумя черными пятнами. Но я видел, что он смотрит на потолок. С необъяснимым чувством страха я также поднял взгляд.

Там висела большая люстра на двенадцать рожков со множеством хрустальных подвесок и дюжиной позолоченных подставок для свечей. К моему удивлению, люстра качалась из стороны в сторону, а когда треск электричества утих, я услышал звон хрустальных украшений, рез-

кий и немелодичный, будто кто-то пытался их стряхнуть, как яблоки с дерева.

На люстре, растянувшись, что-то лежало. Нет, еще хуже. Кто-то лежал на люстре. Механически я сделал два или три шага вперед и уставился на потолок, совершенно ошеломленный, не веря своим глазам.

Это была миссис Саймонс. Каким-то чудом цепь, на которой висела люстра, пробила ее насквозь, и теперь она лежала лицом вниз на двенадцати разветвляющихся плечах, дергаясь и дрожа, как рыба на сковородке, цепляясь за подсвечники и хрустальные подвески, изворачиваясь в непонятной, невероятной муке.

— Боже, Боже, Боже, — лепетала она. Из ее рта текли струйки крови и слюны. — Боже, освободи меня, Боже, освободи меня, Боже, Боже, Боже, освободи меня.

Я посмотрел расширенными глазами на мигавший призрак, который все еще стоял на другой стороне спальни с поднятыми руками. На лице мужчины не было улыбки или гнева, только какая-то хмурая непонятная сосредоточенность.

— Сними ее! — закричал я ему. — Ради Бога, сними же ее!

Но мигающий призрак игнорировал меня, как будто мои слова совершенно не доходили до него.

Я снова посмотрел на миссис Саймонс, которая всматривалась в меня вытаращенными глазами из-за висящих подвесок. Кровь закапала на ковер, сначала капля за каплей, потом все быстрее, пока не хлынула ручьем. Миссис Саймонс сжала хрусталики, которые лопнули в ее руках. Обломки стекла прошили ее ладони и вышли с обратной стороны.

Я отступил на пару шагов для разбега, подпрыгнул, пытаюсь достать до люстры и сорвать ее с потолка. На первый раз мне удалось только схватиться одной рукой. Секунду я висел на люстре, а потом вынужден был ее отпустить. На второй раз захват мне удался лучше. Я медленно раскачивался вперед и назад, а надо мной миссис Саймонс содрогалась, истекая кровью и моля Бога о спасении.

Раздался треск, и люстра опустилась на пару дюймов. Потом рухнула на пол с оглушительным звоном, как тысяча разбитых стекол, увлекая за собой миссис Саймонс. Вся спальня была залепана кровью и осыпана осколками стекла.

Я неловко отскочил, но споткнулся, упал на колени. И немедленно вскочил опять. Призрак на другой стороне спальни побледнел и почти исчез, оставив вместо себя только дрожащий приглушенный блеск. Топча разбитое стекло, я подошел к миссис Саймонс, встал на колени и положил руку ей на лоб. Тело ее было холодным, как у трупа, но глаза все еще были раскрыты, а губы шевелились, что-то вполголоса бормоча.

— Спасите, — простонала миссис Саймонс, но в ее голосе уже не было никакой надежды.

— Миссис Саймонс, — сказал я. — Я позвоню в «скорую помощь».

Она с усилием подняла голову, чтобы посмотреть на меня.

— Слишком поздно, — выдавила она. — Я прошу только... вытяните эту цепь...

— Миссис Саймонс, я же не врач. Я не должен даже...

— Как тут холодно, — прервала она меня. Ее голова снова упала назад, на битое стекло. — О, Боже, мистер Трентон, как тут холодно. Пожалуйста, не уходите.

Я не знал, что я должен делать. С минуту я держал ее за руку, но, наверняка, она ничего не чувствовала. Я отпустил ее руку.

— Миссис Саймонс, я должен позвонить в «скорую помощь», — настойчиво повторил я. — Где тут телефон? Есть на втором этаже телефон?

— Только не уходите. Прошу вас, побудьте здесь со мной. Он может вернуться.

— Кто может сюда вернуться? Кто здесь был, миссис Саймонс?

— Только не уходите, — прошептала она. Ее веки уже начали дрожать, посылая последние безнадежные сигналы в исчезающий перед ней мир. В темноте я различил белки ее глаз. — Оставайтесь. Защитите меня от него.

— Но кто же здесь был, миссис Саймонс? — спросил я ее. — Вы должны мне все сказать. Это важно. Это был Эдгар? Это был ваш муж? Просто кивните, если здесь был ваш муж. Вы можете кивнуть?

Она закрыла глаза. Она дышала медленно и с трудом. Из ее горла вырывался хрип. Я знал, что должен вызвать «скорую помощь», но я также знал, что это не поможет. Было уже чересчур поздно.

Она умерла, не сказав больше ничего. Последнее дыхание вырвалось из ее легких долгим протяжным вздохом. Я с минуту посмотрел на нее, а потом встал. Стекло захрустело под моими ногами.

Собственно, мне вообще не нужно было спрашивать ее, появлялся ли сегодня Эдгар в этой комнате. Я знал, что это был он. Так же, как и призрак, появлявшийся на моих качелях, наверняка был призраком Джейн. Умершие возвращались, чтобы преследовать живых, которые их когда-то любили.

И я знал еще больше. С ужасом я отдал себе отчет в том, что эти призраки вовсе не были безвредной формой электричества. Эти призраки могли совершать ужасные, непонятные преступления. Могли и хотели.

Я нашел телефон на столике в холле. Я поднял трубку и глухо сказал:

— Прошу соединить с отделением полиции. Да, это срочно.

Глава 10

Сержант открыл дверь камеры, и Уолтер Бедфорд поспешно влетел туда, слишком быстро для тесного помещения. Он задержался, посмотрел на меня и чуть заметно покачал головой, как будто удивленный моим видом.

— Джон?

— Спасибо, что пришли, Уолтер, — сказал я. — Я благодарен вам.

— Вроде бы ты убил эту женщину? — бросил Уолтер. Он не положил папку.

— Да, она была убита. Но не мной.

Уолтер повернулся к сержанту, который привел его.

— Нет ли здесь места, где можно было бы спокойно поговорить?

Сержант немного помялся в нерешительности и наконец сказал:

— Лады, на другой стороне коридора есть комната для допросов. Но, сами понимаете, я должен буду оставить дверь открытой.

— Это не мешает, — уверил его мистер Бедфорд. — Проведите нас туда.

Сержант впустил нас в комнату с бледно-зелеными стенами, с обшарпанным столом и двумя складными стульями. На столе стояла переполненная пепельница, а вся комната просмердела старым табачным дымом.

— Нельзя ли открыть окно? — обратился мистер Бедфорд к сержанту, но полицейский только улыбнулся и покачал головой.

Мы сели друг против друга. Мистер Бедфорд открыл папку, вынул желтую стопку бумаги и снял колпачок с дорогой перьевой авторучки. Вверху он отметил дату, подчеркнул ее, затем написал «Дж. Трентон. Убийство». За дверями полицейский громко высморкался.

— Ты можешь мне сказать, что ты делал в доме этой женщины? — спросил мистер Бедфорд.

— Зашел повидаться. Хотел с ней поговорить.

— Согласно заявлению полиции, ты вошел в дом через окошко в подвале. Ты всегда именно так наносишь визиты?

— Я звонил в дверь, но никто не открывал.

— Если никто не открывает на звонок, то это обычно значит, что никого нет дома. Почему же ты не ушел?

— Я хотел уйти, но увидел чье-то лицо в окне на втором этаже. Лицо мужчины.

Уолтер Бедфорд записал: «лицо мужчины». Потом приступил к дальнейшим расспросам:

— Был ли этот кто-то тем, кого ты знал?

— Это был кто-то, о ком я только слышал.

— Не понимаю.

— Все очень просто, — объяснил я, — раньше этим же вечером миссис Саймонс подвезла меня из лавки в Грей-нитхед и рассказала мне о нем.

— Она его описала?

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь, что это был тот самый мужчина — тот, которого ты видел в окне?

— Но ведь это должен был быть он. Ведь он же не был обычным человеком.

— Что это значит: «не был обычным человеком»? А кем же он был?

Я поднял руки вверх.

— Уолтер, — сказал я. — Ты допрашиваешь меня таким образом, что мне на самом деле очень трудно объяснить все, что произошло.

— Джон, — ответил мистер Бедфорд. — Я допрашиваю так, как тебя будет допрашивать окружной прокурор.

Если ты не можешь объяснить, что произошло, когда я задаю тебе простые вопросы, то предупреждаю заранее, на допросе у прокурора у тебя будут очень даже серьезные хлопоты.

— Понимаю, Уолтер. Но сейчас я нуждаюсь в твоей помощи, а если я не расскажу тебе все по порядку, ты не сможешь мне помочь. Ты спрашиваешь меня только о фактах, но одних фактов здесь недостаточно.

Мистер Бедфорд скривился, но потом пожал плечами и отложил ручку.

— Ну хорошо, — уступил он. — Расскажи мне все по порядку. Только помни, что мы должны будем подогнать твои показания к общепринятым методам допроса в суде, иначе ты проиграешь, независимо от того, виновен ты или нет. Такие вот дела.

— Считаешь, я виноват?

По губам мистера Бедфорда пробежала легкая, но заметная судорога.

— Тебя нашли одного в неосвещенном доме с убитой женщиной. Раньше в этот же вечер несколько человек видели тебя с ней в автомобиле, а у полиции еще есть свидетели, которые утверждают, что ты был очень взволнован, прежде чем пошел к ней. Один из них сказал, что ты был «беспокоен и расстроен, будто что-то тебя мучило».

— Честнейший старина Кейт Рид, — с горечью проворчал я.

— Таковы факты, Джон. Неоспоримые факты. Нужно смотреть правде в глаза. Естественно, уж раз ты утверждаешь, что невиновен, я верю тебе, но может лучше было бы признаться, чтобы избавить себя от нескольких лишних лет в тюрьме. Роджер Адамс человек рассудительный, с ним можно всегда поторговаться. Или ты даже можешь свалить все на невинность.

— Уолтер, я невиновен и я вменяем. Я не убивал миссис Саймонс, и это все.

— Ты хочешь сказать, что это сделал тот, другой? Тот мужчина, который не был, по твоим словам, обычным человеком?

Я оттолкнул кресло и встал.

— Уолтер, ты должен выслушать меня. Мне трудно об этом говорить, а тебе еще труднее будет в это поверить. Но ты должен помнить только одно: это — правда.

Мистер Бедфорд вздохнул.

— Ну хорошо. Говори.

Я прошел через комнату и остановился у окрашенной в зеленое стены, повернувшись спиной к Уолтеру. Мне почему-то легче было говорить, стоя лицом к стене. Сержант сунул голову в двери, чтобы проверить, не выскочил ли я в окно, а потом спокойно вернулся к чтению газеты.

— Что-то удивительное творится в Грейнитхед этот весной, хотя я и не знаю, почему так происходит. Жители Грейнитхед видят удивительные вещи. Духов, если хочешь знать точно и если это все должно объяснить. Во всяком случае, призраки, мигающие и светящиеся призраки тех людей, которые жили в Грейнитхед и недавно умерли.

Мистер Бедфорд не ответил ни слова. Я мог себе представить, что он думает. Типичный случай убийства в состоянии временной невменяемости.

— Миссис Саймонс говорила мне в машине, — продолжал я, — что она видела и слышала своего умершего мужа, Эдгара. Она слышала, как он ходит по дому, она видела его в саду. Она говорила мне, что Чарли Манци, хозяин лавки в Грейнитхед, также видит своего погибшего сына, Нийла.

— Говори дальше, — сказал мистер Бедфорд голосом, холодным, как остывший пепел.

— Вчера под утро и я пережил что-то подобное. Я слышал, как кто-то качается на старых садовых качелях. Потом, когда вчера вечером я вернулся домой, я снова слышал скрип качелей, поэтому я вышел в сад.

— Естественно, — вмешался мистер Бедфорд. — Ну и что же это было?

— Не «что», Уолтер, только «кто».

— Ну, хорошо, будь по-твоему. Так кто же это был?

Я повернулся. Я должен был сказать ему это, глядя в глаза.

— Твоя дочь, Уолтер. Это была Джейн. Она сидела на качелях и смотрела на меня. Я стоял от нее на расстоянии не большем, чем сейчас от меня до тебя.

Сам не знаю, какой я ожидал реакции от мистера Бедфорда. Наверно, я ожидал, что он взорвется гневом, назовет меня мерзавцем или святотатцем и откажется заниматься моим делом. Ведь трудно ожидать от человека, чтобы он поверил в духов, пусть даже и при самых благоприятных обстоятельствах. Сама идея, что дух может укокошить старушку в доме у автострады, казалась исключительно мрачной шуткой.

Я сел, уперся руками в колени и выжидательно посмотрел на мистера Бедфорда. Его лицо покраснело и дрожало. Но я не мог прочесть выражения его глаз. Его взгляд был обращен внутрь, лицо не выражало ничего.

— Если хочешь, чтобы я поставил вопрос открыто, — продолжил я, — то я не убивал миссис Саймонс. Это сделал дух ее умершего мужа. Знаю, что этого ты не можешь сказать в суде...

— Ты видел Джейн? — неожиданно прервал меня мистер Бедфорд жестким голосом.

Я поддакнул, удивленный.

— Наверно, да. Собственно, я в этом даже уверен. Старина Кейт Рид пытался меня убедить, что это были огни святого Эльма или что-то в этом роде, но я же видел ее лицо, Уолтер, видел так ясно, как если бы...

— Ты не выдумал это? Ты не пытаешься меня надуть? Это не какая-то злобная шутка, чтобы отыграться на мне?

Я очень медленно покачал головой.

— У меня нет причин отыгрываться на тебе, Уолтер. Может, ты и обвинял меня в смерти Джейн, но ты никогда не делал мне ничего дурного.

— Когда ты ее видел, — начал мистер Бедфорд, с трудом выдавливая слова. — Когда ты ее видел, то как... как она выглядела?

— Несколько странно. Как будто похудела. Но это была все та же Джейн.

Мистер Бедфорд поднес руку ко рту, и я с удивлением увидел, что в его глазах блестели слезы.

— Она... что-нибудь говорила? — спросила он, проглатывая слюну. — Она что-нибудь сказала? Хотя одно слово?

— Нет. Но мне казалось, что я слышал ее пение. И я несколько раз слышал, как она шепчет мое имя. Вчера утром у тебя в кабинете, помнишь?

Мистер Бедфорд кивнул. Его охватило такое волнение, что он не мог говорить.

— Я слышал о таком. Конечно же, никто не хочет признаваться. Но ведь я улаживаю все формальности, касающиеся браков, рождения и смертей, поэтому и я сумел заметить — что что-то творится, так?

— Теперь я не понимаю, — признался я. — Так что же творится?

Мистер Бедфорд потянул носом, откашлялся и начал искать платок в кармане.

— Я мало что об этом знаю. Только то, что слышал от некоторых клиентов. Но многие люди считают, что Грей-нитхед вовсе не обычный городок. Многие считают, что если кто-то живет в Грей-нитхед, то он сможет еще раз увидеть своих покойных близких. Может, знаешь, что городок когда-то назывался «Восстание Из Мертвых», пока губернатор штата Массачусетс не приказал изменить название на Грей-нитхед? А назывался он так потому, что именно здесь умершие посещали живых, пока не соединялись с ними уже после их смерти.

— Значит, ты веришь мне, — потрясенно ответил я.

— А ты думал, что не поверю?

— Конечно. Я убил старушку и выдумал себе алиби — духа.

Мистер Бедфорд опять сложил платок.

— Ты на самом деле видел Джейн, — проговорил он. — Боже мой, как жаль, что меня там не было. Я отдал бы год жизни, только бы снова хоть раз ее увидеть.

— Ты не должен так говорить, — предупредил я его. — Эти призраки, кем бы они ни были, могут оказаться очень

опасными и злобными, судя по поведению духа Эдгара Саймонса.

Мистер Бедфорд улыбнулся и покачал головой.

— А ты и в самом деле можешь подумать, не представить, что Джейн была бы способна поступить злобно или жестоко?

— Не та Джейн, которую я знал, но...

— Джейн никогда не обидела бы никого при жизни или после смерти. Она была ангел, ты сам знаешь, Джон. Она была ангелом при жизни и такой же и осталась. Я должен рассказать об этом жене.

— Уолтер, мне неприятно возвращаться к этой теме, — сказал я. — Но я все еще не понимаю, как ты собираешься очистить меня от подозрений, если мое единственное алиби — это духи?

Мистер Бедфорд долго молчал. Потом он поднял на меня покрасневшие глаза.

— Миссис Саймонс была убита очень необычным способом, не так ли?

— Не только необычным, но и просто невозможным. По крайней мере, я этого сделать не смог бы. И ни один человек тоже.

— Вот именно, — подтвердил мистер Бедфорд. — Наверно, я поговорю с окружным прокурором. Наверняка мы о чем-нибудь договоримся. Он мой старый знакомый. Мы члены одного и того же гольф-клуба.

— Ты действительно думаешь, что сможешь что-то сделать?

— Во всяком случае, попробую.

Он встал и отложил бумагу. Он не мог сдержать улыбки.

— Я не могу дождаться, чтобы рассказать это Констанс, — заявил он. — Она будет прямо-таки восхищена.

— Никак не пойму, чем здесь можно восхищаться.

— Джонни, дорогой, ведь это же великолепная новость, во всех отношениях. Почти во всех отношениях. Как только тебя выпустят и ты вернешься домой, мы сможем посетить тебя, ведь так? И тоже увидим доченьку, Джейн.

Я не знал, что ему можно еще сказать. Я неуверенно подал ему руку, а потом плюхнулся на складной стул

так, будто кто-то приложил меня по голове увесистой палкой. Мистер Бедфорд вышел. Я слышал, как скрипят резиновые подошвы его ботинок по натертому полу коридора.

Сержант снова сунул голову в дверной проем.

— Чего ждешь? — бросил он. — Пора возвращаться за решетку.

Глава 11

Меня освободили ближе к вечеру под залог в семьдесят пять тысяч долларов. Залог внесла строительная фирма округа Эссекс, главным пайщиком которой была миссис Констанс Бедфорд. На дворе было светло, ветрено и сухо. Том Уоткинс, один из клерков Уолтера Бедфорда, ожидал меня и отвез домой.

Том Уоткинс был молод, носил небольшие встопорщенные усики и очень легко краснел. Он еще никогда не имел дела со случаем убийства, и я наверняка пробуждал в нем страх.

— Я читал полицейский рапорт о смерти миссис Саймонс, — сказал он мне по пути. — Ужасающая смерть.

Я поддакнул. Я не был в состоянии рассказать кому бы то ни было, как глубоко меня потрясли события прошедшей ночи. Я все еще чувствовал себя выведенным из равновесия, и при одних только воспоминаниях меня начинало тошнить. И все еще видел перед глазами эту цепь, пробившую внутренности миссис Саймонс, холодную и безжалостную, которую не могла убрать никакая человеческая сила. А хуже всего было, так это то, что я все еще был перепуган. Если духу мертвого мужа миссис Саймонс хватило сил и жестокости, чтобы пробить свою жену цепью, то что Нийл может сделать с Чарли Манци? А что может сделать Джейн? Из слов Уолтера Бедфорда было ясно, что Чарли, миссис Саймонс и я не были единственными людьми в Грейнитхед, которых посещали мигающие призраки умерших родственников.

По непонятным причинам казалось, что в этом году такие явления происходят активнее, чем обычно, хотя я

жил в Грейнитхед не так долго, чтобы знать, что значит «обычно». Миссис Саймонс упоминала, что эти явления сильно зависят от времени года, что летом они случаются чаще и более сильны, чем зимой. Один Бог знает, почему: может, летом воздух более пропитан электричеством, которое естественным образом усиливает призраки?

— Мистер Бедфорд вытащит вас из этого болота, — заговорил Том Уоткинс. — Надо только немного подождать. Он уже разговаривал с окружным прокурором, а завтра у него встреча с начальником полиции. По сути дела, полиция тоже не верит в вашу виновность. Они понятия не имеет, как миссис Саймонс была надета на эту цепь, и вообще не считают, что на эту цепь ее засадили вы. Вас же арестовали по формальным причинам, ну и просто, чтобы успокоить прессу.

— Значит, об этом пишут? Я еще не читал сегодняшних газет.

Том Уоткинс кивнул в сторону заднего сиденья.

— Там лежат местные ежедневные газеты. Смотрите сами.

Я потянулся и взял «Грейнитхедские ведомости». Заголовок гласил:

«Ужасное убийство в Грейнитхед. Вдова пробита цепью. Арестован местный торговец антиквариатом».

Ниже была траурная фотография миссис Саймонс десятилетней давности и моя фотография, сделанная перед лавкой «Морские сувениры» в день открытия.

— Неплохая реклама, — заявил я. Я сложил газету и бросил ее обратно на заднее сиденье.

Том Уоткинс въехал на Аллею Квакеров, свернул к моему дому и остановил машину.

— Мистер Бедфорд сказал, что позвонит вам позже вечером. Он должен договориться о визите.

— Да, — подтвердил я.

— Вам нужно что-нибудь еще? Мистер Бедфорд сказал, чтобы я доставил вам все, что вы пожелаете.

— Нет, это, наверное, все, большое спасибо. Сейчас мне, пожалуй, больше всего нужно выпить.

— Ну с этим, думаю, вы справитесь сами.

— Конечно. Благодарю, что подвезли. И прошу поблагодарить мистера Бедфорда.

Том Уоткинс уехал, и я снова стоял перед домом один, держа руки в карманах, не имея понятия, что ожидает меня в нем, какие удивительные явления, источника которых я не знал и о которых мог только догадываться, будут меня беспокоить. Откуда появляются эти призраки? С неба или из ада? Или, может быть, из какой-то неизвестной области возмущений, из запутанного мира психической энергии, где души умерших мерцают и плавно то исчезают, то появляются, как искаженные радиосигналы, которые иногда можно перехватить ночью?

Дом наблюдал за мной равнодушными, прикрытыми глазами. Я пересек садовую тропинку, вынул ключи и открыл входную дверь.

Все выглядело точно так же, как и вчера вечером. По крайней мере, у меня хватило ума выключить плиту, прежде чем я вылетел из дома. Наполовину приготовленная лазанья лежала на средней полке. Я вошел в гостиную. Огонь погас, пробравшийся через каминную вытяжку ветер выдул пепел на ковер. Мои книги лежали разбросанные по полу, а изображение «Дэвида Дарка» стояло, горделиво опираясь о ножку кресла.

Я прошел через комнату и выглянул через квадратные стекла окна в сад. Отсюда я видел часть спинки кресла качелей и кусок сада справа от тропинки. Вдали, над заливом, клубились серебристо-серые тучи. Чайки, размахивая крыльями, кружили над водой, как обрывки газет, несомые ветром. Я прижался лбом к холодному стеклу. Впервые в жизни я чувствовал себя побежденным.

Может, мне следует навсегда уехать из Салема? Продать дело и переехать в Сент-Луис? Может, у меня еще есть шанс получить прежнее место в «Мидвестерн Кемикал Билдинг»? Действительно, я потерял два года и должен был бы затратить много усилий, чтобы вернуть квалификацию, но что это значит в сравнении с теми ужасами, какие творятся в Грейнитхед? Особенно меня беспокоил

энтузиазм Уолтера Бедфорда, с которым он реагировал на сообщение, что я видел Джейн, какое-то нездоровое, опасное возбуждение.

Я как раз собирался налить себе выпить, когда от парадных дверей донесся звонок. Не Джордж ли Маркхем? Может, Кейт Рид? Лучше, чтобы это был не Кейт Рид. Вот уж я надеру ему уши за то, что он наболтал полиции, будто я был «беспокоен и взволнован».

— Уже иду, — закричал я и поспешил к двери.

За дверью, дрожа на вечернем ветру, стоял Эдвард Уордвелл, одетый в плащ в шотландскую клетку и вельветовую шляпу с козырьком.

— Извиняюсь за набег, — сказал он. — Но я слышал, что случилось, и просто обязан был с вами поговорить.

Честно говоря, его вид принес мне удивительное облегчение. В этом свихнувшемся доме любое общество было лучше, чем одиночество. К тому же я хотел поговорить с ним об изображении «Дэвида Дарка».

— Прощу, — пригласил я его. — Я еще не разжег камин. Я только что появился дома. Меня недавно выпустили.

— Вы думаете, ваш адвокат вытянет вас из этого? — спросил Эдвард Уордвелл, снимая шляпу и входя в холл.

— Надеюсь. Это мой тесть. Собственно, мой бывший тесть, раз моей жены уже нет. Уолтер Бедфорд из фирмы «Бедфорд и Виббер». У него широкие знакомства. Даже очень. Он играет в карты с судьей и в гольф с прокурором округа.

— Я знаю его, — ответил Эдвард Уордвелл. — Вы, наверное, забыли, что я знал вашу жену. Мы ходили вместе с ней на занятия по истории морских путешествий. Это было в Рокпорте, три или четыре года тому назад. Ваша жена была очень красива. Все ребята хотели гулять с ней. Красивая и способная девушка. Меня очень огорчило известие о ее смерти.

— Что ж, благодарю и за это, — ответил я. — Что-нибудь выпьете?

— Лично я предпочитаю пиво.

— В холодильнике есть «Хайнекен».

Эдвард Уордвелл вошел за мной в кухню. Я открыл бутылку, а он внимательно присматривался ко мне, когда я наливал пиво.

— Вы же не убивали эту бабулю, не так ли? — спросил он.

Я поднял на него взгляд. Потом медленно покачал головой.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— У меня есть некоторое представление о том, что здесь творится. Знаете ли, я не напрасно работаю у Пибоди. Никто лучше меня не знает морской истории Салема и Грейнитхед, может, за исключением семьи Эвелитов... Но ведь у меня нет доступа в их библиотеку.

— Вы знаете, что здесь творится?

— Ну конечно, — ответил он, взяв бокал из моей руки. Он сделал небольшой глоток, на его губах осела пена. — Грейнитхед известен духами, так же как Салем известен ведьмами. Хотя отцы города сделали все, чтобы это затушевать. По-моему, нет сомнений, что Грейнитхед — звено цепи, соединяющей мир духов, если можно так выразиться, и материальный мир. Это единственное такое место во всех Соединенных Штатах, может даже на всей планете.

— Значит, по-вашему... по-вашему, я совсем не отвечаю за то, что случилось с миссис Саймонс?

— Это возможно, но, по-моему, крайне маловероятно. Вы не знаете, конечно, что в течение последних десяти лет в Грейнитхед имели место шесть или семь смертельных случаев среди людей, которые недавно потеряли кого-то близкого. Что характерно, каждый раз смерть наступала при удивительных и необъяснимых обстоятельствах. Одного мужчину нашли утонувшим, с головой, засунутой в сливное отверстие ванны. Газеты твердили, что этот тип сунул голову в отверстие, чтобы увидеть, что мешает сливу, но полицейский рапорт говорит о чем-то другом. Отверстие в ванне было настолько мало, что в нем еле умещалась шея человека, так что этот тип никак не мог

всадить голову в отверстие. Врачам пришлось отрезать ему голову, а потом выдавить ее из канализации сильным потоком воды.

Я скривился, а Эдвард Уордвелл пожал плечами.

— Смерть миссис Саймонс была такой же, — заявил он. — Физическая невозможность. Это значит, что если бы вы захотели убить ее таким образом, то как, по-вашему, вы смогли бы это сделать?

— Никак. Все это напоминало какой-то кошмарный цирковой трюк.

— Вот именно, полиция тоже так считает. Они обязаны доказать в суде, что вы убили миссис Саймонс, но если вы неопровержимо докажете, что ни один человек не смог бы пробить ее цепью висящей люстры, то получите свободу.

— Пройдемте в холл, — предложил я. — Я хотел бы разжечь камин, пока не превратился в сосульку.

Мы вошли в холл. Я встал на колени перед камином, чтобы вычистить пепел. К счастью, возле камина были сложены сухие щепки и газеты для розжига, поэтому мне не нужно было выходить. Эдвард Уордвелл отставил бокал и поднял акварель с видом Грейнитхедского берега. Он небрежно присматривался к картине, а когда я отвернулся, разыскивая спички и за газетами, то краем глаза увидел, что он жадно уставился на корабль.

— Во всех шести или семи случаях, — продолжал он, — только двух человек обвинили в убийстве и обоих освободили после первого же дня суда. Всякий раз окружной прокурор приходил к выводу, что улики недостаточно. То же самое будет и с вами.

Я чиркнул первой спичкой и поджег ею край свернутой газеты.

— Откуда же вы так подробно все это знаете? — спросил я.

— Морская история Грейнитхед неразрывно связана со спиритической историей Грейнитхед. Это магическое место, мистер Трентон, как вы, наверное, сами убедились. Более того, эта магия реальна и опасна. Это не Дом Психов в Диснейленде.

Дерево начало разгораться. Я встал и отряхнул брюки.

— Я начинаю понимать, мистер Орвелл.

— Уордвелл. Но можешь звать меня просто Эдвард.

— Хорошо. Меня зовут Джон. — Впервые мы пожали друг другу руки.

Я кивнул в сторону акварели.

— Теперь я знаю, почему ты так жаждал получить эту картину. Вчера вечером я провел небольшое следствие и выяснил, что за корабль нарисован на заднем плане картины.

— Корабль? — повторил Эдвард.

— Не притворяйся, Эдвард, не прикидывайся простачком. Этот корабль — «Дэвид Дарк», наверняка, единственное изображение, которое сохранилось до нашего времени. Ничего удивительного, что картина стоит много больше пятидесяти долларов. Я теперь не отдам ее меньше чем за тысячу.

Эдвард дернул себя за бороду и начал яростно накручивать ее на пальцы. Он посмотрел на меня водянистыми глазами из-за круглых очков, наконец испустил длинный протяжный вздох. Снова до меня долетел запах конфет: анисовых и лакрицы.

— Я надеялся, что ты этого не обнаружишь, — признался он. — Боюсь, я сам вчера выставил себя идиотом. Нечего было гоняться за тобой. Следовало разыграть всю сцену спокойно.

— Ты заинтересовал. А теперь разбудил и надежду заработать.

— Я не могу заплатить больше трехсот долларов.

— Почему?

— Просто потому, что у меня нет больше.

— Но ты же говорил, что покупаешь для музея, — напомнил я ему. — Не пытайся меня убедить, что у музея есть только триста долларов.

Эдвард сел, не выпуская из рук картину.

— Правда такова, — начал он, — что музей вообще не знает об этой картине. На самом деле у Пибоди и понятия не имеют, что я сам, по своей воле, исследовал историю

«Дэвида Дарка». В Салеме, особенно у Пибоди, люди вообще не хотят разговаривать об этом корабле. Ты говоришь: «Дэвид Дарк», а они отвечают: «Никогда о подобном не слышали!» и чертовски ясно дают понять, что не хотят и слышать о нем.

Я налил себе виски и сел напротив него.

— Но почему? — спросил я. — Ведь этот Дэвид Дарк, по слухам, лично разговаривал с дьяволом или чем-то в этом роде, разве нет? Но я нигде не вычитал, почему название корабля убрали из всех реестров и почему люди не хотят о нем говорить?

— Ну в этом я и сам не вполне разобрался, — заявил Эдвард Уордвелл. Он допил пиво и отставил бокал. — Впервые я натолкнулся на имя Дэвида Дарка, когда закончил учиться и начал работать у Пибоди. Мне приказали приготовить небольшую витрину, такую специальную экспозицию, представляющую историю морской спасательной службы в окрестностях Салема и Грейнитхед на протяжении последних трехсот лет. Честно говоря, это было ужасно скучное занятие, если не считать истории одного или двух кораблей, перевернувшихся кверху брюхом. Но меня заинтересовал один из самых старых документов, которые я нашел. Это был палубный дневник спасательного корабля «Мимоза» из Грейнитхед. Видимо, капитан «Мимозы» был одним из лучших спецов восемнадцатого века по вытаскиванию кораблей. Ему удалось спасти один из китайских кораблей Элиаса Дерби, который, подгоняемый штормом, заплыл в устье реки Данверс и затонул на глубине в шесть саженей поблизости от мыса Туска. Этого капитана звали Пирсон Тарнер, и он очень скрупулезно вел дневник целых пять лет, с 1701 по 1706 год.

— Ну рассказывай дальше, — буркнул я и пошевелил кочергой поленья, чтобы они лучше горели.

— Теперь уже рассказывать почти нечего, — продолжил Эдвард. — В какой-то из годов, летом, вода в Салемском заливе упала исключительно низко, и многие даже небольшие корабли завязли в иле. Это было или в 1704,

или в 1705 году. В некоторых других дневниках и мемуарах также есть упоминания о низком уровне воды, так что это звучит правдоподобно. Именно тогда один из товарищей Пирсона Тарнера заметил ему, что в гуще ила к западу от пролива Грейнитхед торчит что-то, чертовски напоминающее носовой кубрик затонувшего корабля, наполовину погребенного в иле. Пирсон лично отправился посмотреть корабль, надев высокие сапоги, хотя он так и не смог подойти близко, поскольку слишком глубоко проваливался в ил. Однако прилив вынес на берег кусок фигурно вылитого железа, а Эйса Хаскет, хозяин «Дэвида Дарка», признался, что этот обломок мог бы происходить с его исчезнувшего судна.

— Исчезнувшего? Значит, «Дэвид Дарк» исчез?

— Да. Он вышел из Салемского залива в последний день ноября 1692 года — я знаю это лишь потому, что один из первых хозяев побережья в Салеме упоминает об этом случае в своих мемуарах. Он пишет более или менее так: «Штормовой ветер с северо-запада дул три дня и не казалось, что погода исправится, но «Дэвид Дарк», невзирая на опасность, поставил паруса, единственный корабль, который выплыл из порта за всю эту страшную неделю. Его поглотила буря и никогда больше его не видели в Салеме». По крайней мере таков общий смысл написанного. Если хочешь, могу принести эти мемуары.

— Но какую связь это имеет с призраками в Грейнитхед? — спросил я. — Наверняка же здесь у берегов целая куча затонувших кораблей.

Огонь в камине уже бушевал, поэтому Эдвард расстегнул пиджак.

— Подожди, принесу тебе еще пива, — сказал я.

Я вышел в кухню. У подножия лестницы я на секунду остановился и напряг слух. Я еще не был наверху с тех пор, как увидел тот мигающий свет вчера ночью. Я только молился Богу, чтобы меня не ждало там что-то, чего я не хотел бы видеть. Я также молился о том, чтобы Джейн не появлялась вторично, чтобы она не навещала отца и мать, а тем более меня. Она была мертва, и я хотел, чтобы она

оставалась мертвой для ее же блага и для блага нашего неродившегося ребенка.

Когда я вернулся с пивом, Эдвард просматривал «Великих людей Салема».

— Спасибо, — буркнул он и добавил: — А у тебя самого не бывает проблем?

— Проблем?

— Ты не заметил никаких признаков, свидетельствующих о том, что Джейн пытается связаться с тобой? Или, может, ты что-то слышал? Ведь большая часть сверхъестественных явлений в Грейнитхед — это явления скорее звуковые, чем визуальные.

Я сел и тут же встал, заметив, что мой стакан пуст.

— Я... э-э-э... нет. Ничего подобного. Наверно, это касается только коренных жителей Грейнитхед. А не нас, приезжих.

Эдвард кивнул, будто бы принимая мои слова к сведению, но не совсем в них веря.

— Ты говорил о связи между призраками и «Дэвидом Дарком», — напомнил я ему.

— Что же, должен тебя честно предупредить, что в строго научном смысле вся эта связь притянута за уши. Такое открытие не заслуживает награды. Ведь я не знаю, с каким миром мы имеем тут дело, не знаю; не знаю, почему появляются эти духи и каким образом. Может, это какая-то мерзкая природная аномалия, что-то, связанное с погодой или с географическим положением. Может, Грейнитхед — как Остров Вознесения: место, где случайно, по абсолютно непонятным причинам, сложились условия, благоприятствующие появлению духов?

— Но все же ты же думаешь, что все это из-за корабля?

— Я склонен полагать, что из-за корабля. А склонен я думать так потому, что раскопал два замечания, касающихся последнего рейса «Дэвида Дарка». Одна запись была сделана перед выходом корабля в плавание. Вторая же — почти восемьдесят лет спустя. Более раннюю я нашел в самой нудной книге, которую только можно себе представить: в монографии о корабельном строительстве

и обработке металла, написанной в конце семнадцатого века. Ее написал кораблестроитель из Бостона по фамилии Пимс, и должен тебе сказать, что тип этот был ужасным брюзгой. Но в конце книги он упоминает о двух котельщиках из Салема, Перли и Фиске, которые якобы великолепно справились с заданием, выполняя по заказу «большой медный ящик», помещенный затем в трюме «Дэвида Дарка», чтобы «запереть в нем Великую Мерзость, коя так измучила Салем, что от всего сердца желаем от сего избавиться».

— Ты знаешь это на память? — заметил я с неожиданным восхищением.

— Я достаточно часто к этому возвращался, — ответил Эдвард. — Но Джейн на самом деле знала историю на память. Она могла цитировать даты и имена, как компьютер.

— Да, — подтвердил я, припомнив, как Джейн запоминала номера телефонов и даты рождения. Собственно, я не хотел разговаривать о Джейн с Эдвардом Уордвеллом; это была слишком деликатная тема, к тому же я чувствовал абсурдную ревность при мысли, что Эдвард знал ее раньше меня.

— А второе упоминание? — спросил я.

— Более поздняя запись, сделанная восемьдесят два года спустя. Это фрагмент записок преподобного Джорджа Нурса, который большую часть жизни жил и работал в Грейнитхед. Преподобный Нурс рассказывает, что однажды, в 1752 году, он пребывал у смертного одра старого боцмана из Грейнитхед, который просил, чтобы его душу поручили особой опеке Бога, поскольку в юности он подсмотрел, как вносили последний, тайный груз на «Дэвида Дарка», хотя его остерегали, что каждый, кто увидит, будет покаран вечным странствием по земле и не избавится от этого проклятия ни живым, ни мертвым. Когда преподобный Нурс спросил боцмана, что же это был за груз, на боцмана напали конвульсии и он начал вопить что-то о Мике-ножовщике. Преподобный Нурс был этим очень обеспокоен и начал расспрашивать всех ремеслен-

ников, изготавливающих ножи в округе Салема, но ни один из них не мог объяснить слова боцмана. Но сам преподобный твердил, что позже, после смерти боцмана, он видел его собственными глазами на углу улицы Деревенской.

Я сел поглубже в кресло и задумался о том, что услышал от Эдварда. В обычных обстоятельствах я считал бы это сказочками, высосанными из пальца. Теперь же я знал, что предсказательницы, демоны и другие сказочные создания могут существовать на самом деле, и если такой серьезный молодой человек, как Эдвард Уордвелл, был убежден, что корпус «Дэвида Дарка» оказывает какое-то влияние на жителей Грейнитхед, то и я был готов отнестись ко всему этому серьезно.

А что мне говорила та старая колдунья в парке «Любимые девушки»? «Неважно, когда умираешь; важно где умираешь. Существуют определенные сферы влияний, и иногда люди умирают вне их, а иногда и внутри. Появилось влияние, а потом исчезло, но бывают места, в которых, по-моему, оно не исчезало никогда».

— Ну что ж, — наконец сказал я. — Догадываюсь, что ты хочешь получить эту картину, ведь на ней можно найти какие-то указания относительно таинственного груза «Дэвида Дарка».

— Не только, — ответил Эдвард. — Я хочу как можно более точно знать, как выглядел этот корабль. У меня есть один эскиз, который якобы представляет «Дэвида Дарка», но он даже и в половину не такой подробный.

Он посмотрел на меня и снял очки. Я знал, он ждет, что я отдам ему картину, что я снижу цену с тысячи долларов до трехсот. Но я не собирался уступать. Все же оставалась вероятность, что Уордвелл — всего лишь хитрый, умный и речистый мошенник, что он сам выдумал эту историю о Пирсоне Тарнере, преподобном Нурсе и Мике-ножовщике. По сути дела, я так не считал, но, несмотря на это, все равно не хотел отдавать ему картину.

— Подробности на этой картине необычайно существенны, — заявил Эдвард. — Хотя по художественным

достоинствам картина слаба, но она была нарисована с достаточно большой точностью, а это значит, что я могу приблизительно определить, насколько велик был «Дэвид Дарк», из скольких частей состоял его корпус и какую форму имели надстройки. А это в свою очередь означает, что когда я его найду, то буду уверен, что нашел именно его.

— Когда что? — удивился я. — Когда ты его найдешь?

Эдвард снова надел очки и слегка улыбнулся со скромной гордостью.

— Вот уже семь месяцев я ныряю в проливе Грейнитхед, пытаюсь найти его. Зимой я не очень-то мог этим заниматься, но теперь, когда пришла весна, я собираюсь серьезно взяться за работу.

— А какого дьявола ты его ищешь? — спросил я. — Раз он имеет такое влияние на жителей Грейнитхед, то пусть уж лучше лежит в воде.

— Скорее в иле, — запротестовал Эдвард. — К этому времени он наверняка сел достаточно глубоко. Для нас было бы счастьем увидеть хотя бы верхушки его мачт.

— Нам? Кто это «мы»?

— Мне помогают несколько ребят из музея и Дан Басс из местного клуба аквалангистов. А Джилли Маккормик — мой неофициальный наблюдатель, и еще она ведет корабельный журнал.

— Ты на самом деле веришь, что вы найдете этот корабль?

— Так я думаю. С этой стороны пролива не так уж глубоко, так как на дно садится ил. Мы уже нашли там десятки корпусов, но почти все — это яхты и небольшие лодки, относительно новые. Мы нашли остатки великолепной моторной лодки «Додж» выпуска 1920 года, которая затонула максимум шесть месяцев назад. Летом же мы хотим прощупать дно моря подводным сонаром, чтобы как можно более точно определить положение «Дэвида Дарка».

— Но он же наверняка давно сгнил. От него ничего не осталось.

— Думаю, осталось, — возразил Эдвард. — Ил в том месте настолько жидкий, что в него можно легко погрузить руку по локоть. В одном месте я чуть не провалился в него по пояс. Если «Дэвид Дарк» затонул где-то там, то он погрузился в ил по ватерлинию, а потом постепенно опускался все глубже. Все деревянные части сохраняются под илом великолепно. К тому же мимо залива Грейнитхед протекает исключительно холодное течение, впадающее в Салемский залив, оно должно законсервировать открытые части корабля. Грибы и бактерии не любят холодной воды, так же, как и морские ракушки, и древоточцы.

— Крайне благодарен за лекцию по морской биологии, — буркнул я. — Но на что ты надеешься, если в конце концов все же найдешь «Дэвида Дарка»?

Эдвард посмотрел на меня с предельным удивлением и развел руками.

— Конечно же, мы поднимем его на поверхность, — заявил он так, будто это было очевидно для всех с самого начала. — А потом проверим, что же находится в его трюме.

Глава 12

Эдвард Уордвелл подвез меня на своем обшарпанном голубом «джипе» до рыбного ресторана «Западный Берег», а я поставил ему обед: суп из моллюсков и антрекот. Впервые за последние два дня я почувствовал, что по-настоящему голоден. Я уплел двойную порцию ирландских булочек к супу и внушительную тарелку салата ко второму.

Ресторан был украшен рыбацкими сетями в стиле, распространенном на всем побережье Новой Англии, но в нем царил уютный полумрак, все выглядело нормально, а моллюски шли в горло великолепно.

После переживаний последней ночи единственное, чего бы я хотел, так это спокойного уголка и вкусной еды.

Эдвард рассказал мне, что он начал плавать с аквалангом в Сан-Диего, когда ему было всего пятнадцать лет.

— Аквалангист из меня так себе, — заявил он, — но это, видимо, только увеличивает мой интерес к подводной археологии.

Опровергая популярное мнение, гласящее, что Тихий океан и Карибское море прямо-таки кишат обломками испанских кораблей с золотом, Эдвард заявил, что лучше всего сохранившиеся корабли всегда находятся в северных водах.

— Например, в Средиземном море деревянный корабль выдержит в воде пять лет. В водах Тихого океана максимум год, если повезет. Изделия из железа выдерживают в теплых морях только от тридцати до сорока лет.

Он рисовал пальцем кружки на поверхности стола.

— Изучая морскую археологию, начинаешь понимать, что никакого «просто океана» нет. В разных местах под водой царят разные условия, так же, как и на суше. Возьмем, например, «Вазу», который затонул в Стокгольмском заливе в 1628 году и был извлечен почти целым в 1961 году. Корпус сохранился удивительно хорошо просто потому, что в холодных морях нет моллюсков, которые точат дерево. А в Сойленте, у входа в залив Саутгемптон и залив Портсмут в Англии, корпус «Ройял Джордж» пролежал на дне пятьдесят три года и совсем неплохо сохранился. «Эдгар» спустя сто тридцать три года после затопления все еще обходится стороной другими кораблями. Классический пример — это, конечно, «Мэри Роуз», утонувшая в 1545 году, почти на сто пятьдесят лет раньше, чем «Дэвид Дарк», однако сохранившаяся, точнее, сохранилась та часть ее корпуса, которая была погребена в иле.

— Но подъем «Вазы» и «Мэри Роуз» стоили сотни тысяч долларов, — напомнил я ему. — Каким чудом ты хочешь поднять «Дэвида Дарка», если у тебя даже нет тысячи долларов, чтобы заплатить за картину?

— Сначала я должен локализовать корабль, доказать, что он находится в этом месте. Лишь после этого я могу обратиться к музею Пибоди, Институту Эссекса и городскому совету по поводу сбора средств.

— Ты очень уверен в себе.

— Приходится. Есть две крайне существенные причины поднять этот корпус. Во-первых, сама его историческая ценность. Во-вторых, то безумное влияние, которое он оказывает на жителей Грейнитхед.

— Ну, со вторым я согласен, — признался я. Я кивнул кельнеру, чтобы тот принес очередную порцию виски.

— У меня великолепная идея, — заявил Эдвард. — Почему бы тебе не поехать со мной, чтобы понырять во время уикэнда? Если погода будет сносная, то мы планируем поездку в субботу утром и, может, в воскресенье.

— Шутить? Я никогда в жизни не надевал акваланг. Напоминаю, я родом из Сент-Луиса.

— Я тебя научу. Это же легче легкого. Под водой, конечно, темновато, но ведь это же не Бермуды. И тебе понравится, как только ты немного привыкнешь.

— Честно говоря, не знаю, — еще противился я.

— Хотя бы попробуй, — настаивал Эдвард. — Послушай, хочешь узнать, что случилось с миссис Саймонс? Хочешь узнать, какого дьявола эти духи шастают по Грейнитхед?

— Конечно.

— Тогда я позвоню тебе в субботу утром, если погода улучшится. Только тебе нужно будет взять с собой теплый свитер, штормовку и плавки. Я же улажу дело с комбинезоном и всем остальным, необходимым для ныряния.

Я выдул остатки виски.

— Надеюсь, со мной не случится ничего страшного.

— Я уже сказал, будешь в восторге. Но... только помни, нельзя есть слишком много на завтрак. Если захочется порыгать под водой, то это может быть опасно, даже смертельно.

— Спасибо за предупреждение, — я криво улыбнулся. — Допустима ли с утра овсяная каша?

— Вполне допустима, — совершенно серьезно ответил Эдвард. Потом он посмотрел на свои водонепроницаемые часы для работы под водой и заявил: — Мне пора. Моя сестра приезжает сегодня из Нью-Йорка, и я не хочу, чтобы она ждала под дверью.

Эдвард отвез меня домой. Приехав, он затормозил так резко, что джип затрясся в пляске святого Витта.

— Сказать кое-что интересное? — бросил он. — Когда-то я проверял, откуда взялось название «Аллея Квакеров», которое всегда казалось мне бессмысленным, поскольку тут никогда не было никаких квакеров. Как тебе известно, главные их поселения были в Пенсильвании, в то время как здесь, в Грейнитхед, я не нашел никаких исторических упоминаний о квакерах до середины девятнадцатого века.

— Ну и что, ты узнал все-таки, откуда происходит это название?

— В общем-то, да, но, собственно, чисто случайно. Из старой книги, которую прислала в музей старая миссис Сеймур, она все время нам что-то высылает, чаще всего разное тряпье, вытянутое с чердака. Но в этой книге на странице с названием кто-то написал: «Аллея Кракер, Грейнитхед».

— Кракер? Но ведь это по-французски?

— Вот именно. И это значит: «лопаться, ломаться».

— Но почему же выдумали такое название?

— Меня не спрашивай. Я специалист только по морской истории. Может, поверхность земли постоянно лопалась. Тогда носили гробы на Кладбище Над Водой, помнишь, так может, назвали этот путь Аллеей Кракер, потому что гробы очень часто падали на землю и лопались, разбиваясь. Кто знает?

— Именно за это я так люблю историков, — неожиданно заявил я. — Именно за то, что они никогда не могут прояснить ни одного дела окончательно.

Я вылез из джипа и захлопнул дверцу. Эдвард опустил стекло со своей стороны.

— Благодарю за обед, — кричал он. — Ну и... удачи тебе с фараонами.

Джип уехал, подскакивая на выбоинах и разбрызгивая колесами воду. Я вошел в дом, налил себе еще виски и решил немного прибраться. Миссис Херрон, живущая в доме Бедфордов, присылала мне дважды в неделю, по вторникам и пятницам, свою служанку Этель «для услуг»: застелить кровати, пропылесосить ковры, вымыть окна и так далее. Но я и сам любил, чтобы в доме было чисто, и всегда любил свежие цветы. Они напоминали мне счастливые дни с Джейн — лучшие дни во всей моей чертовой жизни.

В этот вечер я сел у камина и прочитал все, что только мог найти, о затонувших кораблях, погруженных в воду, и об историческом прошлом Салема и Грейнитхед. Прежде чем часы фирмы «Томпион» пробили полночь, прежде чем стих ветер и дождь прекратил хлестать, я уже знал о подъеме затонувших судов достаточно много, хотя, конеч-

но, мне было еще далеко до эксперта. Я разгреб кочергой догоравшие поленья в камине, потянулся и подумал, что, пожалуй, заслужил напоследок еще одну порцию виски. Странное дело: пьянствуя в одиночку, я никогда не мог напиться. Но при этом похмельем я все же страдал. Явно незаслуженная кара.

Я позапирал двери на ключ и забрал с собой последнюю порцию «Шивас», затем напустил полную ванну горячей воды и медленно разделся. Я не спал две ночи подряд и чувствовал себя выжатым как лимон.

Я растянулся в ванне, закрыл глаза и старался расслабиться. Напряжение медленно уступало. Я слышал лишь капанье воды из душа, в котором никогда не удавалось плотно закрутить кран, и тихое потрескивание лопающихся пузырьков пены.

Теперь, когда буря миновала и утихло легкое завывание ветра, я боялся много меньше. Может, думал я, духи прилетают с ветром, как Мэри Поппинс, а когда ветер меняется или прекращается, они оставляют нас в покое? И молил Бога о безветренной погоде. Но добавлял одно условие: в субботу утром, хотя бы на пару часов, должен разыграться шторм, чтобы мне не пришлось нырять с Эдвардом.

Я лежал в ванне, когда услышал тихий шепот. Я тут же открыл глаза и начал прислушиваться. Ошибки быть не могло. Это был тот же шепот, который я слышал внизу, в библиотеке, приглушенный, почти непонятный поток святотатственных ругательств. Меня опять затрясло, а вода в ванне показалась грязной и холодной.

Я уже не мог сомневаться. Мой дом был одержим нечистой силой. Я чувствовал ледяное дуновение чьего-то присутствия так, будто все двери внизу бесшумно открылись и холодный ветер гулял по коридорам. Я сел в ванне. Вода плеснула слишком коротко и слишком глухо, словно недоработанный звуковой эффект.

Лишь затем я посмотрел на зеркало, подвешенное над ванной. Оно было покрыто теплым паром, пар начал местами конденсироваться гуще, и на поверхности зеркала

сформировалось что-то вроде лица с вытаращенными глазами. Капли воды стекали с почерневших глазных ям, как слезы, капали из уголков рта, как кровь, и хотя я знал, что это только конденсирующаяся влага, мне казалось, что это лицо живет, словно бы чей-то дух, обитающий под посеребренной поверхностью зеркала, отчаянно пытается освободиться, связаться с внешним миром.

Я встал, расплескивая воду, потянулся за мочалкой, лежащей на краю ванны, и тремя резкими движениями стер пар, так что зеркало снова было чистым; но в нем я увидел только свое перепуганное лицо. Я вылез из ванны и завернулся в полотенце.

Это же все бессмысленно, говорил я себе, направляясь в спальню. Если каждую ночь меня будут преследовать шепоты и призраки, то мне лучше убраться отсюда. В «Архитектурал Дайджест» я читал об итальянце, который жил в огромном палаццо вместе с «шумным духом», и это ему нисколько не мешало, но я не был ни так же храбр, ни так же спокоен, чтобы терпеть подобные вещи в своем доме. В этих шепотах звучала какая-то омерзительная похоть, а все видения были полны ужасающего страдания. У меня было чувство, что я заглядываю прямо в чистилище, хмурое преддверие ада. Самое худшее, что там была и Джейн, та самая Джейн, которую я обожал, на которой женился и которую все еще любил.

Я вытерся насухо, вычистил зубы и проглотил таблетку снотворного, полученного от доктора Розена. Я взял с собой в постель книгу о строительстве Панамского канала. Уже давно пробило час, и в доме царила тишина, только напольные часы в холле непрерывно тикали и вызванивали четверти часа.

Сам не знаю, когда я заснул. Я очнулся и увидел, что ночная лампа неожиданно стала тускнеть, как будто в сети падало напряжение. Свет делался все слабее и слабее, пока наконец спираль внутри колбы не замигала оранжево, как умирающий светлячок, и не погасла.

Потом стало холодно. Температура резко начала падать, совсем как прошлой ночью в библиотеке. Пар

вырывался из моего рта. Я плотно закутался в одеяло, чтобы не замерзнуть.

Я услышал смех, шепот. В доме были какие-то люди! Наверняка были! Я услышал шорох ног по полу, как будто пять или шесть человек поспешно поднимались вверх. Но шум неожиданно затих, дверь осталась запертой, и никто так и не появился.

Я лежал, замерев в одном положении, опираясь на локоть и завернутый в одеяло. Рука у меня уже ныла, но я боялся пошевелиться. Вчера утром, вспоминая, как лихо я вломился в дом миссис Саймонс, я пыжился как петух, считая себя отчаянным храбрецом, но теперь, посреди ночи, слыша этот шепот и шум под дверьми спальни, я помнил только, что ужасно боялся.

— Джон-н-н! — прошептал чей-то голос. Я огляделся, изо всех сил стискивая зубы. — Д-ж-о-н, — повторил голос. У меня уже не было сомнений в том, чей это был голос.

— Джейн? — сипло прохрипел я. — Ты ли это?

Постепенно в ногах кровати начала появляться ее фигура. Не такая ослепительно яркая, как раньше, но такая же мигающая, как сообщение, передаваемое по гелиографу. Худая, с запавшими глазами, с волосами, волнующимися на каком-то невидимом, неосязаемом ветру, с воздетыми руками, словно она показывала, что хоть и мертва, но не тронута тлением. Но больше всего меня ужаснуло, что она чрезвычайно высока. В Джейн, облаченной в туманные белые одежды, было более семи футов роста, она почти достигала головой потолка, и выражение ее вытянутого лица было таким, что меня охватил ледяной ужас.

— Джон?! — снова прошептала она, не раскрывая рта, после чего словно бы поплыла над кроватью в мою сторону. Ее фигура то появлялась, то исчезала, и я смотрел на нее словно сквозь легкую завесу. Но чем ближе она подплывала, тем больший я чувствовал холод и тем явственнее слышал электрическое потрескивание ее развесающихся волос.

— Джейн, — повторил я сдавленно. — Это не ты. Ты же мертва, Джейн! Тебя же нет, ты не живешь!

— Джон... — вздохнула она, и это прозвучало так, будто пять или шесть голосов говорили одновременно. — Джон... люби меня...

На минуту вся моя храбрость и рассудительность исчезли. Гравитационная черная дыра паники втянула меня в себя с непреодолимой силой. Я спрятал голову под одеяло, плотнее прикрыл глаза и закричал в подушки:

— Это же неправда! Это только сон! Ради Бога, скажи, что это сон!

Я ждал под одеялом с закрытыми глазами, пока не начал задыхаться. Потом открыл глаза, но ничего не увидел, потому что лицо мое было закрыто одеялом. Но рано или поздно я буду вынужден высунуть нос из-под одеяла и противостоять тому, от чего ушла Джейн, чтобы шепот стих, чтобы в доме снова стало тепло и безопасно. Потом я все-таки снял одеяло с лица и поднял взгляд. То, что я увидел, заставило меня взвизгнуть еще раз. Надо мной, от силы в четырех или пяти дюймах, склонялось лицо Джейн. Она смотрела мне прямо в глаза. Казалось, она непрерывно менялась: она выглядела то молодой и соблазнительной, то отвратительной старухой. Глаза ее были пусты и непроницаемы, совершенно безжизненны. Все это время ее лицо хранило выражение невозмутимого покоя и мягкости, в точности такое же, как и тогда, когда она лежала в гробу, когда ее хоронили.

— Джон, — послышалось где-то в моей голове.

Я не мог говорить. Я был слишком испуган. Джейн не только вблизи всматривалась в меня, но и лежала, вернее, парила вертикально надо мной, не касаясь меня, в пяти или шести дюймах над постелью. От нее веяло холодом, как будто паром от сухого льда, я чувствовал, как изморозь оседает у меня на волосах и ресницах. Джейн все парила надо мной, ледяная и неземная, запертая в каком-то измерении, где вес и гравитация не имеют совершенно никакого значения.

— Возьми меня... — прошептала она. Ее голос звучал гулко, как будто раздавался в длинном пустом коридоре. — Джон... войди в меня...

Одеяло соскользнуло с кровати, как будто само неожиданно ожило. Теперь я лежал голый, а мигающий призрак Джейн завис надо мной, шептал мне, морозил ледяным дыханием и молил о любви.

Она не двигалась, но у меня все равно было впечатление, что какая-то ледяная ладонь продвигается по моему лбу, касается щек и губ. Холод пополз вниз по голому телу. пощипал за соски на груди, коснулся мышц на груди, начал обнимать бедра. Потом коснулся моей мошонки, пока не зашевелился мой член. Несмотря на весь свой страх, несмотря на неудобство положения, я почувствовал, как он набрякает, увеличивается и поднимается.

— Войди в меня... таким большим... Джон... — наполовину простонал, наполовину прошептал голос, в котором свивалось множество голосов. Холод обхватил мой член и начал пробегать по нему, массируя, вверх и вниз, а во мне начал нарастать безумный оргазм, которого я не ощущал уже более месяца. — Какой он у тебя хороший... Джон...

— Это же сон, — провыл я. — Это невозможно. Ты же ненастоящая. Тебя нет в живых, Джейн. Я же видел тебя мертвой. Тебя нет в живых.

Холодный массаж продолжался, пока я не почувствовал, что сейчас, вот-вот... Это напоминало секс, но все было каким-то совершенно иным. Я чувствовал скользкость и мягкость, возбуждающее прикосновение волос на лоне — но только все это было ледяным. Мой член побелел от холода, а тело покрылось гусиной кожей.

— Джейн, — сказал я. — Это же неправда. — И когда член задергался, я знал, что это неправда, знал, что это невозможно, знал, что не мог заниматься любовью со своей мертвой женой. Но когда на мой голый живот брызнула сперма, я услышал мерзкий скрипящий звук, и лицо Джейн, несясь ко мне с неправдоподобной скоростью, взорвалось фонтаном крови и осколков стекла. И на одно страшное мгновение ее лицо коснулось меня — с содранной живьем

кожей, обнаженными костями скул, выбитыми, раскачивающимися глазами, окровавленными зубами, скалящимися из-за бесформенных разможенных губ.

Я скатился с кровати и покатился по полу так быстро, что ударился о столик и сбросил на пол звонкий дождь предметов: бутылочек с кремом для бритья, фотографий в рамках, разных безделушек. Фарфоровая ваза, разрисованная цветами, раскололась на моем черепе.

Дрожа, я посмотрел на смятую постель. Там ничего не было: ни крови, ни тела, ничего. Я чувствовал, как по моему телу сплывает пятно спермы, и коснулся липкой сырости на моем теле. Это был кошмарный сон, повторял я себе. Эротический кошмар. Помесь страха и голода по женщине, перемешанная с воспоминаниями о Джейн.

Я вообще не хотел возвращаться на ложе. Я боялся заснуть. Но было два часа ночи, и я чувствовал такую усталость, что мечтал только об одном: заползти под одеяло и закрыть глаза. Я сдвинул виски руками, пытаюсь успокоиться.

Через минуту я заметил, что на простыне начинают появляться какие-то коричневые пятна, напоминающие следы горелого. Некоторые из них даже слегка дымились, как будто кто-то выжигал их снизу раскаленным прутом или концом сигареты. Завороженный и полный страха, я смотрел, как перед моими глазами появляются кружочки, петли, перекладины.

Они были смазаны, трудночитаемы, но это несомненно были буквы. СП... И... О... Л...

СПАСИ МЕНЯ? СПАСЕНИЕ?

И тогда меня осенило. Правда, я напал на эту мысль лишь потому, что накануне общался с Эдвардом Уордвеллом. Но все сходилось так великолепно, что у меня не появилось и тени сомнения, что буквы могут означать что-то иное. Не СПАСИ МЕНЯ или СПАСЕНИЕ, а только СПАСИ КОРАБЛЬ.

Через посредника, духа моей жены, что-то, что находилось под водой, в трюме «Дэвида Дарка», молило о спасении.

Глава 13

Оставшуюся часть ночи меня ничто не беспокоило, и я спал почти до семи часов утра. Перед самым ленчем я поехал в деревню Грейнитхед, оставил машину посреди рынка и пошел по мощеной улице к лавке «Морские сувениры».

Грейнитхед был уменьшенной копией Салема, скопием домов постройки восемнадцатого и девятнадцатого веков и множества лавок, сгруппировавшихся вокруг живописного рынка. Три или четыре узкие крутые улочки вели от рынка вниз, к живописной полукруглой пристани, где и теперь всегда было полно яхт.

До середины пятидесятых годов Грейнитхед был замкнутым, забытым рыбацким поселением. Но в конце пятидесятых и в начале шестидесятых рост благосостояния среднего класса привел к распространению парусного спорта и океанической рыбной ловли, вследствие чего Грейнитхед быстро стал привлекателен для всех, кто желал иметь домик над морем в паре часов езды автомобилем от Бостона. Энергичная комиссия выдоила достаточно денег из федеральных фондов и фондов штата, чтобы реставрировать все прекрасные и исторические здания в Грейнитхед, разрушить старые кварталы рыбацких домишек и заменить нищие ободранные лавки на побережье рядами ювелирных магазинов, салонов мод, галерей, кондитерских, кофеен, рыбных ресторанов и других модных, элегантных и экстравагантных магазинов, какие можно увидеть в каждом современном торговом центре Америки.

Я часто задумывался, можно ли сейчас в Грейнитхед купить обычную еду и обычную посуду для домашнего хозяйства? Ведь не всегда же человек хочет есть сосиски по-баварски или покупать уникальные, вручную расписанные горшки для своей шикарно обставленной кухни.

Правда, лавка «Морские сувениры» со своим ядовито-зеленым фронтоном и псевдогеоргианскими окнами также не грешила хорошим вкусом. Внутри нее громоздились в беспорядке горы драгоценного мусора: модели кораблей в бутылках, блестящие латунные телескопы, секстанты, корабельные кулевиры, багры, гарпуны, навигационные циркули, картины и гравюры. Конечно же, наибольшим спросом пользовались носовые фигуры кораблей — чем грудастее, тем дороже. Стоимость подлинной носовой фигуры начала девятнадцатого века, особенно если она представляла собой сирену с голой грудью, более пышной, чем у Мэрилин Монро, достигала астрономических сумм — тридцать пять тысяч долларов и выше. Но все же спрос был так велик, что я нанял старичка из Сингинг Бир, который вырезал из дерева «точные копии» старых носовых фигур. Образцом ему служил разворот журнала «Плейбой», вышедшего в мае 1962 года.

На половике под дверями лежала куча писем и счетов, а также уведомление, что пришли гравюры, купленные мной на прошлой неделе на аукционе у Эндикотта. Я должен буду позже зайти на почту, чтобы забрать их.

Хотя я и смог перехватить пару часов сна, но все равно чувствовал себя подавленным и нервничал. Я вообще не хотел уезжать из Грейнитхед, но при этом знал, что не способен провести еще хоть одну ночь в собственном доме. Меня раздирали страх и страдание. Я боялся этого холода и этого шепота, поскольку уже знал, что подобный призрак убил миссис Саймонс, используя одну лишь черную магию. И я страдал, поскольку я любил Джейн, а Джейн уже не было в живых, и видеть ее, слышать, прикасаться — это было выше моих сил.

В лавку вошла пара средних лет, оба толстые, в одинаковых коричневых «дутых» куртках и одинаковых очках со стеклами, толстыми, как бутылочное стекло. Они заморгали при виде моделей кораблей и пошептались друг с другом.

— Красиво, правда? — заговорила «она».

— Вы, наверно, знаете, как все это делается? — неожиданно спросил меня «он». Он говорил с явным акцентом Нью-Джерси.

— Имею некоторое понятие, — я кивнул головой.

— Для этого пригибают мачты, понимаете, чтобы те лежали плоско, и привязывают все нитками, а когда корабль уже в бутылке, тянут за нитки — и мачты поднимаются.

— Да, — сказал я.

— Человек ежедневно чему-то учится, — заявил муж. — Сколько это стоит? Это китобойное судно?

— Эту модель выполнил юнга с корабля «Венчер» в 1871 году, — ответил я. — Две тысячи семьсот долларов.

— Простите?

— Две тысячи семьсот долларов. Могу снизить до двух тысяч пятисот.

Муж онемел и вытаращил глаза на модель, которую держал в руке. Наконец он заговорил:

— Две тысячи семьсот долларов за корабль в бутылке? Я сам могу сделать то же самое за полтора доллара.

— Вот возьмите и сделайте, — посоветовал я ему. — Сейчас большой спрос на корабли в бутылках, даже современного изготовления.

— Иисусе... — простонал муж. Он поставил бутылку с такой набожностью, как будто она превратилась в Святой Грааль, и двинулся в сторону выхода, но все же поглядывая неохотно по сторонам, чтобы совсем не потерять лицо. Я совершенно точно знал, что прежде чем выйти он спросит меня о цене еще какой-то вещи, скажет: «Ну, я подумаю и зайду попозже», — после чего исчезнет навсегда.

— Сколько стоит этот багор? — будто прочитав мои мысли, спросил он.

— Этот багор? Он с корабля «Джон» Поля Джонса. Восемьсот пятьдесят долларов. Честно говоря, уникальный образец и исключительно дешево.

— Гмм! — заворчал муж. — Мне надо подумать. Может, зайдем к вам после ленча.

— Премного благодарен, — ответил я, глядя, как они выходят. Едва они исчезли, как в лавку влетел Уолтер Бедфорд с широкой усмешкой на лице. Он был в черном костюме под непромокаемым плащом — на размер больше, чем нужно.

— Джон, должен был тебя увидеть. Сегодня утром мне звонил окружной прокурор. Они решили, что при таких уликах они не будут выставять себя на посмешище и аннулировали обвинение в убийстве. Какие бы то ни было доказательства отсутствуют. Прессе же велели отвязаться — они, мол, ищут маньяка, наделенного невероятной силой. Понял? Ты свободен! С тебя сняты все обвинения.

— Надеюсь, что при этом никакие деньги не поменяли своих хозяев? — сказал я с легкой иронией.

Уолтер Бедфорд был в таком великолепном настроении, что пропустил шпильку мимо ушей и похлопал меня по спине.

— Должен тебе сказать, Джон, что этот случай довел до зуда в заднице начальника полиции. Вчера ночью он получил заключение коронера, в котором утверждалось, что миссис Саймонс могла быть пробита цепью только единственным способом: цепь протянули через ее тело до того, как люстра была подвешена к потолку. Затем требовалось поднять люстру и тело, подвесить, прикрепить винты, включить питание и так оставить. Поэтому даже если у убийцы был подъемник, чтобы поднять люстру с телом, вся работа должна была занять не менее полутора часов. А убийце еще требовалось время на сокрытие инструментов, от которых в доме не осталось и следа. Согласно показаниям мистера Маркхема и мистера Рида за полтора часа до убийства ты был далеко оттуда, и твое алиби неоспоримо. Дело закрыто.

— Что ж, — сказал я. — Премного благодарен. Лучше всего пришли мне счет.

— О, никакого счета. Ты ничего не должен. Ведь тебе удалось вернуть Джейн.

— Уолтер, я, честное слово, не считаю...

Мистер Бедфорд стиснул мое плечо и твердо посмотрел мне в глаза. От него пахло водой после бритья «Джакомо», сто тридцать пять долларов бутылка.

— Джон, — сказал он мне своим самым убедительным, судебным голосом. — Знаю, что ты чувствуешь. Знаю, что ты перепуган и выведен из равновесия. Я могу также понять, что ты хотел бы оставить Джейн для себя, особенно поскольку мы с Констанс винили тебя в этом несчастье. Но теперь мы оба понимаем, что это была не твоя вина. Иначе Джейн не хотела бы вернуться к тебе из мира духов и принести тебе утешение. Констанс желает от всего сердца извиниться, что так плохо о тебе думала. Она глубоко огорчена. И она молит тебя, Джон, хотя она никогда никого ни о чем не просила... молит, чтобы ты позволил ей увидеть дочь, хоть на секунду. Я тоже прошу. Ты не знаешь, что она для нас значит, Джон. Когда мы потеряли Джейн, мы потеряли все, что у нас было. Мы хотим только поговорить с ней, только спросить, счастлива ли она на том свете. И только один раз, Джон. Ни о чем больше мы не просим.

И опустил взгляд.

— Уолтер, — глухо сказал я. — Знаю, как сильно ты хочешь ее снова увидеть. Но должен предупредить, что это не та Джейн, которую ты знал. Не та Джейн, которую я знал. Она... она совершенно другая. Ради Бога, Уолтер, она же дух!

Уолтер выпятил нижнюю губу и легонько покачал головой.

— Не говори такими словами, Джон. Предпочитаю, чтобы ты говорил «явление».

— Но не будем же мы ссориться из-за синонима! Уолтер, ведь это дух, призрак, монстр, вампир из гроба.

— Знаю, Джон. Не собираюсь обманывать ни себя, ни тебя. Дело только в одном — как по-твоему, она

счастлива? По-твоему, ей там хорошо, где бы это ни было?

— Уолтер, я не знаю, где она находится.

— Но счастлива ли она? Мы только об этом хотим ее спросить. А Констанс хотела бы еще знать, нашла ли Джейн Филиппа. Знаешь, младшего брата Джейн, который умер в возрасте пяти лет.

Я просто не смог бы ответить на этот вопрос. Я почесал у себя в затылке и подумал, как отговорить Уолтера от этой затеи так, чтобы снова не оттолкнуть его от себя. Я не хотел терять щедрого опекуна. Правда, определение «щедрый» не совсем подходило Уолтеру Бедфорду. Гораздо лучше подходило «умеренно скупой».

— Уолтер, я на самом деле не думаю, что кто-то из нас мог бы оценить, счастлива ли она. Должен сказать, что прошлой ночью она опять появлялась и...

— Ты снова ее видел? Ты действительно снова ее видел?

— Уолтер, прошу тебя. Вчера ночью она появилась в моей комнате. Это было удивительнейшее переживание. Она несколько раз называла меня по имени, а потом... потом она захотела, чтобы я ее трахнул...

Уолтер оцепенел и нахмурил брови.

— Джон, моей дочери уже нет.

— Знаю, Уолтер, прости мне, Боже.

— Но ты ведь не...

— «Ведь не» что, Уолтер? Ведь не трахнул свою умершую жену? Ты хочешь сказать, что я некрофил? Там не было тела, Уолтер, только лицо, и голос, и прикосновение. Ничего больше.

Уолтер Бедфорд казался потрясенным. Он перешел на другую сторону лавки и с минуту стоял повернувшись ко мне спиной. Потом он взял в руки латунный телескоп и нервно принялся сдвигать и раздвигать его.

— Думаю, Джон, что мы все же можем узнать, счастлива она или нет. Ведь мы же ее родители. Мы знали ее всю жизнь. Так что возможно, что есть какие-то мелкие нюансы, которые ты не заметил, поскольку не знал ее так

хорошо, как мы... какое-то ключевое слово, которое ты не распознал... Возможно, для нас все это будет иметь гораздо большее значение, чем для тебя.

— Уолтер, ко всем чертям, — взорвался я. — Это же не какое-то одухотворенное, прозрачное воплощение Джейн! Не тепленькая дружелюбная душенька, с которой можно миленько поболтать и посплетничать! Это холодный, грозный и опасный призрак со смертью в глазах и с волосами, трещащими, словно от пятидесяти тысяч вольт. Ты на самом деле хочешь оказаться лицом к лицу с такой Джейн? Ты на самом деле хочешь, чтобы Констанс увидела ее такой?

Уолтер Бедфорд сложил телескоп и положил его на стол. Когда, медленно повернувшись, он посмотрел на меня, его глаза были полны грусти и он чуть не плакал.

— Джон, — прерывающимся голосом выдавил он. — Я готов ко всему, даже к самому худшему. Знаю, что это будет нелегко. Но, наверняка, ничто уже не будет для меня так ужасно, как тот день, когда нам позвонили и сказали, что Джейн больше нет. Этот день был худшим в моей жизни.

— Я никак не могу тебя отговорить? — тихо спросил я. Он покачал головой.

— Я все равно приду, приглашенный или нет.

— Ну хорошо, — я прикусил губу. — Приходите завтра вечером. Сегодня я просто не могу ночевать дома, я слишком сильно боюсь. Но сделай для меня хотя бы одно.

— Все, что угодно.

— Предупреди Констанс, убеди ее, что она может увидеть что-то страшное, что она даже может оказаться в опасности. Не позволяй ей входить в этот дом с убеждением, что она увидит ту же самую Джейн, которую знала.

— Она же ее мать, Джон. Джейн перед матерью, возможно, будет вести себя совершенно иначе.

— Ну что ж, возможно, — ответил я, не желая продлевать нашу дискуссию.

Уолтер Бедфорд протянул мне руку. У меня не было выбора, и я пожал ее. Он похлопал меня по плечу и сказал:

— Огромное спасибо, Джон. Ты на самом деле не представляешь, что все это для нас значит.

— Лады, увидимся завтра вечером. Только не приезжайте слишком рано, хорошо? Лучше всего около одиннадцати вечера. И прошу еще раз: обязательно предупреди Констанс.

— Что ж, я предупрежу ее, — уверил мистер Бедфорд и вышел из лавки с такой миной, будто только что узнал, что заработал миллион долларов.

Глава 14

Я сидел в лавке до четырех часов дня. Несмотря на то, что было только начало марта и погода была паскудная, дела шли довольно хорошо. Мне удалось продать большой мерзкий телеграф в корабельном исполнении двум педерастам из Дарьена, штат Коннектикут, которые радостно загрузили его в свою блестящую голубую фургонетку — «олдсмобиль», а один серьезный убеленный сединами мистер почти час просматривал мои гравюры, безошибочно выбирая самые лучшие.

Заперев лавку, я пошел в бар «Бисквит» (прости меня, Боже), где заказал себе кофе с пирожным. Там работали приятные официантки, а одна из них, Лаура, была подружкой Джейн и могла разговаривать со мной так, чтобы не огорчать меня.

— Ну и как сегодня дела? — спросила она, ставя передо мной кофе.

— Неплохо. Я наконец-то продал этот корабельный телеграф, который Джейн терпеть не могла.

— Ох, ту штуковину, которую ты привез из Рокпорта, когда поехал на закупки один?

— Вот именно.

— Ну, на будущее не покупай таких вещей, — предупредила Лаура. — Иначе дух Джейн начнет регулярно являться тебе.

Я невольно скривился. Лаура присмотрелась ко мне, склонив голову, и спросила:

— Не смешно? Извини. Я не хотела...

— Все в порядке, — уверил я ее. — Это не твоя вина.

— Мне действительно очень жаль, — повторила Лаура.

— Забудь об этом. Просто у меня плохое настроение.

Я допил кофе, оставил Лауре доллар чаевых и вышел на мороз. Проходя через рынок Грейнитхед, я думал, что охотнее всего сел бы в машину и ехал бы всю ночь на запад, подальше от Массачусетса, назад в Сент-Луис, а может, и еще дальше. Несмотря на непрестанный ветер, несмотря на близость океана, мне казалось, что Салем и Грейнитхед крайне малы, темны, стары и затхлы. На меня давила огромная тяжесть минувших лет, всех этих исторических зданий, давно умерших людей, таинственных случаев из прошлого. Тяжесть лежащих слоями предубеждений, гнева и страдания.

Я поехал на юго-запад, до улицы Лафайет, а потом свернул в Салем, проехав мимо кладбища «Звезда Морей». День был исключительно солнечным, сильный свет отражался в окнах домов, в стеклах машин и яхт. Небо серебряной иглой прошивал самолет, совершая круг перед посадкой в аэропорту Биверли, в пяти милях отсюда.

Я доехал до улицы Чартер, напротив главного управления полиции свернул вправо, на улицу Либерти, и там запарковался. Потом я перешел на другую сторону, к музею Пибоди, на площади Ист-Индия.

Салем был отреставрирован так же, как и Грейнитхед, а недавно восстановленная чистенькая площадь Ист-Индия была заново вымощена и украшена в центре фонтаном в форме китайской пагоды. С западной стороны площадь соединялась с длинным крытым торговым пассажем, где рядами стояли изысканные ювелирные магазины, обувные и антикварные лавки. Подлинное здание 1824 года, известное как «Ист-Индия Марин Холл», в котором располагался музей Пибоди, совершенно не подходило к этому окружению и торчало над площадью как мафусаиловых лет родственник, свежесбрившийся, вычищенный и великолепно одетый на свадьбу пра-пра-пра...-внука.

Я нашел Эдварда Уордвелла в отделе морской истории. Он сидел, развалившись, в обширной каюте яхты «Барка Клеопатры» 1816 года, читая руководство по плаванию с аквалангом. Я постучал в деревянную стенку и завопил:

— Есть кто живой?

— О, Джон, — сказал Эдвард, откладывая книгу. — Как раз о тебе я и думал. Освежаю в памяти сведения о нырянии для начинающих. Все идет к тому, что хорошая погода удержится до завтрашнего утра.

— Разве что боги бури услышат мои молитвы и смилостивятся надо мной.

— Тебе нечего бояться, — уверил меня Эдвард. — Честно говоря, во время ныряния очень важно не бояться, по крайней мере хотя бы совладать со страхом. Под водой боится каждый. Мы боимся задохнуться, боимся темноты, боимся запутаться в водорослях. Некоторые ныряльщики чувствуют страх даже перед подъемом. Но если сумеешь немного расслабиться, то можешь пережить великолепнейшие минуты.

— Гмм, — заговорил я, так и не убежденный.

— Тебе не о чем беспокоиться, — успокоил меня Эдвард. Он снял очки и заморгал. — Я буду с тобой все время.

— Когда ты заканчиваешь работу? — спросил я. — Мне нужно с тобой поговорить.

— Мы запираем в пять, но потом нужно немного прибраться. Это займет минут двадцать.

Я огляделся. За арочными окнами музея спускались сумерки. Близилась очередная ночь, время, когда мертвые из Грейнитхед могут посещать своих потерявших их близких. Время, когда снова могла появиться Джейн. Я собирался ночевать сегодня в Салеме, в мотеле «Под боярышником», но у меня совершенно не было уверенности, что призрак Джейн может являться мне только в моем доме.

— Пойдем что-нибудь выпьем, — предложил я. — Я собираюсь в «Корчму любимых девушек». Может, встретимся там около шести?

— У меня идея лучше, — ответил Эдвард. — Иди в пассаж и представься Джилли Кормик. Она ведет наш корабельный журнал и завтра пойдет с нами, но вы прекрасно можете познакомиться не дожидаясь завтрашнего утра. Джилли управляет салоном под названием «Лен и кружева», вроде бы шестая с края лавка под арками. Я приду туда, как только закончу работу.

Я вышел из музея и прошел через площадь Ист-Индия. Наступали сумерки, становилось все холоднее. Я энергично потирал руки, разогревая их. Меня миновала небольшая группа туристов. Одна из женщин громко сказала с носовым техасским выговором:

— Разве здесь не чудесно? Я прямо-таки чувствую атмосферу восемнадцатого века.

«Лен и кружева» оказались элегантным и дорогим салоном, где продавали платья в стиле принцессы Дианы, с жабо, бантами, высокими воротниками и надувными рукавами. Черноволосая, плоская как доска девица направила меня вглубь салона, показывая за себя длинным кроваво-красным ногтем; там я и нашел Джилли Маккормик, которая как раз завязывала разноцветный, в веселых тонах пакет для какой-то пропахшей нафталином древней бостонской матроны в облезлой норке.

Джилли была высока, курчава, черноволоса; красивое лицо, слегка выдающиеся скулы. Одета она была в черно-серую юбку, доходящую до половины полных икр, и одну из льняных блузок собственного изготовления с кружевным жабо, которое тщетно пыталось скрыть ее пышные груди и тонкую талию. На ножках с высоким подъемом были маленькие черные туфельки на высоком каблуке. Туфельки Пифии, как называла их Джейн.

— Чем могу служить? — спросила она, когда бостонское ископаемое убрело из салона.

Я протянул руку.

— Меня зовут Джон Трентон. Эдвард Уордвелл просил меня зайти к вам и представиться. Кажется, завтра мы все вместе ныряем.

— О, здравствуй, — улыбнулась она. Ее глаза были цвета каштановых зерен, а на правой щеке была ямочка. Я пришел к выводу, что если придется нырять в таком обществе, то я наверняка стану энтузиастом подводного спорта. — Эдвард говорил мне, что ты купил вчера эту акварель с «Дэвидом Дарком», — сказала Джилли. — Он совсем забыл об аукционе. Он был здесь, помогал мне готовить выставку. Он был в такой ярости, когда вернулся, и сказал, что картину купил ты. «Что за медный лоб! — вопил он. — Я предложил ему триста долларов, а он сказал, что может одалживать картину музею».

— Эдвард очень дорожит своей теорией, касающейся «Дэвида Дарка», не так ли? — спросил я.

— У него сдвиг по фазе на этом, — улыбнулась Джилли. — Можешь ему так и сказать, Эдвард не обидится. Он сам признает, что у него сдвиг по фазе, и не только потому, что он на самом деле в это верит.

— А ты что думаешь?

— Я не вполне в этом уверена. Думаю, он прав, хотя и не очень верю в духов, посещающих Грейнитхед. Еще никогда не встречала кого-нибудь, кто на самом деле видел бы духа. Это может быть какой-то групповой истерией, правда? Так же, как и процессы ведьм.

Я внимательно посмотрел на нее.

— Знаешь, что я был обвинен в убийстве? — спросил я. Джилли слегка покраснела и кивнула.

— Да, я читала об этом в «Вечерних известиях».

— Ну так вот, независимо от того, что писали эти «Вечерние сплетни», факты таковы: я эту женщину не убивал, но что один из этих духов как раз и появился в ее доме той ночью. Это неоспоримый факт. Я видел его собственными глазами и считаю, что убил ее именно он.

Джилли молча и долго гладела на меня, явно не в силах решить, не свихнулся ли я или не обманываю ли ее. Наверно, она не отдавала себе отчета в том, что, стоя так, с руками, скрещенными на пышной груди, она

всей своей фигурой выражала озабоченность и беспокойство.

— Ну, вот-вот, именно, — не улыбаясь, подтвердил я. — Теперь ты думаешь, что я свихнулся. Может, я не должен был этого тебе говорить.

— О, нет, — прозаикалась она. — Это значит, не в этом дело. Это значит... я вовсе не думаю, что ты свихнулся. Я только думаю, что...

Она забеспокоилась, потом наконец решила закончить:

— Я думаю только, что, видимо, очень трудно поверить в духов.

— Знаю. Я сам не верил в духов, пока лично не увидел одного из них.

— Ты действительно видел духа?

Я поддакнул.

— Я действительно видел настоящего духа. Это был Эдгар Саймонс, муж той убитой женщины. Он выглядел как... сам не знаю, как сказать... как электричество. Человек, созданный из мощного заряда электричества. Это очень трудно описать.

— Но почему же он ее убил?

— Не знаю. Не имею ни малейшего понятия. Может, мстил за что-то, что она ему сделала, когда он еще был жив. Неизвестно.

— И ты на самом деле его видел?

— На самом деле.

Джилли откинула волосы назад.

— Эдвард всегда говорил, что Грейнитхед — безумное место. Никто из нас, наверно, ему не верил, по крайней мере до этого времени. Эдвард немного пришибленный, сам знаешь, по какой причине. Забил себе голову ведьмами из Салема и Коттоном Мэтером¹. Его интересуют таинственные оккультные секты, которых было полно в Массачусетсе в восемнадцатом веке.

¹ Коттон Мэтер (1663-1728) — теолог, политик, фанатик-пуританин, глава суда Салема в 1692 году, году процессов над ведьмами.

Я оперся о прилавок и скрестил руки.

— Не я один в Грейнитхед вижу духов. Хозяин лавки в Грейнитхед, той, в которой я обычно совершаю покупки, так вот, этот парень видит своего умершего сына. И скажу тебе, что многие в Грейнитхед издавна видят своих умерших родственников, но никому об этом не говорят.

— Именно так думает и Эдвард. Но почему они держат это в тайне?

— А разве ты рассказала бы кому-то, если бы однажды ночью дух умершего мужа застучал в твои двери? Кто бы тебе поверил? И даже если бы кто-то и поверил, на тебя тут же накинута бы свора газетчиков и телерепортеров, орда любопытствующих и любителей сенсаций оккупировала бы твой дом. Потому все и сохраняют это в тайне. Жители Грейнитхед, коренные его жители, знают обо все этом многие годы, может, даже века. По крайней мере, я так думаю. Но сознательно всего этого не разглашают. Они не хотят, чтобы на них навалились орды любопытных.

— О, Боже, — прошептала Джилли, явно не находя других слов. Потом она посмотрела на меня, покачала головой и повторила:

— Ты на самом деле видел духа. Настоящего живого духа. Скорее, настоящего мертвого духа, наверно, так надо было сказать.

— Очень рад, что тебе не надо его видеть. Это крайне неприятное зрелище, можешь мне поверить,

Мы поболтали еще пару минут. Джилли рассказала мне о салоне и о начале своей карьеры. Она окончила курсы кройки и шитья в государственной школе в Салеме, а потом открыла небольшой салон мод в торговом центре на площади Готорна, используя наследство деда в размере ста пятидесяти тысяч долларов и дополнительные фонды, полученные в банке «Шоумут-Мерчантс». Дело пошло так хорошо, что, когда нашлось помещение для найма в центре Салема, она «вцепилась в него обеими руками», как она выразилась.

— Я независима, — заявила она. — Независимая деловая женщина. Я продаю собственные модели. Что еще хочешь знать?

— Ты замужем? — спросил я.

— Шутишь? У меня нет времени даже на свидания. Знаешь, что я делаю сегодня вечером? Должна поехать в Мидлтон и забрать целую партию кружевных платьев, которые шьют для меня вручную две старые девы из Новой Англии. Если я не сделаю этого сегодня, то не успею завтра выставить их в салоне, а ведь завтра суббота.

— Тяжелая работа и никаких развлечений, — заметил я.

— Для меня сама работа — это развлечение, — парировала она. — Обожаю свою работу. Она заполняет всю мою жизнь.

— Но завтра все же поедешь с нами?

— О, конечно. Я люблю доказывать, что и в других обстоятельствах я не хуже мужчин.

— Я вообще не говорил, что ты хуже мужчин.

Она покраснела.

— Знаю, что ты имеешь в виду.

Но тут в салон влетел Эдвард с внушительной охапкой книжек и бумаг.

— Извиняюсь за опоздание, — просопел он, перекладывая какие-то листки и одновременно пытаясь почесать у себя за ухом. — Директор хотел увериться, что для завтрашней выставки Джонатана Харадена все готово. Идем выпить?

— Ясное дело, — ответил я. — А ты, Джилли? Идешь с нами?

— Мне надо около семи быть в Мидлтоне, — объяснила она. — А потом вернуться сюда, чтобы выгладить платья и заготовить для них ценники.

— Тогда загляни в мотель на обратном пути, — предложил я. — Я наверняка буду еще в баре.

— Попробую.

Мы оставили Джилли в салоне и пошли пешком на улицу Либерти за моей машиной.

— Джилли необычная девушка, — заявил Эдвард. — Под ее привлекательной внешностью скрывается великолепная голова, пригодная для ведения дел. Вот эмансипация женщин в ее лучшем издании. Как ты думаешь, сколько ей лет?

— Не имею понятия. Наверно, двадцать четыре, может, двадцать пять.

— Ты не присмотрелся к ней поближе. Обрати внимание на кожу и тело. Ей недавно исполнилось двадцать.

— Серьезно?

— Подожди до завтра, пока не увидишь ее в купальном костюме. Тогда сам поймешь.

— Она тебе нравится?

Эдвард пожал плечами.

— Для меня она слишком динамична. Слишком любит верховодить. Предпочитаю тип мечтательной студентки, знаешь, гретое вино у камина, поэзия Лоуренса Фергингетти и музыка «Лед Зеппелин».

— Просто ты не подходишь к нашим временам.

Эдвард рассмеялся.

— Пожалуй, ты прав.

Мы появились в «Корчме любимых девушек» как раз тогда, когда освободился столик у камина. «Корчма» была переполнена, бизнесмены и владельцы магазинов задерживались там по пути домой. Было тепло, на стенах — резные дубовые панели, на которых висели картины с изображением кораблей и фарфоровые тарелки, украшенные маринистскими мотивами. Я заказал виски «Шивас Регал», а Эдвард потребовал пива.

— Должен тебе кое-что сказать, — начал я. — Вчера я не хотел об этом говорить по личным причинам.

Эдвард склонился вперед и сплел на столе пальцы рук.

— Наверно, я знаю, о чем ты хочешь говорить, если так тебе будет легче выдать это из себя.

— Три последние ночи меня посещал дух Джейн, моей умершей жены, — заявил я. — В первую ночь я ничего не видел, только — слышал, как она раскачивается на садовых качелях. На следующую ночь я уже видел ее там.

Вчера, когда я вышел в сад, я снова ее увидел. Затем она появилась в моей спальне.

Эдвард озабоченно посмотрел на меня.

— Понимаю, — задумчиво ответил он. — Да, понимаю, почему ты не хотел об этом говорить. Люди вообще не говорят о таких вещах. Она тебе что-нибудь сказала? Передала какое-то известие? Ты вообще разговаривал с ней?

— Она... несколько раз звала меня по имени. Потом заявила, что хочет, чтобы я трахнул ее.

— Да, — Эдвард кивнул головой. — У пары человек было подобное. Говори дальше. Что она еще делала? Ты действительно имел ее?

— Я... я сам не знаю, как это назвать. Было что-то вроде секса, но ужасно холодное. Никогда не забуду этого холода. Помнишь «Изгоняющего дьявола», как в комнате неожиданно становилось холодно? Вчера было так же. Кончилось тем, что я увидел ее такой, какой она была во время катастрофы. Знаешь, везде кровь и кости... чуть не умер от страха.

— И потому ты сегодня ночью не возвращаешься в Грейнитхед?

— Ты считаешь, это плохо?

— Ну почему же. Просто мне хотелось бы, чтобы ты завтра был в хорошей форме, когда будем погружаться. Под влиянием страха люди совершают ошибки. Ты же, наверно, не хочешь утонуть во время первого же погружения?

— Твой чертов оптимизм ужасно действует на нервы.

Официантка в черном жилете и с черной мушкой принесла нам напитки. Эдвард отхлебнул пива, а я вытащил ручку.

— Есть еще кое-что, — сказал я. — Буквы, выжженные на покрывале. Утром они на нем еще были.

Я нарисовал на бумажной салфетке буквы, которые появились на моей постели, стараясь как можно более точно скопировать их. СПАСИ КОРАБЛЬ. Я подал салфетку Эдварду, а он внимательно посмотрел на надпись.

— Спаси корабль, — прочел он. — Ты уверен, что именно «корабль» ?

— Да. Наверняка речь идет о корабле. Эти буквы появились уже три раза. Один раз были на зеркале в ванной комнате, еще раз на боку чайника. Это значило именно «спаси корабль». Что-то требует, чтобы я спас «Дэвида Дарка».

Эдвард скептически надул губы.

— Ты на самом деле так думаешь?

— Эдвард, когда видишь призрак, тебя охватывают чувства, которых ты никогда не переживал, и ты осознаешь такое, о чем до сих пор не имел понятия. Разбужены не только чувства, но и интуиция. Мне никто не говорил: «Это значит, что ты должен спасти «Дэвида Дарка». Потребности в этом не было. Я это просто знаю.

— Послушай, — запротестовал Эдвард. — Знаю, что я сам, как историк, склонен делать поспешные выводы, но я считаю, что в этом случае ты зашел чересчур далеко. В твоём утверждении нет никакой логики. Если мы хотим найти «Дэвида Дарка», мы к этому должны подходить логически.

— Есть ли у тебя кто-то из близких, кто недавно умер бы? — мягко спросил я его.

— Нет.

— В таком случае, ты должен поверить мне. Я видел свою умершую жену. Я видел ее собственными глазами и даже трахал ее как духа, если можно так выразиться. Я начинаю понимать, что рядом с нашим миром существует другой, полный боли, сомнения, страха и тоски. Может, если мы спасем «Дэвида Дарка», чего ты давно хочешь, то найдем какой-нибудь способ облегчить эти страдания, навсегда унять этот страх и эту тоску.

Эдвард опустил голову. Задумчиво надул щеки.

— Знаешь что, — сказал он без следа иронии. — Это все звучит слишком религиозно.

— Оно и есть религиозно. Разве ты не понимаешь, что все это как-то связано с религией?

Эдвард с сомнением посмотрел на меня.

— Честно говоря, я не знаю, что это такое. Если ты действительно видел этих духов, то ты знаешь больше меня, во всяком случае, в смысле практики.

Я поднял стакан.

— За завтрашнее погружение. Наверно, мне все же придется плавать с вами, хотя мне этого вообще-то не хочется.

Глава 15

Вскоре после десяти я вышел из бара «Корчмы любимых девушек» и направился наверх, в мой номер. Эдвард, которого ждала дома сестра, вышел около половины десятого, а Джилли так и не появилась, и я решил, что закажу себе в номер бифштекс с печеной картошкой и проведу остаток вечера над учебником по нырянию, который одолжил у Эдварда.

Я получил угловой номер на пятом этаже с видом на парк «Любимые девушки». Из окна был виден между деревьев подиум для оркестра, где позавчера я разговаривал со старой ведьмой. Номер был выдержан в коричневых тонах: коричневый ковер, коричнево-оранжевые занавески, коричнево-белая постель. Многовато коричневого на мой вкус, но здесь было тепло, безопасно и далеко от Аллеи Квакеров.

Лежа в носках на постели и ожидая свой среднепрожаренный бифштекс, я раздумывал о том, что сейчас творится у меня дома. Появится ли в нем Джейн в мое отсутствие? Связаны ли в какой-то степени духи с особами, которых они навещают? Я представлял себе мигающий призрак, странствующий из комнаты в комнату, ищущий меня, и шепот, сопровождающий ее везде.

Я подумал и о другом. Допустим, я завтра утону или умру по какой-то другой причине. Стану ли я такой же набитой электричеством областью, как и Джейн? Буду ли я, как и она, в образе духа странствовать от одной реальности к другой, не зная покоя? Сохранила ли Джейн полное сознание? На самом ли деле она осталась сама собой, помнила, кто она такая?

Я все еще думал о Джейн, когда раздался сильный стук в дверь. Я невольно вздрогнул.

— Иду, иду! — закричал я и прошел на цыпочках по ковру. Я открыл дверь, но вместо своего среднепрожаренного бифштекса с печеной картошкой обнаружил Джилли. Ее нос был багров от холода, но она улыбалась. Она держала коричневый бумажный пакет, в котором безошибочно угадывалась по форме бутылка вина.

— Это в виде извинения за опоздание, — сообщила она. — Я могу войти?

— Конечно. Сними плащ. Выглядишь так, будто превратилась в сосульку.

— Я уже немного оттаяла. Промерзла до костей, когда была в Мидлтоне. Эти старые девы — ярые противницы современности. Если обычной дровяной печи недостаточно для обогрева дома, то, по их мнению, следует натянуть еще один свитер. Центральное отопление — это выдумка дьявола, от которой человек ленится, слабеет и теряет желание работать.

— Садись, — пригласил я. — Через минуту мне принесут ужин. Что тебе заказать?

— Я на диете, но немножко отщипну с твоей тарелки.

— Какую же диету ты используешь? — заинтересовался я.

— Я называю ее «ценовой диетой». Мне можно есть все, что стоит выше семи долларов за фунт. Сюда входят, например, красная икра, лососина, жареная утка и лучшие сорта говядины. Ведь на самом деле от дорогой еды меньше толстеешь, к тому же ее нельзя съесть много.

Мы немного поболтали об антиквариате и о торговле с туристами. Ведь, что ни говори, а мы оба держали магазины. Потом кельнер принес мой бифштекс. Мы открыли вино — бутылку «Флери» урожая 1977 года, и выпили за свое здоровье. Я располовинил бифштекс, и мы съели его почти в полном молчании.

— Наверно, ты считаешь меня бесстыдницей, раз я ввалилась к тебе в номер? — наконец заговорила Джилли.

Я отложил салфетку и улыбнулся.

— Я как раз ждал, когда ты наконец это заявишь.

Она покраснела.

— В конце концов, пришлось. Надо же дать тебе возможность возразить, что в этом нет ничего дурного и что порядочная девушка может прийти одна в номер к чужому мужчине и съесть у него половину ужина.

Я внимательно посмотрел на нее.

— Мне кажется, что если ты руководишь салоном, то ты уже достаточно взрослая, чтобы делать то, что тебе хочется, и никому не давать отчета в своих поступках.

Она подумала, потом сказала тихим голосом:

— Спасибо.

Я выкатил столик кельнера в коридор, а потом вернулся и прилег на постель, подложив руки под голову. Джилли же все топтала ковер.

— Знаешь что, — сказал я. — Я никогда не понимал, как бывает, что два человека встречаются и тут же чувствуют друг к другу симпатию, немедленно готовы близко познакомиться. Мне кажется, что самое важное решается почти молниеносно, без всяких дискуссий, а все более поздние дискуссии — это только лавирование со спущенными парусами.

— Ну, ну, а ты действительно морской волк, — заметила Джилли.

— Это потому, что я здесь живу. У меня еще нет морской соли в крови, но я уже начал добавлять ее в салат.

Джилли посмотрела на меня. Ее губы были слегка приоткрыты, а в глазах — мечтательное выражение, которого я не видел ни у одной женщины со времени, когда познакомился с Джейн.

— Может, погасить свет? — тихо спросила она.

Я высвободил руку и выключил лампу у постели. Теперь комнату освещал только экран телевизора, на фоне которого отчетливо вырисовывалась фигура Джилли. Медленно, осторожно, она расстегнула манжеты блузки, потом отстегнула кружевное жабо и стянула блузку через голову. У нее были крепкие плечи и груди, еще большие, чем я думал, мягко покоящиеся в поддержива-

ющем их кружевном бюстгальтере ручной работы. Она дернула замок молнии на юбке и спустила ее на пол. На ней были темно-серые нейлоновые чулки и черный пояс с подвязками, и ничего больше; в свете, падающем от телевизора, я видел густую поросль волос на ее лоне.

Она расстегнула бюстгальтер, и освобожденные груди с большими сосками слегка заколыхались. Я протянул к ней руки.

— Я особа, которую нелегко удовлетворить, — хрипло промурлыкала она. — Потому, между прочим, я избегаю связей с мужчинами. Мне нужно очень много, и я много требую как в эмоциональном, так и в сексуальном смысле.

— Дам тебе все, на что способен, — сказал я. — Надеюсь, этого будет достаточно.

Я сел, стащил рубашку, носки, брюки и трусы. Джилли легла рядом со мной, все еще в чулках и поясе с подвязками. Я ощущал ее мягкие волосы на своем плече, упругую тяжесть ее грудей на моей груди и теплый гладкий нейлон, трущийся о мои бедра.

Мы поцеловались, сначала несмело, потом с возрастающей страстью. Ее пальцы погрузились в мои волосы, гладили плечи, касались бедер. Я ласкал ее пышные груди, пока под моими пальцами они еще больше не увеличились, затвердев, а соски стали упругими и выпрямились. Прикосновение скользкого блестящего чулка, под которым чувствовалась округлая упругость, вызвала у меня эрекцию, а Джилли потянулась рукой вниз, плотно обхватила мой член и начала массировать его, прижимая к своим волосам на лоне.

Никому из нас не требовалось длительной прелюдии, никто из нас не мог бы ее долго выдержать. Мы оба по разным причинам были долго лишены сексуальных партнеров, что отнюдь не пошло нам на пользу. Напряжение между нами нарастало лавинообразно, пока, наконец, мы не хотели ничего, кроме прямого, острого, бескомпромиссного сношения.

Я вошел в нее. Она была горячей, влажной и стонала при каждом толчке. Мне казалось, что моя голова лопа-

ется, но этот взрыв все длился и длился. Джилли обвила меня ногами, чтобы я мог входить еще глубже, впилась ногтями в мою спину и глубоко укусила меня за плечо.

— О Боже, глубже, милый, еще глубже! — молила она. Я обнял ее бедра и вошел в нее, насколько мог, так, что она начала стонать, кричать и мотать головой по подушке.

Я чувствовал первые судороги оргазма, нарастающие в ее упругом теле, предсказывающие близкое землетрясение. Она выговаривала какие-то слова, которых я не мог понять, тонким, задыхающимся голосом, как будто одновременно молила и проклинала. Ее глаза были плотно прикрыты, на лице проступало напряжение. Ее пышные груди порозовели, а соски были стоячими и твердыми.

Именно тогда, на самом краю оргазма, я открыл глаза, посмотрел на нее и застыл. На лицо Джилли, как светящаяся холодная маска, было наложено другое лицо: лицо Джейн, неподвижное, с свалившимися глазами, мигающее угрожающим электрическим блеском. На одну ужасную секунду я перестал понимать, в ком нахожусь, в Джилли, в Джейн, или у меня вообще галлюцинация.

Джилли заморгала, и ее открытые глаза, полные удивления и страха, выглянули из темных ям в наэлектризованной маске лица Джейн.

— Джон, милый, что творится? Джон!

Я открыл рот, но не мог выдать ни слова. Глаза Джилли придали видимость жизни посмертной маске Джейн. Это было самое ужасное зрелище в моей жизни. Лицо Джейн напоминало нарисованный портрет с живыми глазами. И она была так холодна. И так невозмутима. Так неподвижна. И так обвиняющая.

— Джон, мне холодно. Джон!..

Раздался ужасный гул и треск. Все окна в номере как будто взорвались. Сильный сквозняк раздернул занавески. Воздух загустел от блестящих, вращающихся, острых, как бритва, осколков стекла. Я сжался, всем телом прикрывая Джилли, но несмотря на это морозное дуновение настигло меня и просыпало дождь осколков на мою спину,

бедр и ягодицы. Постель была порезана на куски, из продырявленных подушек пух вздымался как снег.

Я ждал с закрытыми глазами, пока не утих звон бьющегося стекла. Холодный мартовский ветер влетел через окна и трепал страницы журнала, который я оставил на телевизоре. Я посмотрел на Джилли. Она снова была собой, не Джейн или кем-то еще, хотя ее лицо было бледно от страха и сбоку на лбу появилась небольшая ранка.

— Вылезай из-под меня, — прошептал я. — Осторожно, вся постель в стекле. И у меня куча осколков в спине. Наверняка ничего серьезного, но я не могу пошевелиться, пока ты их не вынешь.

Под влиянием шока и ужаса глаза Джилли наполнились слезами.

— Что случилось? — спросила она дрожа. — Я не понимаю, что случилось.

— Видимо, я переусердствовал с оргазмом, — ответил я, стараясь говорить беспечно.

— Ты весь дрожишь, — шепнула она. — Не шевелись.

Она смогла выскользнуть из-под меня. Потом сказала:

— Лежи спокойно. У тебя на спине штук двадцать осколков. Но все они, вроде бы, врезались не слишком глубоко.

Она нашла свои туфли и пошла в ванную за ватой и полотенцем. Потом села рядом со мной на постели и начала извлекать из моей спины осколки стекла. Крови было немного, но ранки побаливали, и я облегченно вздохнул, когда она вытянула последний кусочек, торчавший из внутренней стороны моей левой ляжки.

В дверь постучали. Кто-то закричал:

— Извините! Вы здесь? Это помощник управляющего.

— А в чем дело? — крикнул я.

— Нам сообщили, что в вашем номере был слышен какой-то шум и звон разбиваемого стекла. Все ли у вас в порядке?

— Минутку, — ответил я. Джилли нашла мои брюки. Я вытряхнул из них стекло, натянул их и на цыпочках

подошел к двери. Я приоткрыл ее, не снимая цепочки, и выглянул. Помощником управляющего был высокий мужчина в смокинге, с очень блестящими черными волосами и в очень блестящих лакированных черных туфлях.

— Я купил сегодня моей кухне комплект бокалов, — объяснил я. — Сувенир из Салема. Но, к несчастью, ноги у меня запутались в халате, когда я их нес. И, к тому же, я налетел на стол.

Заместитель управляющего посмотрел на меня проницательным взглядом.

— Надеюсь, вы не покалечились?

— Покалечился? Нет. Нет, нет. Не покалечился.

Он помолчал, потом заявил:

— Вы позволите мне заглянуть в номер?

— В номер?

— Если вы не возражаете.

Я глубоко вздохнул. Не было смысла блефовать дальше. Если заместитель управляющего хотел заглянуть в номер, то я не мог его удержать.

— Честно говоря, — сказал я, — у нас были хлопоты с окнами. Но я за них заплачу. Если вас это устраивает.

Глава 16

Мы поехали домой к Джилли на Витч-хилл-роуд, с видом на парк Галлсус-хилл. Квартирка была маленькой, но в ней царил педантичный порядок. На выкрашенных в белое стенах висели оправленные в рамки эскизы платьев, в красивых белых португальских горшочках росли кусты юкки. Мои ранки чуть саднили, но все они были чисты, и только одна из них, на плече, еще не закрылась, и из нее продолжала сочиться кровь.

— Выпьешь вина? — спросила Джилли.

Я сел враскорячку на покрытый бежевым покрывалом диван.

— Предпочел бы двойное шотландское, если можно.

— Извини, — заявила она, возвращаясь из кухни с большой, покрытой изморозью бутылкой «Пино Шардонне», — но все мои знакомые пьют вино.

— Только не говори мне, что они еще и вегетарианцы.

— Некоторые, — улыбнулась она.

Она поставила на столик два бокала на высоких ножках и села рядом со мной. Я взял бутылку и налил нам обоим до краев. Раз уж я приговорен к вину, подумал я, то по крайней мере не должен быть ограничен в объеме.

— Как ты думаешь, сколько тебе надо будет заплатить в «Корчме любимых девушек»? — неожиданно спросила Джилли.

— Наверно, несколько тысяч. Эти большие окна, наверно, стоят кучу денег.

— Я все еще не понимаю, что случилось.

Я поднял свой бокал в молчаливом тосте и одним глотком наполовину опорожнил его.

— Ревнивая жена, — объяснил я.

Джилли растерянно посмотрела на меня.

— Ты же говорил, что твоя жена...

— Мертва, — решительно закончил я. И повторил еще тише: — Мертва.

— Значит, ты хочешь сказать, что то, что сегодня случилось... это была она? Твоя жена? Она это сделала?

— Не знаю. Такая возможность есть. Может, это был просто исключительно сильный порыв ветра. Помнишь ту бурю в Бостоне, когда ветер выбивал окна? Может, то же самое случилось и в «Под боярышником».

Джилли смотрела на меня с миной, выражающей полное непонимание.

— Но если твоя жена мертва, то почему ты думаешь, что это была она? Ты хочешь меня убедить в том, что и она тоже дух? Твоя погибшая жена — дух?

— Да, я видел ее, — признался я.

— Ты видел ее, — повторила Джилли. — Боже, я не могу в это поверить!

— И не нужно. Но это правда. Я ее видел уже два или три раза, а сегодня, когда мы любили друг друга, я снова ее увидел. Я посмотрел на тебя и увидел ее лицо.

— Знаешь, в это очень трудно поверить.

— Мне тоже это было нелегко.

— Знаешь, мне еще никогда не приходилось заниматься любовью с женщиной сразу после того, как мы познакомились — как с тобой.

— Перестань оправдываться, — прервал я ее. — Я тоже сразу захотел тебя. Разве разница только в том, что ты женщина?

— Вообще не в этом дело, — ответила Джилли со слабым возражением в голосе.

— В таком случае, совершенно не нужно переживать.

— Но теперь ты ставишь меня в крайне неловкое положение.

— Неловкое? — удивился я, потянувшись за бокалом.

— Да, да, неловкое, ведь я впервые в жизни соблазнила мужчину... я впервые это сделала, и оказалось, что этот мужчина помешан на своей умершей жене. А в его номере в мотеле вылетают окна.

Я встал и подошел к застекленным дверям, ведущим на узкий балкон. За стеклом трепетали на пронзительном ночном ветру кустики герани. Вдали виднелось смазанные пятна света Уиткрафт-Хейс. Был уже третий час ночи. Я был слишком потрясен и вымотан, чтобы ссориться или выслушивать обвинения. Мое отражение в стекле подняло бокал и отпило вина.

— Хотелось бы мне признать, что ты права в отношении помешательства, — тихо сказал я. — Хотелось бы мне признать, что ты права, что я истеричен, что я ничего не видел и ничего не слышал, что у меня чересчур буйное воображение. Но все это — истина, Джилли. Она навещает меня. Навещает не только дом, где мы жили, но и меня лично. Это следующая причина, по которой я завтра буду погружаться в воду, хотя на это у меня совершенно нет желания. Я хочу, чтобы к моей жене вернулся покой.

Джилли не ответила. Я отвернулся от окна и снова сел рядом с ней, хотя она не хотела на меня даже смотреть.

— Если хочешь разорвать наше знакомство, у меня нет возражений, — заявил я. — Ну... не совсем. Мне будет очень горько и неприятно. Но я понимаю, что ты чувствуешь. Каждый подумал бы то же самое на твоем месте. Даже мой врач считает, что у меня сильный затянувшийся шок после смерти Джейн.

Я заколебался, но затем продолжил:

— Ты крайне привлекательна и желанна, Джилли. Ты ужасно волнуешь и привлекаешь меня. Я все еще утверждаю то, что сказал раньше: как необычно, что два человека встречаются и испытывают сильное влечение друг к другу. Нам могло бы быть хорошо друг с другом, ты теперь сама знаешь это. Но я должен предупредить, что дух Джейн все еще со мной и может быть опасным, как сегодня.

Джилли посмотрела на меня глазами, блестящими от слез.

— Дело же не в опасности, — ответила она сдавленным голосом.

— Знаю. Дело в присутствии моей жены.

— Я уже прошла и через это. Когда мне было семнадцать лет, у меня была связь с женатым мужчиной. Банковским клерком. Конечно, его жена была жива, но и он никогда не мог от нее избавиться. Он или звонил ей, или думал о ней, когда был со мной.

— И ты решительно не хочешь вторично проходить через это.

Она вытянула ко мне руку.

— Джон, не имей к себе претензий. Я просто чувствую угрозу себе. А с тех пор, как я завоевала самостоятельность, я обещала себе одно-единственное: никогда не позволять, чтобы мне что-то угрожало. Никогда.

Я не знал, что ей ответить. Конечно, она была права. Она могла броситься на меня, как сексуально изголодавшаяся тигрица, и я также мог броситься на ее великолепное тело, как сексуально голодный тигр. Но она вообще не должна была воспринимать меня как любовника и делать мои проблемы своими. Она вообще не обязана была делить со мной мои страхи, видения и кошмарные переживания. А ведь во мне все еще не зажила рана от потери жены и еще не родившегося ребенка.

— Ну, хорошо, — сказал я и отпустил ее руку. — Я тебя понимаю, хотя и совсем не в восторге от того, что ты говоришь.

— Прости, — шепнула она. — Ты даже не знаешь, как сильно мне нравишься. Ты как раз в моем вкусе.

— Я не могу быть в твоём вкусе, если я свихнулся из-за духа. По крайней мере, пока со мной не проведут изгнание злого духа.

Джилли с минуту молча смотрела на меня, а потом встала и вышла в кухню. Я пошел за ней и встал в дверях. Джилли вытащила яйца, булки и кофе.

— Не нужно для меня ничего готовить, — запротестовал я.

— Всего лишь завтрак, — улыбнулась она. Она разбила яйца в миску и заработала венчиком. — Ты думал об изгнании злого духа? — спросила она. — Не хочешь ли вызвать священника, который обеспечит покой твоей жене?

Я покачал головой.

— Сомневаюсь, что это поможет. Но не знаю, может, ты и права. Однако мне кажется, что эти призраки из Грейнитхед удалятся на покой только тогда, когда мы узнаем, почему они все еще появляются, почему они не могут обрести покой.

— Речь о том, что нужно поднять со дна «Дэвида Дарка»?

— Наверно, так. Эдвард считает, что решение именно в этом.

— А ты как думаешь? — Джилли вынула сковороду и бросила в нее кусочки подсолнечного маргарина.

Я потер глаза руками.

— Я стараюсь сохранить рассудок. Я сам не знаю. Я просто стараюсь не свихнуться.

Джилли нежно посмотрела на меня.

— Ты вообще не свихнулся. И ты чудесный любовник. Я только надеюсь, что ты все-таки сможешь дать покой своей жене.

Это замечание не требовало объяснений. Я смотрел, как Джилли жарит яичницу, готовит кофе и гренки. Я подумал, что должен поспать перед завтрашним погружением. Холодные воды пролива Грейнитхед, беспокойные, как души умерших в городке, ждали прихода рассвета.

Глава 17

Около девяти утра мы уже плыли через Салемский пролив по серому, волнующемуся морю, покачиваясь на корме рыбацкой лодки «Алексис». В лодке было тридцать пять футов длины, и Эдвард, Дан Басс и еще двое коллег Эдварда из музея наняли ее для общества на все утро.

День был ясным, воздух обжигающе свежим, и было так холодно, что я даже удивился. Но Эдвард объяснил мне, что на море, как правило, температура ниже, чем на суше, иногда даже градусов на пятнадцать. На северо-западе собирался огромный клин густых, как сметана, туч. По оценке Дана, у нас было от двух до трех часов на погружение, прежде чем погода испортится.

Мне сразу понравился Дан Басс. Уверенный в себе, лет тридцати, с такими бледно-голубыми глазами, будто морская вода обесцветила их до белизны. Он говорил с бостонским акцентом, глотая окончания слов, а черты его квадратного лица выдавали в нем бостонского ирландца. Но, управляя лодкой, он сказал мне, что родился в Северной Каролине и впервые нырял, разыскивая суда в проливе Нимлино и заливе Вислоу.

— Как-то добрался я до корпуса торпедоносца времен второй мировой войны, который утонул во время шторма в сорок четвертом году. Я посветил фонарем в окно, и угадай, что я увидел? Человеческий череп в уже заржавевшей каске. В жизни больше не видел подобной чертовщины.

У Эдварда было великолепное настроение, так же, как и у его коллег: серьезного молодого студента по имени Джимми Карлсен и веснушчатого рыжеволосого историка

из отдела этнологии музея Пибоди, Форреста Броу. Оба были опытными аквалангистами. Джимми щеголял в блузе с надписью на спине: «Увидеть Массачусетс и нырнуть». Форрест три года назад участвовал в подъеме корабельных орудий и камбузной утвари с корабля восемнадцатого века, затонувшего у Маунт Хоуп Пойнт у побережья Род-Айленд. Оба все время объясняли мне со всеми подробностями, что они делают и почему, чтобы я не совершил по незнанию какой-нибудь фатальной ошибки, раз уж им от меня не было никакой пользы.

Джилли, закутанная в толстую стеганую парку с капюшоном, обшитым мехом, сидела на мостике рулевого с записной книжкой и секундомером в руке. Она почти не обращалась ко мне, но один раз перехватила мой взгляд и послала улыбку, говорившую мне, что между нами все в порядке — настолько, насколько это возможно. Глаза ее слезились, наверно, от холодного ветра.

Эдвард взял слово:

— Мы будем искать дальше вдоль линии побережья, с того момента, где закончили в прошлый раз. Дан установит лодку в точке пересечения тех линий, которые мы наметили, — одна по отношению к маяку на острове Винтер, а вторая — к башне епископального собора на Холме Квакеров. Якорь бросаем в месте, где эти направления пересекаются.

Дан Басс подвел «Алексиса» немного ближе к берегу, в то время как Форрест устанавливал положение. Установка лодки в назначенном месте заняла несколько минут, но наконец мы бросили якорь и заглушили мотор.

— Сейчас отлив, — объяснил Эдвард. — Но через пару минут он закончится, и наступит самое безопасное время для ныряния. Поскольку это твой первый раз, ты не должен оставаться под водой дольше пяти минут. В воде холодно и плохо видно, а у тебя и так будет много забот с дыханием и поддержанием равновесия. Вначале ты должен освоиться со всем этим.

Я почувствовал неприятные судороги в желудке и испытал огромное желание предложить отсрочить мое

посвящение в аквалангисты до завтра или до будущей недели, может, даже до будущего года. Ветер раскачивал лодку и рвал на части наш сигнальный флаг, так что я не знал, трясусь ли я от холода или от страха.

Дан обнял меня за плечи и сказал:

— Ни о чем не беспокойся, Джон. Если умеешь плавать, то справишься с погружением, при условии, что не потеряешь голову и будешь слушаться указаний. Во всяком случае, Эдвард — первоклассный аквалангист. Он будет тебе помогать.

Мы переоделись в обтягивающие водонепроницаемые комбинезоны, а под них одели подогнанные пробковые жилеты, чтобы дополнительно предохранить себя от холода. Комбинезоны были белыми с оранжевыми капюшонами, чтобы нас можно было заметить издалека даже в мутной воде — так объяснил Эдвард. Дан Басс закрепил на мне баллон с воздухом и показал, как продвигать загубник, чтобы выдуть пыль или воду, и как проверить, правильно ли функционирует регулятор расхода воздуха. Потом я надел на себя пояс с балластом, а Дан поправил грузики так, чтобы они не мешали моим движениям.

— Проверь также экипировку своего товарища, — напутствовал меня Дан. — Убедись, что помнишь, как действует его регулятор воздуха и как ты можешь освободить его от балласта в случае нужды. И вообще, постарайся все запомнить как можно лучше.

При моем первом погружении в воду со мной шли Эдвард и Форрест. Мы закончили подготовку, сидя на борту лодки, а моим товарищам в последнюю минуту приходили в головы разные советы, которые они мне еще не дали, поэтому перед самым погружением моя голова напоминала мусорную корзину. В моей памяти плавали отрывки советов, что мне делать, если стекло в маске запотеет, если перестанет поступать воздух, или (что было вероятнее всего) если я впаду в панику.

Джилли подошла ко мне, сжимая блокнот в руке, и стала за моей спиной. Ветер развевал мех на ее капюшоне.

— Удачи, — сказала она. — Будь осторожен.

— Попробую, — ответил я, чувствуя сухость во рту. — Сейчас, пожалуй, я беспокоюсь даже больше, чем тогда, когда вылетели эти окна.

— Какие окна? — спросил Эдвард. Он посмотрел на меня, потом на Джилли, но когда увидел, что ни один из нас не собирается ничего объяснять ему, пожал плечами и отвернулся.

— Готовы? Прыгаем!

Я сунул загубник, помолился в душе и пятой точкой вперед упал в море.

Внизу было холодно и царил полный хаос: ничего, кроме мутной воды и поднимающихся пузырей воздуха. Но когда я начал погружаться, я заметил поблизости яркое пятно комбинезона Эдварда, а с другой стороны еще одно светлое пятно: это Форрест прыгнул за нами. Я начал думать, что погружение с аквалангом не так уж и страшно, как я его себе воображал.

Все трое, работая ластами, мы включились в подводное течение.

Эдвард и Форрест ловко, грациозно, а я — с энтузиазмом, но в значительно более плохом стиле. Океан был в этом месте не слишком глубок, особенно при отливе, футов двадцать—тридцать, не больше, но для меня даже это было чересчур. К тому же вода была так мутна, что я старался держаться поближе к своим спутникам.

По мере того, как мы опускались на дно, мне было все труднее сохранять устойчивость. Наконец, когда мы задержались в паре футов над пологим склоном илистого побережья Грейнитхед, я почувствовал себя парящим в невесомости — причем проявлял явную склонность к легким подъемам и спускам, когда вдыхал и выдыхал воздух. Я был хорошим пловцом. В школе я был в команде по плаванию и даже завоевал бронзовую медаль в плавании брассом. Но подводные поиски в ледяном черном иле на северном берегу пролива Грейнитхед — это было совершенно другое дело. Я чувствовал себя неуклюжим, неопытным, взволнованным ребенком, который еще не полностью овладел координацией движений.

Эдвард вплыл в мое поле зрения и просигналил рукой: «Все в порядке». Этот же жест имели привычку делать таксисты из Сент-Луиса при виде аппетитной женской фигурки, фланирующей по тротуару. Я ответил Эдварду тем же и подумал, что его глаза за стеклом маски кажутся вытаращенными, как у утопленника. Меня предупредили, чтобы я не пытался сигнализировать поднятым указательным пальцем, поскольку это имеет совершенно иное значение. Форрест, вырвавшийся вперед на десять или пятнадцать футов, поторопил нас с началом поисков. Раз я должен оставаться внизу не менее пяти минут, подумал я, я могу принять участие в охоте на «Дэвида Дарка».

Мы планировали систематически обыскивать место вокруг лодки, передвигаясь по спирали против часовой стрелки, и отмечать места, где мы уже были, с помощью белых табличек с номерами. Мы начали с точки, где лежал погруженный в ил якорь лодки, и плыли по кругу, пока наконец я совершенно не утерял чувства направления. Однако Форрест в середине каждого круга вбивал в ил табличку, благодаря чему у нас была уверенность, что мы не ходим по своим следам и не удаляемся слишком далеко от области поиска.

Я посмотрел на часы. Я пробыл под водой уже минуты три, и мне потихоньку становилось не по себе. Не только из-за холода и хлопот с координацией движений, но и из-за клаустрофобии. Хотя вначале я дышал свободно, я не сумел сохранить регулярный ритм и понял, что даже если мой разум не поддастся панике, то мои легкие ведут себя все более нервно.

Я попытался припомнить сигнал, обозначающий «есть проблемы, но ничего серьезного». Нужно махнуть рукой, говорил Дан Басс, и показать, в чем дело. Как мне сообщить о клаустрофобии? Взять себя за горло и показать, что я задыхаюсь? Сжать голову руками?

Помни, не впадай в панику, сказал я сам себе. С тобой ничего не случилось. Ты можешь свободно плавать, ты можешь свободно дышать. Более того, тебе осталось

только две минуты, а потом ты можешь вернуться на поверхность. Эдвард и Форрест займутся тобой.

Но когда я снова поднял голову, то не увидел ни Эдварда, ни Форреста. Я видел только мутную воду, густую как каша, ил и болтающийся в воде мусор.

Я обернулся и посмотрел назад, но снова увидел только воду. Какая-то заблудившаяся камбала проплыла рядом, как герой Диккенса, блуждающий в лондонском тумане, быстро и уверенно. Но где же белые комбинезоны и оранжевые капюшоны, благодаря которым я должен видеть своих товарищей на расстоянии в десять футов в потводной темноте?

Не впадай в панику, повторил я себе. Они должны быть где-то здесь, неподалеку. Если ты их не найдешь, то просто вернешься к якорю, руководствуясь табличками, и вынырнешь на поверхность. Увы, я нигде не видел ни одной таблички, а вращаясь вокруг своей оси в поисках товарищей, я снова потерял чувство направления. Я чувствовал холодный, слегка подталкивающий меня напор течения, но когда мы начинали погружение, был еще отлив, сейчас же начинался прилив. Я понятия не имел, куда меня тащит течение и как далеко меня уже снесло за время моего бесцельного верчения в воде.

Я быстро задышал, судорожно хватая воздух, стараясь не думать обо всем том, от чего меня предостерегали Эдвард и Дан Басс. Если тебе нужно всплыть, даже в случае крайней необходимости, не всплывай слишком быстро. Воздух, находящийся в твоей системе кровообращения, может вызвать закупорку сосудов — и немедленную смерть. Не всплывай быстрее поднимающихся пузырьков воздуха, как мне сказал Дан Басс, и, если можешь, задержись по пути, чтобы выровнять давление.

Следующей опасностью было то, что легкие могли разорваться. Если всплывешь на поверхность с большой глубины, декомпрессия может разорвать легкие.

Как послушная дрессированная собачка, я вернулся к тому месту, где я только что был. Я попытался успокоиться. Я все еще не видел ни следа Эдварда и Форреста,

я не мог найти никаких табличек с номерами, поэтому решил, что мне остается только одно: вынырнуть на поверхность. Несмотря на прилив, наверняка меня недалеко отнесло от «Алексиса».

Я уже собирался вверх, когда в мутной волнующейся воде заметил белый блеск. У меня слегка запотела маска, и я не мог точно оценить расстояние, но помнил, что под водой все предметы, видимые через стекло маски, кажутся на три четверти ближе, чем в действительности. Это могли быть лишь Эдвард или Форрест. В окрестностях не было никаких других аквалангистов, а это что-то было явно крупнее рыбы. Мне сразу припомнились «Челюсти», но Дан Басс с легким раздражением заверил меня, что единственная белая акула, которая когда-либо появлялась у берегов Новой Англии, принадлежала киностудии «Юниверсал Пикчерс».

Я взял себя в руки и, стараясь дышать регулярно, двинулся над дном океана в направлении белого предмета. Он вращался в воде, вибрировал и подпрыгивал, как будто его трепал прилив. Когда я подплыл ближе, я пришел к выводу, что это не может быть ни Эдвард, ни Форрест. Скорее, это кусок паруса, который запутался в сетях и опустился на дно.

Лишь когда я подплыл очень близко, на расстояние в два или три фута, я с леденящим чувством мерзкого страха и омерзения полностью осознал, что это была утопленница. В ту же секунду она повернулась ко мне, и я увидел ее лицо, разорванное и безглазое, с губами, полусъеденными рыбами, с волосами, вертикально вздымающимися вокруг головы, как водоросли. Одета она была в белую ночную сорочку, которая вздымалась и волновалась в течении прилива. Щиколотки утопленницы запутались в затонувшей рыбацкой сети, из-за чего она не могла всплыть на поверхность, но ее разлагающееся тело было наполнено газом до такой степени, что оно стояло выпрямившись, как гренадер на плацу, танцуя какой-то гротескный подводный балет в полном одиночестве на дне моря у побережья Грейнитхед.

Я отпрянул, пытаюсь совладать со страхом. Полупереваренная овсянка подошла к горлу. Ради бога, сказал я себе, только не сейчас. Если тебя вытошнит, ты подавишься и закончишь как эта Офелия с глазами, выеденными рыбой. Поэтому успокойся. Смотри в другую сторону, забудь об Офелии, ты ведь все равно не сможешь ей ничем помочь. Успокойся. Смотри в другую сторону и медленно всплывай на поверхность, а потом позови на помощь.

Я поплыл вверх, внимательно наблюдая за пузырьками воздуха, чтобы убедиться, не всплываю ли я чересчур быстро. Я находился примерно в тридцати футах под поверхностью воды, но мне казалось, что от поверхности меня отделяет в три раза больше. Когда мне показалось, что я уже на середине пути, я замедлил движение, сделал пару выдохов, чтобы не допустить разрыва легких или какой-нибудь другой катастрофы. Здесь было светлее, вода стала более прозрачной. Я все сильнее чувствовал течение прилива и волнующуюся поверхность моря.

— Джон, — прошептал женский голос.

На меня повеяло холодом, стало куда более прохладно, чем температура воды. Голос прозвучал выразительно и очень близко, как будто кто-то шептал мне прямо в ухо.

Я поспешно ускорил движение ласт, сдерживая нарастающую волну настоящей паники.

— Джон, — повторил голос, на этот раз громче и более убедительно, как будто молил о чем-то. — Не оставляй меня, Джон. Не оставляй меня. Прошу тебя, Джон.

Я был уже почти на поверхности. Едва ли не в паре футов я видел пробегающие надо мной утренние волны. Но в этот момент что-то обвилось вокруг моей левой щиколотки, а когда я попытался освободиться, я был неожиданно перевернут вверх ногами. Тут же холодная вода налилась мне в уши. Я выпустил загубник, порождая цепочку пузырьков воздуха. О дальнейшем я помню только, что отчаянно дергался и вырывался, пытаюсь освободиться. Я выставил вверх одну руку, надеясь, что кто-то с «Алексиса» увидит мой сигнал, но это не имело смысла. Я все еще находился футах в десяти под водой, а

что-то, что держало меня за ногу, быстро утягивало меня вглубь.

Лишь тогда я на самом деле впал в панику. Меня угнетало ужасное сознание того, что я задыхаюсь и если не смогу освободиться, то меня ожидает смерть. Я слышал от кого-то, что утопление — самый мягкий вид смерти, значительно более приятный, чем смерть от пули, от огня или в катастрофе; но тому, кто так заявлял, наверняка никогда не приходилось одиноко барахтаться в прохладный мартовский день на дне северной части Атлантического океана, без загубника и с ногой, удерживаемой чем-то непонятным. Наверно, я завопил во всю глотку, судя по количеству пузырьков воздуха, и прежде чем успел прийти в себя, набрал полный рот воды. Ледяная, соленая, щиплющая морская вода вливалась мне в желудок, пылая, как жидкий огонь. Я вернул часть проглоченного и, к своему счастью, не подавился при этом, хотя в легких у меня уже почти не было воздуха.

В голове у меня билась только одна мысль: не наглотайся воды! Не глотай воду. Дан Басс предупредил меня, что тот, кто втянет морскую воду в легкие, уже покойник. Собственно, шансов на спасение уже нет.

В голове у меня звенело, глаза вылезали из орбит. В последнем отчаянном усилии я дернулся, чтобы увидеть, что меня держит за щиколотку. К своему ужасу я увидел, что это была ночная рубашка утопленницы, все еще покрывающая мертвое тело, которое подрагивало и подпрыгивало в своем смертном танце. Видимо, когда я проплывал мимо нее, течение, вызванное движением моих ласт, освободило ее из сетей. Останки, наполненные газами разложения, начали подниматься вверх и поплыли вслед за мной, как буй. Рубашка запуталась вокруг моей ноги, а когда я начал дергаться, останки перевернулись и газы вырвались из живота, после чего тело стало тяжелее и начало тянуть меня вниз.

Я полусогнулся и обеими руками дернул за рубашку, но мокрый материал, обвившись вокруг моей щиколотки тесно, как перевязка, не хотел уступать. Я потянулся к

бедру и выхватил рыбацкий нож. Останки все еще вертелись и подпрыгивали так резко, что мне трудно было не искалечить ногу при разрезании ткани.

Два, три, четыре удара, и я понял, что мне еле хватит воздуха, чтобы доплыть до поверхности. Но я ударил еще раз, и каким-то чудом материя порвалась. Труп женщины снова начал опускаться вглубь, в темноту, исчезая в мутной воде и облаках ила.

Я сбросил пояс с балластом, что следовало сделать много раньше, и заработал ластами. Мне казалось, что я выныриваю убийственно медленно, но паника отступила, меня охватило удивительное спокойствие, и я уже знал, что выживу. Наконец я выставил голову над волнами, почувствовал ветер, солнце и свежий воздух, а почти в полумиле от себя увидел «Алексиса».

Я отчаянно замахал руками. Я не знал, даю ли я нужные сигналы, но я просто был не в состоянии долго держаться на воде, особенно среди заливавших меня волн. Я чувствовал себя вымотанным физически и психически. Дан Басс был прав, когда говорил, что погружение с аквалангом является спортом столь же интеллектуальным, сколь и физическим. Это не развлечение для паникеров и истеричных типов.

Я услышал отдаленный шум двигателя «Алексиса». Наконец лодка, описывая круг, приблизилась ко мне, и Дан Басс прыгнул в воду, чтобы поддержать меня. Он буксировал меня до борта, а потом вместе с Джимми исхитрился затащить меня на палубу. Я лежал, растянувшись на досках, как свежевывловленная акула, кашляя, плюясь и выплевывая воду носом. У меня было такое чувство, будто кто-то драил мои дыхательные пути ершом для прочистки труб.

Джилли встала на колени рядом со мной.

— Что случилось? — спросила она. — Мы уж думали, ты потерялся! Эдвард и Форрест уже отправились искать тебя, сказав, что ты исчез.

Я кашлял и кашлял, пока мне не начало казаться, что сейчас меня вырвет. Но наконец мне удалось унять кашель, и с помощью Дана я сел.

— Сейчас мы стянем с тебя комбинезон, — сказал Дан. — Джилли, в рюкзаке есть термос с горячим кофе, принеси его, хорошо? — Он присел рядом со мной и внимательно посмотрел на меня. — Это наверно моя вина, — заявил он, когда уверился, что я цел и невредим. — Следовало сначала потренировать тебя в бассейне, а уж потом выпускать на открытые воды. Но ты произввел впечатление человека, способного постоять за себя.

Я громко шмыгнул носом и кивнул.

— Я потерял их из вида. Только и всего. Не знаю, как это произошло.

— Ничего особенного, — ответил Дан. — Когда надеваешь маску, то чувствуешь себя конем с удилами в зубах и можешь смотреть только вперед. А в такой мутной воде достаточно пары секунд, чтобы потерять из вида товарищей. Но это и их вина, они не должны были спускать с тебя глаз. Может, надо было использовать спасательный канат. Я не любитель этого, канат еще больше ограничивает движение, а пользы от него мало, но в следующий раз нужно будет подумать и об этом.

— Не говори мне о следующем разе.

— Обязательно должен быть следующий раз. Если ты сейчас не спустишься под воду, то ты уже никогда не сможешь спуститься.

— Я не боюсь погружения, — ответил я. — Речь не о нем. Я впал в панику и не стыжусь в этом признаться, но, наверно, каждый бы перепугался, если бы увидел то, что увидел я.

— Ты что-то нашел? — заинтересовался Джимми. — Что-то связанное с «Дэвидом Дарком»?

— Угу. Я нашел утопленницу. Даже в довольно неплохом состоянии. Она запуталась в рыбацкой сети. Стояла по стойке смирно, как живая, и только вертелась из стороны в сторону. Я зацепился ногой за ее рубашку и чуть было не утонул.

— Утопленница женщина? Где же она?

— Пошла на дно, когда мне удалось от нее освободиться. Но я думаю, что прилив выкинет ее на берег, раз уж она теперь не запутана в этой сети.

Дан Басс прикрыл глаза от солнца и огляделся, но море вокруг лодки было спокойно.

— Пойду-ка я позову Эдварда и Форреста, — буркнул он. — Они все еще тебя ищут.

Он прошел на корму, где находилась алюминиевая лестница для ныряльщиков, и ударил по ней пять раз разводным ключом. Это был сигнал Эдварду и Форресту возвращаться, сигнал, который был слышен на расстоянии минимум в полмили под водой.

— Я отмечу координаты этого места, — сказал Дан Басс. — На случай, если полиция захочет знать, где ты нашел тело. — Он пошел к штурвалу, прочитал по компасу положение лодки и записал данные в блокнот Джилли.

Джилли придвинулась ко мне.

— Как она выглядела, та женщина? Боже, наверно ужасно!

— Трудно сказать, как она выглядела. Под водой любые волосы имеют одинаковый цвет, особенно в такой мутной воде. Рыбы до нее уже добрались. Рыбы не слишком привередливы. У нее еще было лицо, но сомневаюсь, что даже лучший друг смог бы ее узнать.

Джилли обняла меня за шею и поцеловала в лоб.

— Ты не имеешь понятия, как я рада, что ты в безопасности.

— Дорогая, я тоже рад.

Она помогла мне спуститься в каюту под рулевым колесом, где находились две узкие койки, стол и маленькая кухонька. Она положила меня на койку, стянула с меня комбинезон и вытерла досуха полотенцем. Потом закутала меня в одеяло, поцеловала еще раз и сказала:

— Ты должен согреться. Приказание доктора Маккормик.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил я.

Через несколько минут «Алексис» остановился, и Дан Басс заглушил двигатель. Я чувствовал, как закачалась лодка, когда Эдвард и Форрест влезали на палубу, и

слышал, как они хлюпают мокрыми лапами по доскам. Стянув комбинезон, Эдвард вошел в каюту и присел на край другой койки.

— Господи, — сказал он, дунул на очки, протер их и опять нацепил на нос. Он посмотрел на меня, щуря покрасневшие от соленой воды глаза. — Признаюсь, я на самом деле уже думал, что тебе конец.

Форрест сунул нос в каюту и прокричал:

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, благодарю, — ответил я. — Я просто забыл, что не должен терять вас из вида.

— Ну, мы сделали ту же ошибку, — признал Форрест. — Это было непростительно. Нам на самом деле очень жаль. Знаешь же, под водой, бывает, самая мельчайшая ошибка может за пару секунд привести к полнейшей катастрофе. К счастью, на этот раз пронесло.

— Еще бы немного, и... — заметил я.

— Да... Дан говорил о каком-то труп. Вроде бы ты нашел на дне труп.

— Вот именно. Женщину в ночной рубашке. Она зацепилась за сеть и вертелась, как флюгер. Видимо, проплывая мимо, я создал какую-то волну, потому что она поплыла за мной, совершенно как живая.

— Женщина в ночной сорочке? — повторил Форрест.

— Точно. Она была так изуродована, что трудно сказать, как она выглядела, но наверняка она пробыла в воде не так уж долго.

— Миссис Гулт, — заявил Эдвард.

— Кто?

— Я читал об этом в «Грейнитхедских ведомостях» примерно в середине прошлой недели. Миссис Гулт вышла из дома посреди ночи, одетая только в ночную рубашку. Она взяла одну из своих машин, доехала до пристани Грейнитхед и вышла в море на яхте мужа, стоящей более двухсот тысяч долларов. С той поры ее никто и нигде не видел. Яхту тоже.

— И ты думаешь, что это была миссис Гулт? — переспросил я. — Именно этот труп?

— Не исключено. Ты же сам сказал, что она пробыла в воде лишь несколько дней, а если на ней была еще и ночная рубашка...

— Действительно, похоже, что это она, — вмешался Форрест.

— Есть кое-что еще, — продолжил Эдвард. — Ее муж, мистер Джеймс Гулт, сказал в сообщении для прессы, что в последнее время она была сама не своя. Она потеряла мать, к которой, видимо, была очень привязана. Ее мать умерла от рака.

— Почему, интересно, тебя это так заинтересовало? — спросил Форрест. Он хлопнул носом и вытер его краем ладони.

— Я работал у Гултов, когда мне было пятнадцать лет. Мыл машину мистера Гулта. Они дружили с моими родителями. Мой папа и мистер Гулт работали в строительстве, хотя мистер Гулт в последнее время больше стал заниматься надводными жилыми блочными постройками. Мой папа считает, что такие постройки аморальны, они разрушают самобытную культуру Салема и Грейнитхед. Поэтому в последнее время мы редко видимся с мистером Гултом.

— Твой отец считает, что блочные дома аморальны? — с недоверием спросила Джилли.

Эдвард снял очки и снова их протер. Он внимательно и серьезно посмотрел на Джилли.

— Мой отец живет прошлым. Он не может понять, почему не строят дома в федеральном стиле, с подвалами, окнами со ставнями и перилами из кованого железа.

— Эдвард, — спросил я. — Подозреваешь ли ты то самое, что я думаю?

— Черт! — удивленно воззрился на нас Форрест. — О чем это вы?

Эдвард взглянул на Джилли, а потом снова посмотрел на меня.

— Не знаю. Может, я не совсем понимаю?

— Не понимаю, — пожаловалась Джилли.

Я кивнул в сторону Эдварда.

— Мне кажется, Эдвард считает, что миссис Гулт не случайно погибла именно в том месте. Возможно, она специально приплыла и умышленно утопилась или случайно утонула, но приплыла сюда, чтобы быть поближе к корпусу «Дэвида Дарка».

— Хм, что-то более или менее подобное приходило мне в голову, — признался Эдвард.

— Но почему же она это сделала? — спросила крайне удивленная Джилли.

— Помни, что она потеряла мать. Может, дух матери навестил ее, так же как... — Эдвард замолчал.

— Говори спокойно, Эдвард, — успокоил я его. — Джилли знает о Джейн.

— Ну, так же, как тебя посещал дух твоей жены, а миссис Саймонс — дух ее умершего мужа. И, кто знает, может, миссис Гулт чувствовала то же самое, что и ты: что если бы она добралась до источника этих явлений, до катализатора, делающего возможным появление духов, то она могла бы обеспечить покой своей матери.

— Думаешь, что она из-за этого утонула? — спросил Форрест с заметным недоверием.

— Не знаю, — признался Эдвард. — Но забота об обеспечении покоя умерших очень сильна во всех мировых культурах. Китайцы сжигают на похоронах бумажные деньги, чтобы умерший был богат, когда очутится на небе. На Новой Гвинее трупы обмазывают грязью и пеплом, чтобы телу легче было вернуться в землю, из которой оно вышло. А какие слова высечены на христианских надгробьях? «Покойся с миром». Это важно, Форрест, пусть даже мы вообще этого не понимаем. Это инстинктивно. Мы знаем, что, когда наши близкие умирают, они переживают после смерти нечто, в физическом и психическом смысле резко отличающееся от того, что они знали при жизни, поэтому у нас есть сильная потребность защищать их, руководить ими, обеспечивать им безопасность. Почему мы реагируем именно так? Ведь, если рассуждать логически, все это абсурд. Но, может, в давние времена умершим грозила более явная опасность, может, погреш-

бальный ритуал был важной и рациональной мерой предосторожности против угрозы, которая возникала перед ними, прежде чем они могли обрести вечный покой?

Форрест скривился и почесал в затылке с миной, выдающей сдерживаемое раздражение, но как этнолог он не мог не признать, что в словах Эдварда много правды.

— Я же лично верю, — продолжал Эдвард, — что в корпусе «Дэвида Дарка» находится что-то такое, что мешает естественным процессам и делает невозможным успокоение душ умерших. Знаю, что вы считаете меня психом, но я ничего с этим не могу поделать. Я очень долго думал об этом, и это единственное возможное объяснение. Я не претендую на рациональность этого объяснения, но, в конце концов, разве явления, происходящие в Грейнитхед, рациональны? В случае миссис Гулт возможно, что ее посещал дух ее умершей матери, и у нее, может, было предчувствие, что если она доберется до «Дэвида Дарка», то сможет освободить это что-то.

— Ты думаешь, она знала о существовании «Дэвид²⁹ Дарка»? — спросил Джимми.

— Сомневаюсь, — ответил Эдвард. — Ее скорее влекла какая-то сила, исходящая от его корпуса.

Джилли провела рукой по волосам.

— Но это уже, пожалуй, просто бред, — устало заявила она.

— Вовсе нет, — возразил Эдвард. — Ты смотришь на все это с точки зрения современного человека, привыкшего решать все вопросы только с позиции здравого смысла и логика, начисто отвергая магию. Ведь когда ты по телевизору смотришь Дэвида Коперфильда, ты ни на секунду не веришь, что его фокусы — настоящая магия. Но во времена, когда затонул «Дэвид Дарк», во времена, когда Салем был охвачен горячкой охоты на ведьм, в те времена люди верили в магию, в Бога и в Дьявола. Так на какой же позиции стоишь ты, если утверждаешь, что они ошибались? Особенно если Джон может тебе подтвердить, что его на самом деле посетила его покойная жена,

если он на самом деле ее видел, разговаривал с ней, слышал ее голос?

Форрест и Джимми, видимо, ничего об этом не знали, поскольку обменялись недоуменными взглядами.

— Сегодняшнее происшествие с Джоном может оказаться удачей, облеченной в несчастье, — закончил Эдвард. — Если миссис Гулт утонула поблизости от корпуса «Дэвида Дарка», то она точно указала нам положение корабля, который иначе мы могли бы искать еще целые годы — и без толку. Ты отметил все ориентиры, Дан?

— Конечно, — сказал Дан Басс.

— Тогда будем нырять все оставшееся время как можно ближе к месту, где ты, Джон, нашел тело. Дан, Джимми, вы спускаетесь первыми.

— А я? — спросил я.

Эдвард отрицательно покачал головой.

— Ты сделал уже более чем достаточно для одного дня. Крайне глупо с нашей стороны, что мы вообще позволили тебе нырять. Пара недель тренировки в бассейне, и только затем ты можешь снова плавать в открытых водах.

— А что с трупом? — спросила Джилли. — Вы не сообщите в береговую охрану?

— Явимся к ним сразу же после возвращения, — ответил Эдвард. — Во всяком случае, сейчас мы можем сделать для миссис Гулт очень и очень мало.

Глава 18

После полудня налетел ветер. Погода постоянно ухудшалась, и наконец в три часа дня, когда поднялись волны и струи дождя начали хлестать по окнам рубки, Дан Басс вызвал на поверхность Эдварда и Джимми и сказал им, что на сегодня всё.

Они старательно и систематически обыскали дно под нами, но ничего не нашли, никакого углубления в дне, которое могло бы служить свидетельством того, что в этом месте под илом лежит корабль. Дан сказал мне, что если естественное приливное течение встречает какое-то препятствие, то, обходя его, оно должно ускориться, поскольку вода не является жесткой средой; под влиянием этого же ускорения возникают и завихрения, которые проделывают в дне океана яму. Поэтому даже полностью погребенный в иле корпус корабля оставляет четкий след присутствия, призрачное отражение в илистом дне.

Но сегодня ничего особенного замечено не было. Только крутые илистые склоны, которые постепенно, отлого спускались, исчезая в глубинах Салемского пролива. Только рыбацкие сети, части такелажа, заржавевшие автомобили и гниющие лодки.

Эдвард взобрался на палубу и сбросил с себя комбинезон. Его окаймленные бородой губы были синими от холода, и он весь трясся.

— Не повезло? — спросил я его.

Он покрутил головой.

— Никого и ничего. Но мы можем сюда вернуться завтра. Нам осталось еще проверить восточное направление.

Форрест, который отказался от погружений около часа назад и теперь сидел в рубке, одетый в джинсы и толстый свитер-водолазку, заговорил:

— По-моему, мы топчемся на месте, Эдвард. Наверняка уже пора воспользоваться эхозондом.

— Эхозонд ничем нам не поможет, пока у нас не будет уверенности, что мы приблизительно знаем расположение затонувшего корабля, — запротестовал Эдвард. — Кроме того, наши возможности взять оборудование напрокат не слишком велики, особенно если первых результатов следует ждать не раньше, чем через шесть или семь месяцев.

— Могу помочь вам в финансовом отношении, — вмешался я. — Парой сотен, если вас это устроит.

— Что ж, благородное предложение, — сказал Эдвард. — Но наша самая большая проблема — это время. Мы можем нырять только по выходным. При таких темпах мы будем искать «Дэвида Дарка» целую вечность. Мы ведь уже ищем его больше года.

— А разве нет никаких документов, которые могут содержать какие-то указания о месте, где утонул корабль?

— Ведь знаешь же сам, как все было. Эйса Хаскет проследил, чтобы каждое, даже самое незначительное, упоминание, касающееся «Дэвида Дарка», было уничтожено из реестров.

— А что с библиотекой Эвелита? Может, там можно что-нибудь найти, как ты думаешь?

— В библиотеке Эвелита? Наверно, ты шутишь. Шутишь, правда?

— Я вообще не шучу.

— Ну так вот что я тебе скажу, Джон. Старому Дугласу Эвелиту должно быть сейчас лет восемьдесят. Я видел его только раз. Теперь он вообще никуда не выходит из дома. Более того, он никого к себе не пускает. Он живет со слугой, индейцем из племени наррагансет, и какой-то девушкой, которая, возможно, приходится ему внучкой, а возможно, и нет. Все питание им привозят на место и оставляют в сторожке в конце подъездной аллеи. Меня

бесит, когда я думаю о всех тех бесценных исторических материалах, которые этот старик не хочет выпускать из рук, но что я могу сделать?

— Пари, что ты уже пытался туда забраться, — сказал я.

— Пытался! Писал, звонил, лично приходил пять или шесть раз. Но каждый раз — вежливый отказ. Мистер Эвелит сожалеет, но его частная библиотека закрыта для исследователей.

«Алексис» как раз сворачивал в сторону пристани Салема. Флаг погружений был спущен и снят. Корма лодки вздымалась и опускалась на волнах. Дан напевал матросскую песенку о «Легкомысленной Салли», для которой «любовь моряка... это детская игра».

— Может, нам стоит попробовать подойти к Эвелиту по-другому? — заметил я. — Может быть, нужно предложить ему что-то, вместо того, чтобы о чем-то просить?

— А что я могу предложить такому человеку, как Эвелит?

— Ведь он же коллекционер. Ты мог бы предложить ему какую-нибудь древность. У меня в лавке есть письменный прибор, который, возможно, принадлежал одному из судей, принимавших участие в процессах над ведьмами, некоему Генри Геррику. Во всяком случае, на нем есть инициалы «Г. Г.»

— Возможно, ты придумал правильный способ, — вмешался Джимми. — Во всяком случае попробовать стоит. Такие люди, как Эвелит, скрываются от мира потому, что воображают, будто каждый думает только о том, как бы посягнуть на его собственность. Обратите внимание, как Эвелит продает свои картины: анонимно, чтобы никто не мог проследить, откуда они берутся.

Эдвард казался немного растерянным, поскольку не он оказался автором идеи подкупить старого Эвелита. Он взял себя в руки и сказал, стараясь поддерживать свободный тон:

— Давайте поедем туда прямо сегодня, хорошо? Всего полчаса езды. Может, это действительно хорошая идея.

— Сегодня я уже слишком измучен, — ответил я. — К тому же сегодня мои тесть и теща нагрянут ко мне с визитом. Может, завтра утром около десяти.

Эдвард пожал плечами:

— Мне это подходит. А ты, Джилли? Хочешь поехать с нами?

В обычных обстоятельствах он не приглашал бы ее, но я почувствовал, что он пытается прозондировать, что меня объединяет с Джилли. Джилли посмотрела на меня с выражением, которое легко было прочитать, и ответила:

— Нет, благодарю. Завтра я должна работать в салоне. Мы, независимые деловые женщины, не можем позволить себе ни минуты отдыха.

— Ну, как хочешь, — разочарованно бросил Эдвард.

Мы вошли в гавань и пришвартовались. Когда мы перегрузили снаряжение в фургон Дана Басса, Форрест подошел ко мне и дружелюбно похлопал по плечу.

— Ты хорошо справился сегодня утром, учитывая, что это у тебя первый раз. Если будет нужно потренироваться, то заскочи в «Клуб аквалангистов» в понедельник вечером. Ведь когда мы найдем это свинство, ты, наверняка, захочешь лично все увидеть.

— Лучше пока пойдем в полицию и сообщим ей и береговой охране о миссис Гулт, — напомнил я ему.

— Этим займется Дан. Его знают в комендатуре. Аквалангисты из клуба постоянно вылавливают всяких там утопленных младенцев, матерей-самоубийц и ставших ненужными собак в мешках, утяжеленных камнями.

— Похоже, что море покрывает множество грехов, — заметил я.

Когда я уже собирался уезжать, к моей машине подошла Джилли и склонилась к открытому окну. Ветер развеивал ее волосы.

— Ты на самом деле возвращаешься домой? — спросила она.

— Должен.

Она молча посмотрела на меня, а потом выпрямилась, подставляя лицо ветру.

— Я не хотела бы, чтобы ты туда возвращался, — сказала она.

— Я тоже. Но бегство не имеет смысла. Я должен как-то это выдержать и обязан каким-то образом разобраться с этим. Я не хочу рисковать второй такой ночью, как вчерашняя. Рано или поздно, тебе или мне, или нам обоим будет нанесен вред. Не забывай, что случилось со старой миссис Саймонс. Не хочу, чтобы что-то подобное произошло и с тобой. И со мной тоже, честно говоря.

— Ну что ж, — сказала Джилли с грустной философской усмешкой. — Это был короткий роман. Он начался быстро, быстро и закончился.

— Надеюсь, ты не думаешь, что между нами уже все кончено? — запротестовал я.

— Нет, по крайней мере, если речь идет обо мне. Пока ты сам мне этого не скажешь.

Я протянул руку, а Джилли взяла ее и пожала.

— Я могу позже тебе позвонить? — спросил я.

Она кивнула.

— Я буду ждать, — сказала она и улыbnулась одними глазами.

Отъезжая, я посмотрел в зеркальце и увидел, как она стояла на берегу, держа руки в карманах парки. Я не забыл с ней о Джейн. Этого не смогла бы добиться ни одна девушка. Но с ней, впервые после смерти Джейн, я почувствовал, что я снова живой и что жизнь может быть прекрасна. Я думал, как удивительно, что люди редко оптимистически смотрят на будущее и на неизбежное течение истории, вместо этого возлагая свои надежды на другого человека, такого же растерянного и неуверенного. Ничто так не придает отваги, как сознание, что кто-то тебя любит и что ты не одинок.

Я въехал на Аллею Квакеров и у подножья холма увидел Джорджа Маркхема, занятого ремонтом изгороди. Я остановил машину и вышел.

— Как дела, Джордж? — прокричал я.

Джордж выпрямился, вытирая перепачканные креозотом руки о рабочий комбинезон.

— Я слышал, что с тебя сняли обвинение, — сказал он. Я видел, что хоть он и пытается быть искренним, но все же смущен.

— Отсутствие доказательств, — объяснил я. — К тому же, я ее не убивал.

— Ну никто же не говорил, что ты это делал, — поспешно бросил Джордж.

— И никто не говорит, что не я. Но кое-кто сболтнул, что в тот вечер я шатался по округе и был явно не в себе.

— А ты и был не в себе. Ты сам это должен признать.

Я сунул руки в карманы брюк и с улыбкой посмотрел на Джорджа.

— Да, ты прав, Джордж. Я действительно был не в себе. Но ведь каждый повел бы себя так же и был перепуган, если бы увидел то, что видел я.

Джордж окинул меня внимательным взглядом, прищурив один глаз, как будто оценивая мой вес.

— Так ты на самом деле видел Джейн на качелях?

— Да, — подтвердил я. — А еще позже я видел ее еще раз.

Он молчал довольно долго, погруженный в раздумья. На улице было холодно. Я спокойно стоял, сунув руки в карманы, и смотрел на него. Наконец он выдавил:

— Кейт Рид не поверил тебе. Но Кейт никому не верит, если речь идет о духах.

— А ты мне веришь?

Джордж озабоченно поддакнул.

— Потому что ты сам видел духа, ведь так? — спросил я. У меня не было в этом уверенности, но что-то в выражении его глаз, какой-то страх, неуверенность и глубоко скрытое страдание сказали мне: этот человек своими глазами видел духа.

— Я, гмм... я слышал голос моего брата, Уилфа, — выдавил он хриплым голосом.

— Ты видел его или только слышал?

Джордж опустил голову и уставился в землю. Потом поднял голову и сказал:

— Зайди внутрь. Кое-что тебе покажу.

Я вошел за ним в дом. Когда я закрывал за собой дверь, далеко над океаном раздалось первое ворчание бури и неожиданный порыв ветра захлопал садовой калиткой. Джордж провел меня в гостиную, подошел к темному дубовому столу, стоявшему рядом с камином, открыл его и начал копаться внутри. Наконец он вытащил большую фотографию, оправленную в рамку, и подал ее мне так торжественно, как будто вручал почетный диплом.

Я внимательно осмотрел фотографию, даже проверил, что на ее обороте. Это был черно-белый снимок, представляющий автостраду на фоне деревьев. Окрестности были мне знакомы. На обочине дороги стоял автомобиль. И все. Самый неинтересный фотоснимок, какой я видел в жизни.

— Ну и что? — бросил я. — Я не очень понимаю, что я здесь должен видеть.

Джордж снял очки и сунул их в футляр.

— Найди здесь моего брата, — ответил он, указывая на фотографию.

Я напряг зрение.

— Я не вижу его. Здесь же никого нет.

— Вот именно, — буркнул Джордж. — На этой фотографии был мой брат, он стоял перед объективом. Потом, две или три недели назад, я стал замечать, что он понемногу отодвигается, на каких-то шесть или семь футов, но все еще стоит. Вначале я не обратил на это внимание, думал, что у меня уже старческий склероз. Но через неделю он исчез за поворотом дороги. Потому-то я и снял эту фотографию со стены. Мой брат ушел с этой фотографии, вот и все. Не знаю, ни как он это сделал, ни почему он это сделал.

Я отдал ему фотографию.

— То же самое творится и с моими фотографиями Джейн, — сказал я. — Они меняются. Они выглядят почти так, как и раньше, но не совсем.

— Как ты думаешь, что это значит? — спросил Джордж. Он резко схватил меня за руку и посмотрел прямо мне в лицо. — Думаешь, это колдовство?

— В определенном смысле, — ответил я. — Мне очень трудно это объяснить. Но пара человек из музея Пибоди исследует это дело. Может, они найдут способ обеспечить покой твоему брату. И Джейн. И всем другим духам, которые посещают Грейнитхед. По крайней мере я надеюсь, что это им удастся.

Джордж опять надел очки.

— Я слышал плач Уилфа, — сказал он, с грустью всматриваясь в пустую дорогу, изображенную на фотографии. — Ночь за ночью я слышал его плач в комнате для гостей на втором этаже. Там никого не было, во всяком случае я никого не видел. Но я слышал этот ужасный, отчаянный плач и бесконечные рыдания. Я даже не могу выразить, как это все выводит меня из себя, Джон.

Я сжал его руку успокаивающим жестом.

— Не переживай так, Джордж. Ты, наверно, думаешь, что Уилф несчастен, но ты можешь и ошибаться. Может, ты воспринимаешь только самую грустную часть его посмертного существования. Может, личность человека после смерти распадается на части, и где-то там может существовать счастливый Уилф, не только этот грустный.

Джордж пожал плечами.

— Я не очень могу в такое поверить, Джон, но спасибо за утешение.

— Не представляю, как бы я мог утешить тебя, — признался я. — Сам я знаю лишь одно: эти парни, из Пибоди, думают, что открыли причину этих явлений.

— Так что же это? Излучение или что-то еще в таком роде?

— Не совсем. Расскажу подробнее, когда узнаю больше. Я дам тебе знать. Обещаю. При условии, что ты тоже сдержишь свое обещание и пригласишь меня на покер.

Мы подали друг другу руки, собственно, неизвестно почему. Потом я оставил Джорджа дальше поправлять изгородь, сел в машину и поехал по кочкам Аллеи Квакеров домой.

Всю дорогу с пристани я боялся этого возвращения. Я тащился по Восточнобережному шоссе со скоростью менее

двадцати миль в час, к ярости едущего за мной водителя грузовика. Но, наконец, я приехал на место. Вот уже у подножия холма стоит мой дом, выглядящий убого, старо и грустно под пасмурным небом. Я развернулся и, паркуясь у дома, решил, что проведу здесь ночь в последний раз. Дом казался мне таким холодным и враждебным, что я не хотел в нем больше жить.

Охваченный недобрым предчувствием, я вышел из машины и подошел к двери. Разболтанный ставень постукивал на ветру: крючок выскочил из петли в стене во время ненастья. Ставень так и будет стучать всю ночь, если я не принесу лестницу и не закреплю его. Я открыл входную дверь и вошел в дом. В нем ничего не изменилось. Тот же холод, та же вонь гнили и та же атмосфера заброшенности и ужаса.

Прежде всего нужно было растопить камин в гостиной. Когда языки пламени стали лизать поленья, я налил себе выпить и, все еще не снимая плаща, вошел в кухню проверить, что у меня есть на ужин. Конечно, я мог съесть бифштекс Солсбери, или курицу в соусе, или консервированное мясо, подогрев его. Но мне почему-то не хотелось ни первого, ни второго, ни третьего. По чему я действительно тосковал, так это по жаркому с красным перцем, приготовленному Джейн, жгучему от перца и густому от фасоли по испанским рецептам. Мне стало жаль и Джейн, и самого себя. Мигающий призрак, три ночи кряду навещавший меня, почти изгладился из памяти, успев стереть в моем мозгу образ любимого лица Джейн, так что, когда я пытался вспомнить ее, мне с ужасом приходила на память эта ужасающая электрическая маска.

— Джейн, — прошептал я сам для себя, а может, даже немного и для нее. Ведь Данте писал: «Нет ничего грустнее, чем вспоминать о счастливых временах во время бедствия». Меня выучил этому фрагменту мой бывший шеф из «Мидвестерн Кемикал Билдинг».

— Джон, — раздался в ответ чей-то шепот.

Она была здесь, в этом доме. Я знал, что она здесь. Ветер, который вздыхал в камине, балки потолка и ошту-

катуренные стены были пропитаны ее присутствием. Никакие экзорсисы не могли изгнать ее отсюда, поскольку она стала частью дома и каким-то удивительным образом частью меня самого. Инстинктивно я знал, что пусть даже я уеду подальше отсюда, в Сент-Луис, или дальше, или вообще на Западное побережье, Джейн всегда будет со мной. Она будет шептать мне и уговаривать чтобы я ее любил, она будет втягивать меня все глубже в призрачный мир электрического чистилища, пока, наконец, моя жизнь не станет невыносимой. Я любил ее, когда она умерла, но я знал, что если она и дальше будет меня мучить, то я в конце концов ее возненавижу. Может, именно это и сгубило миссис Саймонс. Она не захотела потакать прихотям своего умершего мужа, и тот ее убил. Как долго это продлится, пока меня не настигнет такой же конец?

Я подумал, что, наверно, мертвые ревнуют живых. Брак Чарли Манци распался, поскольку появился дух его сына. Джордж Маркхем все больше беспокоился о своем умершем брате. Моя связь с Джилли была под угрозой, пока я не отошлю дух Джейн на покой. Один черт знает, сколько осиротевших жителей Салема и Грейнитхед открыло, что умершие родные ревниво защищают свои права и не позволяют иметь чувственные связи с другими людьми.

Прошлой ночью я думал, встречу ли я после смерти Джейн. Что она шептала мне сегодня утром, когда я бултыхался в воде? «Не оставляй меня». Как будто хотела, чтобы я тоже умер и чтобы мы снова были вместе. Я задумался, не то же ли случилось и с миссис Гулт? Может быть, ее позвала умершая мать? Чувствовала ли она, что сможет быть счастлива только тогда, когда совершит самоубийство и присоединится к своей матери в мерцающем мире духов?

Может, я проявляю склонность к поспешным выводам, так же как и Эдвард. Но я начал подозревать, что все эти сверхъестественные явления имели одну цель: вызвать у осиротевших людей нелюбовь к реальному, материальному миру, убедить их в том, что лишь после смерти они

смогут найти счастье и покой. Совсем так, будто мертвые изгоняли из жизни живых, в то время как живые должны изгонять мертвых. И хотя я не знал, имело ли это что-то общее с «Дэвидом Дарком», я пришел к выводу, что Эдвард прав и что тут действуют могучие зловещие силы.

Я допил виски и вернулся в гостиную, чтобы налить себе еще порцию. Часы в холле заскрежетали, а потом пробили шесть вечера. Было позже, чем я думал: после четырех часов время для меня будто ускорилося. Огонь в камине трещал и гудел. Я подложил еще пару поленьев.

Лишь тогда я случайно посмотрел на картину с «Дэвидом Дарком», которую Эдвард оставил прислоненной к креслу. Картина выглядела немного иначе, хотя я и не мог сказать, что в ней изменилось. Я поднял ее и внимательно изучил в свете лампы. Она казалась мне более темной, более хмурой, как будто в ней не хватало солнца. И я был уверен, что когда рассматривал ее раньше, то не видел этого угрожающего скопления туч с правой стороны.

Может, эта картина действовала как спиритическая лакмусовая бумага? Когда в воздухе висела опасность, она темнела и приобретала грозный вид. Даже нарисованные волны вздымались выше, а нарисованные деревья гнулись ниже под напором невидимого ветра.

Я положил картину на пол. Сегодня ночью, подумал я, наступит что-то вроде конфронтации: я и Бедфорды с одной стороны встанем лицом к лицу с духами Грейнигхед. Порыв дождя ударил в оконное стекло. Я оцепенел, замерзший, несмотря на огонь в камине, и молился от всей души, чтобы наконец закончился этот гротескный, кошмарный сон наяву.

Глава 19

Весь вечер я надеялся, что Бедфорды не придут. Наконец часы пробили половину двенадцатого, и через пару минут я услышал шум гравия на подъездной дороге. Я пошел открывать дверь. Да, это были они. Серый блестящий лимузин, изысканно покачиваясь, как раз припарковывался за моим подержанным «торнадо».

Я вытащил зонтик для гольфа из железной стойки в коридоре. Держа его в руке, я поспешил к садовой калитке, чтобы прикрыть миссис Бедфорд от дождя. На ней был темный жакет из норки, и, видимо, сегодня после полудня она побывала у парикмахера, поскольку ее обесцвеченные волосы вздымались надо лбом бело-голубой волной. Небольшая черная шляпка как бы просто лежала сверху волос. Она подставила мне правую щеку для поцелуя, и когда я послушно нагнулся, то почувствовал тяжелый запах итальянских духов, такой крепкий, что, наверно, эти духи можно было использовать вместо топлива для городских автобусов.

Констанс Бедфорд, несомненно, была красивой женщиной. Однако она была подозрительной несносной снобкой, о чем свидетельствовали узкие щели глаз и морщины вокруг опущенных книзу углов губ. Я посмотрел на Уолтера поверх ее плеча. Видя напряжение на его лице, я догадался, что он просил Констанс следить за своим поведением. Он отчаянно хотел увидеть Джейн и понимал, что в обмен на эту привилегию Констанс должна проявить хоть малую толику сердечности.

Констанс вошла в холл и огляделась.

— Вижу, что ты в последнее время мало что делал дома, — заметила она. Она слегка сморщила нос как будто до нее донесся какой-то неприятный запах.

— Работа, — объяснил я. — Позвольте, я помогу вам снять жакет.

— Спасибо, пока, наверно, снимать не буду. Отопление действует не наилучшим образом, так?

— Джейн всегда любила огонь в камине, — ответил я.

— Я тоже люблю огонь в камине, — вмешался Уолтер, стараясь поддерживать товарищеское настроение. — Огонь в камине и стаканчик пунша. Зимой нет ничего лучше. Да и как это романтично.

— И когда это мы с тобой в последний раз сидели у камина с пуншем? — жестко спросила Констанс. Она развернулась ко мне с миной, многозначительно показывающей, что Констанс Бедфорд скорее умрет, чем согласится сесть у камина со стаканчиком пунша, даже если бы Уолтер действительно ей это предложил. — Согласно Уолтеру романтизм — это что-то среднее между второсортной туристской базой в Аспене и картинкой на развороте «Плейбоя», — заявила она и величаво вплыла в гостиную. — Да, и здесь ты мало что сделал, — каркнула она.

— Дай ей немного времени, — простонал Уолтер. — Пусть она немного успокоится. Она крайне переживает из-за всего этого, она очень нервничает.

— Виски? — спросил я так, будто вообще его не слышал.

— Разве ты пьешь «Шивас Регал»? — заинтересовался Уолтер.

— Конечно. Выпьем немного разбавленного. Констанс, — обратился я, — не желаете ли рюмку вина?

— Спасибо. Я не пью до шести и после одиннадцати.

Когда я приготовил Уолтеру виски, мы сели перед камином и посмотрели друг на друга. В окна снова забарабанил дождь. Я слышал, как постукивает на втором этаже незакрепленный ставень.

Констанс подтянула край платья и нетерпеливо спросила:

— Нам надо что-либо сделать? Например, взяться за руки или закрыть глаза и думать о Джейн?

— Это не спиритический сеанс, — ответил я. — Во время сеансов вызываешь духов, и при удачном стечении обстоятельств они отвечают. Если Джейн собирается появиться этой ночью, то она появится, невзирая на то, хотим мы этого или нет.

— Но разве ты не думаешь, что она появится раньше, если узнает, что ее мать находится здесь? — серьезно спросила Констанс.

Я посмотрел на Уолтера. Я мог сказать, что присутствие Констанс не играет совершенно никакой роли. Но не всегда нужно говорить правду, а кроме того, у меня не было никакого желания ссориться. Я был очень измучен после сегодняшних подводных испытаний и мечтал только об одном: лечь в постель и заснуть. Я был так измучен, что втайне радовался, что буду спать один, а не с Джилли.

— Я думаю, ваше присутствие значительно повысит вероятность появления Джейн, — сказал я Констанс и одарил ее самой доброжелательной улыбкой, на какую только еще был способен.

— Дочь всегда приходит к матери со своими хлопотами, — заявила Констанс. — Хоть Джейн была папиной любимицей, но с каждым серьезным делом она приходила ко мне.

Я поддакнул, по-прежнему улыбаясь.

Уолтер посмотрел на часы.

— Почти полночь, — заявил он. — Ты думаешь, она появится?

— Не знаю, Уолтер. У меня нет над ней никакой власти. Я даже не знаю, почему она является и чего хочет.

— Выглядит ли она здоровой? — вмешалась, словно бы садясь в лужу, Констанс.

Я вытаращил на нее глаза.

— Констанс, Джейн мертва. Как может выглядеть здоровым мертвый?

— Не надо мне напоминать, что я потеряла дочь, — окрысилась Констанс. — И не надо мне напоминать, как это случилось!

— Очень хорошо. Потому что у меня нет ни малейшего желания говорить об этом.

— Ах так, — взбесилась Констанс. — Ты, наверно, считаешь, что нисколько в этом не виноват?

— А в чем я, по-вашему, виноват?

— Ох, успокойтесь, — вмешался Уолтер. — Не будем раскапывать то, что уже давно зарыто. — И тут же пожалел об этих своих словах. Он выпрямился в кресле и покрылся румянцем.

— Джейн была беременна, — упрямо скрипела Констанс. — Сама идея позволить беременной женщине сесть за руль, уехать так далеко, да во время метели... совсем одной, без какой-либо опеки, в то время как ты сидел себе дома и глазел на какой-то идиотский хоккей... По-моему, это была преступная неосторожность. Это было обычное преступление.

— Констанс! — прикрикнул Уолтер. — Довольно упреков! Это уже в прошлом.

— Он ее убил, убил их обоих, — скулила Констанс. — А я еще не должна волноваться? Моя единственная дочь, мое единственное дитя. Моя единственная надежда на внука. Все потеряно из-за хоккея. Все потеряно из-за мужа, который был слишком ленив и небрежен, чтобы проследить за своей женой и ребенком.

— Констанс, — сказал я. — Выметайся из моего дома. Уолтер, заberi ее отсюда.

— Что? — переспросил Уолтер, словно не расслышал.

— Я сказал, чтобы ты ее отсюда забрал. И не привозил больше. Никогда. Еще и пяти минут не прошло, как она здесь, а уже начинает свое. Может, до нее наконец дойдет, что никакой метели не было, когда Джейн поехала к вам. И что если кто-то виноват, то скорее ты, если разрешил ей возвращаться домой, когда погода ухудшилась. И может, до нее наконец дойдет, что я потерял намного больше, чем вы. Я потерял жену, девушку, которая была

моей подругой жизни, и сына. Так спокойной ночи, хорошо? Мне жаль, что ты напрасно старался, но я не собираюсь больше выслушивать инсинуации и оскорбления от Констанс, это все.

— Послушай, — запротестовал Уолтер, — мы все перенервничали...

— Я не перенервничал, — ответил я. — Я просто хочу, чтобы ты забрал отсюда Констанс, прежде чем я сделаю что-нибудь невежливое, например, выбью ей все зубы.

— Как ты смеешь так говорить со мной? — взвизгнула Констанс и встала. Уолтер тоже встал, потом сел и снова встал.

— Констанс, — с мольбой обратился он к ней, но Констанс была слишком взбешена, чтобы ее что-то могло смягчить.

— Даже ее дух не находится в безопасности под твоей опекой! — провизжала она, угрожая мне когтеподобным пальцем. — Даже когда она умерла, ты не способен ее опекать!

Она ринулась к двери. Уолтер повернулся ко мне и бросил на меня отчаянный взгляд, означающий, насколько я его знал, что он частично осуждает Констанс за ее мерзкое поведение, а частично — меня за то, что я снова вывел ее из равновесия.

Я даже не потрудился встать с кресла. Мне следовало догадаться, что этот вечер закончится очередной истерикой. Я потянулся за бутылкой «Шивас Регал» и снова наполнил свой бокал почти до краев.

— Я пью, — сказал я булькающим голосом старого алкаша, — чтобы забыть.

— О чем ты хочешь забыть? — тут же переспросил я сам себя и ответил сам себе: — Не помню.

Но в ту же секунду я услышал яростный стук в парадную дверь. Уолтер снова появился в гостиной.

— Извини, — сказал он. — Дверь не открывается. Я не могу ее открывать.

— Не извиняйся, Уолтер, просто прикажи ему открыть дверь! — провизжала Констанс.

Я со скукой поднялся и подошел к холлу. Там стояла Констанс, гневно уперев руки в боки, но я не обратил на нее внимания, поскольку меня прежде всего поразило ощущение холода. Неожиданного и непонятного холода.

— Уолтер, — сказал я. — Заметно похолодало.

— Похолодало? — он нахмурил лоб.

— Не чувствуешь? Температура упала.

— Может, ты наконец милостиво соизволишь открыть дверь? — прошипела Констанс. Я поднял руку, чтобы утихомирить ее.

— Послушайте! Слышите что-то?

— Уолтер, о чем он говорит? Ради бога, прикажи ему открыть дверь. Я вне себя, и я хочу вернуться домой. Я не хочу оставаться ни секунды дольше в этом ужасном мрачном доме.

Уолтер тихо произнес:

— Я слышу какой-то шепот.

— Я тоже, — поддакнул я. — Откуда он, по-твоему, доносится?

— Наверно, сверху, — ответил Уолтер, поглядывая на меня посветлевшим взглядом. Сейчас он совершенно забыл о Констанс. — Так это то? Это так и начинается?

— Да, — подтвердил я. — Холодно, шепот, а потом духи.

— Если ты тут же не откроешь дверь, скотина, — прокричала Констанс, — то, клянусь Богом, я...

— Констанс, заткнись! — прорычал Уолтер.

Констанс уставилась на него широко открытыми глазами. Я подумал, что, наверно, за тридцать пять лет их брака Уолтер ни разу не осмелился так заговорить с ней. Я посмотрел на нее с кислой усмешкой: держи рот на замке, если не хочешь схлопотать.

— Ох, — выдавила Констанс в крайнем ошеломлении, а потом еще раз повторила: — Ох!

Шепот не стал громче, но, казалось, окружал нас, так как иногда доносился со второго этажа, иногда из библиотеки, а потом раздался совсем близко, за нашими спина-

ми. Мы все напрягали слух, но напрасно пытались различить слова: это была длинная, темпераментная, прерывистая дискуссия на неизвестном языке. Однако мы безошибочно ощущали в ней что-то похотливое, как будто кто-то шепотом рассказывал о каких-то сексуальных извращениях или ужасных пытках, радостно описывая их в мельчайших подробностях.

Температура все падала и падала, пока из наших ртов не повалил пар. Констанс поплотнее закуталась в меха и смерила меня таким взглядом будто все это было огромным надувательством. Очевидно, она приехала сюда в радостном убеждении, что сможет увидеть Джейн. Очевидно, Уолтер не сделал ничего из того, о чем я его просил: он не предупредил ее, что это может быть страшно, неприятно и даже опасно. Наверняка Констанс явилась сюда, ожидая, что Джейн будет сидеть у камина и вязать на спицах детские вещицы, румяная и цветущая, как будто смерть повредила ей не больше, чем месяц отпуска в Майами.

— Кто это шепчет? — спросила Констанс с расширенными глазами. — Разве это не ты?

— Каким чудом? Видите, я даже не шевелю губами?

Шепот не прекращался. Констанс подошла ближе и внимательно присмотрелась ко мне.

— Нет, шевелишь, — неуверенно заявила она.

— Это потому, что вынужден дышать через рот. Я сегодня нырял, и мне трудно дышать носом.

— Он ищет предлог даже в таком положении. Он всегда может найти предлог и вывернуться, — обратилась Констанс к Уолтеру, не спуская с меня глаз.

За ее спиной, хоть она и не отдавала себе в этом отчета, бесшумно открылись входные двери. Я протянул руку и коснулся плеча Уолтера, но он уже заметил это.

— Знаю, — сказал он тихо. — Видел, Джон. Ручка двери сама повернулась.

Дверь широко открылась без обычного противного скрипа. Мы теперь смотрели на сад, погруженный в темноту под сильными ударами порывистого ветра. Там,

на садовой тропинке, намного меньше, чем тогда в моей спальне, ростом едва с одиннадцатилетнюю девочку, стояла Джейн.

— Констанс, — мягко сказал Уолтер. — Она здесь.

Констанс медленно повернулась, как загипнотизированная, и уставилась на сад. Она не сказала ни слова, но по дрожи ее плеч я понял, что она плакала и пыталась сдерживать плач.

— Я не знала, — зарыдала она, жалобно кривя рот. — О, Боже, Уолтер, я ничего не понимаю.

Джейн, казалось, плыла по воздуху в нескольких дюймах над землей; мигающее явление, которое искрилось и колыхалось на ветру. Руки ее были опущены вдоль тела, лицо бледно и неподвижно, но волосы вздымались вокруг головы, словно наэлектризованные.

— Джон, — прошептала она. — Джон, не покидай меня.

Констанс, шатаясь, сделала в ее сторону два или три шага и подняла руку.

— Джейн, я твоя мать, — просительно заговорила она. — Джейн, послушай меня, дорогая, где ты ни есть, послушай свою мать.

— Не оставляй меня, Джон, — повторила Джейн. Констанс наверняка была перепугана, но подошла к призраку еще ближе и сложила руки, как пухлая мадонна.

— Джейн, я хочу тебе помочь, — сказала она. — Я сделаю все, чтобы тебе помочь. Заговори со мной. Джейн, прошу. Скажи, что ты меня видишь. Скажи, что ты знаешь, что я здесь. Джейн, я люблю тебя. Прощу тебя, Джейн. Молю.

— Констанс, — предупреждающе бросил Уолтер. — Констанс, возвращайся.

Изображение Джейн задрожало и начало изменяться, увеличиваться и преображаться. Теперь она казалась выше, ее лицо выглядело иначе, исхудалым, со впалыми щеками, как лицо изголодавшегося ангела. Призрак поднял руку, которая оставила за собой ряд бледнеющих отражений, будто у Джейн выросло пять рук вместо одной.

— Джон, — прошептала она, на этот раз более решительно, — ты не можешь меня оставить, Джон. Ты не можешь меня оставить. Не можешь оставить одну.

Констанс грохнулась на колени на садовую тропинку перед ужасным призраком дочери. Уолтер выдавил:

— Нет, Констанс! — и протиснулся мимо меня, чтобы забрать ее оттуда; но тут Джейн повернула голову и посмотрела на мать глазами черными и пустыми, как окна давно пустующего дома.

— Джейн! Ты не узнаешь меня? — заскулила Констанс. — Джейн, я же твоя мать! Только ты у меня осталась, Джейн! Не покидай меня! Вернись ко мне, Джейн! Ты необходима мне!

Уолтер схватил жену за плечи и закричал:

— Констанс, перестань! Это безумие! Она мертва, Констанс, она не может вернуться!

Констанс обернулась и с размаха ударила Уолтера.

— Ты никогда не любил ее так, как я, — завизжала она. — Тебя никогда не волновали наши дети! Я тоже тебя не волную! Ты не хочешь, чтобы Джейн вернулась, потому что и ты виноват, так же, как и Джон! Ты не хочешь, чтобы она вернулась, потому что боишься!

— Констанс, она же дух! — простонал Уолтер.

— Он прав, Констанс, — закричал я. — Лучше держись от нее подальше.

Бело-голубой призрак Джейн дрожал, мигал и, казалось, все рос, пока не стал выше Уолтера, ни на секунду не спуская глаз с Констанс, которая все еще ползала у ног призрака. Уолтер посмотрел на призрак в смертельном страхе и отступил на два шага. Он повернулся ко мне с посеревшим от ужаса лицом, молча умоляя, чтобы я что-нибудь сделал. Хоть что-то. Он также понимал, что происходит, и боялся, как никогда в жизни.

— Джейн! — взвизгнула Констанс. — Джейн!

Тогда трупно-бледные губы Джейн медленно зашевелились, открывая светящиеся зубы. Рот стал раскрываться все шире, пока, наконец, ее лицо не превратилось в

страшную, отвратительную маску, оскаленную, как каменные химеры. Призрак поднял вторую руку и стоял с минуту, как распятый, с развевающимися волосами. Потом он медленно начал подниматься и завис над Констанс, горизонтально вытянувшись в воздухе с соединенными босыми ногами. Его белая погребальная одежда бесшумно трепетала на ветру.

Констанс откинулась назад и начала истерически визжать.

— Констанс! Ради Бога! — закричал Уолтер и снова попробовал ее поднять, но из раскрытого рта Джейн неожиданно раздался глухой звук. Уолтер отшатнулся назад, такой перепуганный, что не мог даже кричать. Я никогда еще не слышал такого звука: это был рев ледяного огня ада, рев рассвирепевших демонов, рев Северо-Атлантического океана во время страшного шторма.

Джейн выдыхала прямо в лицо Констанс струю ледяного тумана. Даже с расстояния в десять футов я почувствовал ужасающий холод. Констанс закричала от боли и упала на тропинку, а когда Уолтер подбежал к ней, призрак Джейн медленно перевернулся вверх ногами, проплыл над ограждением, перекувырнулся над Аллеей Квакеров и улетел вверх, в сторону побережья. С распростертыми руками, как дрожащий крест бело-голубого цвета, кувыркаясь в воздухе, она уплывала все дальше и дальше, тихонько напевая:

*Мы выплыли в море из Грейнигхед
Далеко к чужим берегам...*

Я упал на колени рядом с Уолтером и Констанс. Констанс руками закрывала лицо. Ее была крупная дрожь.

— Мои глаза! — простонала она. — О, Боже, Уолтер, мои глаза!

Я помог Уолтеру втащить ее в дом и положить на софу у камина. Все время она прижимала ладони к глазам, дрожала и стонала. Я боялся, что она пережила серьезное

потрясение. Она была уже не молода, и издавна у нее болело сердце.

— Вызови «скорую помощь», — попросил я Уолтера. — И прежде всего тепло укрой ее.

— Куда ты идешь? — спросил Уолтер.

— За Джейн. Я должен с этим покончить раз и навсегда, Уолтер.

— Что ты хочешь сделать, черт побери? Это же совсем сверхъестественное явление, Джон. Это же дух, ради Бога. Каким способом ты хочешь победить духа?

— Не знаю. Но если я сейчас не пойду, то уже никогда не узнаю.

— Тогда будь осторожен. И возвращайся скорее.

Я выбежал назад, в ночь. Повсюду громко шумели деревья и звенели телеграфные провода, как будто все вокруг таинственно ожило и предупреждало меня на разные голоса. Незакрепленный ставень на втором этаже непрерывно стучал словно деревянная колотушка, пытающаяся пробиться внутрь дома.

Я поднял воротник и побежал по Аллее Квакеров. Через минуту я свернул с дороги и почувствовал под ногами густую траву. Нигде не было ни следа Джейн, но когда я видел ее в последний раз, она летела, кувыркаясь, в сторону Кладбища Над Водой, где была похоронена. Мне казалось логичным, хотя и ужасающим, что именно оттуда приходил ее дух.

Ворота кладбища находились в добрых трех четвертях мили от моего дома. После первых ста ярдов мне пришлось сбавить скорость, и дальше я шел обычным шагом, приводя в порядок дыхание. В темноте справа я видел нечеткие очертания белых волнорезов у побережья Салемского залива. Где-то там, под толстым слоем черной ледяной воды, погребенный в трехсотлетнем иле, лежал корпус «Дэвида Дарка». Шум моря звенел бескрайней грустью и одиночеством. Джейн всегда говорила, что этот звук ассоциируется у нее с блеском луны, холодным и безжалостным. Ведь море — любовница луны.

В темноте я различил белую арку ворот кладбища. Я ускорил шаг. За воротами показались надгробия, стрельчатые купола, кресты и плиты; озябшие херувимы и грустные серафимы. Небольшое поселение грейнитхедских покойников, обособленное на этом кусочке побережья. Я добрался до железных, покрашенных в черное ворот кладбища, прижал лицо к холодным прутьям решетки и напряг зрение. Передо мной простирались ряды надгробий. Я посмотрел налево, туда, где была похоронена Джейн.

*Смертельно бледных королей
И рыцарей увидел я...*

Я не видел никакого мигания, никакого следа присутствия Джейн. Я повернул ручку, открыл ворота и зашел на кладбище.

Хоть и написано великое множество вздора о ночных визитах на кладбище, не подлежало сомнению, что в эту бурную мартовскую ночь Кладбище Над Водой производило ужасающее впечатление.

Каждое надгробие, казалось, излучало неземной свет. Следуя к могиле Джейн между безмолвными рядами надгробий, я с беспокойством сознавал, что меня со всех сторон окружают люди. Мертвые люди, которые умолкли навсегда и лежали рядом друг с другом с закрытыми глазами или без глаз, закутанные в саван или обрывки материи, закопанные в черную землю. Это было не обычное место; это был уголок погребенных воспоминаний, молчаливое общество умерших, анклав земных существ, вышедших за пределы жизни.

Неуверенно, с дрожью, я подошел к надгробию Джейн и остановился рядом.

Джейн Элизабет Трентон.
Любимая жена Джона Пола Трентона.
Дочь Уолтера К. Бедфорда и Констанс Бедфорд.
«Укажи мне путь к прекрасной звезде».

Теперь, когда я пришел сюда, я не знал, что мне делать. Позвать ее? Обратиться к ней? Или ждать, когда она появится? Я огляделся и увидел бледных мраморных стражей, неподвижно стоявших на надгробиях поблизости. Неожиданно я почувствовал себя волком, окруженным красными флажками, и, несмотря на ветер, мне стало душно. Мраморный ангел, стоящий двумя рядами дальше, сверлил меня ненавидящими глазами.

Я проглотил слюну и сказал дрожащим голосом:

— Джейн? Слышишь меня, Джейн?

Конечно же, я вел себя смешно и подсознательно опасался, что меня кто-нибудь заметит. Я знал, что люди иногда разговаривают со своими мертвыми родственниками, но редко делают это посреди ночи и в противоположность мне скорее всего не ожидают ответа.

— Джейн? — повторил я громче и немного увереннее. — Джейн, ты слышишь меня?

Тишина. Только ветер шелестел в высокой траве за оградой кладбища. Я постоял так с минуту, трясаясь от холода. Я ждал появления Джейн и одновременно надеялся, что она не появится. Наконец я развернулся, собираясь уходить.

— О, Иисусе... — громко сказал я.

Она стояла за мной, всего лишь в двух или трех футах, поднимаясь на несколько дюймов над землей. Она опять была нормального роста, но казалась отчаянно худой и изголодавшейся как будто под ее развевающимися одеждами не было ничего, кроме кожи и костей. Она не улыбалась, но и не была грустной. На ее лице вырисовывались пустота и равнодушие, глаза были темными, лишенными выражения. Она не была прозрачной, я не мог видеть сквозь нее, но ее фигура как будто расплывалась и колыхалась. Она была нематериальной. Я чувствовал, что если бы попытался ее схватить, то у меня в руках осталась бы только паутина.

— Ты пришел, — сказал призрак, и это прозвучало так, будто говорили одновременно четыре Джейн. — Я знала, что ты наконец придешь.

— Чего ты хочешь? — спросил я ее. Я не мог совладать с заиканием.

— Я хочу любить тебя, — прошептала она. — Хочу любить тебя целую вечность.

— Джейн, ты же умерла.

— Нет, Джон, я не умерла.

— Тогда где же ты есть, если ты не умерла? И чего хочешь?

— Я причислена к иным. Присоединяйся к нам, Джон. Идем со мной. Не оставляй меня здесь одну.

Я очень осторожно протянул к ней руки.

— Джейн, это невозможно. Ты мертва, ты должна уйти на вечный покой. Я уже не могу этого выдержать, Джейн. Я боюсь.

— А хотел ли ты, чтобы я умерла? — прошептала она.

— Конечно же, нет. Я тоскую по тебе. Я тоскую по тебе, и ужасно.

— Но ведь я же здесь, Джон. Ты можешь со мной трахаться. Мы снова можем быть любовниками.

— Джейн, ты же умерла, ты ненастоящая! Не понимаешь?

— Ненаящая? — повторила она. — А что такое наящаяе?

Говоря эти слова, она повернулась и подняла правую руку.

— Я покажу тебе, что наящаяе, — сказала она.

— Что? О чем это ты говоришь?

Я услышал как бы пение, только это было не пение. Оно напоминало скорее завывание плакальщиц на похоронах или пискливые нечеловеческие голоса суданских женщин. Вибрирующий, доводящий до безумия звук на самой грани слышимости, от которого зудела кожа. Он доносился отовсюду, с неба и с земли, а его напряжение минутами казалось невыносимым.

Я оглядел кладбище и, к своему ужасу, увидел других призраков, поднимающихся из гробов. Сначала появлялись головы, слепые, вырастающие из земли, как гротескные дыни. Потом плечи и остальная часть тела выраста-

ли все выше, пока, наконец, призраки не зависали в воздухе, так же как и Джейн, не касаясь колеблемой ветром травы.

Их были сотни, по одному из каждой могилы. Мужчины, женщины и дети — все они слабо мерцали в ночной темноте, излучая остатки того заряда, которым были наделены при жизни. Чем больше их появлялось, тем громче они выли, пока все кладбище не стало сплошным воем.

— Это настоящее, — прошептала Джейн где-то внутри моей головы. — Это настоящее, Джон. Пойди и посмотри.

Я осторожно, неверными шагами двинулся между рядами могил. Призраки неподвижно зависли в воздухе и всматривались в меня глазами, похожими на дыры в протершейся от времени занавеске. Все находились в разной степени разложения. Я видел женщину с голым блестящим черепом, от которого отвалилась плоть, оставив только кость и несколько жиденьких кустиков волос. Я видел мужчину с обнаженными ребрами, в грудной клетке которого копошилась поблескивающая, дергающаяся масса червей, пожирающих внутренности. Я видел подростка без нижней челюсти, его распухший гниющий язык свешивался из разодранного горла как галстук. Сотни призраков умерших в Грейнитхед — некоторые, почти не тронутые разложением, как будто и не умирали, другие в плачевном состоянии, гниющие и искалеченные, едва напоминающие человеческие существа.

Я обошел все кладбище, пока снова не очутился у ворот. Меня охватило непреодолимое желание убежать как можно дальше отсюда, но одновременно меня охватил ужасный страх, что если я побегу, то все эти призраки ринутся в погоню и догонят меня.

Я остановился у ворот, поглядывая на город умерших, мерцающий, отмеченный пятном разложения. Джейн стояла немного дальше, поглядывая на меня.

— Я не могу к тебе вернуться, — сказала она тихим, далеким голосом. — Но ты можешь прийти ко мне.

Я отвернулся от нее. Я помнил, как она выглядела в день нашего бракосочетания. Я помнил, как она сидела на краю постели, еще не сняв фату, и отстегивала белые чулки от белого пояса, а подтянутая на бедрах юбка, открывала великолепные пышные ляжки. Везде были цветы, вся комната была заполнена запахом гвоздик и душистого горошка. А лицо Джейн словно излучало какой-то колдовской блеск. Лицо девушки, которую я любил.

Этот призрак не был Джейн. По крайней мере той Джейн, которую я любил. Она ничем не отличалась от других призраков с Кладбища Над Водой, бледных электрических импульсов минувшей жизни. Мне нечего было здесь искать. Все эти призраки, выглядящие так ужасающе, не могли сказать мне, что следует сделать, чтобы отослать их на вечный покой. Они были такие же как и Джейн, и Эдгар Саймонс, и хотели они лишь одного: чтобы их живые родственники поселились вместе с ними в их мире. Но при этом я не знал точно, желали они этого или нет; они были слишком равнодушны, слишком поглощены своими собственными непонятными страданиями. Скорее, тут действовала какая-то сила, которая использовала их, чтобы привлечь живых в королевство смерти, возможно даже, что это была та самая сила, которая лежала на дне Салемского залива, внутри корпуса «Дэвида Дарка».

Я направился в сторону Аллеи Квакеров, прочь с кладбища. Я слышал, как Джейн зовет меня, но не слушал ее. Она будет просить, чтобы я не покидал ее, чтобы я остался с ней и был ее любовником. Хоть я и очень тосковал по ней и дал бы не знаю сколько, чтобы снова ее увидеть, снова быть с ней, снова ласкать ее, я не был готов совершить самоубийство. С тех пор, как я начал встречать мертвых, я стал намного лучше понимать ценность жизни.

Я прошел едва ли треть пути до Аллеи Квакеров, когда заметил двух или трех призраков с кладбища, которые последовали за мной, двигаясь по склонам холма на

расстоянии в каких-нибудь двадцать ярдов. Я оглянулся. Сзади их было больше, примерно с дюжину. А чуть левее с полдюжины стремилось за мной вдоль берега.

Приближаясь, они непрерывно завывали пискливыми голосами. Иногда этот звук был резок и выразителен, иногда приглушен ветром, но он не смолкал ни на секунду — ужасный, неимоверно воинственный клич как будто умершие с Кладбища Над Водой жаждали моей крови.

Я побежал, сначала не очень быстро, чтобы проверить, могут ли эти призраки гнаться за мной. Они замерцали и ускорили свой полет. Двигались они как-то удивительно: некоторые бежали, другие кувыркались в воздухе, как призрак Джейн, третьи планировали с распростертыми руками, а их погребальные саваны трепетали у них за спиной в морском бризе, как хвосты чаек. Меня охватил глубокий извечный страх, тот самый, который испытывали люди в семнадцатом веке, когда в город, танцуя, подпрыгивая и показывая ужасные раны, являлись прокаженные нищие. И все это время я слышал пронзительное завывание, в котором теперь звучала радостная нота, как будто призраки знали, что вскоре достанут меня.

Теперь я на самом деле побежал. Но как быстро могут двигаться призраки? Наверняка они легко могут опередить меня и держатся на расстоянии только, чтобы поразвлечься! Но не это меня должно было сейчас волновать. Мне нужно было побыстрее вернуться домой.

Ну а дальше что? — подумал я. Призрак Джейн без труда мог проникнуть в дом. Сегодня ночью она открыла входную дверь, даже не касаясь ручки. Я слышал свое свистящее дыхание и шелест трущихся друг о друга штанин. Не думай об этом, сказал я сам себе. Знай беги.

Я глянул вправо. Кошмарные призраки все еще держались за мной, танцуя и вибрируя на ветру. Слева берег начал сужаться и приближаться. Я отчетливо различал преследующих меня чудовищ, которые двигались с гипнотической медлительностью и все же без труда догоняли

меня. Я не отважился взглянуть через плечо, так как мне казалось, что ужасный вой раздается прямо за моей спиной. Я поклялся бы, что слышал даже шелест травы, над которой скользили духи.

Всего двести ярдов отделяли меня от дома, когда я понял, что не успею. Мне казалось, что у меня вместо ног — неуклюжие протезы, вытесанные из тяжелой древесины. Дыхание разрывало мне легкие, ледяной пот заливал лоб. И все это время бело-голубые призраки преследовали меня с ужасной, нечеловеческой настойчивостью, как демоны ночи.

Я почувствовал, как что-то вцепилось в мои волосы, словно летучая мышь или рука скелета. Я резко сбросил это что-то и снова ускорил шаг, усилием воли заставляя себя бежать вверх по склону и преодолевая барьер боли и полного истощения. Звук погони все приближался. Призраки сидели чуть ли не у меня на затылке, завывали, кричали и шептали: стой, стой, останься с нами, возвращайся, не покидай нас.

Неожиданно я почувствовал, как что-то подняло меня — буквально подняло в воздух, после чего я упал и покатился по жесткому травянистому склону. Я попробовал подняться, но тогда какая-то невидимая сила бросила меня навзничь так резко, что у меня что-то треснуло в позвоночнике и воздух со свистом вырвался из легких. Я попытался встать второй раз, и второй раз меня повалило на землю. На этот раз меня будто придавило к траве и камням, как если бы на мне, не давая двинуться, лежала какая-то огромная тяжесть.

Призраки собрались вокруг меня. Иссякающая электрическая энергия, которая когда-то представляла их душу, ползла червями по тронутым разложением лицам. Они шелестели, как старая бумага, скомканная и расправляемая бесчисленное количество раз; как дыхание, которое слышно на старом покинутом чердаке, хотя там никого нет. К тому же от них шла весьма ощутимая вонь, не столько гниющего тела, сколько, скорее, жженных кабелей и испорченной рыбы.

Они окружили меня, но не пробовали сразу меня коснуться. Я лежал, придавленный к земле, с трудом ловя воздух, еле живой от страха, однако мысленно все еще искал какого-то выхода. Даже погруженный в алую бездну паники, человеческий ум не перестает лихорадочно работать над планами спасения.

Призраки немного отступили, и появилась Джейн, очень высокая, с лицом, настолько удивленным, что ее почти невозможно было узнать.

— Тыыыы мной! — проблеяла она. Мне показалось, что время остановилось. Воздух стал густым, как глицерин. Каждое мое движение, когда я дергался под невидимой тяжестью, казалось, растягивалось на бесконечное время.

Джейн растопырила заканчивающиеся длинными ногтями пальцы. Электрические искры начали перескакивать с одного пальца на другой, как в генераторе Ван-де-Граафа. Джейн наверняка потребляла все больше энергии, ее тело светилось и мерцало, а с волос и плеч взлетали тучи искр как будто тучи паразитирующих на ней червей. Запах горелого стал еще сильнее. Дрожь пробежала по собравшимся, как будто все призраки участвовали вместе с Джейн в этой могучей разрядке психической энергии.

Ее наверняка было достаточно, чтобы убить меня. Наверняка ее было достаточно, чтобы освободить мой дух и оставить на склоне мое сожженное тело — следующий необъяснимый несчастный случай. Потом и я начал бы посещать Грейнитхед и окрестности, может быть, разыскивая Джилли, чтобы и ее в свою очередь занести в списки мертвых.

Джейн коснулась меня пальцами, и я почувствовал парализующий удар тока. Я инстинктивно дернул левой ногой, и мое левое веко спазматически затрепетало.

— Можешь теперь присоединиться ко мне, — шептала Джейн. — Лучше было бы, если бы ты погиб при несчастном случае или совершил самоубийство, но... я не могу больше тебя ждать. Я хочу тебя, Джон. Хочу, чтобы ты вошел в меня, Джон.

Она придвинула ближе растопыренные пальцы. Я видел, как электричество сползало по линиям ее ладони, вдоль линии жизни, линии сердца и линии разума. Даже под ногтями и вокруг кистей крутились искрящиеся завихрения. Энергия человеческой жизни должна была отправить меня в гроб, прямо к Джейн.

Я бился изо всех сил, но тяжесть на моей груди даже не дрогнула. Вокруг меня призраки начали петь и выть; ужасающая какофония напоминала психиатрическую клинику. У моего лица была бестелесная нога мертвой женщины с фосфоресцирующими кончиками пальцев. Немного дальше стоял мужчина в капюшоне без половины лица, дико всматриваясь в меня своим единственным лишенным века глазом.

— Ты не можешь это называть любовью! — крикнул я Джейн голосом, пискливым от страха. — Мы не для этого сочетались браком. Мы не для этого хотели иметь ребенка! Боже, если ты действительно меня любишь, Джейн, отпусти меня!

Джейн посмотрела на меня своими непроницаемыми глазами. Электричество червями ползало вокруг ее рта и переплывало через зубы.

— Ребенка? — повторила Джейн, как громкое эхо.

— Да, — сказал я дрожащим голосом. Я был так перепуган, что сам не знал, что несу. — Ребенка, которого ты носила в себе, когда погибла. Нашего ребенка!

Призрак Джейн, казалось, глубоко задумался над моими словами. Вокруг нас кладбищенские призраки шептали и пели, а над нашими головами ночные облака неслись по небу, как будто убегая от того, что меня ожидало.

— Ребенка... — шептала Джейн. Она на секунду стала нерешительной и отодвинулась от меня, скорее даже скорчилась и одновременно отступила. — Ребенок... — еще раз прошептала она. Ее шепот раздавался так же близко как и раньше. — Но ведь наш ребенок так и не родился.

Я огляделся. Казалось, остальные призраки также начали отступать. Две трети их уже отошло и исчезло.

Неожиданно я почувствовал, что тяжесть, давившая мне на грудь, исчезла. Я неуверенно встал и пригладил спутанные волосы. Со страхом и неописуемым облегчением я смотрел, как призраки отлетают, отходят и с опущенными головами ковыляют вниз по травянистому склону. Наконец все они исчезли за воротами кладбища.

Осталась только Джейн, угасшая и невыразительная. Теперь она держалась поодаль и уже не пыталась поразить меня электрическим током. Ветер развеивал ее волосы, белая одежда трепетала вокруг ее ног, но теперь я едва видел ее в темноте.

— Я потеряла тебя, Джон... Ты уже никогда не будешь моим...

— Почему? — мысленно, не вслух, спросил я ее.

— В Страну Мертвых ты можешь войти только как наследник... по вызову того из родных, кто умер как раз перед тобой... Есть такая сила, благодаря которой мертвые могут вызывать к себе живых. Наш сын умер в больнице... но уже после моей смерти, поэтому он и только он может вызывать тебя, чтобы ты присоединился к нам... Но он так и не родился, и его душа все еще пребывает в высшей сфере, сфере покоя. Он не может появиться тут, чтобы ввести тебя в Страну Мертвых...

Я не знал, что ей ответить. Я припомнил, какой она была раньше. Я напомнил себе, как она радовалась, узнав, что беременна. Если бы я только знал в тот день, когда доктор Розен позвонил мне, извещая, что я стану отцом... если бы я тогда знал, что однажды ночью мой сын спасет мне жизнь.

— Что теперь будет с тобой? — спросил я Джейн, на этот раз вслух.

Она съежилась еще больше.

— Теперь я должна буду навсегда остаться в Стране Мертвых, теперь я уже никогда не познаю покоя...

— Джейн, что я могу для тебя сделать? — закричал я. — Как я могу тебе помочь?

Наступило долгое молчание. Призрак Джейн замигал еще слабее и исчез. Осталась только дрожащая тень на фоне темных холмов.

Потом какой-то глубокий, булькающий голос, пародия на голос Джейн, сказал:

— Спаасиии кораабль.

— Корабль? Какой корабль? «Дэвид Дарк»? Скажи же мне! Я должен знать, что это значит!

Коооррраааббббль! — повторил голос едва внятно и еще больше растягивая буквы.

Я подождал еще, еще каких-то голосов и призраков, но казалось, что они наконец оставили меня в покое. Я повернул в сторону дома. Чувствовал я себя настолько измученным и угнетенным, как еще никогда в жизни.

Когда я дошел до вершины холма, то увидел перед домом машину «скорой помощи» с мигающим красно-голубым светом. Я понесся тяжелой рысью и добежал до калитки как раз в то время, когда два санитары выносили на носилках Констанс Бедфорд. Уолтер Бедфорд шел за ними с ошеломленным выражением лица.

— Уолтер? — спросил я, задыхаясь. — Что случилось?

Уолтер смотрел, как санитары укладывают носилки в машину. Затем взял меня за руку и провел к капоту «скорой помощи», за пределы слуха санитаров. Кроваво-красный отблеск то зажигался, то гас на его лице, попеременно уподобляя его то доктору Джекиллу, то мистеру Хайду.

— У нее же нет ничего серьезного, не так ли? — спросил я. — Ведь Джейн только разок дыхнула на нее или что-то в этом роде, и все?

Уолтер опустил голову.

— Не знаю, чем она дыхнула и как она это сделала, но во всяком случае это что-то было холоднее, чем жидкий азот. Минус двести градусов по Цельсию, как мне сказали.

— Ну и? — поторапливал я его, боясь даже догадаться, что могло произойти с Констанс.

— Ее глаза замерзли, — ответил Уолтер дрожащим голосом. — Буквально замерзли, закаменели и, конечно же, стали крайне хрупкими. Когда она прижала к ним руки, чтобы уменьшить боль, то они лопнули, как мыльные пузыри. Она потеряла глаза, Джон. Она слепа.

Я крепко обнял его рукой. Он трясся всем телом и вцепился в меня так, будто не мог держаться на ногах. Один из санитаров подошел к нам и сказал:

— Как хорошо, что вы пришли. Займитесь им. Он пережил черт знает какое потрясение.

— Что с его женой? Что...

Санитар пожал плечами.

— Мы сделали все, что было в наших силах. Но, похоже, носовая перегородка и вся передняя часть головы промерзли. Возможно, дошло до частичного повреждения мозга. Врачи выяснят все только после тщательного осмотра.

Уолтер задрожал.

— Вы не знаете, как это могло случиться? — спросил санитар. — Наверняка же, кто-нибудь поблизости от вас держит дома баллоны с жидким газом? Знаете, там, азот, кислород или что-то еще в таком же роде.

Я покачал головой.

— Никого такого не знаю. У меня в доме ничего подобного нет.

— Она всегда была такая ласковая и добрая, — прошелестел Уолтер. — Она так сильно любила мать. Никогда не была холодной, безразличной. Никогда, никогда...

— Все будет хорошо, — повторил санитар, затем помог Уолтеру сесть в карету «скорой помощи» через заднюю дверь. Он запер за ним дверцу, подошел ко мне и сказал:

— Это ваша теща, верно?

— Точно.

— Последите за стариком. Ему нужна ваша помощь.

— Вы думаете, что умрет?

Санитар поднял руку:

— Я не говорю, что она будет жить, и не говорю, что она умрет. Но всегда помогает, если у пациента есть воля к жизни, а у нее ее явно совершенно нет. Что-то связанное с ее дочерью, не знаю точно. Наверно, речь идет о вашей жене, нет?

— О моей бывшей жене. Она умерла месяц назад.

— Очень жаль, — сказал санитар. — Плохой год для вас, да?

Глава 20

Когда мы ехали в округ Дракут, на встречу со старым Дугласом Эвелитом, лило как из ведра. Небо затянула непроницаемая серость, напоминающая мокрую фланель, а дождь лил и лил как будто и не собирался переставать, как будто в Массачусетсе никогда уже не засветит солнце.

Мы ехали втроем на моей машине — я, Эдвард и Форрест. Джимми Карлсен тоже хотел выбраться с нами, но его мать в последнюю секунду потребовала, чтобы он ехал в Кембридж и съел воскресный ленч со своими кузенами из Аризоны.

— Мать Джимми из тех мегер, которые не могут не настоять на своем, — объяснил Форрест, когда мы уже отправились в путь.

— Каждая мать такова, — ответил Эдвард, и я с жалостью и сочувствием подумал о Констанс Бедфорд. Уолтер позвонил мне утром и сказал, что Констанс все еще находится в отделении интенсивной терапии и что врачи из Грейнитхед очень сдержанно оценивают ее шансы выжить. «Серьезные физические повреждения и психический шок», так звучал диагноз.

Пока я еще не рассказал Эдварду и Форресту об ужасных событиях прошедшей ночи. Я хотел сначала сам их обдумать, а уж потом начинать о них дискутировать, особенно с кем-то, кто настроен так скептически, как Эдвард. Я собирался рассказать им все, рано или поздно, но сейчас я просто не мог сосредоточиться. Своим внутренним взором я видел напирających призра-

ков, открытые гробы и потрескавшиеся глазные яблоки. Я ничего из всего этого не понимал и не хотел в этом пытаться разобраться, чтобы не создать еще больших проблем для своих мозгов. Это было нечто значительно большее, чем «постпогребальная депрессия» доктора Розена. Это был иной мир, иной способ существования, слишком могущественный и таинственный для способностей и возможностей врачей и психиатров. Если я хотел как-то помочь Джейн, Нийлу Манци или тем ищущим искупления душам, которые преследовали меня минувшей ночью, я должен был подробно познакомиться с этим иным миром, откинув всякие предубеждения и готовые выводы.

В Страну Мертвых ты можешь войти только как наследник... Так она сказала, будто цитировала из книги... по вызову того из родных, который умер перед тобой...

Эти слова утвердили меня в моей первоначальной версии: смертельные случаи в Грейнитхед носили сверхъестественный характер, умершие вызывали к себе живых — это был какой-то спиритический сеанс наоборот, с трагическими, нередко ужасными последствиями.

По крайней мере теперь я знал только одно: что сам я неприкосновенен, нахожусь под защитой моего неродившегося сына. Может, не от всей мощи того, что лежало на дне в трюме «Дэвида Дарка», но, наверняка, от Джейн.

Сидя за рулем, я чувствовал нарастающую горечь; горечь и усталость. Охваченный ужасающей депрессией, я повторял себе, что я совершенно бессилен, что я не могу сделать ничего, чтобы обеспечить покой душе Джейн. Хотя после ее смерти я погрузился в пучину отчаяния, намного хуже было сознание, что ее душа все еще томится в этой ужасной бездне среди призраков, скелетов и гниющих трупов. Боль стала более мучительной, а беспомощность и отчаяние усилили старое чувство потери.

Я слушал Брамса по автомобильному магнитофону, чтобы успокоиться, и болтал с Эдвардом и Форрестом о Джилли Маккормик, о музыке, о «Дэвиде Дарке»... и снова о Джилли Маккормик.

— Она к тебе равнодушна? — спросил Эдвард, когда мы въезжали в пригород Берлингтона.

— Кто, Джилли?

— А кто же еще?

— Не знаю, — ответил я. — Мне кажется, между нами есть какая-то симпатия.

— Ты слышал, — завопил Форрест. — Между нами есть какая-то симпатия. Так говорит образованный тип вместо: «Мы только друзья».

Эдвард снял очки и протер их мятым платком.

— Восхищаюсь твоим темпом, Джон. Ты действительно прешь к цели, как «Шерман», когда чего-то хочешь.

— Она очень привлекательная девушка, — ответил я.

— Это точно, — согласился Эдвард. Казалось, я почувствовал в его голосе нотку ревности.

Форрест склонился с заднего сиденья вперед и слегка хлопнул Эдварда по плечу.

— Не переживай, — обратился он ко мне, — Эдвард влюбился в Джилли с первого же взгляда.

В Берлингтоне мы свернули с шоссе номер 95 вправо и поехали на северо-восток по шоссе номер 93. Автомобиль пересекал лужи, разбрызгивая их. «Дворники» выражали свое возмущение неустанным писком резины, скользящей по стеклу, а на боковых окнах дрожали капли дождя, как будто упорные, не дающие себя прогнать воспоминания.

— Знаете, — провозгласил Эдвард, — Брамс играл на фортепиано в танцклассах и в портовых забегаловках.

— Это еще ничего, — ответил Форрест. — Прокофьев ведь даже готовил сукиаки.

— А какую это связь имеет с Брамсом, ко всем чертям? — закипятился Эдвард.

— Ради Бога, заткнитесь оба, — заревел я. — Я сегодня не в настроении для академических споров.

Оба послушно заткнулись, и с минуту мы молча ехали под дождем в сторону округа Дракут. Потом Эдвард заявил:

— Так это правда? С этим сукиаки?

— Конечно, — подтвердил Форрест. — Он научился этому в Японии. Но в то же время он так никогда и не полюбил суси. Заявлял, что после суси его постоянно тянет сочинять не в такт.

Мы добрались до Тьюсбери в самом начале первого. Эдвард уверил нас, что он великолепно помнит дорогу к дому Эвелита. Но тем не менее следующие десять минут мы ездили кругами вокруг лужайки, разыскивая главные ворота. У ограды стоял пожилой мужчина в длинном, до пят, непромокаемом плаще с капюшоном и хмуро приглядывался к нам, когда мы проезжали мимо него в третий раз.

Я съехал на край дороги и остановил машину.

— Прошу прощения, не подскажете, как нам доехать до дома под названием Биллингтон?

Мужчина подошел к нам ближе и вперил в нас строгий взгляд, как деревенский коп, пытающийся определить, не хиппи ли мы и не страховые ли мы агенты из большого города.

— До дома Эвелитов? Вы его ищете?

— Да, извините. Мы договорились с мистером Дугласом Эвелитом на двенадцать часов.

Мужчина сунул руку под плащ, вытащил «луковицу» наверно в стоун весом, открыл крышку и посмотрел на циферблат через нижние части бифокальных очков.

— В таком случае, вы опоздали. Уже 12:13.

— Только покажите нам дорогу, хорошо? — вмешался Эдвард.

— Да, доедете легко, — ответил тот. — Нужно проехать ограду и с другой стороны свернуть влево рядом с вон тем кленом.

— Большое спасибо.

— Не благодарите, — буркнул мужчина. — Я не пошел бы туда ни за какие сокровища.

— В дом Эвелита? Почему же?

— Этот дом проклят, вот почему. Проклят и одержим. Если бы это от меня зависело, то я сжег бы его до самого фундамента.

— Ох, успокойтесь, — бросил Эдвард. Очевидно, он науськивал старика, чтобы вытянуть у него побольше информации. — Мистер Эвелит просто отшельник, вот и все. Но ведь это еще не значит, что в его доме страшно.

— Страшно, говорите? Ну так вот что я тебе скажу, сынок: если хотите увидеть дом, где страшно, то поезжайте мимо дома Эвелита в летнюю ночь, вот что. Услышите самые безумные звуки на этом свете, вопли, стоны и тому подобное. Увидите удивительные отблески, танцующие на крыше, и если я не ошибаюсь, можете заглянуть на обратной дороге ко мне. Поставлю вам обед и дам деньги на билет назад, откуда вы приехали.

— Из Салема, — ответил Форрест.

— Из Салема, да? — переспросил мужчина. — Ну, если живете в Салеме, то знаете, о чем я говорю.

— Вопли и стоны? — уточнил Эдвард.

— Вопли и стоны, — подтвердил мужчина без дальнейших объяснений.

Эдвард посмотрел на меня, а я посмотрел на Эдварда.

— Надеюсь, никто из нас не отказывается? — спросил я.

— Конечно, — ответил Эдвард. — А ты, Форрест?

— Я не отказываюсь, — уверил нас Форрест. — Что мне какие-то вопли и стоны.

— Не забывай и об удивительных отблесках, — предупредил его Эдвард.

Мы поблагодарили мужчину, я прикрыл стекло и объехал вокруг ограды. За развесистым кленом, почти полностью скрытым виноградной лозой и кустами, находились ворота из кованого железа, ведущие в резиденцию Биллингтонов, где с 1763 года жили Эвелиты.

— Мы на месте, — заявил Эдвард. — Не понимаю, как я мог забыть дорогу. Готов поклясться, что когда я был здесь в последний раз, то ворота были дальше за ограждением.

— Все страньше и страньше, как у Кэрролла, — усмехнулся Форрест.

Я остановил машину и вышел. За воротами простиралась широкая, покрытая гравием подъездная дорога, а в глубине стоял красивый белый дом восемнадцатого века, с колоннами, зелеными ставнями, серой гонтовой крышей и тремя оконцами мансарды в крыше. Почти все ставни на первом этаже были закрыты. Не очень благоприятное впечатление произвел на меня доберман с подпалинами, который стоял у ступеней, ведущих к входным дверям, и внимательно наблюдал за мной, насторожив уши.

— Звонок здесь, — заявил Эдвард и потянул за черную железную ручку, выступающую из столба ворот. Где-то внутри дома раздался сдавленный звон, а доберман придвинулся еще ближе к воротам, грозно всматриваясь в нас.

— Как ты относишься к собакам? — спросил меня Эдвард.

— Великолепно, — ответил я. — Просто лежу, свернувшись калачиком, и позволяю себя грызть. Никто никогда не жаловался в Американский союз кинологов, что я плохо отношусь к собакам.

Эдвард проницательно посмотрел на меня.

— Чем-то обеспокоен? — спросил он.

— Разве так заметно?

— Или делаешь идиотские замечания, или вообще ничего не говоришь. Наверно, опять видел ночью свою жену?

— Скажу все позже, лады?

— Даже так плохо?

— Еще хуже.

Эдвард придвинулся и неожиданно взял меня за руку.

— Скажешь, когда захочешь, — заявил он. — Но помни, что теперь тебе уже не надо выносить все в одиночестве. Теперь у тебя есть друзья, которые понимают, что творится.

— Спасибо, — с благодарностью ответил я. — Сначала посмотрим, как пойдут дела со старым Эвелитом. Потом поедем напьемся, и я расскажу все.

Мы ждали почти пять минут. Форрест также вышел из машины и закурил. Эдвард еще раз дернул звонок, а доберман подошел еще ближе и не то зевнул, не то завыл, раскрывая пасть.

— Может, здесь никого нет, — предположил Форрест.

— Этот тип — отшельник, он никогда не выходит из дома, — заявил Эдвард. — Наверно, глазеет на нас через щель в ставнях и пытается угадать, что нам нужно.

Он как раз собирался дернуть за звонок в третий раз, когда входная дверь открылась и в проеме показался высокий плечистый мужчина в серой одежде. Он громко засвистел псу, который повернул голову, заколебался и неохотно отбежал от ворот, как будто был ужасно разочарован тем, что лишился возможности погрузить клыки в мякоть наших задниц.

Плечистый мужчина подошел к воротам чуть вразвалку, походкой шестидесятилетнего культуриста. Так же ходил и Чарльз Атлас. Когда он приблизился, я увидел, что он индеец. У него был могучий мясистый нос и лицо цвета меди, сморщенное как кленовый лист. Хоть он был одет в обычный костюм, рубашку с высоким воротником и галстук, он носил также и длинное ожерелье из раскрашенных орехов или зерен, на которое был подвешен серебряный медальон и пушистые перышки дикого индюка. На пиджаке блестели капли дождя.

— Вы должны уехать отсюда, — сказал он. — Вас сюда не приглашали.

— Очень печально, — сказал я. — Дело в том, что у нас есть нечто, что может заинтересовать мистера Эвелита.

— Эвелита? Здесь таких нет. Вы должны уйти, — повторил индеец.

— Только передайте мистеру Эвелиту, что меня зовут Джон Трентон, я торговец сувенирами из Грейнитхед и я принес письменный прибор, который принадлежал Генри Геррику-старшему, одному из судей в процессах над ведьмами в Салеме.

— Здесь нет никакого мистера Эвелита.

— Не упрямитесь, — я мило улыбнулся. — Только скажите: «письменный прибор Генри Геррика». Если потом мистер Эвелит не захочет нас видеть, тогда уж ничего не поделаешь. Но, по крайней мере, дайте ему шанс бросить взгляд на этот письменный прибор. Это очень редкий антиквариат, и я сразу понял, что он может заинтересовать мистера Эвелита.

Индеец думал так долго, что Эдвард и я уже обменялись обеспокоенными взглядами. Но наконец он сказал:

— Подождите здесь. Я переговорю со своим работодателем.

— Переговорит, — повторил Форрест с притворным удивлением. — Эти индейцы уже не снимают скальпы. Они «переговаривают». Вскоре мы узнаем, что они уже начали использовать агрессивно ориентированную косметику в качестве «боевой раскраски».

— Успокойся, Форрест, — буркнул, поморщившись, Эдвард.

Мы ждали под воротами еще пять минут, может дольше. Через какое-то время дождь перешел в мелкую морось, но все еще лило так обильно, что волосы у всех нас промокли, а слипшаяся борода Эдварда просто истекала водой. Ожидавший встречи с нами доberman ежеминутно нетерпеливо отряхивался, с трудом справляясь с нетерпением.

Наконец высокий индеец появился снова и молча отпер дверь. Я вернулся к машине, взял с заднего сиденья письменный прибор Генри Геррика и сунул его под плащ, чтобы не промочить. Индеец подождал, пока мы все не вошли на территорию владений, после чего запер за нами ворота на ключ. Доberman задрожал, когда мы проходили мимо него, раздираемый противоречиями между послушанием приказу и врожденным кровожадным инстинктом.

— Дай ему руку, Эдвард, — посоветовал Форрест. — Наверное, он голоден.

Мы поднялись по каменной лестнице, и индеец провел нас через парадный вход. Холл был облицован темными дубовыми панелями. Справа темные, вручную вырезан-

ные ступени вели на окруженную галереей лестничную площадку. На стенах висели масляные портреты всех Эвелитов, начиная с Иоски Эвелита от 1665 года и заканчивая Дугласом Эвелитом от 1947 года. Лица были овальными, серьезными, без всякого следа веселья.

— Прошу наверх, — сказал индеец. — Я возьму вашу одежду.

Мы подали ему свои непромокаемые плащи, которые он повесил на большую уродливую вешалку, после чего направились за ним по ступеням, не прикрытым никакими коврами. Наверху стены были украшены алебардами и копьями, охотничьими ружьями и удивительными металлическими предметами, напоминавшими орудия пыток. Там стояла и небольшая стеклянная витрина, покрытая непроницаемым слоем пыли, а в ней что-то, очень напоминающее мумифицированную человеческую голову.

Весь дом провонял плесенью. Воздух был таким затхлым, будто окна не открывались лет двадцать. Однако повсюду слышался какой-то шум, скрип, стук, как будто невидимые люди переходили из комнаты в комнату, открывая и закрывая двери. Хотя здесь не было никого, кроме старого Эвелита, его приемной внучки и индейца-слуги, весь этот шум свидетельствовал о присутствии бесчисленных невидимых обитателей. Однажды мне даже показалось, что я слышу мужской смех.

Индеец провел нас по коридору с полом из лакированных досок в прихожую, скупобставленную антикварной мебелью времен Микеланджело. Здесь стоял прекрасный глобус, над камином же висела на редкость бездарно намалеванная картина, представляющая пять или шесть котов с короткой шерстью, на глаз — американской породы.

— Мистер Эвелит вскоре примет вас, — заявил индеец и вышел.

— Ну вот мы и внутри, — заявил Эдвард. — Это уже большое достижение.

— Но это еще не значит, что нам будет позволено сунуть нос в библиотеку, — напомнил я ему.

— Этот индеец чуть страшноват, — признался Форрест. — Выглядит — так совершенно не по-индейски. Такие лица, как у него, я видел лишь на фотографиях 1860 года.

С минуту мы обменивались нервными замечаниями. Потом дверь отворилась, и вошла девушка. Мы все трое встали при ее появлении, совсем как крестьяне на деревенской свадьбе, и хором проблеяли:

— Добрый день, мисс.

Она стояла у двери, опираясь рукой на ручку, и молчала, неприязненно оценивая нас взглядом. Она была невысокой, самое большее — метр шестьдесят, у нее было худое лицо с резкими чертами, большие темные глаза и прямые, длинные, черные и блестящие волосы, спускавшиеся до середины спины. Одета она была в черное льняное платье, скроенное крайне просто, однако я сразу заметил, что под ним на ней ничего не было, обута же она была в черные блестящие туфельки с остроконечными носами на исключительно высоком каблуке.

— Мистер Эвелит просил, чтобы я провела вас в библиотеку, — заговорила она с бостонским акцентом, проглатывая окончания слов. Эдвард посмотрел на меня, подняв бровь. В этой девушке решительно чувствовался класс. Но что она делала здесь, в этой безлюдной местности, вместе со старым эксцентричным отшельником и индейцем, одетым, как Уильям Рандольф Херст¹. Особенно, если не была внучкой Эвелита?

Девушка исчезла, и нам пришлось ускорить шаг, чтобы догнать ее в соседней комнате. Она провела нас через холл, постукивая каблучками по деревянному полу, а когда она проходила мимо какого-то неприкрытого ставнями окна и серый дневной свет осветил тонкий материал ее платья, я убедился, что мое первое впечатление было

¹ Уильям Рандольф Херст (1863-1951) — магнат прессы США

верным. Я различил даже родинку на ее правой ягодице. Я понял, что Форрест тоже это заметил, так как он громко хмыкнул.

Наконец мы вошли в библиотеку. Это была длинная обширная комната, занимающая, наверно, половину этажа. На дальнем ее конце находилось огромное витражное окно. Через янтарно-зеленые стекла пробивались разноцветные полосы света, освещая стоящие рядами тысячи томов, оправленных в кожу, толстые рулоны картин и гравюр.

Посередине, за широким дубовым столом, заваленным открытыми книгами, сидел седовласый старец. Лицо у него было как у обезьяны, сморщенное от старости и отсутствия солнца, но в нем все еще можно было узнать Эвелита — те же удлиненные черты, что и на его портрете внизу, и такие же тяжелые веки, отличительная черта всех его предков.

Он читал, пользуясь увеличительным стеклом. Когда мы вошли, он отложил лупу, снял очки и присмотрелся к нам взглядом дальнозоркого. На нем была поношенная, но чистая белая рубашка, черная шерстяная куртка и черные перчатки без пальцев. Я подумал, что он страшно похож на рассерженного ворона.

— Сначала прошу вас представиться, — сухо сказал он. — Я редко позволяю, чтобы посетители мешали мне работать, поэтому хотел бы знать, с кем имею честь.

— Меня зовут Джон Трентон, я торговец сувенирами из Грейнитхед. Это Эдвард Уордвелл и Форрест Броу, оба из музея Пибоди.

Дуглас Эвелит со свистом втянул воздух одной ноздрей и опять одел очки.

— Разве нужно было приходить втроем, чтобы показать мне какой-то пенал?

Я положил письменный прибор Генри Геррика на стол.

— Это прекрасная вещь, мистер Эвелит. Я думал, что вы хотя бы захотите взглянуть на нее.

— И только затем вы сюда приехали? Разве это была главная причина?

Я поднял взгляд. Девушка в черном отодвинулась от нас и стояла, опираясь спиной о книжную полку. Она внимательно наблюдала за нами, почти так же бдительно и жадно, как и доберман снаружи. Я не знал, хочет ли она изнасиловать всех нас или только перегрызть нам горло, но я выразительно ощущал на себе ее сосредоточенный, жадный взгляд. В полумраке ее черное платье снова стало непрозрачным, но я знал, что под ним ничего нет, и эта мысль была удивительно возбуждающей, а также крайне опасной.

— Вы правы, мистер Эвелит, — сказал Эдвард. — Да, мы и впрямь приехали не за тем, чтобы показать вам этот письменный прибор, хотя это действительно очень ценная историческая реликвия, и мы надеемся, что вы с удовольствием полюбуетесь им. Истинная причина нашего визита — то, что нам просто необходимо воспользоваться вашей библиотекой.

Старый Эвелит втянул воздух сквозь зубы и ничего не ответил.

— Дело в том, мистер Эвелит, — продолжал Эдвард, — что мы столкнулись с крайне трудной исторической проблемой. В музее Пибоди есть много книг, карт и так далее, но этих материалов явно недостаточно, чтобы разрешить эту проблему. Я надеюсь... мы все надеемся, что мы найдем решение здесь.

Наступило долгое молчание, после чего Дуглас Эвелит оттолкнул кресло, встал и медленно, задумчиво обогнул стол, опираясь на него рукой, чтобы удержать равновесие.

— Вы отдаете себе отчет в том, что это исключительная наглость? — спросил он.

— Это никакая не наглость, мистер Эвелит, — вмешался я. — Сотни, даже тысячи человеческих существ находятся в опасности. Угроза нависла даже над душами.

Дуглас Эвелит чопорно поднял голову и бросил на меня один быстрый взгляд.

— Душами, молодой человек?

— Да, сэр. Душами.

— Ну, ну, — сказал он. Он подошел к письменному прибору и коснулся инициалов на крышке сухими, как

мел, кончиками пальцев. — Ну, ну, действительно прекрасная вещь. Вы утверждаете, она принадлежала Генри Геррику?

— Генри Геррику-старшему. Двенадцатый судья в процессах над салемскими ведьмами.

— Гм. Пытаетесь меня подкупить очень дорогим даром, чтобы попасть в мою библиотеку. Сколько вы за это хотите?

— Ни цента, сэр.

— Ни цента? Вы сошли с ума?

— Нет, мистер Эвелит, не сошел. Я сказал, что не хочу денег. Я только хочу получить доступ в вашу библиотеку.

— Понимаю, — буркнул Дуглас Эвелит. Он уже начал открывать футляр, но сменил намерение. — Ну что ж, мне нелегко будет исполнить это требование. Я хочу закончить мою историю религий семнадцатого века в Массачусетсе. Это труд всей моей жизни. По моей оценке, на то, чтобы ее закончить, у меня уйдет еще год, и я не собираюсь терять ни минуты из этого времени. Вот сейчас, например, сейчас я мог бы писать, вместо того, чтобы разговаривать с вами. Предположим, что в минуту смерти мне не хватит именно этих десяти минут для того, чтобы закончить книгу. Как я тогда пожалею об этом разговоре!

— Мистер Эвелит, мы точно знаем, что мы ищем, — вмешался Эдвард. — Если ваша коллекция полностью каталогизирована, мы будем вас беспокоить максимум день или два. И мы можем приходить только ночью, когда вы спите.

— Гм, — повторил Дуглас Эвелит. — Я никогда не сплю по ночам. Я отдыхаю часа три после полудня, этого мне вполне хватает.

— В таком случае, будет ли нам позволено приходить после полудня?

Дуглас Эвелит снова коснулся письменного прибора.

— Так это на самом деле принадлежало Генри Геррику? У вас есть доказательства?

— Внутри него есть три коротких письма, написанных лично Генри Герриком, что доказано экспертизой, —

проинформировал я его. — Более того, в одном из отчетов о процессах ведьм упоминается, и выразительно, о «коробке для писем» Геррика.

— Понимаю, — старый Эвелит снова открыл письменный прибор, задумчиво касаясь чернильницы с серебряными украшениями, коробочки с песком и подставки для пера из слоновой кости. Там был даже кусочек зеленого воска для печатей времен примерно викторианской эпохи. — Соблазн действительно велик, — признался Эвелит. — Эти предметы могут стать источником вдохновения.

— Дуглас, — заговорила девушка в черном. — Может, твои гости выпили бы шерри?

Дуглас Эвелит с удивлением поднял глаза, но через секунду кивнул.

— Да, Энид. Наверно, ты права. Шерри, господа?

С определенной озабоченностью мы приняли приглашение. Дуглас Эвелит направил нас жестом в другой конец библиотеки, под витринное окно, и указал нам места на большой, покрытой слоем пыли, обитой кожей софе. Когда мы сели на нее, раздалось громкое шипение выходящего воздуха и нас окружило облако пыли, густое, как пыль битвы. Дуглас Эвелит сел точно напротив нас в атласное кресло. В зеленом свете, проходящем через стекла витража, он выглядел точно как труп, который уже начинает гнить. Но его глаза были полны жизни и ума, а когда он заговорил, то высказывался живо и обаятельно:

— Я хотел бы, очевидно, знать, что вы ищете. Может, я смогу вам помочь. Собственно, если вы ищете то, что здесь есть, я уверен, что смогу вам помочь. Последние пятнадцать лет я упорядочивал и каталогизировал все собрание, время от времени пополняя его, а также продавая менее ценные книги и рисунки. Библиотека должна жить, господа. Никогда нельзя считать ее полной, так как тогда она атрофируется и перестанет быть полезной, а содержащаяся в ней информация станет недоступной. Конечно же, пока вы не совсем понимаете, о чем я говорю, но когда начнете работать — если я на это соглашусь, —

то тут же заметите, как похожа библиотека на человека. Она живет и дышит так же, как и я, она такая же живая, как Энид или Квамус.

— Квамус? Этот индеец-слуга?

— Тот, кто нас сюда впустил?

— Да. Раньше он работал у Биллингтонов из Нью-Дан-вича, много лет назад, но когда последний из них умер, он приехал сюда. Без предупреждения. Попросту появился на пороге с чемоданом. Энид думает, что он колдун.

— Колдун? — рассмеялся Форрест.

Дуглас Эвелит ответил ему кривой невеселой улыбкой.

— В этих краях случаются и более удивительные вещи. Это как будто колдовская страна. По крайней мере была таковой, пока не вымерли старые фамилии и старые времена не ушли в забвение. Как вы знаете, первые поселенцы должны были научиться тому, что индейцы знали издавна: чтобы выжить здесь, нужно заключить соглашение с богами и духами, которые здесь правят. Конечно же, поселенцы без труда приняли такое положение дел. В те времена, в семнадцатом веке, люди безоглядно верили в Бога и его ангелов, а также в Сатану и его демонов. Поэтому не нужно было ломать себя психически, чтобы поверить в существование других сверхъестественных сил, в противоположность людям, которые живут сейчас. Вначале поселенцы намного больше зависели от индейцев, особенно когда пришли первые сильные морозы. Многие из них наладили близкие отношения с племенем наррагансет. Вроде бы некоторые поселенцы даже могли заклинать индейских духов лучше, чем сами индейцы. Я слышал, что особенно в этом преуспели Биллингтоны, да и один из Эвелитов вроде бы тоже приложил к этому руки.

— Мистер Эвелит, — вмешался Эдвард, опасаясь, что разговор начинает отклоняться от темы. — Я не буду от вас скрывать, что мы пытаемся установить точное положение корпуса «Дэвида Дарка».

В ту же секунду в библиотеку вошла Энид, неся небольшой поднос с шерри. Она подошла к нам, постуки-

вая каблучками, и подала бокалы. Одну мучительную секунду она наклонялась надо мной в удивительно провоцирующей позе, и я видел через вырез платья ее небольшие, тугие, как яблоки, груди. С улыбкой я взял бокал, однако в ответ она бросила на меня холодный взгляд, выражающий лишь полное равнодушие.

Когда она вышла и закрыла за собой двери библиотеки, Дуглас Эвелит заговорил хриплым от мокроты голосом:

— «Дэвид Дарк»? Что вы знаете о «Дэвиде Дарке»?

— Только то, что корабль принадлежал Эйсе Хаскету, назвавшему его именем Дэвида Дарка, евангелического проповедника, — объяснил Эдвард. — И что корабль вышел из Салема во время страшного шторма и больше никто никогда не видел его. По крайней мере, так сообщают исторические монографии. Они же сообщают и о том, что даже самые краткие упоминания о корабле были уничтожены во всех реестрах и корабельных журналах, а сам Эйса Хаскет запретил людям даже вспоминать об этом. Отсюда следует, что корабль разбился вскоре после выхода из гавани, затем придрейфовал назад в Салемский залив под сильными порывами северо-восточного ветра и наконец затонул у устья пролива Грейнитхед.

Дуглас Эвелит втянул щеки и задумчиво посмотрел на нас.

— Этот корабль утонул более двухсот девяноста лет тому назад, — сказал он, старательно подбирая слова. — Скорее всего, маловероятно, чтобы от него осталось что-то, что стоит спасать, вам не кажется?

— Вообще-то нет, если он действительно утонул там, где мы подозреваем, — возразил Эдвард. — На западной стороне пролива Грейнитхед дно покрыто очень жидким илом, поэтому если «Дэвид Дарк» сохранился, как и подобные ему другие затонувшие корабли того времени, в чем у нас нет причин сомневаться, то он осел в иле по самую ватерлинию, может, даже еще глубже, и в течение нескольких недель или месяцев погрузился в ил полностью.

— Ну и? — попросил его продолжать Дуглас Эвелит.

— Если мы правы, то «Дэвид Дарк» все еще там. Сохранившийся полностью по крайней мере в части нижней палубы. А это значит, что сохранился и груз в трюме.

— Вы знаете, какой у него был груз на борту?

— В этом у нас уверенности нет, — ответил Форрест. — Мы знаем только, что жители Салема желали как можно скорее от этого избавиться и что это что-то вложили в специальный ящик или нечто того же рода.

— Мы уже более года погружаемся с аквалангом в этих местах, разыскивая корабль, — добавил Эдвард. — Я более чем уверен, что он затонул именно там. Я убежден в этом. Но если мы не найдем в документах какого-то указания, то мы можем его искать всю оставшуюся жизнь. Не стоит даже использовать эхозонд, пока мы не будем полностью уверены в том, что точно знаем местонахождение корабля. Там на дне лежит столько затонувших лодок и рыбачьих сетей, что мы непрерывно будем получать от эхозонда какие-то сигналы, и, естественно, каждый сигнал потребует очень тщательного изучения.

Старый Эвелит во время речи Эдварда потягивал шерри, но когда Эдвард закончил, он поставил бокал на столик рядом с креслом и иронически фыркнул.

— Так, собственно, почему вы хотите найти корпус «Дэвида Дарка»? — спросил он всех нас. — Почему вам так срочно это понадобилось?

Я очень внимательно посмотрел на него.

— Вам известно, что там находится, верно? — спросил я его. — Вы знаете, что находится в этом корабле и почему люди так хотели от этого избавиться?

Дуглас Эвелит смерил меня таким же внимательным взглядом и улыбнулся.

— Да, — признался он. — Я знаю, что там находится. И если вы сумеете меня убедить, что у вас имеется достаточно причин поднять корабль, и отдаете себе отчет в грозящей вам опасности, то я вам все расскажу.

Глава 21

Конечно же, я понятия не имел, знает ли на самом деле Дуглас Эвелит, какая тайна скрывается в корабле «Дэвид Дарк». Но все же я не стрелял вслепую. Книги, находящиеся повсюду, однозначно свидетельствовали, что старик интересовался историей и магией, а если он знал так много о первопоселенцах, заклинающих индейских духов, чтобы те помогли им выжить во враждебной среде, то, вполне возможно, он знал также и о крушении «Дэвида Дарка».

Кроме того, никто иной, кроме Дугласа Эвелита, не мог знать положение корпуса корабля. Этот хрупкий, сморщенный как обезьяна старичок был нашей единственной надеждой.

— Моя жена погибла в автомобильной катастрофе несколько более месяца назад, — тихо начал я. — В последнее время она начала меня посещать. Это значит, меня начал посещать ее дух. Не душа, если вам больше подходит это определение. Я разговаривал и с другими жителями Грей-нитхед, которые недавно потеряли кого-то близкого, и открыл, что подобные явления не считаются чем-то необычным в этих местах.

— Это все? — спросил старый Эвелит.

— А разве этого недостаточно? — удивился Эдвард.

— Это не все, — продолжал я. — Два дня назад пожилая дама, проживавшая возле Восточнобережного шоссе, была убита духом своего умершего мужа, а еще раньше несколько человек погибли при не выясненных до конца и ужасающих обстоятельствах. Мне кажется, что эти духи

вообще не дружелюбны, так как посещают живых лишь за тем, чтобы увлечь их в Страну Мертвых.

Дуглас Эвелит приподнял седую кустистую бровь.

— Страна Мертвых? — повторил он. — Кто говорил о Стране Мертвых?

— Моя жена, — ответил я. — Говоря по правде, я видел ее снова прошлой ночью. Я видел вчера множество духов, всех этих чертовых покойников с Кладбища Над Водой.

Эдвард перехватил мой взгляд и кивнул в знак того, что теперь он понимает, почему я так странно вел себя с утра. Дуглас Эвелит отклонился назад в кресле, опираясь локтями на поручни. Его перепончатые ладони лежали неподвижно, как лапы мертвого крокодила. Форрест откашлялся и завертелся на софе так, что заскрипела кожаная обивка.

— Вы говорите правду, — наконец заговорил Дуглас Эвелит.

— Конечно, правду, — возмутился Форрест. — Вы что же, думаете, мы без причины поехали бы в такую даль и стали бы отрывать вас от дел, пусть даже и предлагая в дар такой ценный старый письменный прибор?

— Среди местных я слышу крайне подозрительной личностью, — заявил Дуглас Эвелит. — Меня считают колдуном, безумцем или воплощением Сатаны. Потому я и запираю двери, потому держу собак и крайне недоверчиво отношусь к непрошеным гостям. В последний раз, четыре года назад, когда я впустил в дом четырех с виду очень приличных джентльменов, они пытались меня избить, а мою библиотеку сжечь. И я, и библиотека уцелели только благодаря быстрому вмешательству Квамуса.

— Откуда вы знаете, что я говорю правду? — заинтересовался я.

— Ну что ж, многое указывает на это. Все, что вы говорите о Грейнитхед, совпадает с моими представлениями, а я уже издавна начал связывать эти явления с затонувшим «Дэвидом Дарком». Однако призраки, которых вы описываете, значительно более грозны и более

жизнеспособны, чем это было когда-либо в прошлом. Вы также сказали о Стране Мертвых, хотя и не могли знать, что именно это выражение связано с историей «Дэвида Дарка», разве что вы провели фундаментальное и тщательное исследование исключительно с целью устроить такой страшный розыгрыш.

— Так вы знаете, почему эти духи сейчас куда опаснее, чем раньше? — спросил Эдвард.

Дуглас Эвелит задумчиво потер рукой заросший седой щетиной подбородок.

— Возможны разнообразные объяснения. По сути дела, трудно утверждать что бы то ни было, пока груз «Дэвида Дарка» не поднят на поверхность и не исследован. Но вы правы: источник влияния, воздействующего на умерших из Грейнитхеда, — это большой медный ящик, единственный груз «Дэвида Дарка» в том рейсе. Возможно, морская вода разъела ящик настолько, что влияние вырвалось из него наружу.

— Какое влияние? — спросил Форрест.

Старый Эвелит поднялся с кресла и жестом позвал нас.

— Лишь несколько человек знали, что тогда произошло на самом деле, и этим людям пришлось дать клятву хранить тайну. Позже, как вам известно, Эйса Хаскет приказал убрать всяческие упоминания о «Дэвиде Дарке» из всех корабельных журналов. Только благодаря корабельным реестрам, которые велись в Бостоне и в Мехико-сити и сохранились до наших времен, мы знаем о существовании этого корабля. Существует несколько рисунков и гравюр с изображением «Дэвида Дарка»; хотя все они наверняка скопированы с одного и того же эскиза, выполненного в 1698 году. Кажется, как раз недавно я продал довольно скверную акварель с «Дэвидом Дарком», вернее, копию единственного уникального эскиза.

— Эту акварель у Эндикотта купил я, — прервал я его.

— Вы? Ах, это удачно. Сколько вы заплатили?

— Пятьдесят долларов.

— Да ей красная цена — пятерка. Наверняка она была написана даже не в то время.

— Вроде бы ты великолепно в этом разбираешься, — ткнул меня под ребро Форрест, а я сделал отчаянную мину.

Дуглас Эвелит провел рукой по корешкам книг, выбрал тонкий том в сером переплете и положил его на стол.

— Это не оригинал, — заявил он. — Оригиналу, вероятнее всего, исчез или сгорел много лет назад. Но кто-то был настолько предусмотрителен, что сделал точную копию, включая рисунки. Она-то и лежит сейчас перед вами. Эта копия была сделана в 1825 году, однако неизвестно, кто ее сделал и зачем. Мой прапрадед, Джозеф Корлит, купил ее у одной вдовы в Динс-Корнерс; внутри у нее имеется следующее замечание, написанное его почерком: «Это, наконец, все объясняет, сказал я Сьюэллу». Вот, смотрите, именно этот лист. Видите дату? 1831 год.

— А известно, кто написал оригинал? — спросил Эдвард.

— О, да. Это личный дневник майора Натаниэля Салтонстола из Хейверхилла. Салтонстол был одним из судей в процессах ведьм в Салеме. Может, вы помните, что именно судья Салтонстол первым усомнился в правдивости показаний свидетелей и предпочел отставку дальнейшему исполнению своих функций. По сути же дела он был унижен и разъярен до такой степени, что лично провел следствие по делу «Великого безумия», как называли позже охоту на ведьм. Его дневник содержит единственный полный и относительно подробный отчет об интересующих нас событиях.

Дуглас Эвелит перевернул пару страниц дневника и провел выцветшим ногтем по строчкам наклонного почерка девятнадцатого века.

— Салтонстол поселился в Салеме только зимой 1691 года. До этого он жил вместе с женой и семьей в Нью-Бедфорде, поэтому ничего не знал о событиях, которые предшествовали гонениям на ведьм из Салема.

Затем Дуглас Эвелит прочел нам содержащийся в дневнике отчет о процессах ведьм в Салеме. «Великое безумие», как называл их судья Салтонстол, согласно

версии, преподнесенной во многих исторических книгах, началось в 1689 году. Согласно этой версии в Салем прибыл торговец по имени Самюэль Перрис, который решил сменить профессию и принял духовный сан. 19 октября 1698 года он принял пост первого пастора Салема. Перрис привез с собой двух рабов из Вест-Индии, мужчину по имени Джон Индус и его жену Тетубу. Оба могли гадать по руке, предсказывать будущее и показывать карточные фокусы. Они охотно забавляли местных детей рассказами о чарах и колдуньях. Однако из-за этой болтовни дети стали вести себя удивительным образом — или притворялись, что кто-то их сглазил, или делались подверженными детской истерии. Во всяком случае у них бывали ужасные приступы, дети кричали, бились в судорогах и катались по земле. Доктор Григгс, местный врач, исследовал «больных» детей и сразу же заявил, что они околдованы.

Перепуганный преподобный Перрис пригласил духовенство со всей округи в свой дом на целодневный пост и молитвы. Это духовенство помогало ему во время пыток, каким подвергали «больных» детей. Когда они увидели, что дети вырываются и визжат, они подтвердили диагноз врача: на детей, несомненно, наведена порча.

Следующий вопрос был таков: а кто же их околдовал? Во время интенсивного допроса дети называли три имени: «Гуд», «Осбури» и «Тетуба».

Так первого марта, в присутствии Джона Готорна и Джонатана Корвина, двух высших по рангу судей в Салеме, Сара Гуд, Сара Осбурн и Тетуба были обвинены в колдовстве. Сара Гуд, несчастная женщина, почти не имевшая друзей, решительно все отрицала, но дети при виде ее визжали и кричали, поэтому ее быстро признали виновной. Сара Осбурн была насильно приведена в суд, хотя она еще не встала после тяжелых родов; когда же она появилась, на детей напали корчи, поэтому в ее возражения не поверили. Тетуба, суеверная и запуганная, сама призналась, что сдалась на нашептывания Сатаны и что она и другие обвиняемые летали по воздуху на метлах.

Этого было достаточно в качестве доказательства: всех трех женщин тут же заковали в цепи и бросили в подвал.

«Больные» дети продолжали обвинения. Восьмидесятидвухлетний Джордж Якобс, благородной внешности, седой как лунь старец, следующими словами ответил на обвинения в колдовстве: «Вы обвиняете меня в том, что я колдун. Вы с таким же успехом можете ставить мне в вину то, что я ловлю мышей. Я не сделал за свою жизнь ничего плохого». Джордж Якобс тоже был признан виновным и брошен в подвал.

Расправа началась и длилась все лето 1692 года в атмосфере нарастающего напряжения и истерии. Вся деревушка Салем была, казалось, охваченной горячкой «охоты на ведьм». В следующие годы поселяне часто вспоминали этот период как «злой сон» или «кошмар», от которого они не могли очнуться.

Тринадцать женщин и шестеро мужчин были повешены на Виселичном Холме — первой жертвой была Бриджит Вишоп, казненная десятого июня, последней — Мари Паркер, казненная двадцать второго сентября. Точнее говоря, 22 сентября было повешено восемь ведьм и колдунов. Когда их тела заболтались в воздухе, преподобный Нойс заметил: «Что же, это грустное зрелище, восемь висельников, танцующих на виселице».

Однако два дня спустя произошла казнь такая жестокая, что потрясенные жители Салема начали пробуждаться от своего «Великого безумия». Старый Жюль Кори из Салем-фарм не признал достаточными показания «больных» детей. Его вызвали на суд, но он не хотел ничего говорить. Трижды его вызывали перед лицом судьи, и трижды Кори отказывался давать показания. Его отвели на пустырь между секторами кладбища, раздели догола, заставили лечь на спину, после чего на его тело начали устанавливать тяжести. По мере того, как тяжесть увеличивалась, язык Кори высывался изо рта, а шериф своей тростью вталкивал его назад. Кори был первым гражданином Новой Англии, к которому применили староанглийскую казнь раздавливания до смерти.

Судья Салтонстол писал: «Кажется, будто буря наконец утихла, а люди пробудились от сна. Никогда до сих пор в истории я не видел такой быстрой, неожиданной и полной смены чувств». Казней больше не было, а в мае следующего года все обвиняемые, ожидавшие суда, были освобождены.

Но отчет судьи Салтонстола не заканчивался на этом. Он писал дальше: «Меня мучило любопытство, как же это Безумие началось и почему оно ушло так неожиданно. Действительно ли дети болели или злобно подшутили над нами? И стал я доискиваться правды об этих несчастных случаях, и со значительной помощью Майки Бэрроуза, который был секретарем у Эйсы Хаскета, собрал я вести столь же необычные, сколь и страшные, но за истинность и достоверность которых готов своим словом ручаться».

Дуглас Эвелит позвонил в маленький серебряный колокольчик, и появился индеец-слуга Квамус. Квамус смирил нас взглядом, впрочем, равнодушным, однако Эвелит еще раньше дал нам понять, что индейцу не составило бы труда сбросить нас с лестницы или поломать нам кости.

— Квамус, — заговорил Эвелит, — эти джентльмены останутся на ленч. Достаточно холодного паштета. Принеси, пожалуйста, и бутылку «Пуильи Фьюм», нет, две бутылки, и поставь их в ведро со льдом.

— Да, сэр.

— Квамус...

— Да, сэр?

— Эти джентльмены приехали поговорить о «Дэвиде Дарке». Их визит может иметь для нас очень большое значение.

— Да, сэр. Понимаю, сэр.

Квамус вышел, а старый Эвелит придвинул к себе одно из высоких кресел и уселся в него.

— Прошу вас, садитесь, — поощрил он нас. — Последняя часть дневника Салтонстола крайне интересна, но не совсем упорядочена, и лучше я сам расскажу вам об этих событиях. Если хотите, можете сделать копию этих стра-

ниц, особенно тех, которые вас интересуют; но если бы вы сами попытались расшифровать записки судьи Салтонстола, боюсь, это заняло бы у вас очень много времени, так же, как и у меня.

Мы все придвинули кресла, а Дуглас Эвелит поставил локти на разделявший нас стол и, поглядывая на нас по очереди, начал рассказ. Я никогда не забуду этот час в библиотеке Эвелита, когда я слушал таинственную историю «Дэвида Дарка». Мне казалось, я был вырван из современного мира и перенесен в семнадцатый век, когда люди верили в дьяволов, ведьм и оборотней. Дождь снаружи постепенно стихал, через витражные стекла в комнату заглянули бледные лучи солнца и озарили нас светом, который казался таким же старым, как и услышанный рассказ.

— События, имевшие место в Салеме летом 1692 года, начались не с мистера Перриса, как утверждают работы современных историков, а значительно раньше, с Дэвида Иттаи Дарка, пламенного проповедника, жившего вначале в Нью-Данвиче, а потом в Милл-Понд, неподалеку от деревни Салем.

Согласно описаниям свидетелей, видевших его, Дэвид Дарк был высоким мрачным мужчиной с длинными, черными, сальными волосами, спадавшими до плеч. Он глубоко верил, что только добродетельная, праведная жизнь дает право печься о месте на небе, и потому его прихожанам следовало быть готовыми к тому, что почти наверняка они попадут на целую вечность в ад. В марте 1682 года Дэвид Дарк заявил своей пастве, что на поле за Динс-Корнерс он встретился с самим Сатаной и что Сатана дал ему пергамент, на котором были выжжены имена всех крестьян из Салема, приговоренных к вечным мукам. Конечно же, это произвело огромное впечатление на поведение упомянутых лиц. Судья Салтонстол отметил, что 1682 и 1683 годы были «крайне моральными годами» в Салеме и окрестных поселениях.

— Вы думаете, он на самом деле видел Сатану или что-то в этом роде? — спросил Эвелита Эдвард.

— Судья Салтонстол проводил следствие по этому делу, — ответил Дуглас Эвелит. — Он узнал только, что Дэвид Дарк в предшествующем упомянутому событию году подружился с несколькими индейцами из племени наррагансет, а особенно с одним из них, который в своем племени считался могущественнейшим чудотворцем и шаманом из живущих. Судья не был склонен делать поспешные выводы; он предпочитал представлять полный и точный перечень фактов. Однако он все же осторожно выразил мнение, что, возможно, Дэвид Дарк и индейский шаман вызвали духа, и что одно из древних и злых индейских божеств Дарк мог принять за Сатану или кого-то из помощников Сатаны.

Темноволосая девушка по имени Энид снова вошла в библиотеку, неся серебряный поднос с хрустальным графином, и спросила, нет ли у нас желания выпить еще по одному бокалу шерри. Я лично мечтал о тройной порции виски, но и шерри принял с большой благодарностью.

— В 1683—1689 годы о Дэвиде Дарке было слышно очень мало, — продолжал Дуглас Эвелит. — Видимо, он на какое-то время отказался от обязанностей пастыря и посвятил себя учебе. Ни у кого не было ни малейшего представления, что именно изучал Дэвид Дарк, но судья Салтонстол отметил, что по ночам над его домом был виден свет на небе, а окрестные жители не приближались к лесу, окружающему его усадьбу, поскольку оттуда доносился вой неизвестных бестий.

Однако в 1689 году Дэвид Дарк появился снова и начал произносить проповеди, нередко в церкви в центре Салема. После одной особенно пламенной проповеди к нему подошел купец Эйса Хаскет, на которого речи Дарка произвели большое впечатление. Хаскет, который сам был своего рода религиозным фанатиком, заявил Дарку, что они оба должны начать кампанию за исправление морали и мыслей жителей Салема.

В этом месте в записи включено признание Майки Бэрроуза. Майка Бэрроуз работал у Эйсы Хаскета пят-

надцать лет и относился к его самым доверенным помощникам. Потому он и присутствовал при разговоре, во время которого Дэвид Дарк предложил Хаскету послать в Мексику корабль для очень особенной цели.

— В Мексику? — повторил Эдвард. — Но что все это имеет общего с Мексикой?

— Мексика — центральный и ключевой пункт во всей истории «Дэвида Дарка», — ответил Дуглас Эвелит. — Потому что все духи и демоны, которых Дэвид Дарк заклинал в своей усадьбе Милл-Понд, служили грозному демону, когда-то властвовавшему на всем американском континенте. Я говорю о живом скелете, которому воздавали почести ацтеки на острове Теночтитлан, впоследствии — Мехико-сити. Как Дэвид Дарк узнал об этом демоне, судья Салтонстол не объясняет, но очень правдоподобно, что ему сказал о нем шаман-наarraгансет. Во всяком случае, Дэвид Дарк убедил Эйсу Хаскета, что необходимо послать в Мехико-сити экспедицию, найти останки демона и привезти их в Салем, чтобы напугать и принудить к послушанию местное население. Именно так использовали этого демона сами ацтеки — чтобы склонить религиозных отступников поклоняться Тецкатлипоке и Кетцалькоатлю.

— Но в те времена в Мехико-сити наверняка правили испанцы, — вмешался Форрест. — Когда Кортес покорила ацтеков? В 1520 году, так?

— В 1519-ом, — поправил его Дуглас Эвелит. — Но вы должны помнить, что ацтеки были великолепно организованным народом. Еще задолго до того, как Кортес добрался до острова Теночтитлан, живой скелет был вывезен из города по дороге, соединяющей остров с сушей, и скрыт на склонах вулкана Икстакивуатль. Снова судья Салтонстол не смог объяснить, как Дэвид Дарк узнал об этом, но Дарк в этот период, с 1683 по 1689 годы, выезжал из Салема несколько раз, значит, очень возможно, что он ездил в Мексику. Он мог встретиться с кем-нибудь из потомков ацтекских жрецов, которые из поколения в поколение охраняли демона от испанских

захватчиков, и заключить с ним договор о тайной перевозке демона из Мексики в Массачусетс. С другой стороны, он мог просто приказать убить их вместо того, чтобы убеждать их в своем проекте. Так считает судья Салтонстол.

— Значит, Эйса Хаскет все же выслал корабль, чтобы привезти демона в Салем? — уверился Эдвард.

— Именно так и было. Корабль назывался «Арабелла» и всеми считался одним из лучших кораблей, заплывающих в Салем. Командовал этим рейсом Дэвид Дарк, а капитаном был Чарльз Фиск, старший брат Томаса Фиска, исполнявшего позже обязанности судьи в процессах ведьм.

«Арабелла» исчезла почти на год, а когда, наконец, вернулась, экипаж не хотел ничего говорить об этом рейсе, и даже Дэвид Дарк выглядел пришибленным. Все сильно постарели, что отметил судья Салтонстол, а в течение следующего года из экипажа в семьдесят человек тридцать умерло от болезней, несчастных случаев или горячки. Таинственный груз «Арабеллы» выносило шесть человек, которые были для этой цели привезены из Бостона и получили за работу тройное вознаграждение. Затем груз фургоном перевезли в дом Дэвида Дарка в Милл-Понд.

Вначале ничего не происходило. Дэвид Дарк несколько раз посещал Эйсу Хаскета в его кабинете и утверждал, что демон кажется погруженным в летаргию или просто мертвым. Может, ацтекские жрецы соврали ему, может, это вообще был не демон, а только скелет какого-то чрезвычайно высокого человека. Хаскет, который вначале загорелся этой идеей, да так, что переименовал «Арабеллу» в «Дэвида Дарка», начал сомневаться в успехе мероприятия и жалеть о деньгах, которые потерял, выслав «Арабеллу» и ее экипаж на целый год в Мексику. Прежде всего он заподозрил, что Дэвид Дарк просто сумасшедший. Майка Бэрроуз подслушал разговор Эйсы Хаскета с доктором Григгсом, в котором тот высказал подозрение, что Дарк «безумен или свихнулся».

Однако весной 1691 года в окрестностях Салема начали твориться удивительные вещи. Несколько человек твердило, что они видели своих умерших родных гуляющими по улицам деревни посреди ночи или слышали их голоса. Один мужчина проснулся ночью и увидел рядом с постелью свою покойную мать. Он был так перепуган, что выскочил через дымоход в потолок, скатился по крутой крыше на землю и сломал ногу, но, к счастью, не получил никаких других повреждений.

Я подался вперед.

— Как описывали вид этих умерших? Напоминали ли они духов или мерцающие огни?

Дуглас Эвелит нашел соответствующий абзац в книжке и повернул ее так, чтобы я сам мог прочесть, что там было написано.

«Утром 2 апреля 1691 лета Господнего Уильям Соьер посетил преподобного Бойеса и поведал ему, какого великого страха натерпелся он, узрев средь бела дня на улице Святого Петра брата своего умершего Генри, который преградил ему дорогу и стал молить, чтобы Соьер пошел за ним, иначе, якобы, Генри и после смерти не будет ведом покой. Уильям Соьер убежал со всех ног, великим страхом охваченный, и признался преподобному Нойешу, что брат явился пред ним в телесном облике, аки живой».

Я подсунул книгу Эдварду.

— Видишь, насколько сильно было тогда влияние? Умершие могли появляться при дневном свете и выглядеть так же естественно, как живые люди.

— Это еще не все, — продолжал Дуглас Эвелит. — Мертвые начали охотиться на живых. Хотя официальные исторические источники сообщают, что летом 1691 года в Салеме разразилась эпидемия дифтерита, в действительности крестьян похищали из домов духи их умерших родственников и убивали самыми различными, необычными, ритуальными способами. Труп главы семьи Патнем, выпотрошенный, как свиная туша, был найден на крыше его дома, распятый на гребне крыши, подальше от окон и

лестниц. Джон Исти был наколот на мачту, поставленную на деревенском рынке, хотя для этого жертву нужно было поднять на высоту в семьдесят футов. Конечно же, крестьяне впали в панику, хотя Дэвид Дарк выступил перед ними со своей самой драматической проповедью и возвестил, что они оскорбили Бога и за это несут кару.

Эйса же Хаскет пришел к выводу, что это уже чересчур. Ночью он увидел дух своей умершей сестры Одри и перепугался, что и его ждет такая же кошмарная участь. Он приказал Дарку уничтожить демона, угрожая, что иначе откроет всю правду, а тогда разъяренные жители Салема, несомненно, разорвут Дарка на кусочки.

Дарк, однако, уже не мог справиться с мощью, которую доставил сюда из Теночтитлана. Когда он пытался зарубить демона топором, то был тут же убит. Согласно показаниям свидетеля, неграмотного слуги, Дарк взорвался тучей крови и внутренностей.

После смерти Дарка на какое-то время в Салеме наступил хаос. Судья Салтонстол отметил, что «в полдень наступили сумерки», а многих умерших хоронили в море, опасаясь, что они будут вставать из гробов и убивать своих живых друзей и родственников. Однако осенью 1691 года замешательство прекратилось так же неожиданно, как и началось, и до конца года в деревне Салем было спокойно.

В это время, как позже выяснил судья Салтонстол, в усадьбе Дэвида Дарка появился индейский шаман из племени наррагансет, тот самый, который научил Дэвида Дарка заклинать злых духов. Шаман наткнулся на демона из Мексики и, хотя не смог его уничтожить, связал его чарами, достаточно сильными, чтобы сковать его волю. Видимо, индеец хотел использовать демона, чтобы усилить свою власть над племенем и увеличить влияние на других шаманов. Он даже не отдавал себе отчета в том, какое опустошение творил демон среди крестьян Салема.

Но ничто не вечно. Еще до прихода весны демон, видимо, нашел способ развеять чары, наведенные на него шаманом. Видимо, между ними произошел бой, который частично ослабил демона, но в ходе этого боя шаман был

жестоко искалечен. Демон попытался затем обрести власть над обитателями Салема и потому приманил в свое убежище трех маленьких девочек, которые выбрались на прогулку в окрестности Милл-Понд: Эни Патнем, Мерси Льюис и Мэри Уолкот.

Демон наверняка убил их, хотя судья Салтонстол так и не выяснил, как это случилось. Позже их кости нашли в неглубокой могилке в лесах неподалеку от дома Дэвида Дарка. Но духи этих девочек, если можно так сказать, вернулись в Салем и начали закатывать истерики, кричать и визжать как сумасшедшие. Из-за этого девятнадцать честных людей были обвинены в колдовстве и повешены, а Виль Кори был покаран раздавливанием до смерти. Двадцать душ стало добычей демона в течение пары недель: великолепный пир!

— Но тогда почему эта история так внезапно прекратилась? — захотел узнать Эдвард.

Дуглас Эвелит допил шерри и стал вращать бокал в пальцах, как будто не в силах решить, не налить ли себе очередную порцию.

— Эйса Хаскет увидел, как две из этих девочек, Мерси Льюис и Мэри Уолкот, бродили по Салему очень рано утром. Хаскет не спал почти всю ночь, поскольку следил за разгрузкой ценного транспорта с индиго. Увидев девочек, он остановился и спросил их, что они делают в такое раннее время. Они же, по словам судьи Салтонстола, только «посмотрели глазами, пылающими голубым, и заворчали, точно волчицы, чем отпугнули его от себя». Хаскет тогда заподозрил, что демон Дэвида Дарка снова стал активным, так что он решил посетить заброшенную усадьбу вместе со своим другом-пастором и проверить, что там творится.

Увидев, что творится в доме Дарка, они безгранично перепугались. Сейчас я прочту вам этот отрывок из дневника Салтонстола:

«Едва ли несколько минут миновало с того времени, как пробило три часа, и потому-то все было покрыто тьмой, когда благородный Эйса Хаскет и преподобный

Роджер Корнуолл приблизились к дому достопамятного Дэвида Дарка. По словам Майки Бэрроуза, которому позже благородный Хаскет все описал, преподобный Корнуолл, выказывая крайнюю слабость, остановился у изгороди, что окружала владения Дарка, и не хотел ни шагу дальше ступить, но все же благородный Хаскет склонил его идти дальше, и два смельчака, наконец, предстали перед домом. Какой-то туман прикрывал окна, когда благородный Хаскет замыслил выломать двери, что и сделал при помощи топора. Что узрели внутри глаза его, о том благородный Хаскет не соглашался рассказывать иначе, как только намеками, но все же Майка Бэрроуз уяснил, что ужасная вонь гнили наполняла жилище, отчего как благородный Хаскет, так и преподобный Корнуолл чуть было чувств не лишились, а придя все же в себя, узрели в темноте огромный и страшный Скелет. «Белый как кость, — сказал благородный Хаскет, — и весь в натуральных пропорциях, лишь в несколько раз больше человека и живой». На ребрах же Скелета как охотничьи трофеи висели жабы, куры и козы кишки, а на суставы пальцев Скелета насажены были звериные черепа. Но все же хуже всего была медная миска, что стояла пред ним на земле, через край наполненная какими-то темными и кровавыми жилами. Благородный Хаскет и преподобный Корнуолл взирали на это ужасное зрелище с отвращением и тревогой, Скелет же погрузил руку в миску и, подняв кровавый кусок, показал им; тут благородный Хаскет понял, что смотрит на миску с сердцами человеческими, которые Скелет забрал у мужей и жен, повешенных в дни «Великого безумия»...

Дуглас Эвелит перевернул последние страницы черной книги.

— Эйса Хаскет в полной мере понял, какие беды он накликал на Салем. Он был достаточно умен, чтобы понять, что процессы ведьм — это только начало. Демон, видимо, черпал силы из тел убитых зверей и человеческих сердец, а к тому же использовал мертвых, у которых уже забрал сердца, чтобы те приводили к нему новые жертвы.

Истерия «Великого безумия» нарастала, и Хаскет предвидел, что придет день, когда весь мир погрузится в темноту, а умершие будут охотиться на живых.

— Потому-то кладбище на берегу у Грейнитхед и называли раньше «Блуждающим кладбищем»? — вмешался я.

— Точно, — признал Дуглас Эвелит. — Но проклятие пало на Грейнитхед лишь позднее, когда Эйса Хаскет решил раз и навсегда избавить Салем от демона.

— А как? — заинтересовался Эдвард. — Ведь демон, наверняка, был слишком могуч, чтобы не опасаться экзорсисов?

— Хаскет нашел шамана из племени наррагансет и подкупил его. Он обещал шаману большую сумму денег, если шаман обезвредит демона настолько, чтобы его можно было загрузить на корабль и увезти как можно дальше от Салема. Поначалу индеец и слышать об этом не хотел, поскольку во время последней схватки с демоном получил тяжелые раны. Хаскет, однако, повысил цену почти до тысячи фунтов золотом, и шаман не смог противиться соблазну. Он знал по крайней мере одно: демон чувствителен к холоду. Он владыка Страны Мертвых, бог огня, главный специалист по адским мукам. По сути дела, тело после смерти так быстро теряет тепло именно потому, что этот демон высасывает из трупа энергию и питается ею. Поэтому также умерших, восставших из гробов, можно узнать по тому, что в них нет ни капли тепла. Из их тел высосали остатки энергии, чтобы поддерживать силы ужасающего владыки Страны Мертвых.

Индийский шаман предложил Хаскету заморозить демона в доме Дэвида Дарка с помощью двадцати или тридцати фургонов со льдом, которые следует затолкнуть внутрь через двери и окна. Затем его надо запереть в большом плотном ящике, также выложенном льдом, загрузить на судно и перевезти как можно быстрее на север, в Море Баффина, а там бросить ящик в море. Хаскет согласился, поскольку иного выхода не было. Этот план

был реализован в конце октября, когда «Дэвид Дарк» был поспешно приспособлен к перевозу такого опасного груза. Хотя перед домом Дэвида Дарка были раздавлены две лошади и трое мужчин ослепли, шаман при помощи заклятий смог удерживать демона достаточно долго, чтобы люди успели топорами и ломами выбить окна и двери и забросить лед в помещение, где пребывал демон. Темной ночью гигантский скелет был вынесен из дома и помещен в сделанный специально для этой цели медный ящик. В ящик вложили еще больше льда, после чего ящик закрыли и залудили медным покрытием. Через специальное стекло можно было видеть, нужно ли еще добавлять льда. Майка Бэрроуз лично принимал в этом участие, так же как и каждый, кто пользовался доверием Хаскета.

Поимка демона стоила жизни трем десяткам человек и многих сотен фунтов. В течение часа медный ящик был тайно загружен на борт «Дэвида Дарка», и капитан корабля объявил, что корабль готов отправиться в плавание. Но когда корабль на веслах отошел от пристани, налетел сильный встречный ветер, и даже в заливе море начало бурлить. Капитан сообщил, что предпочел бы вернуться и переждать шторм, но Хаскет боялся, как бы демон, оставленный на целую ночь на палубе, не вырвался на свободу, и потому приказал, чтобы «Дэвид Дарк» плыл дальше любой ценой.

Ну что же, остальное вы знаете. «Дэвид Дарк» был выведен на веслах из пролива Грейнитхед. Он собирался уплыть как можно дальше на северо-восток в надежде, что когда буря утихнет, то можно будет обогнуть с севера Новую Шотландию и взять курс на Новую Финляндию и Лабрадор. Но из-за сильного ветра или благодаря демону судно отнесло назад, в Салемский залив, и оно затонуло где-то у западного берега полуострова Грейнитхед.

— Были ли какие-нибудь свидетели происшествия? — спросил я. — Видел ли кто-то это с берега?

— Нет, — ответил Дуглас Эвелит. Он захлопнул книгу и положил на нее обе руки хищным жестом, как кот, удерживающий дохлую мышь. — Но кто-то из экипажа

все же мог спастись. И именно тот единственный человек, кто все это пережил, дал мне указания касательно места, где примерно затонул «Дэвид Дарк».

— Разве кто-то пережил это кораблекрушение? — недоверчиво спросил Эдвард.

Дуглас Эвелит многозначительно поднял палец.

— Я сказал только, что существует такая возможность. Но три или четыре года тому назад, читая дневник семьи Эмери из Грейнитхед, — как вы знаете, эта семья занималась навигационными справочниками и таблицами — я наткнулся на удивительное упоминание, касающееся «мужчины с дикими глазами», которого прадед Рэндольфа Эмери нашел на побережье Грейнитхед, «полутопленного», осенью 1691 года. Этот дневник, дневник семьи Эмери, писался в 1881 — 1885 годы, так что трудно сказать, в какой степени эта история правдива. Но прадед Рэндольфа Эмери частенько рассказывал о «мужчине с дикими глазами», наставляя своих потомков, как устанавливать свое положение на море по ближайшим ориентирам, видимым на суше, поскольку «мужчина с дикими глазами» твердил, что его корабль затонул не далее четверти мили от берега, спасавшийся же, ухватившись за сломанную балку, очутился во власти обезумевших волн, однако сумел определить свое положение на основании ориентиров, которые заметил сквозь туман. Слева с северной стороны он видел морской маяк на восточном краю острова Винтер, находящийся на одной линии с морским маяком на восточном берегу Джунипер-Пойнт. Подхваченный приливом и сносимый в сторону побережья, он видел перед собой высокое дерево, которое моряки прозвали Несчастной Девицей, поскольку искривленный ствол напоминал стиснутые женские бедра, а распростертые ветки казались протянутыми руками. Спасшийся видел верхушку этого дерева, находящуюся на одном уровне с вершиной Холма Квакеров. Конечно же, «Несчастной Девицы» уже давно нет, но можно достаточно точно установить, где это дерево росло, по гравюрам и картинам Салемского залива и

побережья Грейнитхед, написанным в те времена. Значит... достаточно знать основы тригонометрии, чтобы установить, где затонул «Дэвид Дарк».

— Но если вы все это знали, то почему же до сих пор ничего не сделали? — спросил Эдвард.

— Уважаемый, разве вы считаете меня таким глупцом? — ответил Дуглас Эвелит. — У меня не было ни денег, ни нужного оборудования, а к тому же я уже слишком стар, чтобы лично пускаться на поиски корабля, который, вероятнее всего, уже давно сгнил. Но несмотря на все это, я не хотел бы обнародовать мое открытие ввиду отсутствия законодательства, регулирующего право собственности на легендарные корабли. Если бы я объявил о положении «Дэвида Дарка», тут же объявилась бы свора свихнувшихся любителей нырять, искателей памятников, вандалов и обычных уголовников. Если там на дне есть что-то ценное, я не собираюсь допустить, чтобы оно попало в лапы невежд и преступников.

— Наверно, вы правы, — улыбнулся Эдвард. — Точно так же поступали в Англии, помните? Притворялись, будто ныряют за «Ройял Джорджем», в то время как в действительности искали «Мэри Роуз». Это был единственный способ надуть любителей сувениров. Торговцы ведь взорвали бы корабль динамитом, чтобы добыть корабельные орудия из бронзы.

Дуглас Эвелит кивнул Энид и попросил ее охригшим голосом:

— Принеси, пожалуйста, нам карту из столика, хорошо?

— Энид — ваша внучка? — спросил Форрест, когда девушка вышла за картой.

Дуглас Эвелит вытаращил на него глаза.

— Моя внучка? — повторил он таким тоном, как будто был застигнут врасплох вопросом.

Форрест побагровел от смущения.

— Извините, — пробурчал он. — Просто пришло в голову.

Старый Эвелит кивнул, но так и не ответил, кем на самом деле была для него Энид. Служанкой? Любовницей? Подругой? Собственно, нас это не касалось, но тем не менее все мы умирали от любопытства.

— Пожалуйста, — сказала Энид. Она принесла большую карту побережья Салемского залива и разложила ее на столе. Мне снова подмигнули темно-красные соски, просвечивающие сквозь туго натянутую черную ткань: удивительно возбуждающее, но одновременно и тревожащее зрелище. Энид перехватила мой взгляд и посмотрела мне прямо в глаза, без улыбки и без тени симпатии. В бледных лучах солнца ее волосы блестели черной диадемой.

Дуглас Эвелит вытащил из ящика стола большой лист кальки, на который уже были нанесены ориентиры и координаты. Он наложил кальку на карту; правда, только он знал, как это следует делать, поэтому и карта, и калька были бесполезны для кого-то другого. Одна координата вела через вершину Джунипер-Пойнт, наиболее выдвинутый к югу край острова Хинтер, другая пересекала Холм Квакеров, деля мой дом ровно на две части. Примерно в четырехстах двадцати метрах от берега большое «Х» обозначало место, где, вероятно, затонул «Дэвид Дарк» почти триста лет тому назад.

Эдвард бросил на меня взволнованный взгляд. «Х» был не далее, чем в двухстах пятидесяти метрах к юго-западу от места, где мы проводили поиски вчера утром. Но в этих мутных, илистых, беспокойных водах двести пятьдесят метров были равнозначны миле.

Дуглас Эвелит наблюдал за нами со скрытым весельем. Потом он сложил карту, отодвинул ее и кинул кальку назад в ящик стола.

— Вы получаете эту информацию при нескольких условиях, — заявил он. — Во-первых, если вы никогда не упомянете моего имени в связи с этим делом. Во-вторых, если будете меня информировать о ходе работ и покажете мне все, что вытянете из воды, любую мелочь. В-третьих, и самое важное, если вы найдете этот медный ящик, в

котором якобы заключен демон, то не откроете его, а немедленно запакуете в лед и доставите сюда в грузовике-холодильнике.

— Вы хотите, чтобы мы привезли ящик вам?

— А вы считаете, что вы сами справитесь? — бросил Дуглас Эвелит. — Если это чудовище действительно произошло и вернуло себе старую ужасающую мощь, то сможете ли вы дать ему то, чего демон желает?

— Не нравится мне все это, — буркнул Форрест.

Но Эдвард поспешно сказал:

— В принципе я не имею ничего против, при условии, что мы будем иметь свободный доступ к этому созданию, когда перевезем его сюда. Мы собираемся провести все возможные тесты, обычные и паранормальные. Анализ костной структуры, установление возраста с помощью изотопов радиоактивного углерода, рентген, просвечивание ультрафиолетом. Потом мы, возможно, захотим провести тест на кинетическую энергию и исследовать восприимчивость к гипнозу.

Дуглас Эвелит подумал об этом, потом пожал плечами.

— Как вам будет угодно, если только не превратите мой дом в полигон.

— Я хочу с вами быть совершенно искренним, — выдавил Эдвард. — Нам все еще не хватает денег. Прежде всего нам нужно локализовать этот корабль. Затем потребуется полностью очистить его от ила, собрать и закаталогизировать все отломавшиеся куски и установить, какие фрагменты корабля удастся вытащить на поверхность без ущерба для них. Наконец, нам нужно будет нанять три большие баржи, несколько понтонов и плавучий подъемный кран. Так что потребуется не менее пяти-шести миллионов долларов, и все это только начало.

— Это значит, что наверняка пройдет достаточно времени, прежде чем вы сможете вытянуть корабль на свет Божий?

— Вот именно. Уж наверняка мы не сможем извлечь его на следующей неделе, даже если сумеем точно локализовать.

Дуглас Эвелит снял очки.

— Что ж, очень жаль, — со вздохом сказал он. — Чем дольше будет тянуться вся ваша подготовка, тем меньше у меня шансов дождаться окончания работ.

— Разве вам на самом деле так хочется оказаться лицом к лицу с ацтекским демоном? — прямо спросил я его.

Старый Эвелит презрительно фыркнул.

— Владыка Митклампы совсем не обычный демон, — наставительно сказал он мне.

— Митклампы?

— Вы не знали? Это мексиканское название Страны Мертвых.

— Так может, вам известно, и как зовут этого демона? — спросил Эдвард.

— Конечно. Владыка Митклампы упомянут еще в «Кодекс Ватиканус А», который был написан гаитянскими монахами в шестнадцатом веке. В нем даже находится иллюстрация, изображающая, как он выныривает из ночной темноты головой вперед, точно паук, спускающийся по паутине, чтобы схватить и опутать души живых. Он обладает властью над всеми ацтекскими демонами подземного мира, включая даже Тецкатлипоку, или «дымящееся зеркало», и он один-единственный, кроме Тонакатекутли, владыки солнца, имеет право носить корону. Обычно его представляли с совой, трупом и сосудом, полным людских сердец, которые и служат ему основной пищей. А зовут его Микцанцикатли.

Мороз пробежал у меня по спине. Я быстро посмотрел на Эдварда и повторил:

— Микцанцикатли.

— Да, — серьезно ответил Эдвард. — Мик же катлер. По-английски — «Мик-ножовщик».

Глава 22

Я высадил моих товарищей рядом с домом Эдварда на улице Стори, а потом поехал прямо в городской госпиталь Салема. Это был комплекс серых приземистых бетонных блоков рядом с аллеей Джефферсона, неподалеку от Милл-Понд, где когда-то жил Дэвид Дарк. Небо посветлело, и бледный рассеянный свет заходящего солнца отражался в лужах на стоянке. Я прошел по подъездной аллее к дверям госпиталя, засунув руки глубоко в карманы пиджака. Я надеялся, что Констанс Бедфорд чувствует себя лучше. Я не должен был позволять им обоим входить в мой дом. Одного остережения не хватило. Теперь Констанс потеряла зрение, и в этом была только моя вина.

Я нашел Уолтера в зале ожидания на третьем этаже. Он сидел, опустив голову, всматриваясь в отполированный виниловый пол. За ним на стене висела фотография Бэйзила Эда — пеликана. Уолтер не поднял взгляда даже когда я сел рядом. Зазвенел мелодичный гонг, и соблазнительный голос телефонистки проворковал: «Доктора Моррея просят к белому телефону. Доктора Моррея просят к белому телефону».

— Уолтер? — обратился я.

Он поднял голову. Его глаза покраснели от усталости и от слез. Он выглядел значительно старше своих лет, и мне неожиданно припомнилось, что Дуглас Эвелит рассказывал об экипаже «Арабеллы». Он открыл рот, но из пересохшего горла не вырвалось ни звука.

— Есть новости? — спросил я его. — Констанс лучше? Ты видел ее?

— Да, — ответил он. — Видел.

— Ну и что?

— Теперь ей, конечно же, лучше.

Я хотел сказать ему что-то утешительное, но в то же мгновение осознал, что его голос звучит как-то неестественно, невыразительно и глухо, как будто он через силу лгал.

— Уолтер, — повторил я.

Неожиданно он схватил меня за руку и изо всех сил сжал ее.

— Ты опоздал, — сказал он. — Она умерла каких-то двадцать минут назад. Обширные повреждения черепа вследствие интенсивного охлаждения. Не говоря уже о потрясении и физических повреждениях глаз и лица. Собственно, не было почти никакой надежды.

— О Боже, Уолтер, как мне жаль.

Он глубоко и печально вздохнул.

— У меня немного кружится голова. Мне дали какое-то успокоительное. Но все это так измучило меня, что у меня не осталось ни на что сил.

— Хочешь, чтобы я отвез тебя домой?

— Домой? — он вопросительно посмотрел на меня, как будто перестал понимать смысл этого слова. «Дом» для него был лишь зданием, полным вещей, которые уже никому не принадлежат. Висящие рядами платья, которые уже некому надевать. Шеренги туфель, хозяйка которых уже никогда не появится. Да и что делать одинокому мужчине с кучами косметики, рейтуз и бюстгалтеров? Наиболее же болезненное переживание после неожиданной смерти жены, как я сам убедился, это наведение порядка в ванной. Даже похороны — мелочь в сравнении с уборкой в ванной. Я стоял над корзиной для мусора, полной бутылочек от лака для ногтей, шампуня для волос, и заливался слезами.

— Ты не должен себя винить, — заговорил Уолтер. — Ты достаточно внятно предупреждал меня. Мне просто казалось... казалось, что Джейн будет дружелюбно настроена. По крайней мере к матери.

— Уолтер, я ее видел потом. Она и меня пыталась убить. Это не Джейн, именно от этого я предостерегал. Это не та Джейн, какую мы оба знали. Она теперь в определенной мере под властью каких-то сил, понимаешь? Пока она не найдет следующую жертву, чтобы накормить ту мощь, во власти которой она очутилась, ее душа не узнает покоя.

— Мощь? Какая мощь? О чем это ты говоришь?

— Уолтер, — заявил я. — Это неподходящее место и время для объяснений. Я отвезу тебя домой, хорошо? Поспишь, а завтра мы обо всем поговорим.

Уолтер оглянулся через плечо на комнату, в которой, видимо, лежала Констанс.

— Она там? — спросил я, а он кивнул.

— Я не должен ее оставлять, — сказал он. — Это нехорошо с моей стороны.

— Ты не оставляешь ее, Уолтер. Ее уже нет.

Он довольно долго молчал. Каждая морщина на его лице выглядела так, будто была наполнена пеплом. Он был так вымотан и одурманен наркотиком, что еле держался на ногах.

— Знаешь что, Джон? — заговорил он. — У меня нет теперь никого. Ни сына, ни дочери, ни жены. Вся моя семья, все, кого я любил и с кем хотел провести остаток жизни, все они ушли. Остался только я. Некому даже оставить в наследство мои золотые часы.

Он подтянул манжету, снял часы и поднял их вверх.

— Что случится с этими часами, когда я умру? Знаешь, Констанс сказала, чтобы я выгравировал на них мое имя. Она сказала: «Однажды твой праправнук наденет эти часы, посмотрит на имя, выгравированное сзади на крышке, и будет знать, откуда он родом и кто он есть». И знаешь что? Такого парня никогда не будет.

— Успокойся, Уолтер, — сказал я ему. — Я поговорю с врачом, и тут же поедем, я отвезу тебя домой.

— Ты... возвращаешься туда сегодня? На Аллею Квакеров?

— Останусь с тобой, если хочешь.

Он сжал губы, потом медленно кивнул.

— Если тебе это не доставит хлопот.

— Никаких, Уолтер. Честно говоря, только рад, что есть предлог не возвращаться туда сегодня.

Мы вышли из госпиталя и пошли через стоянку к моей машине. Уолтер дрожал на вечернем ветру. Я помог ему сесть, а потом мы поехали через пригороды Салема и свернули на юг, в сторону Бостона и Дедхэма. Во время поездки Уолтер почти не говорил, только смотрел через окно на проезжающие автомобили, на дома и деревья. Уже наступала ночь, первая за тридцать восемь лет, которую он проведет не с Констанс. Когда мы приближались к Бостону, огни самолетов, идущих на посадку к аэропорту Логан, казались одинокими, как никогда раньше.

Дом в Дедхэме принадлежал семье Бедфордов уже четыре поколения, переходя от отца к сыну. Хотя Уолтер и его отец оба работали в Салеме, они оставили себе эту старую резиденцию в Дедхэме только из-за традиции. В течение нескольких лет отец Уолтера снимал также небольшую квартирку недалеко от центра Салема, но Констанс настояла, чтобы Уолтер ежедневно ездил на работу за двадцать пять миль, особенно когда мать Уолтера тайно просветила ее на похоронах своего мужа, что отец Уолтера водил в квартирку в Салеме «бабенок» и что под кроватью была обнаружена огромная гора использованных презервативов.

Это был большой колониальный дом, стоящий на семи акрах земли. Сорок один акр, вначале принадлежавший семейству Бедфордов, был распродан строительным подрядчикам. Белое здание с покатой пятикатной крышей стояло в конце крутой аллеи, обсаженной кленами, и выглядело осенью так живописно, что было трудно поверить, что в этом здании кто-то живет. Помню, какое оно произвело на меня впечатление, когда Джейн впервые привезла меня сюда. Я подумал, что для семьи Бедфордов было бы значительно лучше, если бы в то утро я развернулся и уехал назад, в Сент-Луис, не задерживаясь ни на минуту; тогда их миновали бы те трагедии, какие свали-

лись на них в течение последних нескольких недель, и те ужасы, которые их еще ожидали.

Я запарковал машину у входных дверей и помог Уолтеру выйти. Он подал мне ключи, а я открыл дверь. В доме было уже тепло: Бедфорды включили центральное отопление накануне вечером, поскольку, выходя из дома, рассчитывали вскоре вернуться. Первое, что я увидел, когда включил свет, были очки Констанс, лежащие на лакированном столике там, где она оставила их менее двадцати четырех часов назад. Я отвернулся и заметил свое собственное перекошенное лицо в круглом позолоченном зеркале. У меня за спиной стоял посеревший, не похожий на себя Уолтер.

— Дело номер один — это тройное шотландское, — обратился я к Уолтеру. — Садись в гостиной и сними ботинки. Расслабься.

Уолтер очень старательно повесил свой плащ в шкаф, затем вошел за мной в просторную гостиную с навощенным полом цвета меда, персидскими коврами и традиционной мебелью XIX века. Над большим камином висела картина маслом, изображающая округ Саффолк в давние времена, до появления домиков для уикэнда, строительного треста «XXI век» и массачусетских автострад. На полке над камином стояла коллекция фигурок из дрезденского фарфора, принадлежавшая, несомненно, Констанс.

— Чувствую себя ужасающе отупевшим, — заявил Уолтер, с трудом усаживаясь в кресло.

— Ты еще какое-то время будешь отупевшим, — предупредил я его. Затем налил две большие порции виски из тяжелого хрустального графина и вручил одну из них ему. — Это твой мозг защищает тебя от последствий потрясения.

Уолтер повертел головой.

— Знаешь, все еще не могу в это поверить. Постоянно думаю о прошедшей ночи, когда появилась Джейн, и мне кажется, что это был какой-то ужас, который я видел по телевизору. Что этого на самом деле не могло быть.

— Все дело в том, что считать реальностью, — ответил я, садясь напротив него и придвигая кресло немного ближе.

Уолтер посмотрел на меня.

— Разве она всегда там будет? Я говорю о Джейн. Разве она всегда будет духом? Разве ей никогда не суждено обрести вечный покой?

— Уолтер, — сказал я. — Это как раз один из тех вопросов, о которых я хотел бы с тобой поговорить. Но не сейчас. Подождем до завтра.

— Нет, — запротестовал Уолтер. — Поговорим сейчас. Хочу все это продумать. Хочу об этом думать и думать, пока не измучусь и уже не смогу об этом думать.

— Ты уверен, что это разумно?

— Не знаю, но хочу именно этого. Кроме того, к чему мне теперь рассудок? У меня никого нет. Ты понимаешь это? У меня дом с десятью спальнями, но со мной теперь никто не будет жить в этом доме.

— Допивай, — попросил я его. — Выпьем еще по одной. Мне нужно напиться, чтобы рассказывать об этом.

Уолтер проглотил виски, вздрогнул и подал мне пустой бокал. Я налил еще, после чего снова сел и начал рассказывать:

— Судя по тому, что мне известно, есть только один способ обеспечить покой душе Джейн. Но и этот способ не совсем надежен. Я вынужден был в это поверить, хотя чем больше я узнаю, тем более удивительным мне все это кажется. Наверно я лишь потому все еще верю в это, что в то же поверили еще четыре человека: трое моих знакомых из музея Пибоди и их приятельница.

Сегодня утром мы поехали в Тьюсбери и разговаривали с мистером Дугласом Эвелитом. Знаешь мистера Эвелита? Ну, наверно, по крайней мере слышал. Мистер Эвелит исследует метафизические явления, происходящие в Салеме и Грейнигхед. Он согласен с нами, что самой вероятной причиной их всех — например, появления духов Джейн и мистера Эдгара Саймонса — является... что-то, что лежит на дне моря, в корпусе старого корабля,

затонувшего неподалеку от побережья Грейнитхед. В остове корабля под названием «Дэвид Дарк».

— Не понимаю, — заявил Уолтер.

— Я тоже не понимаю всего этого до конца. Но вроде бы в трюме этого корабля находится какой-то гигантский скелет, который был привезен в Салем из Мексики в тысяча шестьсот восемьдесят каком-то году. Этот скелет — какой-то демон, которого зовут... сейчас, у меня записано... Микцанцикатли, владыка Митклампы, Страны Мертвых. Якобы именно мощь Микцанцикатли — причина всех тех беспорядков, которые привели к процессам ведьм в Салеме. И хотя демон лежит сейчас на дне моря, под толстым слоем ила, он все еще влияет на умерших из Грейнитхед и не позволяет им уйти на вечный покой.

Уолтер вытаращился на меня так, будто совсем спятил. Однако я знал, что смогу убедить его и себя в действительной угрозе со стороны Микцанцикатли только если и дальше буду говорить спокойно, логично объясняя, что нам следует сделать.

— Нужно найти «Дэвида Дарка», — продолжал я. — Потом, когда мы его найдем, мы должны поднять его на поверхность, извлечь медный ящик, содержащий скелет, и отвезти его в Тьюсбери, где им займется старый Эвелит.

— Что же такое он может, чего не могут другие? — заинтересовался Уолтер.

— Он не пожелал нам этого сказать. Но настойчиво отговаривал нас пытаться самим добраться до демона.

— Демон, — повторил Уолтер скептически, а потом посмотрел на меня сузившимися глазами. — Ты на самом деле веришь, что это демон?

— «Демон» звучит действительно немного несовременно, — признался я. — В наши времена мы назвали бы его «парапсихическим артефактом». Но чем бы это ни было и как бы мы его ни назвали, остается фактом, что «Дэвид Дарк», вероятнее всего, является источником какой-то исключительно сильной сверхъестественной активности и что мы должны поднять этот корабль, чтобы выяснить, что это такое и как его можно обуздать или прекратить.

Уолтер ничего не ответил, только допил второй бокал виски и откинулся на спинку кресла, вымотанный, ошеломленный и полупьяный. Наверно, не следовало давать ему спиртное, когда он находился под действием наркотиков, но, по-моему, Уолтеру сейчас было просто необходимо забвение. Я сказал самым убедительным тоном, на какой только был способен:

— Даже если корабль вообще не является тем, чем мы его считаем, достать его из моря будет очень выгодным предприятием. Я имею в виду разного рода археологические трофеи, а также сувениры, показ по телевидению и так далее. К тому же можно после реставрации выставить корабль на обозрение и получать постоянный доход с входных билетов.

— Хочешь, чтобы я это финансировал, — догадался Уолтер.

— «Дэвида Дарка» нельзя поднять без денег.

— Сколько?

— Эдвард Уордвелл... один из сотрудников музея Пибоди... оценивает сумму в пять-шесть миллионов...

— Пять-шесть миллионов? Откуда, к дьяволу, я должен взять их?

— Не преувеличивай, Уолтер, большая часть твоих клиентов — люди деловые. Если ты уговоришь двадцать—тридцать человек вложиться на паях в «Дэвида Дарка», каждый выложит всего по сто пятьдесят тысяч. К тому же они примут участие в престижном предприятии спасения исторического памятника, ну и вся эта сумма будет свободна от налога.

— Я не могу никого уговаривать выбрасывать деньги на спасение трехсотлетнего корабля, которого там может вообще не быть.

— Уолтер, ты должен это сделать. Если откажешь, душа Джейн и души сотен других людей будут приговорены к вечным скитаниям и никогда не узнают покоя. Последние случаи безошибочно указывают на то, что мощь Микцанцикатли растет. Дуглас Эвелит считает, что медный ящик, в котором демон находится уже века, начал корродиро-

вать. Говоря прямо, мы должны добраться до Микцанцикатли до того, как Микцанцикатли доберется до нас.

— Извини, Джон, — сказал Уолтер. — Ничего подобного не будет. Если бы кто-то из моих клиентов узнал, почему я предлагаю ему вложить сто пятьдесят тысяч в спасательную операцию, если кто-то начнет подозревать, что я делаю это из-за духов... ну, это был бы конец моей репутации, в этом нет сомнения. Извини.

— Уолтер, прошу ради блага твоей же дочери. Разве ты не понимаешь, через что она должна пройти? Разве ты не понимаешь, что она при этом чувствует?

— Не могу, — ответил Уолтер. Потом он добавил: — Я подумаю об этом до завтра, хорошо? Сейчас я еле могу собраться с мыслями.

— Лады, — сказал я более мягким тоном. — Я провожу тебя до постели, хорошо?

— Я посижу здесь еще немного. Но ты, если хочешь лечь, не жди меня. Наверняка, и ты тоже измучен.

— Измучен? — повторил я. Я сам не знал, измучен ли я. — Пожалуй, скорее перепуган.

— Ну что ж, — буркнул Уолтер. Он протянул руку и пожал мою. Впервые я почувствовал, что мы близки друг другу, как тесть и зять, хотя оба потеряли все, что должно было нас связывать. — Я должен тебе кое в чем признаться, — сказал Уолтер. — Я тоже перепуган.

Глава 23

Понедельник я провел в лавке, хотя дела шли неблестяще. Я продал корабль в бутылке и комплект гравюр, представляющих розу ветров, выполненный в 1830 году Теодором Лоуренсом, но чтобы считать день нормальным, мне надо было бы продать еще хотя бы несколько носовых фигур и пару корабельных орудий. Во время перерыва на ленч я направился в «Бисквит» и поболтал с Лаурой.

— Ты сегодня не особенно хорошо выглядишь, — сказала она. — Что-то случилось?

— Моя теща умерла во время уикэнда.

— Но ты ведь ее страшно не любил.

— Я всегда восхищаюсь твоим тактом, — хрипло парировал я, может, немного слишком язвительно.

— В этом заведении не подают такта, — ответила Лаура. — Только кофе, пирожные и сухие факты. Она что, болела?

— Кто?

— Твоя теща.

— О, гм... с ней случилось несчастье.

Лаура посмотрела на меня, слегка склонив голову к плечу.

— Ты нервничаешь, верно? — спросила она. — Вижу, что ты нервничаешь. Извини. Ты всегда говорил о своей теще так... что я не поняла. Слушай, я на самом деле извиняюсь.

Я смог выдавить улыбку.

— Тебе не надо извиняться. Я измучен, это все. В последнее время у меня одни неприятности, и к тому же я постоянно не высыпаюсь...

— Знаю, что я сделаю, — заявила Лаура. — Зайди ко мне сегодня вечером. Приготовлю тебе особое итальянское блюдо. Ты любишь итальянскую кухню?

— Лаура, это ни к чему. Со мной же ничего не случилось.

— Так ты хочешь заглянуть ко мне или нет? И надеюсь, что ты принесешь какое-нибудь вино.

Я поднял обе руки вверх.

— Лады. Сдаюсь. Приду с удовольствием. Во сколько?

— Ровно в восемь. Может, я не буду очень голодна в восемь-ноль-ноль, но в восемь-ноль-пять я точно буду умирать с голоду.

— Даже работая здесь?

— Брат, когда съешь одно пирожное, это все равно что съел все.

Послеобеденное время в лавке тянулось невероятно долго. Солнечный свет продвигался по стене, освещая корабельные хронометры, бронзовые якоря и картины парусников. Я пытался дозвониться до Эдварда в музей, но мне сказали, что он ушел на лекцию. Потом я позвонил Джилли, но она была занята в салоне и сказала, что подаст признак жизни позже. Я даже позвонил матери в Сент-Луис, но никто не поднял трубку. Я уселся за столик и стал читать журнал о строительстве, который мне этим утром подсунули под двери лавки. У меня было такое впечатление, что я совершенно один на какой-то далекой и чужой планете.

В пять часов, заперев лавку, я направился в бар «Харбор Лайт», сел там один в угловой кабине и выпил две порции шотландского. Сам не знаю, зачем я пил, наверно, по привычке. У меня был такой клубок мыслей в голове, что я никак не мог напиться, только тупел и злился. Я как раз думал, а не глотнуть ли еще на посошок, прежде чем я сяду в машину, когда рядом с моей кабиной прошла какая-то девушка в коричневом широком платье. Прежде чем она исчезла, она обернулась и посмотрела на меня. Невольно я нервно вздрогнул, как человек, неожиданно разбуженный от сладкого сна. Я мог бы поклясться,

что это была та самая девушка, которую я видел на шоссе в Грейнитхед в ту ночь, когда миссис Саймонс отвозила меня домой. Та же самая, которая наблюдала за мной в баре Реда в Салеме. Я вылетел из кабины, ударившись бедром о прикрепленный к полу столик, но прежде чем я добрался до двери, девушка уже исчезла.

— Вы видели девушку, которая только что прошла? — спросил я Реда Санборна, стоявшего за стойкой. — Одета в коричневый широкий плащ, очень бледное лицо, но приятное.

Ред, вытряхивая шейкер, соорудил соболезнующую мину. Но Грейс, одна из кельнерш, сказала:

— Высокая девушка, да? Вернее, довольно высокая. Темные волосы и глаза и бледное лицо?

— Вы тоже ее видели?

— Конечно, видела. Она вышла из одной из комнат, и я не могла понять, как она туда попала. Я не видела, как она входила, и она ничего не заказывала.

— Наверно, хиппи, — заметил Ред. Для Реда любая девушка, которая не носила уродливые блузки и подметающие пол юбки, ходившая в туфлях на высоком каблуке и не читавшая «Редбук», была хиппи. — Видимо, дело идет к лету. Первая хиппи в этом году.

При обычных обстоятельствах я намылил бы шею Реду за неверное и чрезмерно частое употребление слова «хиппи», но этим вечером я был слишком взволнован и обеспокоен. Если влияние демона, погруженного в воды пролива Грейнитхед, растет с каждой минутой, то как знать, кто из окружающих меня людей служит ему? Может, эта девушка была призраком, более материальным, чем другие? Может, и другие люди, которых я не подозревал, тоже были призраками: может, Ред был призраком, и Лаура, и Джордж Маркхем. Откуда же мне знать, кто упырь, а кто обычный человек? Предположим, Микданцикатли уже захватил их всех? Я чувствовал себя как врач из кинофильма «Вторжение похитителей тел», который не знал, кто из его родственников и друзей пришелец космоса.

Я вышел из бара «Харбор Лайт» и направился к своей машине, запаркованной посреди площади. Под дворником на переднем стекле торчал кусок бумаги, на котором было намалевано губной помадой: «Ровно в 8:00. Не забудь. Л.» Я сел в машину и поехал от центра, направившись в сторону Холма Квакеров. Я хотел проверить, все ли в порядке дома, и купить какое-нибудь вино в магазине в Грейнитхед.

Дом ждал меня у выезда из Аллеи Квакеров. Он казался мне старым и покинутым, более заброшенным, чем когда-либо. До сих пор я еще не исправил ставень на втором этаже, и когда я вылез из машины, он приветствовал меня протяжным скрипом. Я подошел к главным дверям и вынул ключ. Я почти ожидал услышать знакомый шепот: «Джон?», но вокруг царила тишина, было слышно лишь меланхолическое бурчание океана и шелест листьев живой изгороди.

Внутри дома было очень холодно и чувствовалась сырость. Напольные часы в холле встали — я забыл их завести. Я вошел в гостиную и довольно долго стоял, желая услышать шепот, шум, звуки шагов, но здесь царила тишина. Может, Джейн перестала посещать этот дом с тех пор как убедилась, что ей нельзя забрать меня в Страну Мертвых. Может, вчера я видел ее в последний раз. Я вошел в кухню и проверил холодильник, чтобы узнать, не испортились ли продукты, но не нашел ни зеленой плесени на сосисках, ни содержимого взорвавшихся консервных банок на стенках. Я вынул минеральную воду «Перье» и сделал четыре или пять больших глотков прямо из бутылки. Потом скривился, ощутив холод во рту и движение пузырьков газа, почти вечность ползущих по моему пищеводу.

Я возвратился в гостиную, чтобы разжечь огонь, когда мне почудилось, что наверху что-то скрипнуло. Я застыл в холле и прислушался. Звук не повторился, но я был уверен, что в одной из спален кто-то есть. Я взял со стола зонтик и начал подниматься по темным ступеням. На середине пути я задержался, крепко сжимая остроконечный зонтик. Невольно я дышал все громче и чаще.

Я сказал себе: не паникуй. Знаешь же, что Джейн уже не имеет над тобой никакой власти. Ты встретил орду духов на Кладбище Над Водой, но ты все еще жив и в своем уме. Там, наверху, тебя вряд ли ждет что-то худшее. Тебе, наверняка, не грозит большая опасность.

Однако тишина пугала меня больше, чем скрип качелей, больше, чем шепот и неожиданный холод. В этом доме никогда не бывало совершенно тихо. Старые дома обычно скрипят и трещат, как будто двигаются во сне. В них никогда не бывает такой тишины, такой абсолютной тишины, какая теперь воцарилась в моем доме.

Я добрался до верхней ступеньки лестницы и прошел по темному коридору к последней спальне. Ни звука, ни шепота, ни шороха шагов. Я осторожно, через щель, сунул руку в комнату, зажег свет и потом пинком открыл дверь. Спальня была пуста. Я увидел только раскрашенный сосновый стол и узкую кровать, прикрытую обычным домотканым покрывалом. На стене напротив висела вышивка с надписью: «ЛЮБИ ГОСПОДА СВОЕГО». Я огляделся, инстинктивно поднял зонтик, как копье, а затем потушил свет и закрыл за собой дверь.

Она ждала меня на лестничной площадке, в резком свете корабельного фонаря, который я притащил из лавки. Джейн, совершенно как живая. На этот раз она не мигала как древняя киноплёнка, она была совершенно материальна. Ее причесанные волосы блестели в свете фонаря, а лицо, хотя и бледное, выглядело так же естественно, как и в утро перед ее гибелью. На ней была простая белая перкалевая ночная рубашка до пола, обтягивающая пышные бедра. Руки Джейн скромно держала сплетенными перед собой. Только глаза выдавали что-то неестественное: они были черные и глубокие, как озера смолы, где человек легко мог утонуть вместе со всем багажом своих убеждений и принципов.

— Джон, — заговорила она где-то в моей голове, не шевеля губами. — Я вернулась к тебе, Джон.

Я стоял неподвижно и чувствовал, как мороз пробегает по моей спине от ее вида и от звука ее голоса. Она уже

достаточно меня перепугала, когда казалась голографической проекцией. Но теперь она стояла передо мной как живая, и мне казалось, что я медленно схожу с ума. Каким чудом возникла эта иллюзия?! Каким чудом ей удавалось выглядеть так естественно, а ее пышным бедрам — так возбуждать меня, если она была мертва? Тело Джейн было раздавлено и изуродовано, однако она стояла передо мной — самое печальное из моих воспоминаний, вернувшееся к жизни и вызывающее такую причудливую смесь желания ее и страха перед ней.

Однако самым худшим было то, что мощь Микцанцикатли, по-видимому, росла с каждым днем, раз он мог вернуть сюда Джейн в столь материальном виде. Какого рода энергия и сила были использованы, чтобы ее дух стал материальным, — об этом я мог только догадываться. Время от времени мне казалось, что Джейн слегка колышется, как будто я вижу ее сквозь слой воды, но все равно она была вполне земной желанной женщиной, которая легонько улыбалась, как будто представляла все те прошедшие дни головокружительных восторгов оргазма, которые уже никогда не вернутся.

Она вернулась ко мне. Но на этот раз она не хотела дать мне тепло, смех и радость. На этот раз она принесла мне смерть в ее самом ужасном виде.

— Джейн, — сказал я дрожащим голосом. — Джейн, я хочу, чтобы ты ушла. Тебе нельзя сюда возвращаться, никогда.

— Но это же мой дом. Я всегда в нем жила.

— Но ты мертва, Джейн. Я хочу, чтобы ты ушла. Не возвращайся сюда больше. Ты уже не та самая Джейн, которую я знал и так хотел.

— Но это же мой дом.

— Это дом для живых, а не для пародий на живых, восставших из гроба.

— Джон... — прошептала она с волнением в голосе. — Как ты можешь так говорить?

— Могу, ведь ты уже не Джейн, и я хочу, чтобы ты ушла. Уходи отсюда и оставь меня в покое. Я любил и

желал тебя, когда ты была жива, но теперь я уже не люблю тебя.

Постепенно тонкие черты лица Джейн начали изменяться. Я увидел лицо миссис Саймонс, искаженное ужасной болью, которое через секунду расплылось и исчезло. Я увидел лица других женщин и мужчин, просвечивающие через черты Джейн, как будто она не могла решить, какой ей принять вид. Я увидел недавно умершую Констанс и миссис Гулт, и множество иных лиц, и все они выражали муку умирания.

— Они все здесь, — проговорил глубокий булькающий голос. — Все их лица, все их тела. Они все здесь, и все принадлежат мне.

— Кто ты? — спросил я. Потом я подошел ближе и крикнул этому чудовищу. — Кто ты такой?

Чудовище рассмеялось целой гаммой смехов, а потом знакомый мягкий голос сказал:

— Это я, Джейн. Ты не узнаешь меня?

— Ты не Джейн.

— Джон, любимый, как ты можешь так говорить? Что ты выдумываешь?

— Не приближайся ко мне, — предупредил я. — Ты мертва, так что не приближайся.

— Мертва, Джон? А что ты знаешь о смерти?

— Знаю достаточно, чтобы выбросить тебя из этого дома.

— Но я же твоя жена, Джон. Мое место здесь. Мое место — быть с тобой. Посмотри, Джон, — она гордо показала на безобразно торчащий живот. — У меня будет от тебя ребенок.

В этот момент я был близок к истерике. Я чувствовал, как мой рассудок помутняется, отказываясь принимать информацию, которую ему доставляли мои уши и глаза. Твоя жена и сын мертвы, настаивал рассудок. Это невозможно. Все, что ты видишь и слышишь, обман. Это невозможно.

— Чего ты хочешь? — спросил я. — Скажи мне, чего ты хочешь, и после этого уходи, оставь меня в покое.

Джейн улыбнулась мне почти сладострастно, но в ее глазах все еще была ужасная пустота, а когда она заговорила, то ее голос звучал жестко и скрипуче — голос старухи, а не молодой женщины, которой нет еще и тридцати.

— Здесь, внизу, очень холодно... холодно и одиноко... как в тюрьме... королевство без подданных и без трона...

— Это значит под водой... в трюме «Дэвида Дарка»? — спросил я ее.

Она кивнула, и мне тут же показалось, что я заметил на мгновение слабенький проблеск голубого света в ее глазах.

— Я так и думала, что ты поймешь, — сказала она. — Я знала с самого начала, что найду в тебе союзника...

— Я собираюсь спасти «Дэвида Дарка», если дело в этом.

— Корабль? Корабль не важен. Нужно спасти то, что находится в трюме... ящик, в который меня заточили эти проклятые людишки...

— Я достану и твой ящик. Но предупреждаю, что собираюсь уничтожить его.

Джейн взорвалась шипящим смехом.

— Уничтожить меня? Ты не можешь меня уничтожить! Я — часть мироздания, как солнце и звезды, как и сама жизнь. Страна Мертвых бескрайне простирается под темными небесами, а я — ее предначертанный владыка. Ты не можешь меня уничтожить!

— Во всяком случае, попытаюсь.

— Значит, сам приговоришь себя к смерти во сто крат худшей, чем можешь себе представить. А из-за тебя проклятие падет на всех, кого ты любил, на всех твоих близких; они будут блуждать по Стране Мертвых целую вечность, без конца, и никогда не узнают покоя, и будут знать лишь вечное страдание, угрызения совести и отчаяние.

— Такого ты сделать не можешь, — запротестовал я.

— Ты мне не веришь? — загремел голос демона. — Смотри же и убедись сам, убедись своими глазами в моей мощи!

В ту же секунду маленький голый мальчик, не старше пяти лет, вышел из моей спальни и поднял на меня глаза. Медленно, несмело, он потянулся за рукой Джейн, после чего прижался к ней, не спуская с меня глаз, как будто знал меня, но перепугался. Джейн растрепала ладонью темные волосы мальчика и посмотрела на меня с лицом, застывшим в маске абсолютного презрения.

— Этот мальчик — твой сын, так он выглядел бы в таком возрасте, если бы был жив. Я забрал его жизнь, поскольку если кто-то умирает преждевременно, то отдает мне все оставшиеся годы своей жизни. Всю энергию, всю силу, всю молодость и всю кровь. Я питаюсь невостребованной жизнью, Джон, и верь мне, что если ты попытаешься мне повредить, то я поглочу и твою жизнь тоже.

Джейн провела рукой по голове мальчика, который исчез так же неожиданно, как и появился. Но я успел навсегда запомнить раздирающую сердце картину: ребенок, которого я зачал вместе с Джейн, а потом потерял. У меня были слезы на глазах, когда Джейн заговорила:

— Подними «Дэвида Дарка», открой медный ящик, но не поднимай на меня руки, ибо сила моя в ту минуту будет страшной и несокрушимой. Если поможешь мне, вознагражу так же, как наградил Дэвида Дарка: жизнью и здоровьем. Награжу тебя и иначе. Слушай внимательно. Если поможешь мне, верну тебе жену и сына. У меня есть такая власть, поскольку я владыка страны умерших, и никто не проходит через эту страну без моего позволения. Я могу их вернуть, и тогда они будут жить так, как жили раньше. Верну я также и Констанс Бедфорд. Ты подумал об этом? Помоги мне, Джон, и я верну тебе утерянное счастье.

Я уставился на Джейн, онемев. Идея возратить ее показалась мне безумной и невозможной. Однако с того времени, когда я впервые услышал скрип садовых качелей в темную бурную ночь, случилось уже столько безумного и невозможного, что я почти поверил. Боже, что за соблазн: снова держать ее великолепное тело в объятиях, снова видеть и слышать ее!

— Не верю, что ты можешь это сделать! — заявил я. — Никто не может воскресить мертвых. К тому же ее тело было раздавлено. Как ты можешь воскресить того, у кого уже нет тела? Не хочу, чтобы повторилась история «обезьяньей лапы». Не хочу быть как та мать, которая по ночам все слышит, как ее сын стучит в двери.

Джейн улыбнулась нежно и игриво, как будто мечтала о других людях, о других местах. Так, будто призывала к себе те воспоминания, которых я никогда не буду делить с ней.

— Разве мое тело сейчас изуродовано? — спросила она с нажимом, вильнув пышным бедром. — Я была создана по той же матрице, в соответствии с которой когда-то появилась. Ты говоришь с тем, кто властвует над процессами жизни и смерти. Мое раздавленное и изуродованное тело уже разложилось. Но я могу жить снова, такая же, как и раньше. И твой сын может жить.

— Не верю тебе, — повторил я, уже начиная верить. Боже, снова обладать ею, касаться ее волос, видеть ее глаза и слышать ее смех. Ручьи слез текли по моим щекам, но я даже не замечал этого.

Изображение Джейн снова начало растворяться и исчезать. Вскоре она стала почти невидимой — еле заметная тень на стене, бестелесный силуэт.

— Джон, — прошептала она, расплываясь в воздухе.

— Подожди! — закричал я. — Джейн, ради Бога, подожди!

— Джон, — повторила она и исчезла.

Я стоял на лестничной площадке так долго, что у меня заболела спина. Потом я вернулся вниз, вошел в гостиную и налил себе виски «Шивас Регал» из бутылки, в которой оставалось уже на донышке. Я решил, что ночь проведу здесь. Разожгу огонь в камине. Может, тепло выманит назад духов. Может, придет такое время, что Джейн и я снова будем сидеть перед камином, как раньше, и рассказывать друг другу, что мы будем делать, когда разбогатеем. Это было больше, чем я мог вынести.

Я сидел у камина до поздней ночи, пока не погас разожженный огонь и в комнате не стало холодно. Я позапирал двери, завел часы и очень сонный пошел наверх. Я чистил зубы, глядя на свое отражение в зеркале, и раздумывал, не свихнулся ли я на самом деле, не довели ли меня нереальные события последней недели до безумия.

А ведь Джейн на самом деле была здесь и говорила со мной голосом Микцанцикатли, владыки Митклампы, Страны Мертвых. Ведь она обещала мне вернуть утраченное счастье. Она обещала, что я верну ее себе, ее и еще не рожденного сына, а может, и Констанс Бедфорд. Наверно же, ведь я не мог себе этого вообразить. А если это был только сон, то почему я так упорно сопротивляюсь мысли, что должен помочь Микцанцикатли? Ведь множество людей погибнет, если демон будет выпущен из медного ящика на свободу. Но что мне до этого? Множество людей погибает ежедневно в дорожных происшествиях, и с этим я тоже ничего не могу сделать. Зато за освобождение же демона меня ожидает высокая награда, а ведь я только помогу предназначению.

Я уже почти засыпал, когда позвонил телефон. Я отяжелело поднял трубку и сказал:

— Джон Трентон слушает.

— Ах, так, значит, ты дома? — заговорил взбешенный девичий голос. — Ну, конечно же, раз тебя нет у меня. Благодарю за великолепный вечер, Джон. Я как раз выбросила в мусорное ведро твой ужин.

— Лаура?

— Конечно, Лаура. Только Лаура могла быть такой идиоткой, чтобы приготовить итальянский ужин и ждать тебя половину ночи!

— Лаура, прости, ради бога. Сегодня вечером кое-что случилось... и меня это совершенно вывело из равновесия.

— Как ее зовут?

— Лаура, перестань. Прости. Все так ужасно перепуталось, что я начисто забыл, что должен прийти к тебе ужинать.

— Наверно, ты хочешь мне это компенсировать?

— Знаешь, пожалуй, да.

— Ну так не старайся. А в следующий раз, когда придешь в кафе, сядь за столик, который обслуживает Кэти.

Она бросила трубку, и мне был слышен лишь звук зуммера. Я вздохнул и тоже положил трубку.

Тут же я услышал тоненькое пискливое пение.

*Мы выплыли в море из Грейнитхед
Далеко к чужим берегам...*

Безумный голос наполнил меня еще большим страхом, потому что я понял истинный смысл этих слов.

*Но нашим уловом был лишь скелет,
Что сердце сжимает в зубах.*

Это была не старая матросская песня и наверняка не песня о ловле рыб. Это была песня о Микцанцикатли и о том, как Дэвид Дарк и экипаж «Арабеллы» поплыли в Мексику, чтобы привезти демона в Салем. Это была песня смерти и уничтожения.

Глава 24

На следующий день, во вторник, меня посетил утром в лавке знакомый представитель местной полиции, который хотел задать мне несколько вопросов по делу Констанс Бедфорд. Коронер установил, что причиной смерти было обширное повреждение обеих долей мозга вследствие резкого и неожиданного охлаждения. Детектив в плохо скроенном костюме расспрашивал меня, не держу ли я дома баллоны с жидким азотом или кислородом. Это был глупый вопрос, но наверняка он должен был задать его по формальным причинам.

— Вы не держите дома льда? Льда в больших количествах?

— Нет, — уверил я его. — Ни льда, ни жидкого кислорода или азота.

— Но ваша теща умерла от холода.

— От холода или от чего-то подобного, — поправил я его.

— А из-за чего? — заинтересовался он. — Врач сказал, что на нее воздействовали такой низкой температурой, что ее глазные яблоки в буквальном смысле слова полопались. Ну так вот, как до этого дошло?

— Не имею понятия.

— Но ведь вы там были.

— Видимо, это было проявление какой-то климатической аномалии. Я только увидел, как она упала на тропинку.

— Потом вы побежали вдоль берега. Почему?

— Хотел позвать на помощь.

— Ближайшие соседи живут ста метрами дальше, но в противоположном направлении. К тому же у вас есть телефон.

— Я просто запаниковал, — заявил я. — Разве это преступление?

— Послушайте, — сказал детектив, уставив на меня глаза, зеленые, как зрелые ягоды винограда. — Вы уже второй раз в течение недели упоминаетесь в связи со смертью при невыясненных обстоятельствах. Так что окажите мне услугу и в будущем постарайтесь избегать таких ситуаций. Вы — подозреваемый в обоих случаях. Еще раз с чем-то попадетесь, и вас будут вынуждены посадить, и надолго. Вы понимаете меня?

— Я понимаю вас.

Допрос вывел меня из равновесия, поэтому через полчаса я запер лавку и поехал в Салем. Я запарковался на улице Либерти и отправился в пассаж навестить Джилли. Когда я вошел, она как раз продавало красное платье, предназначенное, судя по длине, явно для подметания улиц, какой-то увесистой блондинке тяжелого калибра, но улыбнулась при виде меня и явно была обрадована.

— Я думала о тебе, — заявила она, когда клиентка выплыла из салона.

— Я тоже о тебе думал, — признался я.

— Эдвард говорил, что поездка в Тьюсбери была крайне полезной и что старый Эвелит сказал вам, где вы можете найти то, что ищете.

— Точно. Я как раз собираюсь к Эдварду.

— В этом нет нужды. Я встречаюсь с Эдвардом на ленче в двенадцать. Может, пойдешь с нами?

— Мисс Маккормик, с огромным удовольствием.

Мы встретились с Эдвардом перед музеем Пибоди и пошли в ресторан «Чарли Чан» на пристани Пикеринга.

— Мне неожиданно захотелось китайской кухни, — заявил Эдвард. — Все утро я каталогизировал восточные гравюры, и, когда я думал о Макао и Уам, у меня все время перед глазами были соевая лапша и жареные креветки.

Нас посадили за столик в углу, кельнер принес нам горячие полотенца, а потом тарелку «дим сум», китайской закуски.

— У Форреста и Джима завтра свободный день, — заявил Эдвард. — Поэтому я решил, что смоюсь по-английски и присоединюсь к ним. Вначале попробуем поискать эхозондом там, где, если верить старому Эвелиту, находится корабль. Хочешь поехать с нами?

— Пожалуй, как-нибудь в другой раз, — ответил я. На самом деле мне очень хотелось помочь в поисках «Дэвида Дарка», однако я знал, что завтра я ничем не смогу быть полезен. «Алексис» будет целыми часами плавать концентрическими окружностями, что необходимо при исследовании дна эхозондом, и эта прогулка наверняка не доставит никому никакого удовольствия.

Эдвард взял палочками завернутый в бумагу кусочек курицы и ловко развернул его.

— Меня беспокоит только одно, — заявил он. — Почему старый Эвелит так настаивал, чтобы лишь он один имел доступ к этому огромному скелету, когда мы вытянем его из моря?

— Если этот демон на самом деле настолько могуч и грозен, как говорил Эвелит, то мы сами с ним не справимся, — заметил я. — Старик по крайней мере убежден, что сможет как-то сдержать его.

— А откуда известно, что в том ящике демон? Мало ли что сказал нам старикан. В этом медном ящике может быть что-то крайне ценное, а мы даже не можем в него заглянуть, только послушно и без споров доставить его ему под самые двери.

— Что ты предлагаешь? — спросил я. Неожиданно я подумал: возможно, лучше будет не допускать старого Эвелита к Микцанцикатли по той простой причине, что если мы решимся освободить демона, то сделать это будет значительно легче, если ящик будет находиться под нашей опекой. К тому же Эвелит, Энид или слуга, Квамус, наверняка найдут способ опутать демона с помощью заклятий, оккультных ритуалов или предметов специаль-

ного назначения, так же, как вампиров укрощают с помощью чеснока. А когда они уже свяжут Миксанцикат-ли чарами, я наверняка не смогу его освободить. Довольно трудно попасть в дом к Эвелиту, когда на страже стоят Квамус и этот доberman. Но разрушить их чары будет еще более трудной задачей.

— Почему бы вам не попробовать утку со специями? — заговорил Эдвард. — Здесь она исключительно вкусная. Знаешь, как ее здесь готовят?

— Да, я знаю, как ее здесь готовят, — ответил я. — Но лучше я возьму цыпленка в соусе из черной фасоли.

— Поделимся, — предложила Джилли.

Эдвард откашлялся.

— Ни к чему сразу отвозить этот медный ящик в Тьюсбери. Всегда можно нанять рефрижератор, чтобы он стоял и ждал на пристани, пока мы будем доставать «Дэвида Дарка», и отвезти ящик в «Холодильные камеры Мэсона». Потом мы сами вскроем его и посмотрим, что там внутри.

— Так вы на самом деле верите во все, что старый хрен Эвелит наговорил об этом ацтекском скелете? — спросила Джилли. — По мне, так вся эта история явно шита белыми нитками.

— По-твоему, то, что случилось в «Корчме любимых девушек», тоже шито белыми нитками? — спросил я.

— Ну, нет, но... сама не знаю. Демон? Кто в наше время верит в демонов?

— Я просто пользуюсь общеизвестным словом, — объяснил Эдвард. — Понятия не имею, как это назвать иначе. Оккультный реликт? Не знаю. А вот «демон» — простое удобное слово.

— Ну ладно, пусть будет демон, — уступила Джилли. — Но я сомневаюсь, что вам кто-то поверит и захочет помочь, едва только услышит о демоне.

— Посмотрим, — буркнул Эдвард, а потом обратился ко мне: — Ты договорился о чем-нибудь со своим тестем по вопросу финансов?

— Еще нет. Я оставил ему время как следует подумать.

— Нажимай на него дальше, хорошо? Нам хватит денег лишь на работу с эхозондом и ни на что больше. Я уже опустошил свой счет в банке, но это не значит, что там было много. Две тысячи сто долларов.

— Ты видел еще каких-то духов? — спросила меня Джилли. — Каких-то иных призраков? Эдвард рассказал мне, что случилось в субботу вечером. Это, наверно, было ужасно.

— Ты все еще в это не веришь, ведь так? — спросил я.

— Я хотела бы поверить... — ответила она.

— ...но не можешь, — закончил я за нее.

— Извини, — сказала она. — Наверно, я слишком практична, чересчур приземлена. Когда я смотрю на этих девиц в фильмах ужасов, которые визжат от страха при виде чудовища или вампира, то знаю, что сама никогда бы себя так не повела. Мне захотелось бы знать, что это за чудовище и чего оно от меня хочет, и не переоделся ли кто-нибудь случайно таким чудовищем. Согласна, то, что было в мотеле, было страшно. Может даже, это явление и было сверхъестественным. Но думаю, что будь это сверхъестественное явление, оно происходило бы исключительно в твоем сознании: ты сам его и вызвал. Последние два дня я как раз думала, а верю ли я в духов, и каждые пять минут меняла мнение, но, пожалуй, пришла все же к выводу, что не верю. Люди видят духов, это правда. Ты тоже видишь духов, и я тебе верю. Но это еще не значит, что духи действительно существуют.

— Ну, ну, что за образчик рассудительности, — ответил я. — Вот тебе говядина с имбирем, угощайся.

— Думаешь, я крайне упрощаю вопрос?

— Разве я сказал, что ты очень упрощаешь вопрос?

— Ну, не этими словами.

— Тогда не надо объяснять мне, что я должен думать.

После ленча я купил большой букет цветов и поехал назад в Грейнитхед. Я собирался вручить цветы Лауре и еще раз извиниться перед ней за то, что забыл о нашей встрече. Я уже заглядывал в «Бисквит», но ее еще не

было. Зато весь персонал вытаращил на меня глаза, и я догадался, что Лаура уже все всем раззвонила. Следуя по Восточнобережному шоссе, я решил, что заеду в лавку в Грейнитхед, куплю новую бутылку виски и, может, какое-нибудь вино для Лауры в дополнение к цветам. Был светлый весенний день. Ленч с Джилли и Эдвардом поправил мое настроение. Насвистывая, я запарковал машину и зашагал через стоянку к дверям лавки.

Чарли не было, но за прилавком стоял его первый помощник Сай, пухлый подросток с огромным количеством прыщей на лице и, наверно, последний на всем Восточном Побережье реликт стрижки ежиком. Я подошел к полке со спиртным и взял бутылку «Шивас Регал» и бутылку красного «Мутон Кадет».

— Чарли нет? — спросил я Сая, доставая бумажник.

— Вышел, — ответил Сай. — Вернее, вылетел во двор, неизвестно зачем.

— Чарли выбежал? Пожалуй, все время, что я живу здесь, я еще никогда не видел Чарли бегущим.

— На этот раз он на самом деле спешил. Он вылетел через те двери так, будто уронил окуроч в штаны, и вопил что-то о Нийле.

Я почувствовал знакомую неприятную дрожь.

— О Нийле? Неужели о своем умершем сыне?

— Ну, может, и нет, — ответил Сай. — Это ведь, наверно, невозможно. Он сказал, что увидел его. «Я вижу его!» — завопил он и выбежал через двери так, будто ему в задницу сунули стручок перца.

— В какую сторону он побежал? — спросил я его.

— В какую сторону? — повторил в удивлении Сай. — Я не знаю, в какую сторону. Ну, наверно, в ту сторону, к автостоянке и холму. Я был занят клиентами, понимаете, и совершенно не обратил на это внимания.

Я поставил свои бутылки на прилавок рядом с ним.

— Придержи их для меня, хорошо? — бросил я, а потом рывком дернул двери лавки и выбежал на стоянку. Прикрыв глаза от солнца, я посмотрел на холм, но не заметил

и следа Чарли. Однако Чарли был толстым и в плохой форме, поэтому он наверняка не ушел далеко. Я пробежал через стоянку и поспешно начал взбегать на холм.

Это было долгое и тяжелое восхождение. Цепь холмов, которая на юге заканчивалась Холмом Квакеров, в этом месте была наиболее крута и недоступна. Приходилось хвататься за жесткую траву, чтобы удержать равновесие, но даже несмотря на это я несколько раз соскальзывал по ненадежной почве и поцарапал щиколотки.

Через четыре или пять минут, вспотев и задыхаясь, я добрался до вершины холма и огляделся. На северо-востоке я видел деревушку Грейнитхед, внизу — блестящую полосу северной Атлантики. На западе был Салемский залив и сам Салем, растянутый вдоль берега. На юге вздымался Холм Квакеров, где стоял мой дом, а на юго-западе лежало Кладбище Над Водой.

Здесь, наверху, ветер дул сильнее и было холодно, хотя и светило солнце. У меня слезились глаза, когда я лихорадочно осматривался в поисках Чарли. Я приложил руки рупором ко рту и прокричал:

— Чарли! Чарли Манци! Где вы, Чарли?

Я спускался по более пологому склону, ведущему к морю. Трава шелестела на ветру и хлестала меня по ногам. Мне было холодно, и я чувствовал себя очень одиноким. Даже дым, поднимающийся столбом из труб «Шетланд Индастриал Парк» близ пристани Дерби, не давал мне никакого доказательства, что вокруг меня существуют другие представители рода человеческого. Я был один в неожиданно опустевшем мире.

Но через минуту немного ниже по склону я заметил Чарли. Он бежал трусцой через траву, направляясь наискось в сторону побережья, а его белый фартук трепетал на ветру, как сигнальный флажок.

— Чарли! — закричал я. — Чарли, подождите! Чарли!

Но то ли он меня не услышал, то ли пропустил это мимо ушей.

Хотя я уже задыхался, я быстро сбежал по склону и у подножия догнал его. Он даже не обернулся, чтобы взгля-

нута на меня. Я был вынужден бежать все время, чтобы не отставать. Лицо у него было бледным от усилий, на лбу блестели капли пота, грудь под полосатой рубашкой поднималась и опускалась.

— Чарли! — крикнул я. — Зачем вы так бежите?

— Не вмешивайтесь, мистер Трентон! — просопел он. — Оставьте меня в покое!

— Чарли, ради Бога! Вы получите инфаркт!

— Не ваше... дело! Не вмешивайтесь!

Я споткнулся о камень и чуть не упал, но через минуту снова догнал Чарли и прокричал:

— Он не настоящий, Чарли! Это иллюзия!

— Не говорите так, — просопел Чарли. — Он настоящий. Я видел его. Я молился о нем Богу, и Бог мне отдал его. А если я верну Нийла, то и Майра вернется ко мне. Поэтому не вмешивайтесь, пожалуйста! Не разрушайте чуда!

— Чарли, это чудо, но сотворил его не Бог, — выдавил я.

— Что вы несете? — Чарли чуть сбавил темп и теперь шел быстрым неровным шагом. — Кто же делает чудеса, если не Бог?

Я указал на северо-запад, где к югу от острова Винтер распростерлась мерцающая поверхность воды.

— Чарли, на дне океана, точно там, где я показываю, лежит уже почти триста лет корпус корабля. В этом корабле заключен демон, дьявол, поймите же это! Злой дух, такой же, как в «Ужасах Сентервиля», только еще хуже.

— Вы хотите мне внушить, что это он воскресил моего Нийла?

— Не только Нийла, Чарли, но также и мою жену, и жен, мужей, братьев и сестер многих других жителей Грейнитхед. Чарли, Грейнитхед проклят этим демоном. Умершие из Грейнитхед не могут обрести покой, и ваш Нийл тоже.

Чарли остановился и очень долго смотрел на меня, выравнивая дыхание.

— Почему вы мне это говорите? — наконец спросил он. — Разве это правда?

— Насколько мне известно, это правда. Этим занимаются еще несколько человек, в том числе и трое ребят из музея Пибоди. Мы хотим общими силами вытащить этот корабль на поверхность и раз и навсегда избавиться от демона.

Чарли отер губы тыльной стороной ладони и, щуря глаза, посмотрел на Кладбище Над Водой.

— Не знаю, что и сказать, мистер Трентон. Я видел его. Он был настоящим. Настоящим и живым, таким же, как я сам.

— Чарли, знаю. Я тоже видел Джейн. Но прошу вас поверить мне, что это совсем не тот самый Нийл, которого вы когда-то знали. Он изменился и теперь стал опасен.

— Опасен? Этот мальчишка получал от меня солидную дозу ремня каждый раз, когда что-нибудь вытворял.

— Таким Нийл был раньше, при жизни. Этот же Нийл совершенно другой, Чарли, он находится во власти этого демона и хочет вас убить.

Чарли фыркнул и откашлялся. Он посмотрел на меня, а потом снова уставился на Кладбище Над Водой.

— Сам не знаю, — наконец сказал он. — Не знаю, во что верить. Верить ли вам или верить собственным глазам.

Именно тогда мы услышали зов. Юношеский голос, несомый ветром. Мы оба напрягли слух, стараясь найти источник этого звука. Наконец Чарли сказал:

— Там... там, смотрите туда!

Я последил, куда указывал его похожий на сардельку палец, и увидел Нийла, молодого Нийла Манци, он стоял на небольшом травянистом холме и махал нам рукой так свободно и радостно, будто был еще жив.

— Папа... — кричал он. — Иди, папа...

Чарли тут же побежал в его сторону.

— Чарли, ради Бога! — закричал я. Я побежал за ним и пытался схватить его за руку. — Чарли, но это же не Нийл!

— Не морочьте мне голову, сами посмотрите на мальчика, — просопел Чарли. — Только посмотрите на него, тот же самый, что и раньше. Это чудо, и только. Обыкновенное чудо, как в Библии!

— Чарли! Он вас убьет!

— Ну и хорошо, может, я этого заслуживаю, раз купил ему этот чертов мотоцикл. Не мешайте, мистер Трентон, предупреждаю вас. Оставьте меня в покое!

— Чарли...

— Мистер Трентон, я уже не могу стать более несчастным, живой или мертвый.

От этих его последних слов я остановился. Я смотрел, как Чарли Манци тяжело мчится по склону к худощавому юноше в джинсах, который стоял чуть дальше и махал ему. Я знал, что не смогу ничего сделать. Конечно, я мог подставить Чарли ножку или нокаутировать его, но все это не имело смысла. Ведь не смогу же я следить за ним и днем и ночью на тот случай, если Нийл еще раз явится ему. Кроме того, Чарли никогда бы мне не простил, если бы я попробовал задержать его силой.

Я стоял неподвижно, опустив руки, а Чарли отдалялся все дальше. Вскоре я видел только небольшую пухлую фигурку в белом фартуке, опережающую меня на добрую четверть мили.

Я решил, что вернусь в лавку, возьму машину и приеду на кладбище, чтобы узнать, не смогу ли я чем-то помочь. Однако потом я заметил, что Нийл сбегает с холмика и исчезает, чтобы появиться вновь уже у ворот кладбища, до которых отсюда было почти столько же, как до моего дома. Чарли все еще бежал за ним. Я знал, что хотя это и кажется безнадежным, я должен догнать его и постараться любой ценой задержать его.

Я сбежал со склона так быстро, будто вернулся во времена средней школы, когда ежедневно бегал, плавал и воображал себя новым Джонни Вайсмюллером. Но прежде чем я приблизился к Чарли на расстояние окрика, я так устал, что мог только натужно хрипеть, но все еще бежал, медленно, пошатываясь, пока между нами не осталось ярдов двадцать.

— Папа, — долетал до нас крик, несомый северо-западным ветром. — Папа, идем!

Этот голос звучал так естественно юношески, что меня пробрал озноб. Я увидел, как Чарли подбегает к воротам кладбища, открывает их, заходит и исчезает между шеренг надгробий.

Я предпринял последнее усилие. Когда я наконец добрался до ворот кладбища, я едва успел увидеть, как Чарли спешит по среднему проходу между надгробиями. Он теперь замедлил шаг и шел, прижимая руки к груди, поскольку запыхался, но ни на секунду не останавливался передохнуть. Нийл ждал его в конце аллеи, улыбался, протягивал руки и приветствовал отца так радостно, что я понял: я никак не смогу вынудить Чарли вернуться.

— Чарли! — с огромным усилием прокричал я. — Чарли, подождите еще хоть минутку!

Я дернул железные ворота, но по непонятным причинам они воспротивились мне. Ворота не были заперты на засов, не были заперты на ключ, ведь Чарли легко открыл их. Но хоть я и тряс их и толкал изо всех сил, они даже не дрогнули.

— Чарли! — прохрипел я. — Чарли, минутку, послушайте же! Не приближайтесь к нему, Чарли. Не приближайтесь! Чарли, это не Нийл! Не приближайтесь!

Я уперся плечом в ворота, но они не уступили. Я не мог ничего сделать. Я стоял за воротами и кричал, а Чарли тем временем медленным, тяжелым шагом шел между надгробиями в сторону своего чудом возвращенного сына.

Затем я услышал громкий, глубокий скрип, будто кто-то передвигал по цементному полу тонну камня. Я сам не знал, слышал ли я этот звук ушами или чувствовал подошвами ног. Потом раздался следующий звук, еще более громкий и более скрипучий.

Может, это было землетрясение? Может, что-то двигалось под нашими ногами? Я слышал, что в Грейнитхед есть подземные гроты там, где море вымыло под землей пустоты. Прижимая лицо к прутьям ворот кладбища, я старался увидеть, что творится там.

К моему удивлению и ужасу, я увидел, как одно из надгробий, огромное, белое — мраморный катафалк, украшенный мраморным гробом, — соскользнуло на тропу перед Чарли и теперь преграждало ему путь. Растерявшийся Чарли огляделся, и я услышал, как он кричит:

— Нийл! Нийл! Что творится? Нийл, ответь же мне!

Но прежде чем он успел развернуться к воротам, следующее большое надгробие втиснулось в аллею за его спиной, отрезая ему путь назад. Оно двигалось медленно, как дорожный каток по гравию. Через секунду мощная гранитная плита полностью заблокировала проход.

— Чарли! — закричал я. — Чарли, бегите! Ради Бога, Чарли, бегите!

Я услышал, как Чарли снова зовет Нийла. Но я услышал и еще звук — скрежет следующих надгробий, которые приближались с обеих сторон, очень медленно, но неумолимо, дюйм за дюймом уменьшая проход, в котором стоял Чарли.

— Чарли! — закричал я. — Чарли!

Пространство между надгробиями уменьшалось все быстрее, пока наконец сквозь скрежещущий шум не пробилась неожиданный, пискливый крик о помощи.

— Мистер Трентон! Я зацепился за что-то рукой! Мистер Трентон!

Я яростно затряс кладбищенские ворота, но так и не смог пройти внутрь. Я мог только с волнением и тревогой смотреть, как Чарли старается забраться вверх по полированному боку мраморного катафалка, отчаянно пытаясь найти путь к бегству от двух огромных надгробий, которые напирали на него с двух сторон. Каждое весило минимум тонну; массивные плиты, украшенные каменными лилиями и барельефами ангелов, двигались как гигантские похоронные дроги, серые и гротескные, бесформенные и неудержимые.

— О, Боже! — пискливо закричал Чарли. — О Боже! Нийл! Помоги мне! О Боже, спаси!

Непонятным усилием Чарли смог наполовину вытянуть свое тяжелое тело из безжалостно захлопывающейся ловушки. Его лицо было пурпурным от страха, глаза вылезали из орбит. Он протянул ко мне руку, но тут массивные надгробия поймали его и сжали между двумя гладкими плитами гранита.

Надгробия сомкнулись и раздавили Чарли. Я слышал треск дробящихся костей ног, напоминающий выстрелы из пистолета. Чарли беззвучно пошевелил губами в ужасающей муке, а потом из его раскрытого рта хлынул фонтан крови и кусков плоти, окрашивая надгробия в красное. С минуту он дергался и извивался, как червяк на крючке, потом, к счастью, упал.

Я закрыл глаза и крепко ухватился за прутья ворот. Я дрожал всем телом, кровь стучала в висках. Потом, больше не оборачиваясь на Чарли, я развернулся и начал взбираться на холм.

Позади раздался жесткий, действующий на нервы скрежет, когда надгробия отодвигались назад, на свои места. Этот звук пронизал меня до мозга костей, как говорят гасконцы. Я знал, что еще много лет буду просыпаться по ночам и напрягать слух, боясь этого звука; скрежета ужасной, неумолимо приближающейся смерти.

Наверно нужно сообщить о смерти Чарли в полицию.

Я должен остаться у останков, пока кто-нибудь не появится. Но я уже замешан в два таинственных убийства, я уже достаточно натерпелся страха и нажил кучу неприятностей. Как мне объяснить смерть Чарли кому-то, кто не видел этого собственными глазами? Мне и самому верилось с трудом: огромные надгробия двигались, словно наделенные собственной волей. Я взобрался на холм, миновал поворот на Аллею Квакеров и наконец добрался до лавки Чарли.

Обратная дорога заняла у меня втрое больше времени, чем безумный бросок к кладбищу. Когда вошел в лавку, чтобы забрать бутылки с виски и вином, у меня уже было заготовлено, что сказать.

— Вы нашли его? — бросил Сай.

— Ни следа, — гладко соврал я.

— Вы о нем беспокоитесь? — заинтересовался Сай.

— Нет, просто хотел ему кое-что сказать, но это не так уж и срочно.

— А когда и вы вылетели, будто вас шилом кольнули в мягкое место, я подумал...

— Забудь об этом, хорошо? — перебил я его более жестко, чем собирался. Я взял бутылки со спиртным. — Извини. Спасибо, что постерег бутылки.

— К вашим услугам, — ответил сбитый с толку Сай.

Я поехал в Грейнитхед. Мое любимое место парковки оказалось занято, и мне пришлось доехать до деревенской стоянки у пристани. Так что назад, на рынок, я доплелся явно не в лучшей форме: измученный, запыхавшийся, перенервничавший и взбешенный. Я вошел в «Бисквит» с хмурой миной, изображая Квазимодо, у которого разболелся горб.

— Ну и ну! — завопила Лаура. — И у него еще хватает наглости явиться сюда!

Я знал, что раз она сама заговорила со мной, то я уже наполовину прощен. Я положил цветы на прилавок, поставил рядом бутылку вина и сказал:

— Цветы в виде извинения. Вино мы должны были выпить вчера вечером. Но если выпьешь вино сама, а цветы выбросишь, то что ж, я пойму.

— Мог бы и позвонить, — с обидой сказала она.

— Лаура, я сам страшно себя виню. Я полная сволочь.

Она взяла бутылку с вином и внимательно изучила этикетку.

— Ну хорошо, — сказала она. — Раз уж у тебя такой изысканный вкус, то я прощаю тебя. Но только пока. И если это повторится, то второй раз я тебя уже не прощу.

— Как тебе будет угодно, Лаура.

— Ты мог бы по крайней мере сделать вид, что сожалеешь.

— Я просто страшно перенервничал.

— А как ты думаешь, я не перенервничала?

— Этого я не говорил.

— Так вот, хотя бы извиняясь мог бы показать, как страшно тебя мучает совесть.

— Ну чего ты от меня хочешь? — спросил я. — Чтобы я грохнулся на колени и посыпал себе волосы пеплом?

— Ох, убирайся. Тебе вообще совершенно не нужно мое прощение.

— Значит, ты заявляешь, что мне не нужно твое прощение, и требуешь, чтобы я убрался?

— Джон, ради Бога!

— Ну, хорошо, хорошо, — вздохнул я. — Уже ухожу.

— И вино с цветами забирай! — закричала она мне вслед.

— Оставь их себе. Хоть ты и считаешь, что мне не нужно твое прощение, я думаю, что ты совершенно не права.

— Оно тебе нужно, как Гэри Гилмору, — фыркнула она.

— Но ведь ты наверно помнишь его последние слова. «Покончим с этим».

Я вышел из «Бисквита» и оставил Лауру беситься, пылая праведным гневом. Мне она нравилась, я совершенно не хотел злить ее. Может, я позвоню ей позже вечером и посмотрю, не остыла ли она. Ведь и я был бы совершенно не в восторге, если бы убил весь вечер на приготовление итальянских блюд для кого-то, кто так и не соизволил явиться.

Когда я переходил через вымощенную кошачьими черепами рыночную площадь Грейнитхед, мне показалось, что на другой стороне улицы, на углу Вилледж-плейс, я увидел девушку в коричневом платье с капюшоном. Я сменил направление и пошел за ней. Я решил, что на этот раз я догоню ее и выясню, кто она. Может, она самая обычная девушка, а наши частые столкновения — просто стечение обстоятельств. Но после смерти Констанс и Чарли я решил раскрыть тайну «Дэвида Дарка», и потому не хотел упускать ничего, что могло навести меня на след.

Я свернул на Вилледж-плейс, узкую, короткую, слепую улочку, длинный ряд изысканных салонов, полных никому не нужной дешевки. Девушка остановилась перед витриной книжного магазина и всматривалась в выставленные книги. Неясно только, смотрела ли она на книги или на отражение в стекле.

Глава 25

Я осторожно приблизился к ней, обходя ее сзади. Мне было видно отражение ее бледного лица в стекле витрины книжного магазина. Наверняка она заметила меня, но не показывала виду. Она стояла совершенно неподвижно, одной рукой придерживая капюшон на голове, другую неестественно опустив вдоль тела.

Мы довольно долго молча стояли друг рядом с другом. Из магазина вышел мужчина в шерстяной лыжной шапочке, с пачкой книг под мышкой. Он увидел нас и удивленный остановился на секунду, после чего поспешно удалился.

— Почему вы ходите за мной? — спросила девушка.

— Наверно, скорее это я должен спросить вас о том же. Вот уже несколько дней я встречаю вас на каждом шагу.

Она повернулась и посмотрела на меня. В ней было что-то удивительно знакомое, хотя я никак не мог понять, что именно. У нее было очень бледное, довольно красивое лицо и очень темные глаза, но они блестели и были полны жизни, в отличие от пустых глаз Джейн, Эдгара Саймонса или Нийла Манци.

— Вы не одна из них, — заявил я.

— Одна из них?

— Из призраков. Духов.

— Нет, — она улыбнулась. — Я не одна из них.

— Но вы знаете, о чем речь, не так ли?

— Да.

Я вынул платок и отер лоб. Мне стало жарко от неудобства ситуации, и я не знал, как мне себя вести.

Девушка спокойно наблюдала за мной, чуть улыбаясь. Но это была мягкая, добрая улыбка, естественная и лишенная высокомерия, а вовсе не та маска умиления, которая появлялась на губах призрака Джейн.

— Я всего лишь следила за вами, — объяснила она. — Только, чтобы удостовериться, что вам ничего не грозит, что вы в безопасности. Конечно, вы всегда были в относительной безопасности благодаря вашему неродившемуся сыну, но вы могли бессознательно попасть в опасное положение.

— Вы за мной следили? — удивился я. — Кто же вы? Почему вы за мной следили? У вас нет на это права.

— В наше время, — ответила девушка, ничуть не смущенная моей агрессивностью, — каждый имеет право следить за другими. Ведь никогда не известно, кто окажется другом.

— Я хочу все-таки знать, кто вы, — кипятился, настаивая, я.

— Вы уже знакомы с несколькими из нас, — ответила она. — С Мерси Льюис вы встречались в «Любимых девушках» в Салеме, а с Энид Линч в доме мистера Эвелита. Меня зовут Энн Патнем.

— Мерси Льюис? Энн Патнем? — повторил я. — Но ведь это же те имена...

Девушка широко улыбнулась и протянула мне руку. Я, колеблясь, взял ее ладонь, сам не знаю почему, может, просто не хотел вести себя невежливо. Ее пальцы были длинными, тонкими и холодными, и на каждом из них, даже на большом пальце, она носила серебряное кольцо.

— Ты прав, — сказала она. — Это имена ведьм. Конечно же, это не настоящие наши имена, только приемные. Они имеют мощь, эти имена, а кроме того, напоминают нам о временах, когда Салем находился под властью Не Имеющего Плоти.

— Это значит Микцанцикатли? Насколько я знаю, Салем все еще находится в его власти, и Грейнитхед тоже. Но ты... Ты не шутишь? Ты ведьма?

— Можно сказать иначе, — ответила Энн. — Слушай, поехали к тебе домой, и я все тебе объясню. Раз уж ты разоблачил меня, то, наверно, лучше тебе узнать о нас все.

Я опустил взгляд на наши соединенные ладони.

— Ну хорошо, — наконец сказал я. Я всегда хотел познакомиться с ведьмой. Честно говоря, я всегда хотел жениться на ведьме. Когда мне было двенадцать лет, я был по уши влюблен в Элизабет Монтгомери.

Мы возвратились и вошли на рынок, держась за руки. И черт дернул Луару выйти из «Бисквита» на другой стороне площади именно в эту минуту. Лаура остановилась, уперла руки в бока и смерила нас твердым взглядом, чтобы показать мне, что она все видела и что я законченная скотина. И даже хуже, чем скотина.

Когда мы спускались по крутой тропинке к пристани, Энн сказала:

— Ты сегодня очень нервный. Чувствую это. Почему ты нервничаешь?

— Знаешь, как погибла миссис Саймонс?

— Я видела тебя с ней в тот вечер на шоссе.

— Ну вот, а только что я был свидетелем очередной смерти. Чарли Манци, хозяин лавки в Грейнитхед.

— Где это произошло?

— Где? Там, на Кладбище Над Водой. Он был раздавлен... даже не могу точно определить это. Но похоже было, что надгробия сами задвигались, атакуя его, и раздавили в лепешку.

Энн сочувственно пожала мне руку.

— Очень жаль, — сказала она. — Но здесь действует огромная мощь. Не Имеющий Плоти вскоре вернет себе свободу и ударит по нам со всей энергией, которую он накапливал около трехсот лет.

Мы дошли до моей машины. Я открыл дверцу перед Энн, а потом сел за руль.

— Странно, что ты столько об этом знаешь, — сказал я. Я завел двигатель, повернулся на сиденье и задним ходом выехал на дорогу. — Эдвард, я и остальные — мы

все блуждали в потемках, пока не поговорили с мистером Эвелитом.

— Ты не учиываешь, что все салемские ведьмы ведут свою родословную непосредственно со времен Дэвида Дарка, — ответила она. — Это Дэвид Дарк доставил Не Имеющего Плоти в Салем, так как желал использовать его силу, чтобы навязать жителям Эссекса мораль, поддерживаемую страхом. Первыми ведьмами были девушки и женщины, которых Не Имеющий Плоти убил, а затем воскресил как своих служанок. Это они завлекали в ловушку своих родственников и друзей и приговаривали их к ужасной смерти, чтобы Не Имеющий Плоти мог забрать их сердца.

— То же самое нам говорил и старый Эвелит, — заметил я, сворачивая влево на Восточнобережное шоссе.

— Но не всех ведьм схватили и казнили, — продолжала Энн. — А многие из тех, кто был схвачен, позже были выпущены из тюрьмы, когда Эйса Хаскет избавился от Не Имеющего Плоти. Они очень ослабели, поскольку Не Имеющий Плоти был заключен в медном ящике на дне моря. Но они жили достаточно долго, чтобы научить своих дочерей колдовским заклятиям и передать им если не силу, то по крайней мере знание об этих событиях.

— Значит, ты одна из тех, кому передали это знание? Энн кивнула.

— Семь родов в Салеме были родами ведьм: Патнемы, Льюисы, Линчи, Биллингтоны, Эвелиты, Кори и Прокторы. В восемнадцатом и девятнадцатом веках потомки этих родов какое-то время встречались и отправляли ритуалы в честь Микцанцикатли, Не Имеющего Плоти, приносили ему в жертву свиней и овец, а однажды даже убили девушку, заплутавшую в болотах Свомпскотта и страдавшую потерей памяти. Общества ведьм были объявлены вне закона, как и флаг «Дэвида Дарка», который был их знаком. Но именно они удерживали Не Имеющего Плоти в летаргии все триста лет и защищали Салем от ужасов, какие ты даже не можешь себе представить.

— Значит, ведьмы, которые вначале служили Микцан-цикатли, позже стали защищать нас от него?

— Вот именно. Мы защищаем вас по мере наших сил. Мы все еще встречаемся время от времени, но нас уже осталось только пять и мы не знаем многих древних обрядов. Именно поэтому Энид живет и работает с Дугласом Эвелитом: не только затем, чтобы служить ему и опекать его, но и затем, чтобы узнать как можно больше о древней магии, так как тогда ведьмы из Салема снова станут сильными.

Я кашлянул.

— Я думал, что Энид внучка старого Эвелита.

— И это так, в определенном смысле.

— В определенном смысле? А это что значит?

— Это значит, что они состоят в каком-то удивительном родстве, но точно неизвестно, что же их соединяет. Никому не говори, что я это тебе сказала, но в семье Эвелитов в начале этого века, когда дороги были плохими, достаточно часто встречались случаи кровосмешения.

— Понимаю, — задумчиво буркнул я, хотя ничего и не понял.

Когда мы проезжали мимо лавки Чарли, я увидел два полицейских автомобиля с включенными мигалками, запаркованные перед домом.

— Это лавка Чарли Манци, — проинформировал я Энн. — Видимо, его кто-то нашел.

— Не остановишься?

— Шутишь? Думаешь, мне поверят, если я расскажу им о надгробиях? Меня уже подозревают в двух других убийствах. На этот раз меня наверняка посадят. А ведь никому не будет лучше, если меня посадят за решетку.

Энн внимательно посмотрела на меня. По-своему она была очень привлекательна, хрупко-поэтически, с длинными, темными волосами, собранными по обеим сторонам головы в две тонкие косы. Она была совсем не в моем вкусе: слишком плоская и чересчур интеллектуалка, иногда она говорила совсем как по энциклопедии. Но несмотря на то, что она была плоской, Энн мне понра-

вилась. Было трудно поверить, что она действительно ведьма.

— А чем занимаются ведьмы в наше время? — спросил я ее. — Можешь ли ты колдовать, заниматься сглазом и так далее?

— Надеюсь, ты не смеешься надо мной?

— Ничуть. В последнее время я пережил слишком много неправдоподобного, чтобы смеяться над ведьмами. А сами вы, как о себе говорите?

— Используя старое название: ворожей.

— И какие чары ты можешь наводить?

— Хочешь, чтобы я тебе показала?

— Я буду просто восхищен.

Я въехал задним ходом на Аллею Квакеров и поставил машину перед домом. Энн вышла из машины, стала рядом и молча уставилась на дом. Когда я пошел к входной двери, девушка не двинулась с места.

— Что-то не в порядке? — удивленно спросил я.

— Здесь ощущается очень сильное и очень злое влияние.

Я застыл на середине садовой тропы, позвякивая ключами в руке. Я поднял взгляд на слепые, прикрытые ставнями окна спальни. Я посмотрел на мертвые пальцы плюща, которые так упорно стучали по стенам, и на хмурый, до предела пропитанный сыростью сад. Всю поверхность фигурного пруда покрывал зеленый налет, неестественно светлый в свинцовом свете пополудня.

— Моя жена возвращается ко мне каждую ночь, — тихо выдавил я. — Наверно, это ее ты чувствуешь.

Энн подошла к дому с явным страхом. Незакрепленный ставень на втором этаже неожиданно застучал, и перепуганная девушка схватила меня за руку. Я открыл дверь, и мы вошли внутрь, все еще держась за руки. Энн слегка приподняла голову, как будто чувствовала в темноте присутствие недружественных злобных сил.

Я включил свет.

— Никогда бы не подумал, что ведьма может так бояться.

— Совсем наоборот, — ответила она. — Ведьма просто значительно более восприимчива к сверхъестественным явлениям и может почувствовать опасность намного раньше и точнее, чем обычный человек.

— Что ты здесь чувствуешь? Что-то злое?

Энн задрожала.

— Точно холодное дуновение с самого дна ада! — заявила она. — Поскольку тут жила твоя жена, то этот дом стал воротами, через которые умершие возвращаются в мир живых. Чувствуешь, как здесь холодно? Особенно здесь, у дверей библиотеки. Могу я туда войти?

— Пожалуйста.

Энн легко приоткрыла дверь и вошла в библиотеку. Тут же по комнате пронесся порыв ледяного ветра. Бумаги на моем столе зашелестели, и пара листков упала на пол. Энн остановилась точно посреди комнаты и огляделась. Я видел пар, вырывающийся из ее рта, как будто она стояла на пятиградусном морозе. Я чувствовал и запах: кислый, холодный, отдающий гнилью, как будто что-то испортилось в холодильнике. Видимо, я подсознательно чувствовал это вчера, потому и заглядывал в холодильник. Но этот смрад был совершенно другим, холодным и тошнотворным, как вонь замерзших испражнений. Мой желудок подкатился к горлу.

— Он знает, что ты здесь и что с тобой я, — шепнула Энн. — Чувствовал ли ты это раньше так сильно? Он знает, что я здесь, и начинает беспокоиться.

— Что ты теперь сделаешь? — спросил я ее.

— Пока ничего. Я ничего не могу сделать. Нет никакого смысла запирасть эти ворота, Не Имеющий Плоти тут же найдет другие. Так или иначе, вокруг наверняка полным-полно таких врат. Каждый раз, как кто-то умирает, его дом тут же становится местом, доступным для духов, и не только для духа-хозяина, но и для всех духов, высосанных Не Имеющим Плоти. Слышал ли ты здесь какие-нибудь шепоты, голоса, еще что-нибудь?

Я кивнул. Слушая Энн, я и впрямь начинал бояться. Мне казалось, я могу противостоять духу Джейн, может,

даже духу нашего так и не родившегося сына. Но если мой дом стал вратами, ведущими в Страну Мертвых, через которые духи могли шляться туда и сюда, как им вздумается, то, значит, самое время убраться отсюда подальше. Я жил тут как над открытой братской могилой, откуда меня призывали к себе невидимые мертвецы.

— Мне надо выпить, — прохрипел я неуверенно. — Подожди секунду, я оставил в машине бутылку «Шивас Регал».

Я вышел, не закрывая входную дверь, и прошел по садовой тропинке к машине. Я вынул бутылку виски, запер машину, отвернулся и отправился назад.

Неожиданно я остановился и чуть не уронил бутылку на землю. За живой изгородью стояла Джейн. Она улыбалась мне, такая же реальная, такая же материальная, как и вчера ночью. Только стояла она точно в том же месте, что и на той удивительно изменившейся фотографии: на поверхности садового пруда. А в окне библиотеки за ее спиной я видел перепуганное лицо Энн, тоже совсем как на той же фотографии.

Я неестественно сделал шаг вперед, потом второй и третий. Джейн повернулась на месте, совершенно не двигая ногами. Она умильно улыбалась мне, пытаясь возбудить. Мое же лицо превратилось в неподвижную маску, мертвую, лишенную выражения. Когда я миновал живую изгородь, я увидел, что босые ноги Джейн касаются заросшей поверхности пруда, не пробивая зеленого зеркала воды.

— Джон, — заговорила она. — Помни, ты можешь воскресить меня. Не забывай, Джон. Можешь меня вернуть. И Констанс, и нашего сына. Можешь нам всем вернуть жизнь, Джон, если освободишь меня.

Медленно, с улыбкой, Джейн начала погружаться в воду, не нарушая целостности поверхности пруда. Сначала исчезли ее ноги, потом великолепные пышные бедра, потом все тело и наконец лицо. Зеленая вода закрыла ее широко раскрытые глаза, но Джейн даже не моргнула. Через пару секунд она исчезла совсем. Хуже всего было, что глубина пруда была всего лишь два фута.

Я стоял на его берегу и глазел в воду. Потом я поднял сухой прутик и осторожно отодвинул зеленый налет. В нем ничего не было, только гниющие водоросли и белое разлагающееся тело какой-то подохшей рыбы.

Когда я вернулся, Энн стояла у входной двери, еще более бледная, чем раньше.

— Я видела ее, — прошептала она и неожиданно истерически хихикнула. — Я на самом деле видела ее.

— Она становится все сильнее, — ответил я. — Вначале она являлась только как мерцающий призрак и только ночью. Потом начала выглядеть более материально, более реально, если хочешь. Теперь же она так же часто появляется и среди бела дня.

— Видимо, Не Имеющий Плоти пытается выбраться из ящика, — решила Энн. — Джейн тебе что-нибудь говорила? Мне казалось, я слышу голос, но я не могла различить слова.

— Она сказала, что если... сказала, что я должен быть осторожен.

— Ничего больше?

Я чувствовал себя виноватым перед Энн, утаив то, что Микцанцикатли обещал мне вернуть жену, сына и даже тещу. Я просто хотел сначала все это продумать. Конечно, я не собирался удерживать Эдварда, Форреста и Джилли, если бы они решили отвезти живой скелет в дом старого Эвелита. Во всяком случае мне сделали необычное предложение — что же плохого в том, что я хочу подумать? Я вспомнил те дни, когда мы вместе с Джейн изъездили вдоль и поперек все северное побережье в поисках антиквариата для нашей лавки, воспоминания об утерянном счастье наполнили меня почти невыносимой горечью потери.

— Идем выпьем, — предложил я и повел Энн назад, в гостиную.

Я разжег камин, включил телевизор и налил две внушительные порции виски. Потом я снял ботинки и грел ноги у трещащего огня. Энн сидела рядом со мной на полу. Огонь отражался в ее глазах и бросал мигающие отблески на ее длинные блестящие волосы.

— Впервые мы почувствовали вокруг себя какую-то вибрацию, когда погибла твоя жена, — заговорила она. — Мы собрались в доме Мерси Льюис, она самая старшая из нас. Это Энид почувяла, что что-то висит в воздухе. Она сказала, что умерла какая-то девушка из Грейнитхед и что она узнала: душа умершей вернулась в Грейнитхед и была схвачена Не Имеющим Плоти. Не Имеющий Плоти не захватывает все души подряд, только те, которые могут принести ему больше человеческих сердец, больше крови и больше лет еще не дожитой жизни. Поскольку он захватил душу твоей жены, то мы тут же нашли твое имя.

— С помощью чар? — спросил я.

Энн усмехнулась.

— Боюсь, что нет. Мы просмотрели некрологи в «Грейнитхедских вестях» и нашли твое имя там. Джейн Трентон. Мы сразу начали за тобой следить, вернее, следила главным образом я, так как живу неподалеку. Я была даже на похоронах твоей жены.

— Наверно, там я и увидел тебя впервые, — подтвердил я. — Вот почему мне казалось, что я откуда-то тебя знаю.

— Во всяком случае, — продолжила Энн, — чем больше мы следили, тем яснее нам становилось, что мы немногим сможем помочь. Вся наша мощь исходит от Не Имеющего Плоти, из того же самого источника, который мы должны будем уничтожить. Будет лучше, если ты и твои друзья после поисков вытащите «Дэвида Дарка» и Микцанцикатли; тогда мы, ведьмы, усыпим его бдительность ритуальными молитвами и жертвами, а Дуглас Эвелит и Квамус наконец его уничтожат. Вполне возможно — и мы к этому готовы, — что когда Не Имеющий Плоти будет извлечен из бездны моря, то мы все окажемся полностью в его власти. Но Дуглас Эвелит и Квамус убеждены, что они могут справиться с этой возможностью. Они считают также, что Не Имеющего Плоти нельзя уничтожить без помощи ведьм, которые ему служат и приносят жертвы.

— А какое отношение к этому имеет Квамус? — спросил я. — Я думал, он просто слуга и камердинер.

— И это тоже. Квамус ведет хозяйство мистера Эвелита. Но он еще и последний великий шаман племени наррагансет. Еще с раннего детства он обучался искусству индейской магии. Я своими глазами видела, как он одним взглядом выжигает дыру в листке бумаги или опрокидывает на землю десяток кресел одновременно.

— Обычный фокус.

— Нет, это не фокус, Джон. Квамус не шарлатан. Это совершенно точно. Уже много лет он помогает Дугласу Эвелиту заклинать одного древнего индейского духа, который якобы похитил душу одного из предков Эвелита около 1624 года, когда пуритане впервые прибыли в Салем, тогда еще называемый Наумкеаг. Это великая тайна. Ни один из них не желает рассказывать, чего они уже достигли. Даже Энид не знает этого. Но она рассказывала мне, что временами Квамус и Эвелит запираются в библиотеке на целые дни, и тогда оттуда слышны ужасные крики и стоны, так что даже стекла дрожат в окнах и весь дом трясется, а жители Тьюсбери жалуются, что на небе им являются удивительные огни.

Я сел прямо, вращая в пальцах бокал с виски.

— Скажи мне, что я сейчас проснусь, — попросил я. — Скажи мне, что я заснул на прошлой неделе и все это только сон.

— Это не сон, Джон, — решительно возразила она. — Духи, демоны и призраки существуют на самом деле. В определенном смысле они даже более реальны, чем ты и я. Они всегда были здесь и всегда будут. Это они унаследовали землю, а не мы. Мы здесь только пришельцы, маленькие ничтожные создания, узурпировавшие право на существование перед лицом мощи и величия, о которых мы не знаем ничего. Микцандикатли — это реальность. Он на самом деле лежит там, на дне, и на самом деле может нас уничтожить.

— Я сам не знаю, — устало сказал я. — Думаю, я уже достаточно насмотрелся на смерть, на страдание, на пытки. Мне этого с избытком хватит на всю мою жизнь.

— Но ты же не хочешь отступить?

— А ты не отступила бы на моем месте?

Энн отвела взгляд.

— Может, и так, — ответила она. — Если бы меня не волновала судьба других людей, если бы меня не волновало, узнает ли когда-нибудь покой дух моей жены. Лишь тогда я смогла бы отступить.

На втором этаже со стуком захлопнулись двери спальни. Я поднял взгляд к потолку, а потом посмотрел на Энн. Точно над нашими головами закрипели доски, как будто кто-то ходил по спальне. На долгую минуту наступила тишина, после чего снова раздался скрип — шаги изменили направление. Двери гостиной неожиданно сами собой открылись, и внутрь дохнул ледяной порыв, рассеивая пепел из камина.

— Близо, — сказала Энн и вытянула руку раскрытой ладонью в сторону двери. Дверь качнулась — и через секунду захлопнулась.

— Впечатляет, — заметил я.

— Это вообще не трудно, если наделен силой, — ответила она, но не улыбнулась. — Только теперь духи уже в доме, и они стали беспокойны.

— Можешь против этого что-нибудь посоветовать?

— Я могу их выгнать только на одну ночь. В том случае, если влияние Не Имеющего Плоти не намного сильнее, чем обычно.

— Ну так выгони их, очень прошу. Я хотел бы хоть раз выспаться спокойно в своей постели, без всяких духов.

Энн встала.

— Здесь есть какие-нибудь свечи? — спросила она. — Еще нужна миска с водой.

— Конечно, — сказал я и пошел на кухню, чтобы найти то, что она просила. Проходя через холл, я чувствовал холодное беспокойное присутствие проклятых душ. Даже часы тикали как-то по-иному, так, будто отсчитывали время вспать. Из-под дверей библиотеки поблескивал слабый мигающий свет, но у меня не было ни малейшего желания открывать их.

Я принес две светло-голубые свечи в тяжелых бронзовых фонарях и медную кухонную миску, наполовину наполненную водой. Энн поставила миску перед камином, а оба фонаря — по бокам от нее. Над каждым предметом она сделала в воздухе знак, напоминающий пентаграмму. Она склонила голову и начала полупшепотом напевать какую-то песню. Я почти не различал слов, только повторяющийся рефрен:

*Не говори, не слышь, не спи, не пробуждайся,
Не плачь, не кричи, не дрожи и не бойся.*

Закончив петь, она еще три или четыре минуты стояла со склоненной головой, молясь в молчании. Затем она неожиданно повернулась ко мне и сказала:

— Мне надо раздеться догола. Ты, наверно, не будешь ничего иметь против?

— Нет, почему же. Это значит: пожалуйста, как тебе будет угодно.

Энн стащила черную водолазку, открывая худые плечи, узкую грудную клетку и только соски вместо грудей. Потом расстегнула пояс и выскользнула из вельветовых штанов. Тело у нее было невероятно поджарое, почти мальчишеское, черные волосы ниспадали до лопаток, а когда она повернулась ко мне, я увидел, что волосы на ее лоне гладко выбриты. Красивая, но очень странная девушка. На щиколотках у нее были серебряные цепочки, а на всех пальцах — серебряные кольца. Она подняла руки, совершенно не смущаясь своей наготы, и заговорила:

— Теперь посмотрим, кто сильнее. Эти бедные пропащие души или я.

Она встала на колени перед камином и зажгла свечи от горящего полена.

— Я не могу использовать спички, так как в огне не должно быть ни капли серы, — объяснила она.

Я завороченно наблюдал, как она склонилась над миской и всматривалась в свое отражение, придерживая волосы руками.

— Все, кто пытается пройти через это зеркало, вернитесь, — проговорила она певучим голосом. — Все, кто желает вновь перейти границу Страны Мертвых, вернитесь. Этой ночью вы должны отдохнуть. Этой ночью вы должны спать. Будут еще другие ночи, будут другие места, но этой ночью вы должны помнить, кто вы есть, вы должны отвернуться от зеркала, что ведет к жизни, какую вы знали раньше.

Дом стал тихим, таким же тихим, как и прошлой ночью. Я слышал только удивительное, как будто пущенное задом наперед тиканье часов в холле и потрескивание свечных огоньков, тонущих в светло-голубом воске.

Энн сначала застыла неподвижно, сжавшись, прижав руки к бедрам, всматриваясь в медную миску. Она молчала, поэтому я не имел понятия, закончился ли магический обряд и все ли удалось.

К моему удивлению, вода в миске начала булькать, парить и наконец кипеть. Энн выпрямилась, скрестила руки на груди и закрыла глаза.

— Возвращайтесь, — прошептала она. — Не пытайтесь этой ночью проходить сквозь зеркало. Возвращайтесь и отдыхайте.

Вода в миске кипела все сильнее, булькало все громче. Я с недоверием смотрел на это. Энн все еще стояла на коленях, крепко сомкнув веки. Я видел маленькие капельки пота на ее лбу и верхней губе. Видимо, то, что она делала, требовало огромных усилий и полной концентрации.

— Воз... вращайтесь, — повторила она, с трудом выдав слова. — Не пересекайте... не пересекайте...

Тут я заподозрил, что Энн ведет бой с кем-то или чем-то, и что она этот бой проигрывает. С беспокойством я наблюдал, как она дрожит все сильнее, как пот льется по ее щекам и стекает между грудей. Ее бедра трепетали, будто их било электричеством, а все ее тело сотрясилось в невольных судорогах.

Двери гостиной снова слегка приоткрылись, и в комнате снова повеяло холодом. Огонь в камине скрылся под пеплом. Свечи стрельнули и погасли. Вода в миске нео-

жиданно перестала кипеть и так же неожиданно покрылась тонким слоем льда.

— Энн! — закричал я встревоженно. — Энн, что творится? Энн!

Но Энн не могла ответить. Она потеряла контроль над своим противником в этой психологической схватке. Видимо, она теперь не смела ни на секунду расслабиться или ослабить захват, чтобы не освободить бестию, с которой боролась. Она вся дрожала и истекала потом и у нее то и дело вырывались сдавленные стоны.

Двери гостиной открылись шире. За дверями стояла Джейн в своих погребальных одеждах. Ее лицо выглядело иначе, оно было более деформировано, как будто уже начало гнить. Глаза ее были широко раскрыты, зубы оскалены в ужасающей улыбке.

— Джейн! — закричал я. — Джейн,пусти ее, ради Бога! Сделаю все, что захочешь! Знаешь же, я сделаю все, что захочешь! Только оставь ее в покое!

Джейн как будто не слышала. Она скользнула в гостиную и остановилась от силы в паре футов от нас. Ее белые погребальные одеяния развевались на ледяном ветру, глаза были выпучены, зубы оскалены как у оголенного черепа. Я молился Богу, чтобы она не поступила с Энн Патнем так же, как со своей матерью.

— Джейн, послушай же, — сказал я, стараясь говорить убедительно. — Прошу тебя, Джейн. Оставь ее в покое, а я ее отсюда заберу. Она только хотела мне помочь. Знаешь же, что я сделаю все, что захочешь. Обещаю тебе, Джейн. Но прошу тебя, оставь ее в покое.

Джейн подняла руки. По этому жесту Энн также встала и застыла, чуть согнув колени, все еще не открывая глаз. Она тряслась и дрожала, стараясь вырваться из-под влияния чуждой силы. Со стороны казалось, будто ее с двух сторон дергали две невидимые силы.

— Оставь ее, Джейн! — молил я. — Джейн, ради Бога, не причиняй ей вреда!

Джейн выполнила круговое движение ладонью. В абсолютной тишине Энн перевернулась и повисла в воздухе

вверх ногами. Ступнями она почти касалась потолка, а ее темные волосы рассыпались по ковру. Я молча и испуганно смотрел на это. Я знал, что никак не смогу избежать того, что сейчас случится. Джейн оказалась смертельно ревнивой женой: она мстила каждой женщине, с которой я сближался.

Холодное дуновение разметало пепел в камине. Джейн развела руки, и в ответ ноги Энн широко раздвинулись, открывая клитор так широко, что я услышал треск. Энн висела надо мной в воздухе в перевернутом шпагате, с телом, блестящим от пота, с закрытыми глазами, крепко сжимая зубы. Джейн еще раз развела руки, и руки Энн тоже развело в стороны. Два дюйма пустоты отделяли макушку Энн от пола, но из-за длинных волос казалось, что девушка каким-то чудом опирается на свои собственные волосы.

— Джейн, прошу тебя! — повторил я, но Джейн даже не взглянула на меня.

Она медленно прочертила в воздухе дугу, и так же медленно тело Энн изогнулось назад. Энн застонала от боли и усилия, отчаянно сопротивляясь противнику, который старался сломать ей позвоночник. Я знал, что сопротивление ничего не даст. Мощь Не Имеющего Плоти была относительно слабой, но достаточной, чтобы стереть в порошок одну из его служанок.

Я услышал очередной треск, в левом колене Энн что-то лопнуло. Энн застонала: «Аахх», ее лицо искривилось, но она все еще сберегала всю свою энергию для противоборства со своим демоническим владыкой.

— Джейн! — закричал я. Я вскочил на ноги, но тут же какая-то сила, могучая, как дорожный каток, отбросила меня назад. Я ударился головой о край кресла, споткнулся о лязгающие каминные щипцы и упал, но тут же вскочил на ноги и снова закричал: — Джейн!

Джейн совершенно не обратила на меня внимания. Я с чувством полного бессилия смотрел, как все сильнее изгибается спина Энн, совсем так, будто кто-то гнул ее. На худых бедрах выступили жилы, мышцы на шее напряглись от усилия.

— О, Боже, ты ее убьешь! — закричал я. — Микцанцикатли! Перестань! Микцанцикатли!

Раздался странный вибрирующий звук, как будто звон дергающейся на сучке пилы. Джейн подняла голову и посмотрела на меня. Ее лицо уже не было лицом Джейн, только черепом трупа, лицом древнего демона, бестелесного создания, которое Дэвид Дарк украл у ацтекских колдунов. Микцанцикатли, повелитель Митклампы, владыка Страны Мертвых.

— Ты произнес мое имя, — зловеще сказала Джейн хриплым, гудящим голосом.

— Не убивай ее, — прошептал я. Я чувствовал, как ледяной пот течет у меня из-под мышек. — Она всего лишь хотела мне помочь.

— Она моя служанка. Я сделаю с ней все, что только захочу.

— Прошу тебя, не убивай ее.

Наступило долгое молчание. Джейн посмотрела на подвешенное в воздухе голое тело Энн, а потом подняла руки вертикально вверх, ладони держа горизонтально. Энн медленно упала на пол. Она лежала на ковре, содрогаюсь, тяжело дыша и прижимая руки к спине, чтобы укротить боль.

Я хотел встать на колени рядом с ней, но Джейн сказала:

— Оставайся на месте. Я не даю моей служанке никакой гарантии жизни. Сначала ты должен обещать, что будешь служить мне и примешь договор, который я тебе предложил. Помоги своим товарищам вытянуть меня из воды, а потом освободи меня. Вернешь себе жену и сына, и мать своей жены, и тебя не постигнет никакое зло.

— А откуда я могу знать, стоит ли тебе доверять?

— Этого ты никогда и не будешь знать. Тебе придется положиться на мое слово.

— А если я откажусь?

— Тогда я сейчас просто сломаю шею этой девушке.

Я посмотрел на Энн. Теперь она лежала на спине, вытянувшись, и прижимала руки к лицу, пытаясь справиться с болью в позвоночнике и в бедрах.

Поскольку я уже раньше задумывался об освобождении Микцанцикатли и меня уже соблазняла перспектива вернуть Джейн, то не все ли равно, соглашусь ли я теперь или нет? Я спасу Энн и верну тех, кого люблю. Кто знает, может, в результате не случится ничего плохого. Раз Микцанцикатли беспрепятственно до времен Дэвида Дарка и Эйсы Хаскета, то не все ли равно, если к нему снова вернется власть? Микцанцикатли, как он сам мне вчера сказал, был частью порядка Вселенной, так же как и солнце, планеты и Бог.

— Джон... не соглашайся ни на что, — прошептала Энн. — Прошу тебя.

Тут же ее рука была вывернута назад так резко, что кисть сломалась. Энн закричала от боли, но демоническая сила не ослабила захвата, а садистски прижала тело девушки к полу так, что ее лопатки придавили сломанные кости руки. Энн кричала и кричала, дергалась и вырывалась, но Микцанцикатли не отпускал ее.

— Перестань! — завопил я на Джейн. — Перестань, я согласен!

Нажим на тело Энн постепенно ослабел. Я встал на колени, осторожно помог ей вытянуть руку из-за спины и положить на живот. Кисть вся распухла и посинела. Я слышал, как трещат сломанные кости, касаясь друг друга под кожей. Джейн наблюдала за нами со зловещей усмешкой.

— Ты дал безвозвратное обещание, — сказала она уже своим собственным голосом. — Теперь ты обязан в точности выполнить его, иначе, поверь мне, будешь проклят навечно — ты, и твое потомство, и каждый близкий тебе человек пожалеет о том, что знал тебя. Ты будешь навечно проклят, ты никогда не узнаешь покоя. С этих пор ты носишь мой знак. Ты договорился со мной по своей воле, и за это тебя не минует ни награда, ни кара.

Я поднялся с колен. Я был полностью вымотан как физически, так и психически.

— Микцанцикатли, я хочу, чтобы ты сейчас ушел. Оставь нас в покое. Я согласился на то, чего ты хотел, так что убирайся.

Джейн усмехнулась и начала исчезать. Я посмотрел на Энн, чтобы проверить, как она себя чувствует, а когда снова поднял взгляд, Джейн уже исчезла. Однако двери в гостиную оставались открытыми и через них все еще тянуло ужасающим холодом.

— Тебе не следовало этого делать, — заговорила Энн. — Для меня было бы лучше, если бы я умерла.

— Ты наверно шутишь, — сказал я. — Теперь я помогу тебе лечь в постель. Сейчас я вызову врача.

— Боже, моя рука, — ее лицо искривилось.

— Не говори о Боге, — устало сказал я. — Бог наверно забыл о нас.

Глава 26

На следующий день ветер утих и выглянуло солнце. Я переменял мнение и решил присоединиться к Эдварду, Форресту и Джимми, которые направились на поиски «Дэвида Дарка». Мы отплыли от «Морской пристани Пикеринга» вскоре после половины девятого утра на моторной лодке, значительно более элегантной, чем «Алексис». Форрест уговорил своего друга адвоката, чтобы тот одолжил нам эту лодку на один день. Лодка называлась «Диоген», достаточно забавно, особенно если учесть, что ее хозяин был вовсе не юморист.

В заливе было холодно, но спокойно. Я надел утепленную куртку, фуражку с козырьком из тика и темные очки. На Джилли были обтягивающие эластичные джинсы, открытый свитер из толстой красной шерсти и лыжная шапочка под цвет свитера. Я подумал, что еще никогда она не выглядела так сексуально, и сообщил ей об этом.

Она поцеловала меня в кончик холодного носа.

— В награду можешь пригласить меня сегодня вечером на обед, — сказала она. Эдвард хмуро наблюдал за нами с другого конца лодки.

— Ты не боишься мести духов? — спросил я ее.

— Боюсь, но иногда желание сильнее рассудка. Да и в самом деле, духи, наверное, не покарают нас за совместный обед, а?

— А тебе охота только поесть?

— Конечно, — улыбнулась она. — А тебе?

Достоинством «Диогена» была система радионавигации Декка, благодаря которой Дан Басс мог вести лодку прямо

на место, указанное Дугласом Эвелитом, туда, где вроде бы выплыл на поверхность единственный оставшийся в живых член экипажа «Дэвида Дарка».

— Наверняка матрос мог оценить свое положение лишь спустя какое-то время после гибели корабля, — заявил Дан Басс. — Поэтому нам нужно сделать поправку — по ветру от этого места или в противоположную сторону. Так что бросим здесь буй, чтобы отметить начальную точку, но по-моему, нам нужно искать в северо-восточном направлении, на площади около половины квадратной мили.

Так мы начали длинное и монотонное прочесывание отмеченной площади с востока на запад. Дан и Эдвард добыли впечатляющий набор сонарных искателей. Такое же оборудование использовалось и при поисках «Мэри Роуз». В наборе был, например, сдвоенный сканер, помещенный в дрейфующий якорь в форме торпеды, который мог снимать картину дна моря на пятьсот ярдов по обе стороны, и мощный, очень точный эхозонд, который показывал не только картину морского дна, но и осадочные слои, расположенные гораздо глубже.

Эта комбинация сканеров работала необычайно эффективно при условии, что было приблизительно известно, где нужно искать. В 1967 году однофамилец Дана, доктор Джордж Басс, нашел за два утра корпус одного римского судна, который раньше никто не мог локализовать даже после многомесячных поисков с использованием подводных телекамер. Когда же Александр Мак-Ги и его товарищи искали «Мэри Роуз» в илистых водах Сойлента, локализация корабля заняла у них едва ли четыре дня.

Эдвард подошел и стал рядом со мной, когда дрейфующий якорь спускали на дно.

— Как прошел разговор с тестем? — спросил он.

— Я после уикэнда еще не разговаривал с ним, — ответил я.

— Нам будут срочно нужны деньги, как только мы локализуем этот корабль.

— Разве нельзя достать только этот медный ящик? — спросил я. — Наверняка это будет не очень дорого стоить.

— Медный ящик — это еще не все, — ответил Эдвард. — Ты отдаешь себе отчет в том, что находится на дне? Корабль конца семнадцатого века, почти целехонький, судя по «Мэри Роуз». Нас интересует не только медный ящик, но и весь корабль, все его снаряжение. Там на дне могут быть различные предметы, которые подскажут нам, как люди собирались избавиться от демона, кто был в экипаже и почему демон не смог выбраться из заточения. Если мы достанем только медный ящик и ничего больше, то узнаем лишь фрагмент истории; к тому же я опасаясь, что когда местонахождение корабля станет всем известно, то возникнет большой риск, что налезут орды любителей сувениров и полностью растащат его. Но Миксцанцикатли мы, конечно же, вытащим из моря как можно скорее.

Относительно любителей сувениров он был прав. Хотя мы пока не делали ничего особенного, а только вежливо плавали туда-сюда, две или три лодки уже подплыли к нам и любопытствовали, что мы здесь делаем. «Есть там какие-нибудь сокровища?» — проорал тип с одной из лодок и, судя по тону, он не шутил. Ныряльщики-любители готовы рискнуть жизнью, лишь бы выловить кусок борта затонувшего катера, проржавевшее ружье или несколько примитивно отчеканенных монет. Дан Басс ответил, что мы ищем моторку нашего друга, которая случайно утонула. Лодки какое-то время вертелись возле нас, но вскоре их хозяева пришли к выводу, что не увидят ничего интересного, и уплыли под рев двигателей.

Мы, сидя на палубе на свежем воздухе, съели ленч: цыплят с отрой приправой, запив их парой бутылок калифорнийского вина. Потом заново принялись за поиски. Мы двигались отрезками по сто футов, до линии, обозначенной буями, и назад. Ветер постепенно усиливался, и «Диоген» начал слегка покачиваться на волнах, а ленч в моем желудке явно следовал его примеру. Джилли заявила:

— Это может тянуться целыми днями. Дно здесь такое же плоское, как череп Юла Бриннера.

— И есть у нас лишь информация давностью в двести девяносто лет, полученная от полусвихнувшегося матроса, — вмешался Форрест. — Может, он в чем-то ошибся, может, он вообще не видел маяков, только свет в домах на берегу или костры. Я уже начинаю думать, что этого чертова корабля здесь нет.

— Подожди, — заговорил Джимми, сидевший за выводным устройством. Он указал на размазанную линию сдвоенного сканера, которая неожиданно обрела «животик». — Там что-то есть, какое-то нарушение в естественном прохождении волн. — Он посмотрел на листинг с эхозонда и, конечно же, и там была видна заметная нерегулярность в слоях под морским дном.

— Господа, наверняка, у нас что-то есть. — Он подождал, пока рулон не переместится еще на пару дюймов, потом оторвал кусок бумаги и положил на стол с картами. — Видите? Там решительно что-то есть под илом. И посмотрите запись со сдвоенного сканера.

— Если это не след затонувшего корабля, то я — китаец, — заявил Эдвард.

— Что вполне возможно ввиду дикого количества съеденных тобой китайских блюд, — съязвила Джилли.

— Джилли, это может быть величайшее открытие современной морской археологии, — начал читать ей мораль Эдвард. — Понимаешь, что это значит? Эта нерегулярность на дне может быть только кораблем, погребенным в иле, и к тому же довольно большим кораблем. Как ты думаешь, Дан? Водоизмещением тонн на сто?

— Трудно сказать, — ответил Дан Басс. — До тех пор не скажу, корабль ли это, пока не увижу его своими глазами.

Весь следующий час мы проходим за проходом сканировали дно океана точно над местом, где была обнаружена нерегулярность. Каждый листинг, казалось, подтверждал наши подозрения, что мы наконец нашли «Дэвида Дарка». Постепенно нас охватывало все большее волнение. Я предпочел не думать о том, что слу-

чится, когда мы достанем корабль и найдем в нем медный ящик, поэтому я заставил себя забыть все опасения и присоединился к всеобщей кутерьме, рукопожатиям и поздравлениям.

Только Джилли заметила, что мой энтузиазм деланный. Неожиданно она посмотрела на меня и спросила:

— Что с тобой, Джон? Ты хорошо себя чувствуешь?

— Конечно. Я только немного измотан.

— Вижу, тебя что-то мучит.

— Ты уже так хорошо меня знаешь?

— Ни один из них не знает тебя так хорошо, как я. —

Она подошла ближе, взяла меня за руку и внимательно посмотрела на меня. — Ты обеспокоен, — сказала она. — Я всегда вижу, когда кто-то огорчен.

— Даже так?

— Ты беспокоишься из-за этого корабля? Ты на самом деле думаешь, что мы найдем там демона? Настоящего демона?

— Там, внизу, что-то есть, — ответил я. — Пожалуй-ста, поверь мне.

— Не бойся, я тебя защищу, — заявила она.

Я поцеловал ее в щеку.

— Если бы ты только могла...

Приближался прилив, и Дан Басс рассудил, что у нас есть еще минут десять, поэтому мы еще успеем нырнуть в том месте, где обнаружили нерегулярности. Мы бросили якорь и подняли флаг о спуске под воду, после чего Дан и Эдвард переоделись в белые комбинезоны. Остальные стояли вокруг на все более пронизывающем ветру и растирали руки для разогрева. Дан и Эдвард молча прыгнули за борт. Мы перегнулись через релинг и смотрели, как две призрачные белые фигуры погружались все глубже в мрачную бездну.

— Ты еще будешь когда-нибудь нырять? — спросила Джилли.

— Если это действительно корпус «Дэвида Дарка», то да. Но сначала попрошу Дана дать мне пару уроков в бассейне в Форрест-Ривер Парк. Там вода соленая, так

что если человек начнет захлебываться, то почувствует подлинный вкус океана.

Мы почти пятнадцать минут ждали появления Эдварда и Дана. У каждого из них воздуха было на двадцать минут, поэтому мы не слишком беспокоились об их безопасности, но прилив все усиливался, волны вздымались все выше, так что если бы ныряльщики выбились из сил, то им было бы очень трудно доплыть до лодки.

Джимми взъерошил пятерней волосы.

— Надеюсь, они не нашли там что-нибудь ужасное, — сказал он, выражая общие опасения. Он посмотрел на часы. — Если они не вернутся через пять минут, я спущусь за ними. Форрест, помоги мне надеть комбинезон, хорошо?

— Я пойду с тобой, — заявил Форрест.

Но Джимми успел только снять рубашку, когда два ярко-оранжевых шлема выскочили на поверхность в пятидесяти или шестидесяти футах от лодки. Эдвард и Дан не спеша подплыли к канатам для ныряльщиков, повсюду опоясывающим «Диогена». Прежде чем мы успели вытащить Эдварда на палубу, он показал нам сигнал сент-луисских таксистов, означающий, что все в порядке.

Эдвард стянул маску, выжал воду из бороды и окинул нас взглядом императора, находящегося в триумфальном походе.

— Он там, — заявил он. — Могу спорить на что угодно. Мы нашли углубление длиной около ста тридцати футов, которое выглядит как след от погребенного корабля. Завтра мы спустимся вниз с воздуходувками и попробуем убрать часть заносов.

Дан Басс был менее уверен в находке, но признал, что до сих пор мы еще не нападали на лучший след.

— Внизу видимость преотвратительная, человек еле может разглядеть собственные руки. Но там что-то должно быть, так как на дне явно образовался солидный холм. Стоит взглянуть на это.

Мы точно обозначили это место с помощью навигационных точек на карте. Мы решили на всякий случай не

оставлять сигнальных буюв, чтобы любители совать нос куда не надо не решили, что стоит спуститься под воду и осмотреть нашу находку.

Эдвард подошел ко мне, одетый только в свитер поло и шаровары, и сказал:

— Может, еще раз попробуешь поговорить с тестем? Уговори его дать немного денег. Если это на самом деле «Дэвид Дарк», то нам понадобятся соответствующий корабль для погружения, оборудование и какие-то устройства, чтобы вытянуть корабль на поверхность, когда мы его откапаем. Нам будут нужны также дополнительные аквалангисты-профессионалы.

— Попробую, — неохотно обещал я. — Когда я с ним разговаривал в последний раз, то он не горел особым желанием помочь нам.

— У тебя действительно красивая задница, Эдвард, — заметил Джимми, проходя мимо. — Джилли, правда, у Эдварда красивая жопа?

— Увы, я смотрю в другую сторону, — ответила Джилли.

— Ну, Джон, уговори его, — настаивал Эдвард. — Попробуй еще раз, хорошо? Попроси. Ведь в худшем случае он просто откажет.

— Ну хорошо, — ответил я. — Я возьму с собой эти листинги с сонара. Может, хоть так я смогу его убедить.

Мы вернулись в Салем, когда небо уже начало темнеть. На улицах зажглись первые фонари, а ветер сильно пах солью.

— Знаете, Салем назвали так от слова «шалом», что значит «покой» — задумчиво сказал Эдвард.

— И я надеюсь, что мы принесем покой этому городу, — ответил я, а Джилли за моей спиной добавила:

— Аминь.

Глава 27

Джилли и я рано пообедали в «Ле шато», очень элегантном бело-розовом ресторане, недавно открытом на Франт-стрит. Джилли переделалась в одно из собственных произведений из салона «Лен и кружева», простое платье без рукавов с кружевным лифом и атласными проймами. Мы заказали французские блюда. На столиках мигали свечи, и если бы «Дэвид Дарк» вместе со всеми духами не нависал над нами, мы успешно провели бы тихий счастливый вечер и закончили бы его в постели Джилли.

Но в этой ситуации у нас не хватило храбрости. Практичная и земная Джилли понимала, что меня все еще мучит воспоминание о недавно умершей жене и что каждое сближение между нами станет катализатором грозных психокинетических сил. Хотя Джилли считала, что источник этих сил находится у меня в мозгу, что мое чувство вины достаточно сильно, чтобы вызывать призраки и выбивать окна. Джилли попросту не верила в духов, невзирая на то, что мы ей говорили. И хотя эти силы успокоились, она не хотела рисковать, опасаясь повторения того, что случилось в «Корчме любимых девушек». Ведь в следующий раз кто-то из нас мог оказаться серьезно ранен или убит.

— Как ты думаешь, ты женишься еще раз? — спросила она за бокалом бренди.

— Трудно сказать, — ответил я. — Поэтому я не могу себе этого вообразить.

— Ты не чувствуешь себя одиноко?

— Сейчас — нет.

Джилли потянулась через стол и провела кончиком пальца по косточкам моей левой руки.

— Тебе не кажется иногда, что ты становишься сверх-человеком, способным заставить течь время вспять, чтобы спасти свою жену за секунду до несчастного случая?

— Не смею и мечтать о невозможном, — сказал я. Но одновременно я хитро подумал: ведь именно это ты и сделал, Джон, ты это уже выполнил, и когда «Дэвид Дарк» будет поднят со дна океана, ты вернешь себе жену, Джейн, такую же, как до катастрофы. Улыбающуюся, теплую и желанную, носящую в чреве нашего первенца. Только Энн Патнем знала, что я сделал, какой договор заключил, чтобы вывести мою семью из Страны Мертвых и защитить саму Энн от гнева Микцанцикатли. А когда вчера вечером я отвозил ее в клинику доктора Розена, то она торжественно поклялась мне, что никому ни слова не скажет о моем разговоре с Не Имеющим Плоти, что обещание, данное мною демону, навсегда останется для всех тайной. Ведь, в конце концов, от этого зависела и ее жизнь, не только жизнь Джейн.

Конечно, я чувствовал себя виноватым. Я чувствовал, что предаю Эдварда и Форреста, в определенном смысле даже Джилли. Но ведь есть в жизни такие минуты, когда человек должен принять решение, не оглядываясь на остальных. Я верил, что та минута и была для меня именно такой. По крайней мере я смог убедить в этом себя. К тому же жизнь Энн была под угрозой, так что я и не мог поступить иначе.

Человек всегда сможет найти сотни оправданий своему эгоизму и трусости, тогда как храбрость не нуждается ни в каком оправдании.

После обеда я отвез Джилли домой, на Витч-хилл-роуд, поцеловал ее и обещал, что заскочу утром в «Лен и кружева». Потом по трассам 128 и 2 я поехал на юг, в направлении к Бостону и Дедхэму. Я опасался, что очередной разговор с Уолтером как всегда окажется пустой тратой времени, но Эдвард так настаивал, что у меня не

хватило бестактности отказаться. Я включил кассетник, поставил Грига и старался успокоиться, а за окнами мелькали огни Мелроуза и Сомервиля.

Когда я подъехал к дому Бедфордов, в окнах было темно. Не горели даже фонари у главных дверей. Черт, подумал я, зря проехал двадцать миль. Мне не пришло в голову, что Уолтер мог выйти. Он же всегда возвращался домой, каждый вечер, по крайней мере пока Констанс была жива. Надо было сначала позвонить ему. Возможно, он переселился на пару дней к соседям, чтобы прийти в себя после потрясения.

Несмотря на это, я подошел к входным дверям и позвонил. В холле прозвучал звонок. С минуту я стоял под дверьми, притопывая и потирая от холода руки. Траурный вопль козодоя раздался среди высоких деревьев позади дома, потом еще раз. Я припомнил романы ужасов Лавкрафта, в которых приход первобытных древних сил, таких, как Йог-Согот, всегда предвосхищал дружный хор тысяч козодоев.

Я уже хотел обойти дом сзади, чтобы проверить, не сидит ли Уолтер в комнате перед телевизором, когда двери распахнулись и в них появился Уолтер, поглядывая на меня.

— Уолтер? — произнес я. Я подошел ближе и увидел, что Уолтер выглядит неестественно бледно, а его глаза распухли и покраснели так, будто он не спал месяц. Он был в голубой пижаме и спортивном плаще в «елочку» с поднятым воротником.

— Уолтер, что случилось? — спросил я. — Ты выглядишь ужасно.

— Джон? — он произнес мое имя с трудом, как будто держал во рту сухой камешек.

— Что случилось, Уолтер? Ты был в бюро? Ты, наверно, вообще не спал со времени нашей последней встречи.

— Нет, — ответил он. — Я не спал. Может, тебе будет лучше войти.

Я вошел за ним в дом. Там было темно и холодно. Проходя мимо настенного термостата, я заметил, что

Уолтер полностью отключил отопление. Я включил его, и еще до того, как мы вошли в гостиную, услышал треск нагревающихся калориферов. Уолтер с удивительно ошеломленным выражением лица смотрел, как я обходил комнату, включая лампы и задергивая занавески.

— Ну вот, — начал я. — Может, выпьем?

Он кивнул. Потом довольно неожиданно сел.

— Да, — сказал он. — Пожалуй, я выпью.

Я налил две двойные порции виски и подал ему бокал.

— Как долго ты сидишь здесь в темноте? — спросил я.

— Не знаю. С тех пор...

Я сел рядом с ним. Он выглядел еще хуже, чем на первый взгляд. Он не брился наверно весь уикэнд, и жесткая седая щетина покрывала его подбородок. Кожа его была липкой и жирной. Когда он подносил бокал ко рту, он не мог сдержать дрожи руки. Наверно, голод и усталость так же отрицательно влияли на него, как и переживания.

— Послушай, — обратился я к нему. — Пойди умойся, а потом я заберу тебя на пиццу в один кабачок. Это, конечно, не ресторан «Четыре времени года», но что-то теплое в желудке тебе наверняка нужно.

Уолтер проглотил виски, закашлялся и беспокойно огляделся.

— Ее сейчас уже нет, верно? — спросил он. Его глаза были вытаращены и налиты кровью.

— В чем же дело?

— Я видел ее, — заявил он, схватив меня за кисть руки. Вблизи от него несло застарелым потом и мочой, изо рта воняло. Мне едва верилось, что это тот самый лощеный Уолтер, кривившийся на меня, когда задники моих туфель не были вычищены.

— После твоего ухода она явилась и говорила со мной. Я думал, что сплю. Потом я подумал, что, может, вообще ничего не было, что она не умирала, что это был только сон. Но она была здесь, в этой комнате, и говорила со мной.

— Кто тут был? О чем ты говоришь?

— Констанс, — настаивал он. — Констанс была тут. Я сидел у камина, а она говорила со мной. Она стояла вон там, за этим креслом. Она улыбалась мне.

Я почувствовал холодный укол страха. Уже не было сомнений, что мощь Миксантикатли растет и распространяется все дальше. Если демон мог выслать дух Констанс в Дедхэм, то он скоро подчинит своей власти половину штата Массачусетс, а ведь он все еще находится на дне моря в медном ящике.

— Уолтер, — сказал я, стараясь сохранять утешающий тон. — Уолтер, у тебя нет никаких причин для беспокойства.

— Но она говорила, что хочет быть со мной. Она говорила, что я должен к ней прийти. Она молила, чтобы я убил себя, потому что тогда мы снова будем вместе. Она молила меня, Джон. Перережь себе горло, Уолтер, просила она. В кухне есть острый нож, ты даже не почувствуешь этого, говорила она. Смело перережь себе горло и присоединись ко мне, говорила она.

Уолтер дрожал так сильно, что я должен был придерживать его за плечи, чтобы он успокоился.

— Уолтер, — уговаривал я. — Это не Констанс говорила с тобой. Это была не настоящая Констанс, так же, как и Джейн, которая ее убила, не была настоящей Джейн. Ты видел что-то, что выглядело как Констанс, но это дух, заключенный в «Дэвиде Дарке», управлял этим призраком и говорил ее ртом. Этот дух питается человеческими жизнями и человеческими сердцами, Уолтер. Он уже забрал жизнь Джейн и Констанс; теперь он хочет забрать и твою.

Уолтер, казалось, не понимал. Он бестолково смотрел на меня, тревожно косясь по сторонам.

— Не Констанс? Что это значит? У нее было лицо Констанс, вид, голос... Как может быть, чтобы она была не Констанс?

— Это было только ее изображение, как в кино. Ведь когда ты видишь в кино Фэй Данауэй, то у ее изображения лицо Фэй Данауэй, ее голос и так далее, но ты хорошо знаешь, что видишь совсем не настоящую Фэй Данауэй.

— Фэй Данауэй? — повторил сбитый с толку Уолтер. Он явно был выведен из равновесия. Сейчас он нуждался прежде всего в покое, еде и отдыхе, а не в длинных дискуссиях о сверхъестественных явлениях.

— Идем, — сказал я. — Пойдем перекурим. Но сначала переоденься и прими душ. Как думаешь, справишься сам? Тебе станет лучше.

Вверху, в большой бело-голубой спальне Уолтера, я вытащил для него чистое белье, штаны, теплый свитер и твидовый плащ. Уолтер выглядел очень хрупким и бледным, когда вышел из ванной, но по крайней мере он до некоторой степени успокоился, а душ и бритье его даже немного освежили.

— Честно говоря, не люблю пиццу, — признался он. — Здесь неподалеку, на Милтон-роуд, есть небольшой ресторанчик, где подают великолепную мясную запеканку с устрицами. Ресторанчик называется «Диккенс». Напоминает английское кафе.

— Ну, раз у тебя появилось желание съесть мясную запеканку с устрицами, это значит, что тебе уже лучше, — заявил я. Уолтер поддакнул, вытирая волосы полотенцем.

Ресторанчик «Диккенс» отлично подходил для обеда вдвоем в спокойной обстановке. В нем были небольшие отгороженные кабины и полированные сосновые столы, а освещение имитировало газовые фонари. Мы заказали суп из зеленого горошка «Слава Лондона», запеканку с устрицами «Тауэр Бридж» и пиво «Гиннесс» промочить горло. Уолтер почти десять минут ел молча. Наконец он отложил ложку и облегченно посмотрел на меня.

— Не могу выразить, как я рад, что ты пришел, — сказал он. — Собственно, ты спас мне жизнь.

— Между прочим, приехал я как раз по этой причине, — ответил я. — Я как раз и хотел поговорить с тобой о спасении жизни.

Уолтер отломил кусочек пшеничного хлеба и намазал его маслом.

— Все еще пробуешь собрать деньги на ваше спасательное предприятие?

— Да.

— Не сердись, Джон, но я все обдумал и не вижу возможности вытащить столько денег у людей, которые доверили мне свои капиталы под твердое обеспечение. Эти люди не ищут большой прибыли, это осторожные, подозрительные отцы семейств, вкладывающие деньги в долгосрочные проекты.

— Послушай меня внимательно, Уолтер, — сказал я. — Два дня назад Джейн снова пришла ко мне ночью. На этот раз она совсем не походила на призрак. Она была реальна и материальна, совсем как живая. Она сказала, что сила, заключенная на этом корабле, демон или что-то еще, может возвращать жизнь людям, которые недавно умерли и все еще блуждают по Стране Мертвых, как она ее называла. Это наверно что-то вроде чистилища.

— О чем это ты говоришь? — спросил Уолтер.

— Очень просто: этот демон предложил мне три жизни в обмен на свою свободу. Если я помогу освободить его со дна океана и прослежу, чтобы он не попал ни в руки мистера Эвелита, ни кого-либо из музея Пибоди, то я верну Джейн, нашего сына и Констанс.

— Констанс? Ты серьезно?

— Ты думаешь, я шучу? Успокойся, Уолтер, ты же меня уже знаешь. Этот демон обещал, что отдаст мне Джейн, нашего ребенка и Констанс, вернет их к жизни целыми и невредимыми, как будто ничего не случилось.

— Я просто не могу в такое поверить, — заявил Уолтер.

— Во что ты не веришь, ко всем чертям? Ты же видел, как Джейн кувыркалась в воздухе. Ты же видел, как твоя собственная жена ослепла от холода в моем саду. Ты же верил мне до этого, когда я рассказал тебе о Джейн. Почему же ты теперь не можешь мне поверить?

Уолтер отложил кусок хлеба и с несчастной миной пережевывал откушенный кусок.

— Потому что это слишком красиво, чтобы быть правдой, — признался он. — Чудес просто не бывает. По крайней мере, мне не следует на это надеяться.

— Хотя бы подумай, — настаивал я. — Тебе не обязательно сегодня принимать решения. Освобождение демона может быть довольно рискованным предприятием, судя по тому, как он вел себя в семнадцатом веке. Но, с другой стороны, люди сейчас далеко не так суеверны, как раньше, поэтому я не думаю, что этот демон будет в состоянии влиять на нас так же сильно, как в 1690 году. Если верить мистеру Эвелиту, демон тогда ухитрился сделать так, что небо потемнело и на много дней наступила непрерывная ночь. Я не могу себе представить что-то подобное сейчас.

Уолтер медленно принялся за суп. Потом он сказал:

— Он действительно обещал, что отдаст мне Констанс? Не слепую? Целую и невредимую?

— Да, — ответил я.

— Если бы я ее вернул... — выдавил он, медленно крутя головой. — То тогда было бы так, будто этот кошмар вообще не случился.

— Вот именно.

— Но как он это сделает? Каким чудом?

Я пожал плечами.

— Насколько мне известно, Микцанцикатли — верховный владыка мертвых, по крайней мере, в обеих Америках. На других континентах он появляется, вероятно, в ином виде.

— Тогда что было с мертвыми все это время, пока он был заключен на дне моря?

— Откуда же мне знать? Наверно, они сразу отправлялись в окончательное место предназначения. Им не нужно было опасаться, что Микцанцикатли использует их, чтобы получить больше крови, больше сердец, больше проклятых душ. Старый Эвелит твердит, что все другие сверхъестественные существа, добрые или злые, избегают Микцанцикатли. Он — абсолютный пария, злобный и испорченный до мозга костей, плюющий на все законы неба и ада. Но он, однако, оказался не настолько могуществен, чтобы избежать заточения в медном ящике и утопления в заливе Салем.

— И он на самом деле может воскресить Джейн и Констанс?

— Так он говорит. А по тому, что он уже сделал, у меня нет никаких оснований в этом сомневаться. Ты представляешь себе, сколько психической энергии требует одно только перенесение изображения Констанс в твой дом? Никто на свете не сможет сделать такое, вернее, ни один человек.

Уолтер надолго задумался. Потом наконец спросил:

— А что об этом говорят твои дружки из музея Пибоди? Наверняка, они не в большом восторге.

— Они об этом ничегошеньки не знают. Я ничего им не сказал.

— Считаешь, это разумно?

— Не очень. Но речь идет не о здравомыслии, Уолтер. Дело в том, что мы с тобой оба желаем вернуть наших умерших жен. Не задаром, конечно же. И не исключено, что мы подвергнем других людей опасности, хотя я сомневаюсь, уменьшит ли ее то, что вместо освобождения демона мы оставим его взаперти. Мы оба должны посмотреть правде в глаза: мы имеем дело с древней и непонятной мощью, которая руководит самым процессом смерти. Владыка Страны Мертвых, как его называют. Он и так собирается вновь принять правление, хотим мы этого или нет. Если мы оставим его на дне, то медный ящик в конце концов разъест морская вода до такой степени, что демон сможет освободиться без чьей бы то ни было помощи. Если же мы вытащим его и оставим в музее или отошлем старому Эвелиту, то кто знает, как долго те будут в состоянии удерживать его. Даже Дэвид Дарк не смог этого сделать, а ведь именно он привез демона в Салем. Так вот, с любой точки зрения положение безвыходное... Поэтому я и считаю, что мы оба должны хотя бы попытаться вернуть себе Джейн и Констанс.

Я был весьма доволен тем, что никто иной, кроме Уолтера, не слышал этой подленькой аргументации. В ней не хватало логики, в ней не хватало фактов, а прежде всего не хватало нравственности. Я не имел понятия, сможет ли

справиться с демоном старый Эвелит. По словам Энн, он уже разработал какой-то план, в осуществлении которого должны были участвовать Квамус, Энид и другие ведьмы Салема. Я не знал также, действительно ли подвергся коррозии медный ящик. И, что самое худшее, я не знал, какое ужасное влияние может оказать Микцанцикатли на живых и мертвых, когда мы с Уолтером выпустим его на свободу.

Я подумал о самом Дэвиде Дарке, который буквально взорвался в своем доме. Я подумал о Чарли Манци, раздавленном скрежещущими надгробиями. Я подумал о помощи. Я подумал о миссис Саймонс, напрасно взывающей о помощи. Я подумал и о Джейн, улыбающейся, пышнобедрой и дьявольски сексапильной, о своей такой реальной и все же нереальной покойной жене, которая восстала из гроба. Все эти видения перепутались в моей голове, вызывая страх, недоверие, угнетенность, апатию и ужас. Но у меня оставалась единственная надежда, за которую я с безрассудным упорством уцепился из всех сил. Единственная надежда, благодаря которой я мог победить в себе голый страх перед трупами, оживленными Микцанцикатли, детьми проклятого демона, и ужасной опасностью, которая нависнет над нашим миром, когда древнее зло будет освобождено. Это была надежда на то, что я снова увижу Джейн, что наперекор судьбе, наперекор всякой логике снова буду держать в объятиях ее роскошное тело. Это была надежда, от которой я ни при каких условиях не мог отказаться, невзирая ни на какие последствия. И Микцанцикатли хорошо знал это, поскольку был демоном.

— Я все еще не представляю, как из этого сделать пакет акций, — внезапно заговорил Уолтер.

— Это будет не так уж и трудно, — утешил я его. — Покажи своим клиентам фотоснимки «Вазы» и «Мэри Роуз». Скажи им, что это чертовски престижное предприятие. А потом еще объясни, что спасенный корабль будет выставлен на публичное обозрение, вероятнее всего, как главная достопримечательность в специально спроектиро-

ванном парке отдыха. Не преувеличивай, Уолтер, пять или шесть миллионов — это не такая уж и большая сумма.

— Как раз столько стоит дерьмовенький фильм, — с достоинством буркнул Уолтер.

— Послушай, — сказал я серьезно. — Ты хочешь вернуть себе Констанс или нет?

Кельнерша поставила перед Уолтером запеканку с устрицами. Уолтер начал производить в тарелке раскопки вилкой так, будто внезапно потерял всякий аппетит.

— Можете взять еще салат, если хотите, — сказала кельнерша. — Дополнительно платить не нужно.

— Спасибо, — буркнул Уолтер. Он устало, страдальчески посмотрел на меня через стол.

— А если из этого ничего не выйдет? — спросил он. — Если это только сон, иллюзии? Я поставлю крест на своей карьере и не верну Констанс.

— А если ты ничего не сделаешь, — ответил я, — то остаток жизни ты будешь говорить себе: «Я мог вернуть Констанс, но я очень боялся рискнуть».

Уолтер прорезал корочку запеканки, и изнутри вырвался пар. Он ел молча, явно не обращая внимания на вкус, и был так голоден, что съел все. Он допил вино и громко забарабанил пальцами по столу.

— Пять или шесть миллионов, так?

— Примерно.

— Можешь мне дать точную смету расходов?

— Конечно.

Он вытер губы салфеткой.

— Сам не знаю, куда я лезу, — заявил он. — Но я могу по крайней мере пойти на дно с честью.

— Помни о Констанс, — напомнил я ему.

— Помню, — ответил он. — Именно это меня и беспокоит.

Глава 28

Доктор Розен поставил свой «мерседес» у клиники Дерби, когда я остановился рядом на своем «торнадо» и помахал рукой, приветствуя его. Он остановился на тротуаре: худощавый, безукоризненно одетый мужчина с козьей бородкой, в огромных очках в калифорнийском стиле — в нижнем углу левой линзы были вырезаны инициалы хозяина. Я часто думал, что доктор Розен намного лучше смотрелся бы в Голливуде, чем в Салеме. По натуре он был эксгибиционистом и обожал общаться на медицинском жаргоне, изобилующем определениями типа «тск-аналог» или «акцептационный невроз».

Однако он был великолепный специалист — образованный, честный, беспокоящийся о пациентах в лучших традициях деревенских врачей Новой Англии, а его склонность к фанфаронству была всего лишь невинной слабостью.

— Добрый день, Джон, — весело сказал он. — Идем, выпьем кофе.

— Я пришел только навестить Энн, — объяснил я. Мы пошли вместе по испещренной пятнами солнечного света тропинке к застекленным дверям клиники. В приемном покое, где работал кондиционер, было прохладно и спокойно, звучала тихая музыка, вокруг стояли уникальные комнатные растения. Небольшой водопад, тихо позванивая, падал в бассейн неправильной формы, заселенный золотыми рыбками. На другом конце помещения сидела за столом красивая золотоволосая санитарка в белом халате, белой шапочке и безукоризненно белых больничных туфлях. Она явно не отличила бы кисту от куста, но

это совершенно не имело значения. Она просто была необходимым элементом «мягкой атмосферы», создаваемой доктором Розеном.

— Кто-нибудь звонил, Марго? — спросил доктор Розен, проходя мимо стола.

— Только мистер Уиллис, — ответила Марго и затрепетала черными как смоль ресницами. — Ох, и еще доктор Кауфман из Западного Израиля.

— Соедини меня с доктором Кауфманом через десять минут, хорошо? — поручил доктор Розен. — Уиллис пусть останется на более позднее время. Пока он сам не позвонит. Речь шла о его фиброзе?

— Наверно, да.

— Идем, Джон, — пригласил он меня жестом. — Спасибо, Марго.

— Пожалуйста, — мурлыкнула Марго.

— Новенькая, да? — заметил я, входя за Розеном в его просторный кремовый кабинет. Я огляделся. На стене висела все та же большая картина маслом работы Эндрю Стевовича — женщина с лунными глазами и двое лунных мужчин. Я знал каждую подробность, каждый оттенок и цвет этой картины, поскольку долгие часы просиживал напротив нее, рассказывая доктору Розену о своей депрессии и одиночестве.

Доктор Розен сел за широкий тисовый стол и мельком просмотрел почту. Не считая утренней корреспонденции, угол стола был пуст, там стояла лишь небольшая абстрактная статуэтка, напоминающая свернутый треугольник. Доктор Розен сказал мне когда-то, что эта статуэтка символизирует сущность силы врачевания в каждом человеческом организме. У меня это скорее связывалось с тяжелым случаем несварения, но я оставил это мнение при себе.

— Энн, — отозвался доктор Розен, словно продолжая уже начатый разговор. — Энн перенесла болевой шок и серьезную контузию; у нее сломана кисть, афиксия мышц, растянуты сухожилия бедер. Ну, шок с тех пор наверно уже миновал, но физическое облегчение наступит лишь через пару дней.

Он замолчал и, наморщив лоб, посмотрел на письмо от Питера Бента Бригхема, а потом поднял на меня взгляд, выражающий сдержанное любопытство.

— Наверно, предпочитаешь не рассказывать, как это случилось? — спросил он.

— Разве Энн ничего не говорила?

— Сказала, что занималась гимнастикой и упала, но мне очень трудно поверить в такое. Особенно если учесть, что она должна была падать с широко расставленными ногами, как балерина, выполняющая поперечный шпагат. К тому же, синяки и царапины на коже явно указывают, что она вдобавок была еще и голой.

Я пожал плечами и постарался сделать вежливое бесстрастное лицо.

Доктор Розен с минуту наблюдал за мной, дергая себя за козлиную бородку. Наконец он сказал:

— Джон, я не утверждаю, что травмы Энн как-то связаны с тобой. Но напоминаю, что я врач, и, как врач, я должен задавать вопросы. Это — принадлежность моей профессии. Врач не только лечит симптомы, но и старается распознать причины на случай, если симптомы появятся вновь. Он не занимается только механическим исправлением поломанных костей.

— Знаю, доктор, — я кивнул. — Но прошу мне верить: между нами не было ничего... как бы вы выразились? Ничего несоответственного.

Доктор Розен поджал губы, явно не удовлетворенный моим ответом.

— Послушайте, — продолжал я. — Я не избивал ее. Я почти ее не знаю.

— Она была с тобой в ту ночь, когда это случилось, и какое-то время она была голой.

— Но так бывает, доктор. Люди иногда раздеваются догола по ночам. Но прошу верить, что ее нагота не имела ничего общего со мной. И ее повреждения тоже. Я только привез ее сюда, чтобы вы ею занялись.

Доктор Розен встал и сделал пару кругов вокруг стола, глубоко засунув руки в карманы брюк.

— Ну что ж, — сказал он. — Я не смогу доказать, что ты врешь.

— А вы так хотите это доказать?

— Я только хочу знать, что случилось. Джон, эта девушка ушиблась не во время занятий гимнастикой. Ты это знаешь, и я тоже. Я не собираюсь совать нос в твои дела. Я не гражданский комитет в одном лице. Но как врач я должен знать, как дошло до того, что Энн была так грубо избита и оскорблена. Ее повреждения имеют аналог лишь с одним... честно говоря, садомазохизмом.

Я вытаращил на него глаза.

— Вы шутите? Садомазохизм? Вы на самом деле думаете, что Энн Патнем и я...

Доктор Розен побагровел и поднял руки.

— Джон, прошу тебя, не надо ничего объяснять.

— Видимо, я должен, раз дело дошло до того, что вы считаете, будто я привязал Энн Патнем к поручням кровати и исхлестал ее бичом.

— Прошу прощения. Я вообще не имел в виду, что... — доктор Розен замолчал, не закончив фразы. — Извини. Я просто все еще не могу понять, как были нанесены эти травмы. Не сердись. Это было крайне бестактно с моей стороны.

— Было бы, конечно, еще более бестактно, если бы я ее действительно избил, — заметил я.

— Еще раз извини. Хочешь сейчас к ней зайти? Наверно, процедуры уже закончились.

Доктор Розен вывел меня из кабинета и пошел впереди по коридору. Резиновые подошвы его ботинок поскрипывали по натертому паркету пола. Он все еще был озабочен. Я видел это по цвету его ушей. Но как я мог убедить его в том, что мы с Энн не резвились в комнате для пыток? Доктор Розен никогда не поверит, что дух Джейн подвесил Энн в воздухе вверх ногами и издевался над ней с помощью психокинеза.

Энн сидела на белом бамбуковом кресле в углу комнаты и усердно просматривала «Пирамиду за двадцать тысяч долларов». Она выглядела бледной, больной, ее рука

висела на перевязи, под глазами были синяки. Она плотно завернулась в халат, как будто мерзла.

— Энн, пришли гости, — заявил доктор Розен.

— Привет, — сказал я. — Как себя чувствуешь?

— Спасибо, лучше, — ответила она и выключила телевизор. — Ночью были кошмары, но мне на ночь кое-что дали.

Доктор Розен оставил нас одних. Я присел на край постели.

— Я на самом деле чувствую себя виноватым, — сказал я. — Мне не следовало приглашать тебя к себе домой.

— Это была моя ошибка, — ответила Энн. — Мне не надо было вмешиваться. Я должна была знать, что Микцанцикатли слишком силен для меня.

— Главное, что сейчас ты в безопасности.

Энн подняла на меня взгляд. Ее левый глаз сильно оплыл.

— Но какой ценой? Это — куда хуже.

— Никакой цены нет. Я уже раньше раздумывал над такой возможностью.

— Ты на самом деле раздумывал об освобождении Микцанцикатли?

— Конечно. Он обещал, что вернет мне жену и сына. Что бы ты сделала на моем месте?

Энн отвернулась. За окном, в свете солнца, с лужайки взлетела птица и устремилась в небо.

— Наверняка то же самое, — наконец призналась Энн. — Но теперь у меня все же есть чувство, что ты принял такое решение только из-за меня. Мне кажется, что моя жизнь была куплена ценой жизни всех этих людей.

— Каких людей?

— Тех, которые умрут, когда Микцанцикатли выйдет на свободу.

— Но почему люди должны умирать из-за освобождения демона, которому больше трехсот лет?

— Микцанцикатли куда старше, — поправила меня Энн. — Он был очень стар уже тогда, когда Дэвид Дарк привез его в Салем. В культуре ацтеков он известен с

незапамятных времен. И он всегда требовал жертв. Он требовал людских сердец, чтобы насытить свой желудок, людских жизней, чтобы насытить свой дух, людской любви, чтобы обогреться. Он паразит, не имеющий никакой цели, кроме продления собственного существования. Ацтеки использовали его для запугивания тех своих соплеменников, которые отказывались платить дань Микцанцикатли и богу Солнца. Дэвид же Дарк пытался с его помощью заставить жителей Салема чаще ходить в церковь, и это была единственная роль, которая им отводилась демону. Я гарантирую тебе, Джон, что как только Микцанцикатли очутится на свободе, он тут же примется искать следующие жертвы.

— Энн, — мягко запротестовал я. — Сейчас иные времена. Люди уже не верят в демонов. Как может Микцанцикатли влиять на людей, которые в него не верят?

— Это не имеет значения. Ты же не верил, что Джейн может восстать из гроба, пока сам не увидел ее, но ведь это не ослабило ее мощи, не так ли?

Я немного помолчал. Потом я посмотрел на Энн и пожал плечами.

— Во всяком случае, уже поздно. Я дал обещание Микцанцикатли. Я должен сдержать свое слово. Посмотрим, что из этого выйдет. Я все еще не верю, что нам грозит такая большая опасность.

— Она будет еще больше, чем ты можешь вообразить. Как ты думаешь, почему я просила тебя, чтобы ты позволил мне умереть? Моя жизнь — это мелочь в сравнении с тем, что может сделать Микцанцикатли.

— Но ведь я же обещал, — напомнил я ей.

— Да, ты обещал. Но что стоит обещание, данное демону? Если бы ты подписал договор с Гитлером или Сталиным, а затем нарушил его, кто бы мог упрекнуть тебя? Мог бы кто-нибудь сказать, что ты нелоялен и не заслуживаешь доверия?

— И Гитлер, и Сталин наверняка бы так поступили. И то же самое скажет Микцанцикатли, если я нарушу слово и не выпущу его на свободу.

— Джон, я хочу, чтобы ты нарушил слово. Я хочу, чтобы ты открыто сказал Микцанцикатли, что не освободишь его.

— Энн, я не могу. Он убьет тебя.

— Моя жизнь не имеет значения. Кроме того, ты не должен об этом волноваться, если сомневаешься в мощи Микцанцикатли.

— Я не сомневаюсь в мощи Микцанцикатли. Я просто считаю его недостаточно сильным, чтобы благоденствовать в обществе, которое не верит в демонов.

Энн вытянула руку и прикоснулась к моей руке.

— Дело также и в Джейн, ведь так? И в твоём неродившемся сыне?

Я долго смотрел на нее, потом опустил голову.

— Да, — признался я. — Дело в Джейн.

Мы долго сидели и молчали. Наконец я встал с постели, наклонился и поцеловал Энн в лоб. Она поймала мою руку и пожала ее, но не сказала ни слова. Не сказала даже «до свидания». Я прикрыл за собой дверь так тихо, будто запирал двери в мавзолее.

На обратном пути я завернул в приемную и налетел на Дугласа Эвелита. Он сидел в кресле на колесиках, которое толкал Квамус, а за ними шла Энид Линч. Все трое были одеты празднично: старый Эвелит надел черный смокинг и крылатку, а между коленями держал трость с серебряной ручкой. На Квамусе был серый плащ английского покроя, на Энид же — обтягивающее платье из серой шерсти, четко обрисовывавшее затвердевшие от холода соски ее грудей.

— Хорошо, что я вас встретил, мистер Трентон, — заявил Дуглас Эвелит, протягивая мне руку. — Хотя нет, пожалуй, плохо, что я вас встретил, учитывая обстоятельства. Энн рассказала мне по телефону, что случилось.

— Она звонила вам?

— Конечно. Все мои ведьмы относятся ко мне как к отцу. — Он улыбнулся, хотя в улыбке было мало веселья. У него было подозрительное, оценивающее и критическое выражение лица. Что на самом деле случилось в доме на

Аллее Квакеров и почему Энн в таком состоянии? Я чувствовал, что этих людей объединяет сильная психическая связь, а я ненароком вторгся в связывающий их магический круг и вызвал сигналы тревоги внутри их объединенных умов. У меня было неприятное предчувствие, что если бы я как-то обидел Энн или нарушил наш договор о немедленной доставке Микцанцикатли в дом Дугласа Эвелита, когда мы достанем корабль, они узнали бы об этом тут же, немедленно, без расспросов.

— Энн... чувствует себя значительно лучше, — заявил я. — Доктор Розен говорит, что она может вернуться домой уже сегодня вечером или завтра утром. Он только хочет увериться, что она пришла в себя после потрясения.

— Энн сказала мне, что это был дух, — заявил Дуглас Эвелит. — Дух вашей умершей жены.

— Да, — признался я и посмотрел на Квамуса. Его лицо не выражало никаких чувств. Неподвижное, каменное лицо не моргая наблюдало за мной, ни на секунду не спуская с меня холодного пронизательного взгляда.

— Да, — повторил я. — Произошел определенный конфликт. Энн хотела на время освободить меня от этих призраков, но моя жена этому воспротивилась.

— Скорее, Микцанцикатли воспротивился. Ведь именно этот демон, как вы уже знаете, вызывает появление духа вашей жены.

— Вот именно, Микцанцикатли, — поддакнул я. Я чувствовал себя очень виноватым. Все трое смотрели на меня так, будто я продал собственную мать торговцу рабами. Они явно что-то чувствовали, хотя и не были уверены, что это такое.

— Наверное, для вас будет лучше, если вы уйдете из дома на пару недель, — заметила Энид. — Вам есть куда пойти?

— Я мог бы поселиться у моего тестя в Дедхэме. Раз уж о нем зашла речь, то мне кажется, что он будет в состоянии собрать достаточные фонды для подъема «Дэвида Дарка».

— Ну, это действительно чрезвычайно приятное известие, — заявил старый Эвелит. — Но только зачем вам

ехать в Дедхэм? Если хотите, можете пожить у меня, в Тьюсбери. У меня есть свободная комната, которую я с радостью предоставляю в ваше распоряжение на столько времени, на сколько будет нужно. К тому же, для вас и для меня это будет даже удобнее, когда вы и ваши коллеги займетесь подъемом корабля, не так ли? Вы могли бы ежедневно информировать меня о ходе работы, и за это пользоваться моей библиотекой, если вам понадобятся дополнительные сведения.

Я посмотрел на Энид, Квамуса и старого Эвелита. Пребывание в резиденции Биллингтонов наверняка будет трудным и скучным, но, с другой стороны, даст мне возможность пользоваться всеми книгами и бумагами старого Эвелита. Может, я даже смогу узнать, как Эвелит собирается расправиться с Микцанцикатли, когда мы вытянем демона из моря. Если я узнаю, что он хочет сделать, чтобы обуздать его, то, может, я найду и способ освободить демона.

Дуглас же Эвелит пригласил меня, вероятно, затем, чтобы я был у него на виду, так же как я хотел шпионить за ним. Но мне это не мешало. Настоящая конфронтация наступит только тогда, когда мы найдем Микцанцикатли и достанем его из моря.

— Я позвоню вам, — сказал старый Эвелит. — Так что собирайтесь. Квамус поможет вам переехать. Хорошо, Квамус?

Квамус ничем не показал, что согласен и что он вообще слышал вопрос. Энид приблизилась к инвалидному креслу и сказала:

— Вы не должны выходить из дома на такое долгое время, мистер Эвелит. Пойдемте к Энн, а потом вернемся домой. Мистер Трентон, я очень рада вашим успехам в финансовых делах.

И вся троица удалилась по коридору. Колесики кресла Дугласа Эвелита вращались с тихим скрежетом. Я обернулся и заметил, что ко мне приглядывается блондинистая медсестра, Марго.

— Ваши друзья?

— Знакомые.

— Странноватые, правда? Или вы со мной не согласны?

— Странноватые? Может быть. Но вы наверно знаете, что разные люди считают странным разное. О вас, например, тоже наверняка думают, что вы странная.

Марго затрепетала своими длинными искусственными ресницами.

— Я странная? Чем это я странная?

Я улыбнулся ей и свернул в кабинет доктора Розена, чтобы попрощаться. Позже, когда я уже выходил из клиники, Марго все еще изучала себя в карманном зеркальце, морща брови, надувая губы и стараясь понять, почему кто-то может считать ее странной.

На улице дул холодный ветер. У меня почему-то было сильное ощущение, будто что-то висит в воздухе. Что-то грозное, неотвратимое и пронизывающее неодолимой дрожью.

Глава 29

Эдварду, Форресту и Дану Бассу потребовалась неделя, чтобы составить довольно подробную смету расходов на подъем «Дэвида Дарка» с илистого дна к западу от Грейнитхед. В течение этой недели мы ныряли в отмеченном месте одиннадцать раз.

Нам повезло: на четвертый раз мы нашли четыре доски, уже прогнившие, торчащие рядом из ила. Позже оказалось, что это части обшивки кормы. Тогда мы впервые убедились, что «Дэвид Дарк» действительно лежит там, погребенный в иле, поэтому мы отметили этот вечер дюжиной бутылок лучшего калифорнийского вина.

Во время последующих погружений мы достали кучу досок обшивки, и вскоре стало ясно, что «Дэвид Дарк» лежит, накренившись под углом около тридцати градусов, а его корпус с одной стороны сохранился целехоньким до самого спардека. Эдвард позвонил в Санта-Барбару, штат Калифорния, своему другу, художнику-маринисту по имени Питер Нортон, и Питер обещал помочь нам с подготовкой предварительных эскизов и карт.

Питер лично три раза нырял к кораблю и копался в иле, чтобы пощупать поломанные остатки кормы и черные, прогнившие клепки обшивки. Потом, молчаливый, поглощенный тем, что увидел, он сел в гостиной Эдварда с мольбертом и пачкой бумаги и нарисовал для нас по памяти почти точный эскиз «Дэвида Дарка» — такого, каким он был сейчас, — а также разрезы корпуса.

На двенадцатый раз погрузился в воду и я. Был светлый, мягкий день, и видимость была исключительно хорошая. Эдвард спустился вместе со мной — белая расплывчатая фигура в мире без ветра и гравитации. Мы приблизились к «Дэвиду Дарку» с северо-востока. Когда я впервые увидел корабль, я не мог понять, каким чудом Эдвард не замечал его все годы подводных поисков. Кроме черных шпангоутов, которые теперь были очищены от наносов ила, корпус «Дэвида Дарка» проступал на дне океана удлинённым овальным холмиком, напоминающим подводную могилу. В течение трех столетий морские течения, омывая затопленный корабль, выбили в дне по обе стороны углубления и нанесли кучу грязи на верхнюю палубу, как будто пытались скрыть вещественные доказательства давнего, но не прощенного убийства. Я оплыл корабль вокруг, в то время как Эдвард указывал мне очищенные заклепки обшивки и кормы, после чего движением руки показал, насколько наклонился корабль, когда падал на дно. Я смотрел, как Эдвард проплывает над кораблем туда-сюда, примерно в трех или четырех футах над ним, поднимая небольшие облака ила, похожие на кочаны цветной капусты. И тут я неожиданно припомнил то, что мне сказала старая Мерси Льюис из Салема: «Держись подальше от места, где не летает ни одна птица». Здесь и было то самое место, в глубинах Салемского залива. Мерси Льюис предупредила меня, но было уже слишком поздно. Я сам приговорил себя к тому, что принесет мне судьба, и сам обязан освободить Микцанцикатли, если демон действительно находится в корабле.

Когда мы вынырнули на поверхность, Эдвард прокричал мне:

— Ну и как? Фантастика, а?

Я помахал ему, тяжело дыша. Потом доплыл до «Диогена» и взобрался на палубу по канатам для ныряльщиков. Ко мне подошла Джилли и спросила:

— Ты видел его?

Я кивнул.

— Удивительно, что его раньше никто не нашел.

— Вообще-то нет, — вмешался Дан Басс. — Чаще всего видимость настолько плоха, что можно проплыть в нескольких футах и ничего особенного не заметить.

Эдвард взобрался на палубу и стряхнулся, как промокший тюлень.

— Это на самом деле необычно, — заявил он. Он отдал маску Джилли и стянул с головы оранжевый капюшон. — Производит какое-то безумное впечатление, будто ты нарушаешь ход истории... ведь именно этот корабль никогда не должен был бы быть найденным. Знаете, что он мне напоминает? Те древние кельтские курганы, которые можно заметить только с самолета.

— Ну что ж, — сказал я. — А теперь, когда мы его уже нашли, сколько времени займет его извлечение на поверхность?

Эдвард высморкал воду из носа.

— Мы с Даном поразмыслили над квартирмейстерской частью этой операции. Сколько аквалангистов и подводных археологов нам будет нужно, сколько устройств для погружения, какое оборудование. Нам нужно арендовать склад на берегу, чтобы хранить там оборудование и все доски, которые лежат на дне отдельно. Все, что мы найдем, нам нужно будет каталогизировать, снабдить номером, зарисовать и сохранить с целью последующей реконструкции. Каждую доску, каждый обломок мачты, каждый нож, вилку и ложку, каждую кость и каждый кусок ткани. Потом нужно будет нанять рефрижератор, чтобы сохранить деревянные части от гниения, и, естественно, нужно будет как-то законсервировать сам корпус, когда мы его поднимем.

— Так все же сколько времени понадобится?

— Это зависит от бюджета, ну и от погоды. Если в этом году у нас будет мало времени для погружений и если мы сразу не получим все специальное оборудование, в котором мы нуждаемся, то работы могут затянуться на три или четыре года.

— Три или четыре года?

— Конечно, — ответил Эдвард. Он развернул таблетку от кашля и бросил ее в рот. — Это еще небольшой срок.

Подъем «Мэри Роуз» занял в три раза больше времени. Конечно, мы используем их опыт, может, даже одолжим часть их оборудования, которое они значительно улучшили. Как только бюджет будет утвержден, я и Форрест полетим в Англию, встретимся с ними и совместно определим, как поднять «Дэвида Дарка» с минимумом повреждений.

— Но, ради Бога, Эдвард, три или четыре года? А что с Миксанцикатли? Что со всеми теми людьми, которых будут преследовать призраки и которые могут погибнуть? Что со всеми душами умерших, которые не познают покой?

— Джон, очень жаль, но три или четыре года — это нижний предел. Если бы не необходимость спешить, то следовало бы ожидать, что историческое мероприятие такого масштаба заняло бы от восьми до десяти лет. Да понимаешь ли ты вообще, что у нас здесь? Абсолютно бесценный уникальный корпус, единственный корабль семнадцатого века, который сохранился до нашего времени в идеальном состоянии. Более того, этот корабль вышел в плавание с таинственной и необычной миссией. Ведь насколько известно, в нем все еще находится первоначальный груз.

Я поспешно вытер лицо полотенцем и бросил его на палубу.

— Ты мне ясно обещал, что мы достанем корабль как можно быстрее. Твои собственные слова.

— Конечно, — признал Эдвард. — И я сдержу слово. Три или четыре года — это неправдоподобно быстро.

— Но не в том случае, когда половину жителей Грей-нитхед терроризируют их умершие родственники. Не тогда, когда жизнь хотя бы одного человека находится в опасности. В этом случае три или четыре года — это целая вечность.

— Джон, — вмешался Форрест. — Мы не можем достать его быстрее. Это физически невозможно. Корабль необходимо извлечь с предельной осторожностью, убрать насосами ил и грязь; затем его необходимо укрепить,

чтобы он не развалился во время подъема на поверхность. Нам необходимо будет выполнить множество расчетов, чтобы установить, какие напряжения выдержит корпус. Потом нужно будет соорудить специальную раму и поместить в нее корпус, прежде чем его вытаскивать. Уже одно это означает три года работы.

— Ну хорошо, — уступил я. — Но ведь мы можем сначала вытащить медный ящик. Мы можем откопать трюм и вытащить ящик отдельно. Сколько времени это займет? Неделью, две?

— Джон, мы не можем работать так. Если мы накинемся на этот корабль как Джон Уэйн с «зелеными беретами», то причиним множество ненужного вреда и, может, сведем на нет ценность находки.

— О чем ты говоришь? Эдвард, что с тобой творится, ко всем чертям? Ты сказал, что подъем корабля со дна моря займет немного времени. Хорошо, я согласен с этим. Но ты ни словом не обмолвился, что на это потребуются целые годы. Мне-то всегда казалось, что это вопрос пары недель, самое большее — месяца.

Эдвард положил мне руку на плечо.

— Я никогда не говорил, что мы можем достать «Дэвида Дарка» в течение пары недель, и никогда, ни на минуту, не пытался убедить тебя в этом. Джон, этот корабль — необычайно хрупкая и ценная историческая реликвия. Мы не можем относиться к нему как к обычной затонувшей моторной лодке.

— Но мы не сможем так быстро избавиться от этого черта-Микцанцикатли, — настаивал я. — Мы же должны это сделать, Эдвард. Не спорь, ведь именно так было с «Мэри Роуз»: сначала достали все орудия, а лишь потом поднимали корпус.

— В отношении корпуса ты прав, и мы, естественно, вытащим Микцанцикатли в первую очередь, а уж потом займемся остальной частью корпуса. Может, мы достанем медный ящик в начале будущего сезона, если нам повезет. Но мы не можем себе позволить разваливать весь корабль ломами и кирками, пока не установлено, в каком он

состоянии, в каком лежит положении и как лучше всего его сохранить.

— Эдвард! — закричал я. — Этот проклятый корпус никому не нужен! Дело совершенно не в нем! Мы должны найти Микцанцикатли, только это сейчас важно!

— Извини, Джон, — ответил Эдвард. Он протер очки, посмотрел через них на солнце и, шуря глаза, проверил, чисты ли стекла. — Никто из нас не разделяет твоего мнения, поэтому оно не учитывается.

— Вот уж не знал, что здесь есть какой-то комитет. Я думал, мы просто группа людей, стремящихся к некой цели.

— Разве нельзя пойти на компромисс? — вмешалась Джилли. — Разве мы не можем как-нибудь договориться, что этот медный ящик имеет первостепенное значение?

— Он и имеет первостепенное значение, — запротестовал Эдвард. — Господь свидетель, я предпочел бы постепенно откопать весь корпус и не вытягивать ящик, пока мы не обозначим и не каталогизируем все, включая содержимое трюма. Но я пошел на компромисс до такой степени, что готов вытащить ящик, как только мы уберем всю верхнюю палубу и получим к нему доступ. Ты не можешь от меня требовать большего.

— Эдвард, — сказал я. — Я требую, чтобы ты опустил вниз и взял столько инструмента, сколько сможешь, любого инструмента, а потом проник внутрь корабля и нашел этот медный ящик. Чтобы ты принял это как задание номер один.

— Я не сделаю этого, — ответил Эдвард.

— Тогда забудь о деньгах и забудь обо мне, раз уж ты с самого начала решил, что меня можно водить за нос.

— Я не водил тебя за нос. Я вообще не обещал, что вломлюсь в этот корабль как Кинг-Конг и выхвачу оттуда демона, разрушая по пути все, что будет мешать. Джон... Джон, послушай. Послушай меня, Джон. Мы историки, понимаешь? Мы не охотники за реликвиями и не специалисты морской спасательной службы, мы даже не торговцы реликвиями. Знаю, что время торопит. Понимаю твое нетерпение...

— Черта лысого ты понимаешь! — завопил я. — Ты сидишь в своем музее с Джимми Форрестом и остальной шайкой и все время только копаешься в пыли. Пыль, реликвии, старые книги, только этим и живешь. Ну так вот, я хочу тебе напомнить, что здесь, вокруг, реальный мир и что в этом мире человеческие ценности имеют намного больший вес, чем история.

— Но ведь именно история и является человеческой ценностью, — заявил Эдвард. — Вся история учит нас человеческим ценностям. Как ты думаешь, какого черта мы тут делаем? Мы углубляем свое знание о человеке! Как ты думаешь, зачем нам этот корабль? Мы просто хотим знать, почему наши предки несмотря на страшный шторм решили отправиться в море, чтобы избавиться от останков ацтекского демона. Не говори мне, что это не касается человеческих ценностей. И не говори мне, что мы окажем человечеству услугу, если разворотим этот корабль и уничтожим бесценные исторические данные, которые там могут находиться.

— Ну что ж, — сказал я более спокойно. — Кажется, вы, историки, и я придерживаемся диаметрально противоположных взглядов на то, что считать услугой человечеству. Мне не остается ничего другого, как утихомириться и убраться из этой лодки, как только мы доплывем до пристани. На этом — конец, Эдвард. Прощай.

Дан Басс взглянул на Эдварда, как будто ожидал, что Эдвард извинится. Но оскорбленный яйцеголовый — самое упрямое существо на свете, и Эдвард в этом не был исключением. Он стянул мокрый комбинезон, бросил его Джилли и прогнусавил:

— Возвращаемся. Эта прогулка неожиданно перестала быть приятной.

Подошел Форрест, неся в обеих руках кофейник с горячим кофе.

— А что с финансами? — спросил он. — Что мы будем делать без тестя Джона?

— Справимся, ясно! — провизжал Эдвард. — Я поговорю с Джерри из массачусетского инвестиционного фон-

да. Его достаточно заинтересовала идея использовать «Дэвида Дарка» как приманку для туристов.

— Ну... раз ты считаешь, что сможешь откуда-то вытряхнуть шесть миллионов... — неуверенно начал Форрест.

— Я вытряхну откуда-нибудь эти шесть миллионов, ясно? — проревел Эдвард. — А теперь возвращаемся в Салем, пока я не сказал чего-нибудь такого, о чем буду жалеть.

Мы повернули, и Дан Басс направил лодку в сторону берега. Никто ничего не говорил, даже Джилли держалась от меня в стороне. Когда мы пришвартовались на пристани Пикеринга, я, не теряя времени, соскочил с «Диогена», перебросил сумку через плечо и направился в сторону автостоянки.

— Джон! — закричал кто-то мне вслед. Я остановился и повернулся. Это был Форрест.

— В чем дело? — спросил я.

— Я хотел только сказать, мне жаль, что так получилось, — буркнул он.

Я посмотрел на «Диоген» и на Джилли, которая складывала комбинезоны и сыпала их тальком. Она даже не подняла головы и не помахала мне рукой на прощание.

— Спасибо, Форрест! — сказал я. — Мне тоже жаль.

Глава 30

Однако я ошибся, думая плохо о Джилли. Я вернулся в дом на Аллее Квакеров и как раз собирал багаж — несколько рубашек и свитеров — перед переездом к старому Эвелиту, когда зазвонил телефон.

— Джон? Это я, Джилли.

— Джилли? Я думал, ты уже не разговариваешь со мной, как и все эти высушенные археологические мумии из музея Пибоди.

Она рассмеялась.

— Я не хотела их злить. Пойми, Джон, уже много месяцев я веду у них корабельный журнал, они зависят от меня. Но я считаю, что Эдвард глупо вел себя в отношении этого медного ящика, который нужно извлечь из трюма. Ведь если этот ящик действительно имеет связь с духами, то я считаю, что его нужно вытащить в первую очередь.

— Я тоже так считаю, — уверил я ее. — Но ты видела, какотреагировал Эдвард. И это тот человек, который клялся, что всегда будет моим другом. Уж лучше иметь дело с Микцанцикатли. По крайней мере известно, что от него можно ожидать.

— Разве Эдвард на самом деле обещал тебе, что вы сразу вытащите этот чертов медный ящик?

— Он дал мне понять, что это так и есть. Как можно быстрее, вот что он говорил мне. Я знал, что это нельзя уладить за две минуты, даже когда локализуем корпус. Но не было и речи о целых годах. Это дело слишком срочное, чтобы растягивать его на годы. Так или иначе, а демона нужно оттуда извлечь, и побыстрее.

Джилли помолчала, потом сказала:

— Ты сегодня вечером уезжаешь в Тьюсбери, да?

— Точно.

— Тогда я заскочу к тебе попозже, если сможешь подождать до девяти или десяти вечера. Мне сначала нужно закончить переучет в салоне.

— Хорошо, жду тебя между девятью и десятью. Можешь даже приезжать и позже.

Я закончил паковать и сделал обход всего дома. Спальни были тихи и пусты. Везде царил удивительная душная атмосфера, как будто дом чувствовал, что я уезжаю. Я заглянул в ванную на втором этаже, чтобы забрать щетку для зубов. В ней я остановился на секунду и взглянул на свою физиономию в зеркале. Она выглядела явно утомленной. Под глазами у меня были лиловые пятна, профиль приобрел удивительный, лисий вид, как будто решение освободить Микцанцикатли изменило меня, как безнравственное поведение хозяина меняло портрет Дориана Грея.

Я взял чемодан и спустился вниз. Там я убедился, что краны закручены, а холодильник отключен и разморожен. Потом я вошел в гостиную и проверил, не забыл ли я чего. Я собирался даже забрать картину с «Дэвидом Дарком», на всякий случай, ведь старый Эвелит мог что-то не заметить на картине, прежде чем ее продать.

Я все же собирался пожить в Тьюсбери, у Эвелита, хотя и не относился уже к группе Эдварда. Честно говоря, теперь мне более чем когда-либо хотелось знать о Микцанцикатли и о «Дэвиде Дарке», поскольку я пришел к выводу, что если Эдвард уперся рогами по поводу медного ящика, то мне придется извлекать его самому. Несмотря на отсутствие опыта и невзирая на все юридические препоны, касающиеся подъема судов из моря.

Я убедился, что огонь в камине погас, затем потушил свет в гостиной и приготовился уйти. Но когда я уже хотел закрыть двери, я опять услышал этот шепот, тихий, мерзкий шепот. Я заколебался, прислушиваясь. Потом я напряг зрение, стараясь заметить, есть ли кто-нибудь в

темноте гостиной. Шепот все еще звучал, похотливый и умильный, шепот извращенца-убийцы. Я посмотрел в сторону камина и убедился, что между поленьями вижу две слабо светящиеся алые точки, как будто глаза дьявола.

Я заколебался, затем зажег свет. В гостиной никого не было. Огонь погас, в холодном пепле не было видно ни искорки. Я окинул гостиную быстрым взглядом, затем потушил свет и запер дверь. Я знал, что пока мой дом будет сборищем призраков, я не смогу вернуться в него. Слишком много зла скрывалось здесь, слишком много холодной ненависти. Действительно, мне не грозила никакая физическая опасность, но если бы я вынужден был жить здесь дальше, то, вероятнее всего, свихнулся бы.

Я прошел через холл и поднял чемодан. Тогда знакомый голос произнес:

— Джон.

Я оглянулся. Джейн стояла у подножия лестницы, ее босые ноги висели в нескольких дюймах над второй снизу ступенью. Она по-прежнему была одета в свою белую погребальную рубашку, бесшумно волнующуюся, как будто ее продувало снизу. Она улыбалась мне, но лицо ее более чем когда-либо напоминало голый череп.

Я отвернулся от нее. Я не хотел ни видеть ее, ни слышать. Но Джейн прошептала:

— Не забывай обо мне, Джон. Что бы ты ни делал, не забывай меня.

С минуту или две я стоял неподвижно, раздумывая. обратиться ли к ней и добавить ли ей надежды, обещая спасти, или же послать ее куда подальше. Ведь это наверняка была не Джейн, а очередной призрак, созданный Микцанцикатли, и разговаривать с призраком не имело смысла.

Я вышел из дома и запер двери на ключ. Потом решительно пересек Аллею Квакеров. Я обещал себе, что не вернусь, пока Микцанцикатли не будет свободен и пока он не выполнит своей части заключенного нами договора.

Но я не мог удержаться от того, чтобы не посмотреть в последний раз на пустой, слепой фасад дома, который

когда-то был нашим домом, моим и Джейн. Дом казался таким заброшенным и бесхозным, что казалось, будто злая сила, которая навестила его, успела его отметить печатью разложения, раскрошила штукатурку и кирпичи, надломив балки крыши. Я повернул ключик в машине и включил скорость. Машина покатила по Аллее Квакеров, подсакивая на ямах и выбоинах.

Я проехал около половины аллеи, когда увидел Кейта Рида, который шел по левой стороне дороги, ударяя тростью по кустам. Я затормозил около него и опустил стекло.

— Кейт? Что у тебя слышно?

Кейт бросил на меня взгляд и продолжал шевелить тростью кусты.

— Я думал, ты уже со мной не разговариваешь, — проскрипел он.

— Я простил тебя, — ответил я. — Что случилось? Ты потерял что-то?

— Потерял? Ты разве ничего не слышал?

— О чем? В последнее время я непрерывно курсирую в Грейнитхед и назад, как бумеранг.

Кейт подошел к машине и оперся о капот. Он казался таким же нервным и измученным, как и я. У него текло из носа, поэтому я подал ему гигиеническую салфетку из отделения для перчаток. Кейт шумно высморкал нос и сказал:

— Исчез Джордж.

— Исчез Джордж? Как это?

— Просто исчез. Он вышел из дома вчера после полудня. Заявил, что идет навестить своего брата Уилфа. Ну это, конечно, вздор, Уилф уже давно мертв. Но с той поры мы не видели Джорджа, и мы все его ищем.

Я отклонился назад на сиденье машины и закусил губу. Значит, Микцагцикатли похитил и Джорджа Маркхема. Я был уверен в этом. И хотя я не хотел говорить об этом Кейту, чтобы не портить ему настроение, я был уверен, что Джорджа уже нет на этом свете, так же как и миссис Саймонс, и Чарли Манци.

— Я позже тоже посмотрю, — обещал я ему. — Я ненадолго уезжаю в Тьюсбери, но я вернусь.

— Хорошо, — бросил Кейт. Когда я поехал, он продолжал идти вдоль изгороди и ударять тростью по веткам, разыскивая своего старого партнера по картам, живого или мертвого. Я чувствовал нарастающую подавленность, когда выехал на шоссе и свернул на юг, в сторону Восточно-бережного шоссе. Зловещая мощь демона нависала над Грейнитхед как грозовая туча, черная и страшная, такая могучая, что могла воскресить мертвых и покрыть все небо тьмой.

Уже стемнело, когда я добрался до Тьюсбери. Я остановил машину перед фигурными железными воротами владений старого Эвелита, нажал звонок и ждал, пока Квамус меня впустит. Бдительный доберман не спускал с меня взгляда, как и в первый раз. Этот пес действительно был охотник до человечины. Он наблюдал за мной с хищным нетерпением, царапая когтями гравий подъездной аллеи.

В конце концов Энид Линч убрала пса и подошла открыть ворота. На ней было длинное, до пят, вечернее платье цвета индиго и белое боа, а зачесанные назад волосы она сколола алмазными гребешками. Она выглядела совершенно как Джин Харлей в фильме «Обед в восемь», только я совершенно не чувствовал себя Уоллесом Бирком.

— Так значит, вы приняли приглашение мистера Эвелита, — сказала она, приподняв выщипанную бровь. Затем заперла за мной дверь на ключ.

— Вас это удивляет?

— Отчасти. Я думала, что вы предпочтете поселиться в мотеле «Говард Джонсон».

Я поднялся за ней по ступенькам к входным дверям.

— Я не уверен, должен ли воспринимать это как комплимент.

Она провела меня наверх, в мои апартаменты. Они состояли из большой гостиной, обставленной удобной, хотя и несколько старомодной, мебелью: кресла, диваны,

темно-коричневые ковры; на стенах написанные маслом картины: дракутские леса и виды реки Мискатоник. Рядом с камином стояли полки, заполненные книгами в кожаных обложках, большей частью по геологии и физике. По соседству располагалась приличных размеров спальня с кроватью, все жесткие части которой были из бронзы, и большим настенным зеркалом в позолоченной раме, а рядом была древней конструкции ванна с душем, который, видимо, протекал уже много лет, судя по зеленым пятнам на кафельном полу.

— Я уведомлю мистера Эвелита о вашем появлении, когда он закончит послеобеденную сиесту.

— Но ведь уже вечер. Разве он всегда спит так долго?

— Это зависит от того, какие у него сны. Иногда он спит весь остаток дня и просыпается лишь на следующий день утром. Он говорит, что выполняет столько же работы во сне, как и наяву.

— Понимаю, — буркнул я, ставя чемодан.

— Позовите меня, если будете в чем-то нуждаться, — сказала Энид.

— Пока мне ничего не нужно. Еще одно: вечером ко мне заедет одна моя приятельница. Мисс Джилли Маккормик. Надеюсь, это не доставит вам много хлопот?

— Естественно. Квамус ее впустит.

— Квамуса сейчас нет?

Энид странно посмотрела на меня, как будто я задал неприличный вопрос. Я резко открыл чемодан и сделал вид, что полностью занят распаковкой вещей. Энид заявила:

— Обычно мы ужинаем в девять. Вы любите бифштексы?

— Конечно, это звучит великолепно.

— Отлично. Прошу вас, чувствуйте себя как дома. Мистер Эвелит сказал, что вы имеете свободный доступ в библиотеку.

— Благодарю. Ну что ж... до свиданья.

Я вытащил рубашки и белье и уложил их в глубокие, пропитанные кисловатым запахом ящички комода. Потом

прогулялся по своим апартаментам, рассматривая книги и фигурки. Затем выглянул в окно. Из гостиной был виден сад за домом, представляющий почти джунгли. Было слишком темно, чтобы осмотреть его подробно, но я заметил высокие, футов по сто высотой, сосны, а немного ближе к дому гигантскую шелковицу. В комнатах не было телевизора. Я решил отметить на будущее, что завтра нужно будет принести транзисторный приемник. Я плюхнулся на диван, задрал ноги выше головы, и старался заинтересоваться книгой под названием «Напряженности в поясе Мохоровича», когда часы на камине пробили 20:30. В ту же минуту двери открылись и вошел Дуглас Эвелит. На нем был вечерний наряд, смокинг и галстук-бабочка, а седые редеющие волосы были зачесаны назад и намажены чем-то, что пахло лавандовым маслом. Он подошел, пожал мне руку и сел рядом, сдержанно улыбаясь. Длинным пальцем с блеклым ногтем он повернул обложку книги, чтобы узнать, что я читаю.

— Гм, — сказал он. — Что вы вообще знаете о Мохо?

— Мохо?

— Геологический жаргон. Если бы вы знали что-то о Мохо, то поняли бы, о чем я. Ну что же, никогда не поздно начать чего-то изучать. Но вам лучше взять что-нибудь попроще. Вот книга «Основы геологии», она вам больше подойдет.

— Спасибо, — буркнул я. — Непременно загляну в нее.

Дуглас Эвелит окинул меня неподвижным взглядом. Потом он сказал:

— Я не был уверен, что вы приедете. Ну, может, не до конца. Я сказал Энид, что это зависит от того, как часто вас пугает ваша жена.

— С чего вы взяли?

— Попробую объяснить следующим образом, — сказал Дуглас Эвелит. — Вы принимаете участие в поисках «Дэвида Дарка» не потому, что вас интересует археология, и не ради прибыли. Вас посещает дух умершей жены, так же как многих жителей Грейнитхед, которых посещают

их покойные родственники. Вы желаете открыть перво-причину этих явлений и уничтожить ее.

— Это правда, — признался я. — Я хочу достать «Дэвида Дарка» главным образом из-за присутствия в нем Микцанцикатли.

Дуглас Эвелит снял очки, сложил их и убрал в карманчик в лацкане смокинга.

— И потому, мистер Трентон, у нас с вами одна цель. Конечно, я понимаю археологическое значение «Дэвида Дарка». Это будет одно из самых важных открытий в морской истории Америки. Но медный ящик, который находится в трюме этого корабля, для меня в сто раз важнее окружающих его прогнивших досок. Прежде всего меня интересует Микцанцикатли.

— У вас есть какая-нибудь конкретная причина? — спросил я. Я знал, что мой вопрос может прозвучать нагло, но раз мы оба интересовались кораблем, то я считал, что должен знать, зачем старому Эвелиту понадобился Микцанцикатли. Может, тогда я узнаю и о том, что Эвелит собирается сделать с ним, когда демон окажется в его руках, и найду способ освободить демона.

— Причина проста, хоть в нее трудно поверить, — ответил старый Эвелит. — Но во времена процессов ведьм в Салеме мой предок, Джозеф Эвелит, был одним из самых жестоких судей. Он один верил, что ведьмы действительно находились под влиянием дьявола, даже когда истерия прошла и «Дэвид Дарк» был выслан из Салема, чтобы утонуть в море. После окончания процессов Джозеф безуспешно старался довести дело до казни всех оставшихся подозреваемых. Он убеждал жителей Салема, что процессы ведьм не были ошибкой, что они на самом деле помогли освободить Салем от страшного зла и спасти души тех, кто был повешен, от судьбы значительно худшей, чем виселица. Единственный, кто ему верил, был, конечно, Эйса Хаскет, и именно Хаскет помог Джозефу бежать из Массачусетса, когда тот был вынужден спастись от гнева своих старых друзей и тех, кто вместе с ним вел процессы. Он бежал из Салема переодетый женщиной, но

был схвачен отрядом горожан на Свомпскотт-роуд и брошен в тюрьму. Он встретил таинственный и ужасный конец. Его вывели в лес и передали в жертву индейцам из племени наррагансет, которые уже несколько лет страдали от голода из-за неурожая и уничтожения грызунами запасов пищи. Шаман наррагансетов отдал Джозефа Эвелита Духу Будущего, слуге Микцанцикатли, которого ацтеки называли Тецкатлипока, «дымящееся зеркало». Мой предок не погиб от рук Тецкатлипоки, не «умер» в общепринятом смысле этого слова. Он стал его рабом на целую вечность и терпел бездну боли и унижения. Тецкатлипока по натуре зол: он носит голову змеи, подвешенную за одну ноздрю, как говорят ацтеки, а его чародейским амулетом является ампутированная рука женщины, умершей от родовых мук.

Я промолчал. Я уже знал слишком много ужасных проявлений магии, чтобы не поверить, что история, рассказанная Дугласом Эвелитом, полностью или частично правдива. Разве корпус «Дэвида Дарка» не был найден точно в том месте, где указал Эвелит?

— Тецкатлипока, — продолжал старый Эвелит, — еще более обнаглел с тех пор, как Микцанцикатли был заключен в ящик. Тецкатлипока — это демон болезней и морового поветрия: именно ему мы обязаны всеми крупными эпидемиями, какие с того времени охватывали Соединенные Штаты. Болезнь легионеров, рак, различные роды гриппа, а также его новейшая шуточка, аллергия.

Дуглас Эвелит надолго замолчал. Потом он продолжал дальше:

— С помощью Энид... Энид, Энн Патнем и оставшихся ведьм, ведущих свой род от первых ведьм Салема... с их помощью я смог связаться с Джозефом Эвелитом, используя знаки на спиритических сеансах. Пока я не освобожу его от власти Тецкатлипоки, моя семья будет проклята и приговорена к гибели, вечно мучима призраком болезни и разрушения. Моя жена и двое детей... они умерли от воспаления легких. Я сам уже много лет болею ангиной.

— Что же это имеет общего с Микцанцикатли? — спросил я. — Очередной демон лишь ухудшит положение.

Эвелит покачал головой.

— Тецкатлипока — слуга Микцанцикатли и обязан ему подчиняться. Если Микцанцикатли будет у меня и я свяжу его с помощью тех же магических уз, какие использовал шаман наррагансетов во времена Дэвида Дарка, то я смогу заставить его отпустить моего предка. Проклятие будет снято.

— А почему вы не можете использовать ту же магию, чтобы связать Тецкатлипоку? Как слуга Микцанцикатли, он наверняка менее могуч, чем господин.

— Верно. Но заклятия, связывающие Микцанцикатли, сохранились до нашего времени. В то же самое время не сохранилось ничего, касающегося Тецкатлипоки. Мы с Квамусом пробовали сотни заклятий и формул, множество ритуалов. Некоторые из них действовали и вызвали сюда множество таких жестоких духов, о каких вы никогда и не слышали, и даже не можете их себе вообразить. Именно это сопровождалось светом и шумом, которые так бесили наших соседей. Но ни одно из заклятий не смогло укротить Тецкатлипоку или связать ему руки.

Я встал и прошелся вокруг дивана. Неожиданно мне стало не по себе сидеть так близко от Дугласа Эвелита. В нем было что-то сухое и нереальное, как будто смокинг был только фасадом, скрывавшим отсутствие тела.

— А какая у вас может быть гарантия, что Микцанцикатли сделает то, чего вы от него потребуете? — спросил я.

— У меня нет никаких гарантий. Просто демон должен поверить, что получит свободу только тогда, когда отпустит моего предка.

— И вы его освободите?

Дуглас Эвелит покачал головой.

— Я буду его соблазнять обещанием свободы. Можете ли вы себе представить, что случится, если я действительно освобожу этого демона? Он владеет огромной силой, он страшнее десятка мегатонных ядерных бомб. Он может

влиять на погоду, на ход истории, даже на вращение земного шара. Он может поднять мертвых из гробов и насылать на живых ужаснейшие муки.

— Вы уверены в этом?

— Вам нужны какие-то доказательства? Микцанцикатли около трехсот лет лежит на дне Салемского залива, потому у меня нет примеров из новейшей истории, которые подтверждали бы правоту моих слов. Но давайте вместе пойдем в библиотеку, и я представлю вам неоспоримые доказательства того, что именно Микцанцикатли отвечает за уничтожение целого народа тольтеков в Мексике. Что его европейское воплощение было причиной всех эпидемий черной смерти, которые только в Европе унесли двадцать пять миллионов человек, и это длилось до конца семнадцатого века, пока Эйса Хаскет не заключил его в ящик. Я представлю вам доказательства, и неоспоримые, и, признаюсь, только косвенные, что Микцанцикатли был замешан в почти все самые кровавые войны и самые жестокие деяния в истории человечества. Плиний пишет, что Калигула, самый жестокий и распутный из всех римских Цезарей, спустя восемь месяцев после начала своего правления попал в сети демона, которого сам называл Костяным Человеком.

— Вы не считаете, — осторожно вмешался я, — что демону трудно будет удержаться в наше скептическое время? Ведь частично источник могущества демона — вера в него, не так ли?

— Демоны — это не колдуньи из мультфильмов, — заявил старый Эвелит, поворачиваясь, чтобы взглянуть на меня. — Мы не станем сильнее потому, что миллионы во все мире будут вопить: «Не верим в демона!»

— И тем не менее, — настаивал я. — Я не верю, чтобы какой-то гигантский скелет мог серьезно потрясти людей, которые живут под угрозой ядерной войны, ездят на машинах, построили дома высотой чуть ли не в милю. Вы-то в это верите? На самом деле?

— Что вам ответить? — вздохнул старый Эвелит. — Микцанцикатли — самое могучее и самое мстительное

существо всех времен, за исключением Господа нашего, Бога. Опасаюсь, что термоядерные бомбы, «шевроле» и небоскреб Сирса не произведут на него ни малейшего впечатления. Нет, извините.

В ту же минуту раздался короткий стук в дверь, и вошел Квамус.

— Мистер Эвелит, покорнейше прошу простить. Прибыла гостя к мистеру Трентону. Мисс Маккормик.

Дуглас Эвелит встал.

— Проводи ее сюда, Квамус. Может, она останется у нас на обед, мистер Трентон?

— Если это не будет для вас слишком хлопотно.

— Ну почему же? Этот дом уже много лет не видал гостей. У нас будет приятное общество.

Вошла Джилли. Я представил ее Дугласу Эвелиту. Она улыбнулась и кивнула головой. Вся эта усадьба, ворота, доberman и старинная обстановка дома явно смущали ее. Когда же Дуглас Эвелит оставил нас двоих, она подошла, нежно обняла меня и поцеловала. На ней было льняное платье с вышитыми узорами на карманах и на плечах, в котором она выглядела молодо, свежо и привлекательно.

— Я чувствую себя так, будто нахожусь в замке Дракулы, — заявила она. — Ты проверил, отражается ли мистер Эвелит в зеркалах?

— Уже слишком поздно, — ответил я. — Садись. Я даже налью тебе бокальчик. Останешься на обед?

— С удовольствием. Этот дом так безумно выглядит.

Я налил две небольшие порции виски из початой бутылки, которую привез в чемодане.

— Как там Эдвард? — спросил я. — Бесился после моего ухода?

— Эдвард просто смешон. Не думай о нем плохо. Он так долго искал этот корабль, что теперь, когда нашел его, буквально боится к нему прикоснуться. Он из тех археологов, которые обожают исследовать неведомое, но когда наконец им удастся найти разгадку, они понятия не имеют, что с этой разгадкой делать.

— Наверно, я понимаю, в чем тут дело. Но почему он так трясется над этим корпусом? Почему рогом уперся, чтобы доставать его так медленно? Ведь он же знает, что демон очень опасен.

— Он просто боится совершить ошибку, — объяснила Джилли. — Если он повредит этот корабль, то все его знакомые по музею Пибоди будут считать его безграмотным любителем. Кроме того, люди не относятся к нему серьезно, так же, как и к тебе. Никто не верит в демонов, даже я. Ну, ты веришь в демонов, но ты исключение. Во всяком случае, если он грубо вломится в корабль и уничтожит его, а потом окажется, что там ничего нет или что этот медный ящик не содержит ничего опасного... то как он позже сможет все объяснить? «Я разрушил ценный исторический памятник, так как думал, что в нем сидит дьявол?» Иисусе. Джон, его же просто выгонят с работы. Его и так хотят выгнать, он чересчур часто берет отгулы за свой счет.

— Мое сердце истекает кровью от жалости, — сказал я без тени сочувствия. — А в это время кошмарные призраки мучают жителей Грейнитхед. Знаешь, что сегодня ночью исчез мой сосед? Он сказал, что идет на встречу со своим умершим братом, а теперь его не могут найти. Клянусь тебе, Джилли, я готов сам нырнуть и вытянуть оттуда этот медный ящик.

— Если действительно хочешь это сделать, поспеши. Эдвард хочет завтра зарегистрировать этот корабль как собственность «Морского археологического треста Уордвелла-Броу», или как там он его назовет. А еще он хочет устроить так, чтобы береговая охрана отметила буем место, где лежит «Дэвид Дарк» и следила за ним круглые сутки. К тому же он собирается дать объявление в газеты и по телевидению.

— А я думал, он хочет пока все сохранять в тайне.

— У него было такое намерение, но после твоего ухода он уже не может рассчитывать на деньги твоего тестя, поэтому ему крайне нужна какая-то дотация. Он даже думал сам пойти к нему и спросить, заинтересован ли тот в деле.

— Даже так? — прорычал я. Я кипел негодованием. Неприятно ссориться с тем, кого терпеть не можешь, но еще хуже ссориться с тем, к кому хорошо относишься. Эдварда я любил, даже очень, но я знал, что наша дружба навсегда прекратилась из-за «Давида Дарка». Мне придется самому доставать медный ящик, невзирая на возможные повреждения исторического корабля, и я должен сделать это быстро. Лучше всего завтра утром. Я поговорю об этом с Дугласом Эвелитом. Может, он сможет мне помочь.

— Здесь нет духов? — неожиданно спросила Джилли.

— Ни одного, — уверил я ее.

— Мистер Эвелит не рассердится, если я останусь на ночь?

Я внимательно посмотрел на нее.

— Наверное, нет. Он очень терпимый старичок.

— А ты? — лукаво спросила она. — Ты не рассердишься?

Я пожал плечами. Джилли подошла ближе и поцеловала меня.

— Знаешь, некоторые мужчины не любят назойливых женщин.

Я ответил поцелуем и почувствовал возбуждающее прикосновение ее пышных упругих грудей.

— Не надо говорить мне про всяких чокнутых, — заявил я.

Глава 31

После обеда, когда Джилли поднялась наверх, а Энид и Квамус ушли на кухню, мыть посуду, мы с Дугласом Эвелитом уселись в библиотеке. Горели свечи. Дуглас Эвелит показывал мне книгу за книгой, документ за документом, пока стол не затрещал под горами бумаги. Все они касались Микцанцикатли и его страшной мощи. Прежде чем пробила полночь, я уже был убежден, что мы стоим лицом к лицу со зловещей разрушительной силой, в сравнении с которой сам Сатана покажется совершенно безвредным.

— Кажется, подъем Микцанцикатли со дна становится все более срочной задачей, — сказал я Дугласу Эвелиту.

Старик фыркнул и пожал плечами.

— Трудно сказать. Нынешняя активность демона может быть обусловлена какими-то исключительно теплыми течениями, протекающими вблизи корабля. Помните, что Микцанцикатли реагирует на тепло, а при низкой температуре теряет способность к действиям. Может быть, с приходом зимы все сверхъестественные явления прекратятся сами по себе. Но я лично предпочел бы не рисковать, несмотря на то, что желаю как можно быстрее освободить моего предка из-под власти Тецкатлипоки. Какая удача, что вы и ваши друзья решили заняться подъемом «Дэвида Дарка». Для меня это прямо-таки небесное благословение.

— Мистер Эвелит, — сказал я озабоченно. — Боюсь, что между мной и моими приятелями возникло определенное расхождение во мнениях.

— О? Надеюсь, это не повлияет на наше мероприятие?

— Очень жаль, но я не могу это полностью исключить. Видите ли, мои друзья по профессии архивные крысы, глотающие пыль в музее, и им больше всего нужно сохранить корпус корабля точно в том виде, в каком он был найден. Конечно, это понятно и в определенном смысле даже достойно похвалы, если бы речь шла об обычном корабле. Проблема в том, что если «Дэвид Дарк» должен быть надлежащим образом сохранен, то извлечение медного ящика состоится значительно позже, чем я полагал. Может быть, мы не успеем извлечь его даже в течение этого сезона.

— То есть Микцанцикатли пролежит там до будущего года?

— Все указывает на это. Я протестовал, но они и слушать меня не хотят. Ни один из них не видит духа умершей жены или брата. Конечно, они верят в Микцанцикатли, но по сути дела совершенно не понимают опасности. У них чересчур интеллигентский подход к делу. Они не видят необходимости спешить.

Старый Эвелит посмотрел на горы книг и бумаг.

— Может, надо им все это показать, — буркнул он. — Может, тогда до них дойдет.

— Мистер Эвелит, боюсь, времени уже нет. Мисс Маккормик сказала мне сегодня вечером, что мистер Уордвелл собирается завтра предъявить право собственности на корабль. С той поры каждый, кто возьмется изучать или повредит его корпус, будет считаться преступником. Береговая охрана начнет патрулировать место, чтобы не позволять посторонним лицам нырять там. Не забывайте, что мистер Уордвелл работает на Пибоди, для местных воротил, и власти Салема обеспечат ему охрану и поддержку. В конце концов «Дэвид Дарк» станет огромной приманкой для туристов, когда будет поднят со дна.

— При условии, что они смогут справиться с Микцанцикатли, — хмуро заметил старый Эвелит.

— Это не все. Уордвелл не собирается сразу доставлять сюда Микцанцикатли, согласно обещанию. Он решил

сначала внимательно его обследовать и узнать, почему он вам так нужен.

— Микцанцикатли просто разорвет его на части, — заявил старый Эвелит. — Он что, свихнулся? Микцанцикатли раздерет его на куски! Разве он все еще не отдает себе отчета, что такое этот демон? Вы должны удержать его! Мистер Трентон, вы должны удержать его любой ценой!

Я покачал головой.

— Я пробовал. Он уже принял решение. Сначала корпус, потом Микцанцикатли, потом открытие медного ящика. Джилли... мисс Маккормик утверждает, что он не даст себя убедить...

Дуглас Эвелит был глубоко взволнован. Он пару раз обошел стол, затем стал с хлопками закрывать все книги, которые перед этим открыл, одну за другой. Наконец он поднял на меня взгляд и сказал:

— Завтра рано утром вы должны спуститься под воду к «Дэвиду Дарку». Мы обязаны вытащить этот медный ящик. Иначе, спаси Господи, мир окажется перед лицом катастрофы — такой катастрофы, какой он не видел уже десять поколений.

— Именно это я и хотел вам предложить, — сказал я. — Срочная поездка завтра утром. Возьмем ломы и лебедку.

— Вы думаете, ломов будет достаточно? — бросил Дуглас Эвелит. — Посмотрите на это.

Я перевернул грудку бумаг и нашел контурный эскиз «Мэри Роуз», который изучил раньше, желая лучше понять проблемы, связанные с подъемом «Дэвида Дарка».

— Медный ящик находится в трюме, — сказал он. — Это значит, что даже если корабль наклонен под углом в тридцать градусов, нужно пробиться через три палубы и Бог знает сколько тонн ила, прежде чем найдешь его. Понимаю, почему мистер Уордвелл не хочет вытаскивать ящик прямо сейчас. Невозможно достать ящик в разумный срок, не разбирая палубы. К тому же он настолько длинен, что при его загрузке наверняка потребовалось частично разбирать палубы, а потом снова собирать их.

— Тогда каким чудом я смогу извлечь ящик за одно утро? — спросил я.

— Очень просто, — ответил старый Эвелит. — Мой хороший знакомый руководит демонстрационной фирмой в Лексингтоне. Квамус сейчас к нему поедет и привезет два ящика динамита и подводный бикфордов шнур.

— Динамит? Никогда в жизни не имел с ним дела. Ага, понимаю. Вы хотите взорвать «Дэвида Дарка»?

— А вам известен другой способ извлечь Микцанцикати прежде чем корабль будет зарегистрирован и береговая охрана закроет вам доступ к нему?

— Ну... — начал было я. Потом поднял руки в знак капитуляции.

— Не беспокойтесь, — утешил меня Дуглас Эвелит. — Квамус — опытный аквалангист, он поплывет с вами. Мистер Уолкотт из салецкого Общества спасения на водах — его знакомый. Раньше они ныряли вместе. Мистер Уолкотт позволит вам использовать свою лодку и оборудование. Я попрошу Квамуса позвонить ему, как только он вернется из Лексингтона.

— Вы считаете, Квамус пригодится? Ведь ему уже по меньшей мере шестьдесят лет.

— Квамус живет в этом доме с тех пор, как я был ребенком, — ответил Дуглас Эвелит. — Мой отец рассказывал мне, что Квамус играл с ним в лошадки, когда еще он был ребенком.

— Вы говорите серьезно? Но это же значит, что Квамусу больше...

— Много больше ста лет, — поддакнул Дуглас Эвелит. — Да. Я сам часто думаю об этом. Но не стоит его об этом спрашивать, он не ответит. В лучшем случае уйдет и никогда с вами больше не заговорит. И что самое интересное: какой-то Квамус упомянут в дневнике Джозефа Эвелита от 1689 года.

Я промолчал. В доме Дугласа Эвелита мне казалось, что я попал в чужой, магический мир. Собственно, я не чувствовал страха, но знал, что должен сохранять осторожность. Здесь действовали могучие силы, которых нель-

зя было объяснить в рамках науки и строгой логики, но пока я поступал рассудительно, я всегда мог использовать их к своей пользе.

— Вам следует сейчас поспать, — сказал Дуглас Эвелит. — Я скажу Квамусу, чтобы он разбудил вас в шесть часов утра. За завтраком я объясню вам, как использовать динамит для уничтожения «Дэвида Дарка».

— Тогда спокойной ночи, — сказал я, вставая. — И еще раз благодарю за гостеприимство.

— Это — всего лишь вопрос общих интересов, — ответил Дуглас Эвелит, и прежде чем я успел что-то добавить, углубился в чтение. Лишь когда я добрался до середины лестничной клетки, я осознал, куда я влез. Нелегальное использование взрывчатых веществ под водой. К тому же я был только начинающим ныряльщиком, и у меня не было совершенно никакого опыта в обращении с динамитом.

Когда я вошел в спальню, Джилли сидела в постели и читала «Историю морской геологии». Заметно пахло духами. Я сел в изножье кровати и стащил галстук.

— Интересно? — спросил я, кивая на книгу.

— Восхитительно, — ответила она. — Что тебя задержало так долго?

— Старый Эвелит и его старые, скучные документы. Нет, я не должен так говорить. Он чарует, особенно, когда рассказывает об оккультной истории Салема и Грейнитхед. Знаешь, что он мне сегодня рассказал о Квамусе?

— Квамус вызывает у меня дикое чувство страха.

— У тебя? Я вот, например, сегодня вечером узнал, что Квамусу чуть больше трехсот лет.

— Сколько ты выпил бренди?

— Слишком мало.

Я разделся, вычистил зубы и нырнул в постель. Перед этим я еще принял душ, но это сопровождалось таким страшным шумом, что у меня появилась нелюбовь к купанию. В трубах выло, скрежетало и пищало, а эхо многократно усиливало каждый звук.

Джилли легла навзничь, протянула ко мне руки и мягко расставила ноги. Я устроился между ее ног, целовал ее лоб, глаза и шею, плечи и нежные розовые соски пышных грудей. Мы любили друг друга молча, как будто это был обычный ночной ритуал, продляя каждое мгновение до предела наших сил. Когда я взглянул вниз и увидел ее оттопыренные губы, плотно обтягивающие мой распухший член, то все заботы, все страхи, все хмурые призраки показались очень далекими, как расстроенный оркестр, играющий где-то за спиной, и тут же ее ноги открыли невероятное зрелище, обхватив мою поясницу...

— Может, мне нужно еще раз поговорить с Эдвардом, — сказал я, когда, погасив свет, мы лежали, обнявшись, в чужой, холодной комнате. — Может, он не будет упрямиться.

— Попробуй. Хочешь, чтобы сначала с ним поговорила я?

Я помолчал, притворяясь, что раздумываю. На самом деле я хотел лишь усыпить бдительность Эдварда, чтобы он не заподозрил, что я собираюсь проникнуть в корабль, пока тот еще не зарегистрирован.

Если Джилли встретится с ним и предложит через пару дней еще раз по-дружески поговорить, то Эдвард, скорее всего, не заподозрит, что я прокрадусь на «Дэвида Дарка» теперь, пока его не охраняют и не отметили.

Квамус разбудил меня без пяти шесть. Джилли еще спала с волосами, рассыпавшимися по подушке, и с обнаженными грудями. Я нежно укрыл ее, прежде чем на цыпочках выйти из спальни. Моя одежда лежала пригтовленной в гостиной. Квамус сказал почти шепотом:

— Завтрак готов, мистер Трентон.

Когда я вошел в выложенную дубом столовую, лучи солнца уже падали через французское окно на другой стороне комнаты и отблескивали на серебряных вилках и тарелках из сподовского фарфора. На завтрак была яичница, булочка и кофе. Мистер Эвелит счел, что слишком обильный завтрак ни к чему, поскольку мне предстоит погружение.

Я ел пять или десять минут в одиночестве, пока не появился Дуглас Эвелит в коричневом стеганом халате, посасывая сигаретку. Он сел напротив и смотрел, как я намазываю булку маслом. Потом взмахом руки разогнал дым над столом и сказал:

— Надеюсь, дым вам не мешает. Ежедневно в шесть часов утра я выкуриваю одну сигарету, есть у меня такая отвратительная привычка. Как вы себя чувствуете?

— Нервничаю.

— Это хорошо. Если вы нервничаете, то будете осторожны. Расскажу вам, что сделано за ночь. Квамус добыл два ящика динамита, а также соответствующий бикфордов шнур. Все уже загружено в багажник машины. Мистер Уолкотт будет ждать вас на пристани в Салеме и отвезет вас на лодке к «Дэвиду Дарку». Возьмёте с собой воздуходувку и с ее помощью выдуете узкую щель в иле у корпуса «Дэвида Дарка». В эту щель вы поместите оба ящика динамита, а затем всплывете наверх, разматывая бикфордов шнур. Сделан он главным образом из магния, поэтому будет гореть в воде. Подожжете его, затем как можно быстрее отплывете подальше, пока динамит не взорвется. Согласно предварительным расчетам, которые я сделал ночью, взрыв должен полностью разнести корпус «Дэвида Дарка» и разбросать собравшийся в том месте ил. Затем начнется более трудная часть задачи: вам нужно обыскать дно почти вслепую, прежде чем ил опустится, и найти медный ящик буквально за несколько минут. К счастью, у Уолкотта есть металлоискатель, с помощью которого вы должны управиться довольно быстро. В это время мы передадим с какого-нибудь судна у Сингин-Бич ложное сообщение береговой охране, чтобы отвлечь их внимание, ну, и можем только надеяться, что других любителей совать нос не в свое дело не будет.

— А что мы сделаем с Микцанцикатли, когда вытянем его на берег? — спросил я.

— Все готово и для этого. На пристани будет ждать грузовик-рефрижератор. Вы сразу загрузите в него ящик и привезете его сюда. Энид же займется подготовкой ко

всем тем ритуалам, с помощью которых мы опутаем Микцанцикатли. Она должна успеть к вашему появлению.

Я посмотрел на свой недоеденный завтрак, отодвинул тарелку и налил себе еще одну порцию кофе.

— Если что-то не выйдет, — спросил я старого Эвелита, — что грозит нам в наихудшем случае? Пятьсот долларов штрафа за взрыв под водой? Несколько месяцев тюрьмы?

Дуглас Эвелит сжал губы.

— Это все мелочи по сравнению с яростью Микцанцикатли. В самом худшем случае, мистер Трентон, все гробы в Салеме и Грейнитхед откроются и умершие восстанут, чтобы убить живых.

В эту минуту в столовую вошла Джилли, щурясь в блеске солнца.

— Я проснулась и увидела, что тебя нет, — сказала она. — Здесь все встают так рано?

— Мне нужно поехать в Бостон за сувенирами, — соврал я. — Я просто подумал, что лучше всего будет поехать пораньше утром.

Джилли села. Квамус подошел, чтобы налить ей свежего кофе. Он посмотрел на меня через стол, и по выражению его лица я догадался, что он спрашивает, готов ли я. Я вытер губы, отложил салфетку и встал. Джилли с удивлением посмотрела на меня.

— Ты даже не позавтракаешь со мной?

Я склонился над столом и поцеловал ее.

— Извини. Мне действительно нужно ехать.

— Ты себя хорошо чувствуешь? — спросила Джилли. Она украдкой посмотрела на старого Эвелита, как будто подозревала, что он напичкал меня какими-то наркотиками.

— Я чувствую себя великолепно, — уверил я ее. — Спокойно позавтракай и оставайся столько, сколько захочешь. Я позвоню тебе позже, в течение дня. Может, даже заскочу в салон. Не забудь сказать Эдварду, что мне нужно с ним переговорить.

— Хорошо, — задумчиво ответила Джилли, когда я выходил из столовой. Квамус провел меня в гараж. В темном гараже ждал «комби» Дугласа Эвелита, черный и блестящий. В багажнике лежали два больших ящика без каких-либо надписей. Квамус открыл передо мной дверцу. Я сел на место пассажира и с опаской посмотрел назад, на ящики.

— Сколько же там динамита? — спросил я Квамуса.

Квамус нажал кнопку дистанционного управления дверями гаража, посмотрел на меня и улыбнулся.

— Достаточно, чтобы в одну секунду перенестись отсюда в Линфилд.

— Благодарю за утешение, — буркнул я.

Мы разворачивались на гравии подъездной аллеи, когда на ступени перед домом вышла Энид и помахала нам. Квамус затормозил и опустил стекло в окне машины. Энид была бледна, ее волосы были растрепаны, и она казалась потрясенной.

— Что случилось? — спросил я ее. — Мы что-нибудь забыли?

— Нет, дело в Энн, — ответила она. — Звонил наш доктор. Доктор Розен, не так ли?

— Точно, доктор Розен. Что с Энн?

— Это ужасно. Ночью я почувствовала, что случилось что-то плохое. Знаете наверно, чувство неожиданной потери, чувство, что часть меня самой неожиданно исчезла. Очень холодное чувство.

— Что случилось? — нетерпеливо спросил я. — Ради Бога, скажите же, что случилось?

— Ее нашли утром в комнате. Она повесилась. Ее задержали в госпитале еще на один день для исследования. Сегодня утром, когда вошли в ее комнату, нашли ее висящей на люстре. Она повесилась на своем пояске.

— О Боже, — сказал я. Завтрак подкатил к моему горлу. Квамус коснулся лба жестом, который, вероятно, был индейским аналогом крестного знамения и значил: «Покойся с миром».

— Она оставила письмо, — добавила Энид. — Не помню точного содержания, но оно адресовано вам, мистер

Трентон. Звучит оно примерно так: «Вы не должны сдерживать обещание ради меня». Она не писала, в чем заключается это обещание и почему вы не должны его сдерживать.

Я закрыл глаза и опять открыл их. Все вокруг казалось серым, будто на черно-белой крупнозернистой фотографии.

— Я знаю, что это за обещание, — тихо прохрипел я.

Глава 32

Деятельный мистер Уолкотт из салемского Общества спасения на водах был невысоким, плечистым мужчиной со славянскими чертами лица, седыми кустистыми бровями и словарем, состоящим главным образом из двух выражений: «Пожалуй, так» и «Почему нет», которые через полчаса общения я счел чертовски раздражающими и безвкусными.

Мистер Уолкотт сказал, что его отец был англичанин, а мать — полька, что они вдвоем создали семью, которая оказалась отчасти романтической, отчасти свихнувшейся и отчасти гениальной, так что на эту тему он больше не скажет ничего. Он помог Квамусу загрузить ящики с динамитом на палубу своей лодки, девяностофутового, жирного от масла люгера, который я раньше видел пришвартованным на более грязном конце побережья Салема. Потом он включил дизельные двигатели, и безо всякой задержки мы отчалили от мола.

Утро было холодное, но море было спокойным, и у меня появилась уверенность, что в этих условиях я справлюсь с погружением. Я немного беспокоился из-за динамита, но повторял себе, что делаю это ради Джейн. Если я разыграю все хитро и осторожно, то верну ее себе целую и невредимую. Мне пришла в голову необычная мысль, что если Микцанцикатли сдержит обещание, то я могу получить Джейн уже сегодня вечером.

Квамус коснулся моего плеча и жестом велел мне перейти на корму люгера, где лежало наше оборудование для погружения. Молодая девушка с коротко остриженными волосами

и полосой масла на ноге проверяла наличие воздуха в аквалангах. Она была в таком же комбинезоне, как и мистер Уолкотт, ее глаза были такого же интенсивно голубого цвета, а мощная грудастая фигура явно показывала, что это его дочь. Она сказала «Привет» и посмотрела на нас с сомнением: седой индеец в возрасте от шестидесяти до трехсот лет и перепуганный торговец в темно-красном плаще.

— Хотите подготовиться, ребята? — спросила она. — Я Лори, Лори Уолкотт. Нырять кто-нибудь из вас раньше?

— Конечно, — резко ответил я.

— Я только спросила, — буркнула она и бросила мне непромокаемый комбинезон. Он не напоминал тот, который мне одалживали Эдвард и Форрест: серый, потертый, воняющий псиной, а в его складках застряли катышки влажного талька. Баллоны с кислородом также были потертые и поцарапанные, как будто использовались при разгоне атакующих акул. Однако следовало помнить, что Уолкотт был профессиональным аквалангистом-спасателем, а не одним из воскресных любителей. Уолкотт о таких говорил «плавающие педики».

— Вы еще можете отступить, — выговорил Квамус. — Не нужно погружаться, когда человек боится. Мистер Эвелит поймет.

— Разве так заметно, что я боюсь? — спросил я.

— Я сказал бы, скорее, что вы явно обеспокоены, — ответил Квамус с легкой иронической усмешкой.

— Вижу, вы ознакомились со «словарем синонимов», — огрызнулся я.

— Нет, мистер Трентон, я просто читаю это на вашем лице.

Когда Дан Басс вел нас к «Дэвиду Дарку», то он маневрировал почти пять минут, пока не установил «Диоген» в нужном положении относительно корабля. Но мистер Уолкотт, с обгрызенной трубкой во рту и грязной фуражкой на голове, сделал только один поворот, как на гонках, и бросил якорь точно в нужном месте. После погружения мы с восхищением заметили, что якорь упал точно у борта «Дэвида Дарка».

Теперь Уолкотт перешел на корму и включил мощный компрессор «Атлас-Конко». Могучая машина закашляла, зарычала, выплевывая облака черного дыма, но Уолкотт уверил нас, что она работает как часы. Компрессор был подключен к шлангу длиной в сто футов, а поток сжатого воздуха, вырывающийся с другого конца шланга, должен был проделать в иле рядом с корпусом затонувшего корабля дыру достаточно широкую и глубокую, чтобы вместить динамит. Я был удивлен, что Уолкотт не задавал никаких вопросов относительно цели нашей экспедиции, но, видимо, Квамус заплатил ему за отсутствие любопытства. Лори сидела на релинге и всматривалась в отдаленный горизонт так, будто от всего остального ее тошнило.

В несколько минут десятого Квамус и я спустились за борт лодки и погрузились в море. К счастью, вода в заливе была исключительно прозрачной, поэтому мы добрались до дна уже через пару минут. Мы быстро нашли корабль, и Квамус потянул за сигнальный шнур, давая Уолкотту знак, чтобы тот начал качать воздух.

Я присматривался к Квамусу через запотевшее стекло моей маски. Он был исключительно мускулист и в комбинезоне выглядел так, будто был вытесан из глыбы гранита. Но более всего меня привлекали его глаза. Обрамленные овалом маски, они посматривали задумчиво и серьезно, как будто видели уже так много, что ничто не могло их удивить, даже смерть. Я задумался, не обманывали меня старый Эвелит, когда говорил, что Квамус живет в Биллингтоне уже больше ста лет. Я знал, что в некоторых семьях слугам дают одни и те же имена, так что каждый очередной камердинер зовется Джеймс, хотя на самом деле он был крещен иначе. Квамус, который служил в детстве конем для отца Дугласа Эвелита, был, видимо, отцом нынешнего Квамуса.

Из шестидюймового наконечника неожиданно выстрелил поток сжатого воздуха, и резкий рывок чуть не вырвал шланг из рук. Хотя компенсатор, гонящий поток воды в сторону, противоположную потоку воздуха, и сдерживал

меня от отбрасывания, но мне все же казалось, что шланг одарен собственной жизнью. Через две или три минуты сдувания ила, окружающего корпус корабля, мои руки и плечи разболелись так, будто я — Лон Чейни в фильме «Собор Парижской Богоматери».

Мы работали почти вслепую, поскольку со всех сторон нас окружали густые тучи вздымаемого потоком сжатого воздуха ила. При втором погружении нам предстояло использовать воздуходувки, которые должны были развеять большую часть ила, но пока Квамусу нужно было пробить затвердевшую корку песка и ракушек, покрытую тонким слоем ила и самых разнообразных отходов, которая всегда образуется на морском дне там, где лежат затонувшие корабли. Квамус использовал длинный металлический багор с заостренным концом, и, когда я убрал верхний слой ила, он начал долбить и рубить песок с неослабевающей энергией.

Нас окружал взметнувшийся вверх мусор: ил, ракушки, перепуганные раки-отшельники, улитки, гротескные губки. Мне казалось, что подводный мир вокруг нас ошалел. Посреди водоворотов ила, ракушек и подпрыгивающих в воде пустых бутылок из-под кока-колы я чувствовал себя Алисой в Стране Чудес. Но через десять минут работы Квамус схватил меня за плечо и дважды сжал, что было условным сигналом к подъему. Он воткнул стальной багор в выкопанную им яму и прикрепил к багру ярко-оранжевый флажок. Потом, работая ластами, медленно поплыл вверх, а я последовал за ним.

— Ну и как дела? — спросил Уолкотт, помогая нам забраться на палубу. — Пока что вы только выгребли кучу грязи, — он указал на поверхность воды, где над корпусом корабля возникло большое, выделяющееся по цвету болотистое пятно.

— Мы добрались до нижнего слоя ила, — бесстрастно заявил Квамус, которому Лори помогала снять акваланг. — Теперь можно начинать работать воздуходувкой.

— Никто не спрашивал, что мы здесь делаем? — спросил я.

Уолкотт пожал плечами.

— Проплыло несколько рыболовов, спрашивали, где лучше всего ловится камбала. Я их всех посылал в Будбери-Пойнт.

— Они там не поймают много камбалы, — заметил Квамус.

— Вот именно, — подтвердил Уолкотт.

Мы отдохнули минут пятнадцать, после чего Лори дала нам новые баллоны с воздухом, и мы приготовились к новому погружению. Было уже 9:40 и следовало как можно быстрее справиться с заданием. Я опасался, что появится береговая охрана или что Эдвард, Форрест или Дан Басс заметят люгер Уолкотта, стоящий точно над корпусом «Дэвида Дарка». Возможно, они и сами собирались нырять здесь сегодня утром, чтобы поставить буй над кораблем, прежде чем они его зарегистрируют.

Следующие полчаса Квамус и я надрывались под водой, очищая от ила часть корпуса «Дэвида Дарка».

Наконец мы увидели темные, инкрустированные ракушками доски. Квамус просигналил, что все в порядке, что мы в хорошем темпе приближаемся к цели. Кислорода нам осталось на три или четыре минуты, но мы успели проделать яму глубиной футов двадцать в иле рядом с корпусом корабля. Квамус отметил ее флажком, после чего просигналил указательным пальцем, поднятым вверх: «Подъем».

Сильно взмахнув ластами, я устремился вверх, но к своему ужасу запутался в чем-то, напоминающем мокрые белые простыни. Дергаясь и вырываясь, я ударился о мягкое распухшее тело, заключенное внутри. Это были останки миссис Гулт, которые по какой-то причине приплыли к «Дэвиду Дарку», то ли снесенные приливом, то ли подхваченные течениями и водоворотами, которые создали такие ловушки, то ли, возможно, влекомые какой-то необъяснимой силой.

Не впадая в панику, напомнил я себе. Я старался припомнить, чему учил меня Дан Басс во время трех лекций в Форрест-ривер-парк. Я нащупал нож, выхватил

его и попытался перерезать мокрый волнующийся саван. В ушах звенела кровь, я дышал с усилием, сопя, как локомотив. Я перерезал швы, разорвал мокрое полотно, но материя все еще окружала меня со всех сторон и опутывала все плотнее.

Я с ужасом почувствовал, что труп снова налетел на меня, и его руки каким-то чудом сомкнулись вокруг моих ног, поэтому я не мог воспользоваться ластами, чтобы выплыть на поверхность. Тут же с шипением закончился кислород. Я знал, что у меня меньше двух минут на то, чтобы добраться до поверхности и не задохнуться.

Хотя я отчаянно молотил руками, я начал медленно опускаться на дно. Труп обнимал меня, как стосковавшаяся любовница. Разве не этого хотел бы Микцанци-катли, подумал я. Разве не нужен ему на самом деле только я, поскольку мой еще не родившийся сын отобрал у него шанс поживиться моим сердцем? Я изо всех сил сосал загубник, но запас кислорода исчерпался полностью. Я чувствовал, что через секунду у меня лопнут легкие.

Тогда труп задрожал и неожиданно оторвался от меня. Саван лопнул, освобождая мои руки и ноги. Через открытое стекло маски я увидел Квамуса, который вращался в мутной воде, размахивая стальным багром. На его заостренном конце, глубоко проткнутый, торчал синий гниющий труп миссис Гулт, от которого отваливались куски плоти, как чешуя с испорченной рыбы. Квамус размахнулся в последний раз и швырнул труп на дно. Труп медленно стал падать, с багром, торчащим между обнаженными ребрами. Квамус развернулся, схватил меня за руку и резким жестом указал наверх. Я кивнул головой. Мне не нужно было второго указания. Я уже почти терял сознание из-за отсутствия воздуха.

Вернувшись в лодку, мы не сказали ничего ни Уолкотту, ни его дочери, хотя оба были потрясены. Лори сделала нам по чашке горячего кофе, и мы отдыхали четверть часа, пока Уолкотт готовил динамит. Оба ящика он утяжелил большими балластами, чтобы они упали прямо на дно и

чтобы позже их было легко затолкать в проделанную нами яму.

— Как вы думаете, погода удержится? — спросил я Уолкотта, допивая кофе.

— Пожалуй, — ответил он.

Когда я надевал на спину два следующих баллона с кислородом, то мимолетно подумал об Энн Патнем — ведьме, которая пожертвовала собой, чтобы мне не нужно было держать слово, данное Микцанцикатли. Ну что ж, сказал я себе, пока мне не надо принимать окончательного решения — во всяком случае, пока ялик не окажется на берегу, и даже тогда у меня будет время подумать. Я верил во все, что старый Эвелит рассказывал мне о страшной и разрушительной мощи Микцанцикатли, но все еще чувствовал сильный соблазн освободить Не Имеющего Плоти и вернуть себе жену и еще не рожденного сына, которых я так сильно любил.

Но не обманывал ли я сам себя? На самом ли деле я так хотел вернуть Джейн к жизни, или мной руководила лишь идиотская романтическая отвага? Я уже как-то свыкся с тем, что Джейн нет, и в гораздо большей степени, чем был склонен это признать. Раз мне доставляла такое удовольствие Джилли, то, видимо, подсознательно я был убежден, что никогда уже не смогу любить Джейн. Ведь если бы я уехал на шесть недель по делам, то я никогда не изменил бы жене, даже в мыслях. И все же я был в постели с Джилли, хотя после смерти Джейн прошло немногим меньше шести недель.

К тому же как будет выглядеть моя связь с Джейн, когда и если я ее себе верну? Как следует, например, разговаривать с кем-то, кто однажды уже умер и был похоронен?

Я все еще раздумывал об этом, когда Квамус сжал мне плечо и сказал:

— Нам пора, мистер Трентон. Предпоследнее погружение.

Закладка динамика оказалась самой легкой частью работы. Нам нужно было лишь перетащить ящики к краям, сделанной нами, подсоединить бикфордовы шнуры

и столкнуть ящики вниз. Когда оба ящика медленно упали на дно и исчезли в темноте, мы набросали в яму как можно больше песка, мусора и ракушек, чтобы вся ударная сила взрыва была направлена на корпус «Дэвида Дарка». Мы возвращались на поверхность, разматывая бикфордов шнур с небольшой катушки, а я думал об Эдварде. Что бы он сказал, если бы видел, что мы делаем? Я почти пожалел его. Через пару минут мы уничтожим мечту его жизни.

Однако, легок на помине: когда мы вынырнули на поверхность и, разбрызгивая воду, плыли к лодке Уолкотта, перед носом люгера неожиданно появился «Диоген» с Даном Бассом за рулем, и кто же стоял на носовой палубе, как не Эдвард, Форрест и Джимми собственными персонами?

Квамус посмотрел на меня, а я показал ему жестом, чтобы он и дальше разматывал бикфордов шнур. Мы доплыли до люгера и схватились за борт. Лори и Уолкотт помогли нам взобраться на палубу. С минуту мы лежали неподвижно, тяжело дыша, как два морских льва, выброшенные на берег. Но, конечно, Эдвард не собирался ждать, пока мы отдохнем. Он сделал Дану знак подвести «Диоген» как можно ближе к люгеру Уолкотта, после чего сложил руки возле рта.

— Мистер Уолкотт! — закричал он. — Джон! Что здесь творится? Что вы здесь делаете?

— Я только хотел показать Квамусу «Дэвида Дарка», — ответил я.

— В спасательной лодке? А для чего у вас на борту компрессор и воздуходувка?

— Не суй свой нос куда попало, — посоветовал я ему. — Этот корабль никому не принадлежит. Он не зарегистрирован. Ты ничего не можешь нам запретить, если мы захотим сами в нем покопаться.

— «Дэвид Дарк» уже зарегистрирован, — ответил Эдвард. — Я зарегистрировал его сегодня утром. Джилли позвонила мне из Тьюсбери и сказала, что ты уехал рано утром с кучей оборудования.

Спасибо, Джилли, подумал я. Иуда в кружевах.

— Зарегистрирован или нет, а ты не можешь запретить тут нырять, — ответил я.

— Надо ли доказывать, что ты ошибаешься? — оскандился Эдвард. — Может, вызвать береговую охрану, которая прикажет вам убраться? Этот корабль теперь — частная собственность и частично принадлежит властям города Салем. Любая плавающая единица, подозреваемая в незаконном проведении подводных работ поблизости от этой собственности, подлежит конфискации, а ее хозяин заплатит штраф. Так что мотай отсюда.

— Эдвард, я думал, мы друзья.

— Видимо, мы оба ошибались, — ответил Эдвард. Он молча отвернулся и приказал Дану Бассу развернуть «Диоген».

— Квамус, — сказал я, не меняя положения. — Поджигайте бикфордов шнур. Мистер Уолкотт, заводите двигатель и мотаем подальше, к дьяволу.

— Вы не предупредите своих коллег? — спросил Квамус.

— Скорее, бывших коллег. Конечно же, предупрежу, но только после того, как загорится бикфордов шнур.

Квамус чиркнул спичкой, прикрыл ладонями конец бикфордова шнура, прикрывая огонек, и подождал, пока не загорится магниевый стерженок внутри. Бикфордов шнур горел быстро, со скоростью примерно полтора метра в минуту. Искорка быстро перескочила через борт люгера и исчезла под водой. Раздалось бульканье, небольшое облачко дыма развеялось в воздухе, и все...

Уолкотт включил дизель люгера. Лишь тогда я закричал что было сил:

— Мотайте отсюда! Побыстрее! Динамит!

Я увидел, как яйцеголовая троица остолбенело поглядывает на меня. Они удивленно переглянулись, а потом опять вытаращились на меня.

— Что ты сказал? — провизжал Эдвард. — Какой динамит?

— Сейчас рванет! — прокричал я ему, в то время как люгер заворачивал в сторону побережья Грейнитхед. — Мотайте отсюда, и поживее!

На минуту наступило молчание. Потом двигатели «Диогена» с ревом ожили, и небольшая лодка пустилась в обратный путь, вначале медленно, но быстро набирая скорость. Она успела, однако, проплыть едва ярдов пятьдесят, когда странная дрожь пронзила океан. У меня появилось чувство, какого я прежде никогда не испытывал. Это напоминало землетрясение, только какое-то более ужасное, как будто мир распадался на отдельные куски, небо отрывалось от земли, а море от суши. Мне показалось, что все стало невесомым и взлетает на воздух — люгер, компрессор, комбинезоны, флаги и все остальное.

Потом поверхность океана лопнула. Огромный столб воды с жутким ревом выстрелил вверх на пятьдесят или сто футов и завис в лучах утреннего солнца. Ударная волна закупорила мне уши, заглушая грохот тысяч тонн воды, падающей назад, в море, но слух ко мне вернулся достаточно быстро, чтобы услышать эхо, донесшееся от холмов Грейнитхед, отчетливое, как выстрел из пушки.

Палуба люгера накренилась и вздыбилась под нашими ногами, так что нам пришлось схватиться за релинги, чтобы не выпасть за борт. Но «Диоген», находившийся значительно ближе к центру взрыва, едва не затопило сперва падающей водой, а потом миниатюрной приливной волной, которая перевалила через корму и залила лодку.

Эдвард не позвал нас на помощь. Видимо, он был слишком разъярен и взбешен. Но при этом мы видели, как он помогает другим вычерпывать воду. Дан Басс осторожно подрегулировал кашляющий двигатель и направил «Диоген» в сторону пристани Салема. Не было ни упреков, ни угроз, но я, однако, знал, что Эдвард немедленно донесет о нашем пиратском поступке как в береговую охрану, так и в полицию Салема. Так что нам повезет, если нас не арестуют еще до того, как мы доберемся до берега.

— Что будем делать? — спросил Уолкотт. — Как только это корыто доплывет до пристани, повсюду будет полно фараонов.

— Мы обязаны найти медный ящик, — настаивал Квамус. — Не обращая внимания на полицию. Медный ящик важнее всего.

— О, если я получу гарантию, что ваш драгоценный мистер Эвелит вытащит меня из кутузки, — прорычал Уолкотт.

— Мистер Эвелит, конечно, гарантирует вам полную неприкосновенность, — заявил Квамус и посмотрел на Уолкотта так, что тот вынужден был уступить. Уолкотт был упрям, но Квамус тверд, как скала.

Уолкотт и его дочь начали распаковывать спасательные плоты, уложенные вдоль обоих бортов люгера. Их было двадцать, и идея состояла в том, чтобы привязать их к медному ящику, когда мы его найдем, а затем надуть сжатым воздухом. Тогда ящик всплывет на поверхность, и мы сможем добуксировать его до пристани.

Тем временем море вокруг все еще беспокойно бурлило. На поверхность всплывало все больше ила и самого разнообразного мусора. Забелела всплывшая брюхом вверх дохлая рыба, главным образом камбала и карпы, а также несколько небольших голубых акул. Между ними плавали почерневшие куски вязовой древесины, клепки и подпорки, полопавшиеся куски бочек, содержавших корабельные припасы, остатки мачт и такелажа.

— Пожалуй, вам не стоит нырять в этом супе, — заявил Уолкотт, поглядывая на бурную поверхность моря. — Подождите полчаса, пока не улучшится видимость. Сейчас вы и друг друга не разглядите, не говоря уж о медном ящике.

— Полчаса — это слишком долго, — заявил Квамус, всматриваясь суженными глазами в отдаленный берег. — До этого времени наверняка появится береговая охрана.

— Слушайте, мистер, — бросил Уолкотт. — Я могу riskовать, почему бы и нет. Я могу даже устроить гонки с береговой охраной. Я привык к этому. Но я не возьму на себя никакой ответственности ни за вас, ни за вашего друга, если вы хотите нырять в воде, полной опасных останков. Так что об этом и не думайте.

— Мы можем нырнуть на свой страх и риск, — ответил Квамус.

— Пожалуй, — ответил Уолкотт. — Но без кислорода нырять вы не сможете, а от меня вы его не получите.

Квамус пронзил Уолкотта взглядом. Но старый моряк крепче прикусил свою трубку и отвернулся.

— Прошу прощения, — проворчал он, — но если вы осмелитесь нырнуть в эту кашу, то может случиться буквально все.

Следующие пять минут мы наблюдали, как все больше обломанных кусков дерева всплывает на поверхность. Вскоре море вокруг люгера Уолкотта покрылось тысячами почерневших обломков, остатков одного из важнейших археологических открытий в новой истории. Казалось, корпус «Дэвида Дарка» был разнесен взрывом вдребезги. Придать этим дрейфующим обломкам первоначальную форму было уже невозможно. Но я не чувствовал себя виноватым. Я знал, что поступил правильно и что иногда жизни людей стоят выше людской культуры.

Со стороны пристани Салема мы неожиданно услышали завывание полицейской сирены и увидели мигающий бело-красный фонарь моторки. Квамус ухватил Уолкотта за руку.

— Теперь нам нужно нырнуть, — сказал он.

— Извините, — воспротивился Уолкотт, — но еще слишком опасно.

Квамус посмотрел на Уолкотта расширившимися глазами. Уолкотт пытался отвернуться, но Квамус каким-то образом смог опять притянуть его взгляд. С удивлением я наблюдал за тем, как Квамус всматривается в Уолкотта и как дрожат его челюстные мышцы. На лице Уолкотта отразился нарастающий ужас, как у кого-то, кто осознал, что потерял управление автомобилем и неизбежно приближается к катастрофе.

— Я... — выдавил Уолкотт и неожиданно упал на колени, а из его носа хлынула кровь. Лори стала на колени рядом с отцом и подала ему замасленную тряпку, чтобы тот отер кровь, но хотя она и бросила обвиняющий взгляд

на Квамуса, сказать она ничего не отважилась. На ее месте и я после такого сеанса гипноза тоже предпочел бы не говорить ни слова.

— Мы должны погрузиться, — сказал Квамус.

Но все же он оказался неправ. Под нарастающий рев полицейской сирены что-то вынырнуло на поверхность среди бултыхающихся деревянных обломков. Лори увидела это первой, она вскочила на ноги и закричала:

— Смотрите туда! Мистер Квамус, видите?

Мы прильнули к борту и вытаращили глаза. В каких-нибудь тридцати футах от нас на волнах колыбался огромный зеленый ящик величиной с железнодорожный вагон, но в виде гроба с выпуклым, отчетливо заметным, несмотря на коррозию, знаком креста на крышке.

Квамус присматривался к ящику, а его лицо стало цвета слоновой кости. Я чувствовал биение собственной крови и медленные, неритмичные удары сердца.

— Так это оно и есть? — спросил Уолкотт. — Его вы искали?

Квамус утвердительно кивнул и сделал знак, которого я не понял, индейский знак, аналог крестного знамения или знак, отгоняющий злых духов.

— Это — Микцанцикатли, Не Имеющий Плоти, Костяной Человек, — провозгласил он.

С нарастающим страхом я смотрел на ящик-гроб, который вздымался и опадал на волнах, удивительный и молчаливый памятник давно минувших веков, символ ужасной мощи, с которой мы теперь должны были помериться.

Глава 33

— Поспешим, — приказал Квамус.

Уолкотт переключил двигатель на обратный ход и медленно вел люгер, а мы с Лори, перегнувшись через борт, баграми притягивали ближе медный ящик. Его поверхность, изъеденная коррозией, потемнела от старости и приобрела ядовито-зеленый цвет, но несмотря на это было удивительно, что ящик сохранился так долго под илом залива.

По обе стороны ящика находились медные кольца, первоначально служившие для пропускания канатов, с помощью которых ящик втянули на палубу «Дэвида Дарка». Некоторые из них были полностью корродированы, но мне удалось зацепиться за одно багром, а потом Лори буквально перелезла через борт, встала на дрейфующий ящик и протянула через кольцо канат.

— Нет смысла возвращаться в Салем, — заявил я. — Полиция схватит нас, не успеем мы проплыть и полмили. Может, двинем к побережью Грейнитхед?

Уолкотт ускорил обороты двигателей.

— Наверно, нас и там схватят, — заверил он. — Но попробовать стоит. Что мы сделаем, когда доплывем до места? Этот чертов гроб слишком велик. На берег нам его не вытянуть.

— Там есть платформа и блок. Попробуем вытащить его блоком.

— А что дальше? Полиция будет сидеть у нас на хвосте?

— Не знаю. Может, одолжим где-нибудь грузовик. Только попробуйте их опередить, хорошо?

— Ясное дело, всегда стоит попробовать. Я хотел только спросить, есть ли у вас какой-то план?

— Что-нибудь выдумаю, идет?

— Вы начальник, не я.

Однако не успели мы проплыть и четверти мили, как стало ясно, что полицейская моторка догонит нас задолго до конца пути. Уолкотт выжимал из люгера все что можно, но в его планы не входило сжечь двигателя, а медный ящик, который мы тащили за кормой, представлял, конечно же, дополнительный балласт.

— Быстрее же, быстрее, — настаивал Квамус, но Уолкотт покачал головой.

Полицейская моторка приблизилась на расстояние окрика, после чего сирену выключили, и моторка завертелась перед носом люгера, чтобы быстро, точно и безошибочно преградить нам дорогу. Один офицер уже балансировал у борта с мегафоном в руке, а другой стоял за ним с автоматом.

— Хорошо, можете затормозить, — сказал я Уолкотту. — Нет смысла рисковать, они ведь могут начать палить.

Уолкотт уменьшил обороты, и люгер начал медленно дрейфовать, направляясь навстречу ожидающей полицейской моторке. Медный ящик, двигаясь по инерции, поравнялся с нами и с шумом ударил в корму.

— Выйти на палубу с руками за головой, — приказал полицейский. — Стоять так, чтобы я видел вас всех.

Он двинулся вдоль борта, но не сделал и трех шагов, как неожиданно схватился за живот и упал, исчезнув у нас из поля зрения.

— Что случилось? — спросил Уолкотт и встал на носу, чтобы лучше видеть. — Вы видели? Он, наверно, поскользнулся.

Другой офицер, с автоматом, неожиданно побежал в кабину моторки. Потом появился водитель, размахивая полотенцем и аптечкой первой помощи.

— Что случилось? — закричал я. — Все ли у вас в порядке?

Второй офицер поднял на нас взгляд и, взмахнув рукой, приказал нам плыть дальше.

— Подплывите поближе, — обратился я к Уолкотту. — побыстрее, пожалуйста.

— Вы шутите? — запротестовал Уолкотт. — Теперь у нас есть шанс улепетнуть.

— Подплывите к ним! — приказал я. Уолкотт пожал плечами, сплюнул и прибавил обороты. Через минуту мы доплыли до полицейской моторки.

Лишь когда катер буквально коснулся борта моторки, я увидел кровь. Она забрызгала всю палубу, как будто кто-то облил лодку пурпурной краской из резинового шланга. Второй офицер появился снова, в окровавленной рубашке и с руками, вымазанными по локоть в крови, как будто надел длинные красные перчатки.

— Что случилось? — спросил я, охваченный ужасом.

— Не знаю, — ответил полицейский дрожащим голосом. — Это Келли. У него лопнул живот. Это означает, что у него действительно лопнул живот и все вывалилось наружу через рубашку.

Он посмотрел на меня.

— Вы же этого не делали? Вы не застрелили его или что-то в этом роде?

— Вы чертовски хорошо знаете, что мы этого не делали.

— Ну тогда возвращайтесь в Салем... понимаете? Возвращайтесь в Салем и явитесь в полицейское управление. Я же должен отвезти Келли в госпиталь.

Появился рулевой в рубаше, заляпанной кровью. Он был очень бледен и не сказал ни слова, только направился в рубку и включил двигатель. Через минуту полицейская моторка развернулась и с включенной сиреной понеслась к пристани. Люгер вместе с ящиком одиноко качался на волнах прилива. Я посмотрел на Квамуса, а Квамус — на меня.

— Несмотря ни на что, мы поплывем в Грейнитхед, — решил он. — Как только полиция опомнится от шока, они сообщат в полицию Салема сами, и если мы появимся там,

то будем арестованы. Нам нужно доставить наш груз к берегу, а потом я найду или одолжу машину, и поедем в Салем за грузовиком-рефрижератором.

— Вы думаете, Микцанцикатли может оставаться все это время без охлаждения? — спросил я его.

Квамус посмотрел на ящик, дрейфующий за кормой люгера.

— Не знаю, — медленно и серьезно проговорил он. — Я опасаясь, что этот офицер на моторке... что это уже работа Микцанцикатли.

Лори посмотрела на отца.

— Папа, — сказала она. — Отвезем это на берег, хорошо?

Уолкотт кивнул.

— Там нет ничего заразного? — уверился он. — Этот ящик-гроб не опасен?

— Не в этом смысле, — уверил я его. — Но чем скорее мы двинемся отсюда, тем лучше. Чем дольше мы находимся здесь, тем это для нас опаснее.

Мы миновали Кладбище Над Водой, а потом свернули к намеченной ранее платформе, рядом с молом Брауна. Когда-то, в тридцатые годы, здесь была изысканная пристань для прогулочных лодок, ресторан, веранда для коктейля и фонари, освещавшие мол. Однако сейчас покосившиеся дома пустовали, от веранды для коктейлей остался лишь гниющий помост, на котором были свалены в кучу пляжные шезлонги, точно останки в массовую могилу.

Уолкотт подвел люгер как можно ближе, после чего мы отвязали ящик, и он, подталкиваемый приливом, поплыл к скользкой от водорослей платформе. Несколько толчков баграми — и ящик неподвижно застыл у подножия платформы. Затем Квамус и я соскочили в воду и сначала вплавь, а потом вброд добрались до берега.

Я взобрался на платформу, истекая водой, и попробовал крутануть ручку бобины с тросом. К счастью, механизм был смазан и содержался в хорошем состоянии, поэтому я быстро смог отмотать трос достаточной длины,

чтобы достать до колец, размещенных на ящике. Как только Уолкотт увидел, что мы благополучно добрались до берега, он тут же попрощался с нами свистком и направил люгер назад, в залив. Признаюсь, я не обиделся на него, хотя наверняка его ждал арест. Однако даже несколько месяцев тюрьмы лучше, чем такая дыра в животе, как у того полицейского.

Мы с Квамусом молча вращали коловорот и постепенно втаскивали медный гроб на бетонную платформу. Ящик передвигался дюйм за дюймом с ужасающим скрежетом, издавая глухой дребезжащий звук, как будто внутри был пустым. Я слышал и обливался потом, дрожа. Я старался не думать о том, что за чудовище внутри и что оно может сотворить со мной.

Работа заняла у нас почти полчаса, но наконец мы стащили ящик на вершину платформы и накрыли его двумя кусками брезента, какими обычно накрывают лодки на зиму. Квамус осмотрел залив, но нигде не было ни следа полиции или береговой охраны, ни даже Эдварда и шайки яйцеголовых с «Диогена».

— Теперь, — сказал Квамус, — я отправляюсь в Салем и вернусь с грузовиком-рефрижератором. Вам нужно оставаться здесь и охранять Микцанцикатли.

— Не лучше ли поехать мне? Вы слишком бросаетесь в глаза. Ведь трудно не заметить индейца ростом в шесть футов и в мокром комбинезоне аквалангиста.

— Меня никто не увидит, — ответил Квамус со спокойной уверенностью. — Я овладел техникой, которую индейцы из племени наррагансет развили века назад, чтобы охотиться на диких зверей. Мы называем ее «Неохотник».

— Не-охотник?

— Это такой способ, который позволяет стать невидимым для других людей. Удивительная техника, но ей можно научиться.

— Ну, тогда согласен, — уступил я. Мне не улыбалась перспектива охранять этот чудовищный гроб, но выбора у меня не было. — Только быстрее возвращайтесь. А

если вас все же арестуют, то скажите полиции, где я. Я не хочу сидеть тут всю ночь с Микданцикатли, в то время как вы будете уплетать бифштексы в холодной кутузке Салема.

— Ага, этого вы боитесь больше всего, — улыбнулся Квамус.

Он прошел между построек заброшенного ресторана в направлении Восточнобережного шоссе. Я сел на волнорез и пугливо посмотрел на ящик, в котором ацтекский демон Дэвида Дарка просидел в заточении почти триста лет. Я отвернулся и хотел было крикнуть Квамусу, чтобы он привез мне бутылку виски, но уже не увидел его. «Неохотник» исчез. Я попробовал сесть поудобнее и упер ногу в брезент, прикрывающий ящик, как будто это была обыкновенная лодка, хозяином которой я стал по случаю.

Был только полдень, но небо удивительно потемнело, как будто я смотрел на него сквозь темные очки. К тому же налетел ветер, о котором забыли упомянуть в прогнозе погоды. Он трепал гривы серых волн в Салемском заливе, разносил сухие листья и мусор, покрывающий перекосившуюся веранду для коктейлей. Над рестораном все еще висела изъеденная морской солью реклама: «Ресторан «На Пристани». Омары, бифштексы, коктейли». Я представил себе, как все это выглядело летними вечерами: оркестр «диксиленд», господа в соломенных шляпах и девушки в поблескивающих коктейльных платьях.

Я поднял воротник куртки. Ветер теперь был и в самом деле холодным, а небо потемнело так, что некоторые автомобили на другом берегу ехали с включенными фарами. Видимо, шел шторм, сильная, североатлантическая буря, в которую человек даже дома у камина чувствует себя сидящим в маленькой лодчонке посреди бесконечного моря.

Потом я услышал пение. Слабое, отдаленное и безумное. Оно доносилось изнутри заброшенного ресторанчика. Тонкий писклявый голосок, от которого волосы у меня на затылке встали дыбом, будто зарядившись в генераторе Ван-де-Граафа.

*Мы выплыли в море из Грейнитхед
Далеко к чужим берегам,
Но нашим уловом был лишь скелет,
Что сердце сжимает в зубах.*

Я встал и прошел по прогнившим доскам веранды к ресторану, разыскивая источник голоса. Раз или два я перепрыгивал через дыры в полу. Под помостом я видел влажную темноту и убегающих крабов. Я дошел до ресторана и направился прямо к входной двери. Она была заперта на ключ. Стекла покрывал толстый слой грязи и соли, так что я не мог заглянуть внутрь.

Пение прозвучало снова, на этот раз громче, тем же холодным и чистым голосом. Оно явно доносилось изнутри ресторана. Я огляделся, нет ли кого-нибудь поблизости, после чего три или четыре раза сильно пнул ногой дверь. Дешевый замок оторвался вместе с куском дверной рамы, двери задрожали и открылись, будто приглашая внутрь. «Войдите, мистер Трентон, вас ждет ваше предназначение».

Я осторожно вошел. Пол из голых потрескавшихся досок был покрыт пылью, замусорен старыми газетами и бесформенными кусками зеленого линолеума. Под потолком вращалась бумажная мухоловка, подвешенная между двумя лампами в абажурах из молочного стекла. На стене напротив висело большое зеркало, обгаженное мухами и покрытое грязью. Я видел свое отражение, маячащее в дверях, похожее на старую, покрытую пятнами, выцветшую фотографию человека, который давно мертв. Я сделал два или три шага вперед.

— Джон? — услышал я шепот. Я обернулся. Она стояла за мной, с застывшим в ужасной гримасе лицом, выглядевшим совсем как череп скелета. — Джон, ты должен освободить меня.

— Как я могу тебя освободить? — спросил я. Я смотрел, как она проскальзывает в помещение в своей бесшумно трепещущей погребальной одежде. — Я вытащил тебя из моря. Что еще я могу для тебя сделать?

— Разбей ящик, — прошептала она. — Этот ящик заперт печатями, которые я сломать не могу: печатями Святой Троицы. Ты должен открыть ящик во имя Отца, Сына и Святого Духа. Точно так, как он был запечатан.

— Но у меня все еще нет гарантии, что я получу Джейн живой, целой и невредимой.

— На этом свете никаких гарантий быть не может, Джон. Ты должен просто верить мне.

— Не знаю, должен ли я верить тебе вообще.

— А веришь ты, что я могу распороть тебе живот, как тому полицейскому, который пытался вас остановить? Или что я могу разорвать тебя на куски, как Дэвида Дарка? Хотя я и в заточении, я все же обладаю великой мощью, Джон.

— Я хотел лишь уточнить, чего... чего ты от меня хочешь, — прозаикался я.

Джейн поплыла в сторону зеркала, но зеркало не отразило ее, будто она была вампиром, от которого меня шутливо остерегала Джилли. Потом Джейн проникла через стекло и посмотрела на меня из зеркала, хотя в комнате ее уже вообще не было.

— Придется поверить, — сказала она и исчезла.

Я долго стоял в опустевшем помещении ресторана. Настала минута, когда я должен был принять решение. Я уже убедился, что Миксантикатли может убивать жестоко и безжалостно, что он может приказывать мертвым убивать живых. Но я желал также возвращения Джейн, я желал этого с отчаянием, которое намного превышало границы, назначенные любовью. Как будто я непременно хотел показать себе, что чудеса бывают, что мертвые могут восстать из гроба, что весь мир может перевернуться вверх тормашками.

С тех пор как погибла Джейн, я был свидетелем уже многих необычных и ужасающих событий. Но в ту минуту мне казалось, хотя я и не знаю почему, что все это были фокусы, предназначенные для того, чтобы запугать меня. Однако только когда я буду держать роскошное тело Джейн в своих объятиях, лишь тогда я поверю в сущест-

зование сил, которые человек не может объять ни разумом, ни воображением.

Конечно, тогда я не отдавал себе отчета, что еще никогда со дня гибели Джейн не был так близок к нервному срыву. Видимо, я находился на грани безумия, если не смог уговорить себя, что должен помочь освободиться Микцанцикатли. Я до сих пор холодею от этого воспоминания.

Я вышел из ресторана и вторично прошел по доскам веранды. На дворе было так темно, будто уже наступила ночь, а ведь еле миновал полдень. Изъеденный водой медный ящик все еще лежал на платформе, прикрытый кусками брезента. С противоположной стороны платформы находился запертый шкаф с надписью ПОЖАРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ. Обойдя ящик, я подошел к шкафу, осмотрел заржавевшие засовы, а потом несколько раз сильно ударил ногой, пока левая часть двери не оторвалась и я не мог ее полностью отломать. Внутри был свернутый шланг и то, что я искал: пожарный топорик на длинной рукояти.

Я вернулся к ящику и стянул брезент. Ящик казался еще больше, чем до этого: зеленый, массивный и зловеще молчаливый. Я коснулся пальцами чешуйчатой поверхности и почувствовал удивительный приступ страха, будто я, не желая того, коснулся в темноте гигантской стоножки. Потом, под влиянием порыва, я замахнулся топориком и нанес сильный удар по боку ящика.

Раздался глубокий звенящий звук, а ящик как будто задрожал. Я нашел место удара. Острие топорика проникло глубоко и пробило металл почти навылет. Медные стенки были первоначально не менее дюйма толщиной, но из-за уничтожающего действия соленой воды стали почти в два раза тоньше.

Я снова размахнулся топориком.

— Освобождаю тебя, — прохрипел я, когда лезвие пробило крышку ящика. — Освобождаю тебя во имя Отца.

Я еще раз размахнулся и ударил.

— Освобождаю тебя, — проговорил я. Я слышал свой собственный голос, звучавший незнакомо, будто говорил кто-то другой. — Освобождаю тебя во имя Сына.

Небо надо мной зловеще потемнело. Ветер свистел и выл, волны в заливе высоко вздымались и покрывались пеной. Другой берег уже почти не был виден, а на побережье Грейнитхед деревья склонялись и гнулись на ветру, как пытаемые души.

Я еще раз поднял топорик и еще раз с силой опустил его на крышу ящика.

— Освобождаю тебя, — прокричал я. — Освобождаю тебя во имя Святого Духа!

Я услышал поразительный стон, который мог бы быть воем ветра или чем-то другим: стоном отчаявшегося мира. Перед моими глазами темно-зеленый медный гроб лопнул и раскрылся, а потом лопнул еще в одном месте. Чешуйки корродированного металла посыпались на бетонную платформу. Изнутри ударила кислая вонь, смрад гниющей падали, огромной подохшей крысы, найденной под полом в старом доме, трупа младенца, засунутого в камин.

Передо мной в открытом ящике покоился Не Имеющий Плоти, и к моему ужасу я увидел, что он был вовсе не обычным огромным скелетом, а гигантским скелетом, сделанным из десятков человеческих остовов. Каждая рука состояла из двух скелетов, соединенных черепами. Каждый палец был рукой человека. Каждое ребро было сделано из скрученного и изогнутого скелета ребенка, а таз состоял из многих будто склеенных бедренных костей. Когда же чудовище повернуло ко мне глазницы — глубокие, пустые и бесконечно злые, — я заметил, что его голова состояла из десятков человеческих черепов, сросшихся друг с другом в самый большой череп, какой я когда-либо видел.

— Теперь, — прошептал голос, гремющий, как соборный орган. — Теперь я могу захватить все те души, которых я желаю. А ты, друг мой, ты будешь моим высшим жрецом. Вот твоя награда. Ты останешься со мной навсегда, ты всегда будешь стоять справа от меня, объявлять

всем мои пожелания и разыскивать для меня души, которые утолят мой голод.

— Где Джейн? — завопил я, несмотря на то, что был до смерти перепуган его видом. — Ты обещал мне мою Джейн! Такую же, какой она была до гибели! Целую и невредимую! Живую, желанную и желающую! Ты обещал!

— Ты нетерпелив, — загремел Микцанцикатли. — Придет и этому время. Все в свое время!

— Ты обещал мне Джейн, и я хочу получить ее сейчас! Такую, какой она была до гибели!

Ветер завыл так громко, что почти заглушил ответ демона. Но затем где-то поблизости, у старого ресторана, раздался крик. Это был высокий пронзительный вопль смертельно перепуганной женщины. Я обошел вокруг ящика, цепляясь за поручни платформы, чтобы не упасть под напором ветра. Я посмотрел в темноту.

Это была она, Джейн. Это на самом деле была Джейн. Она стояла у дверей ресторана, закрыв лицо руками, и кричала, пока я уже не мог этого слушать. Я еще раз пробежал по помосту веранды, разорвав носок об острую щепку, добежал до Джейн, схватил ее за плечи и крепко потряс.

Она была живой и реальной, одетой так же, как была одета в день катастрофы. Но хоть я и тряс ее изо всех сил, кричал ей, но я не мог ни оторвать ее рук от лица, ни остановить ее крики. Наконец, я оставил Джейн и вернулся к открытому ящику-гробу, где все еще лежал Микцанцикатли, улыбаясь застывшей улыбкой черепа трупа, в которой нет ни радости, ни тепла, которая всего-навсего является гримасой смерти.

— Что ты сделал? — закричал я на него. — Почему она так кричит? Если это ты ее обидел...

— Я ничего ей не сделал, — прошептал демон. — Она думает, что сейчас погибнет, как думала в последнюю секунду перед катастрофой. Но она в безопасности, цела, здорова, и ее задница так же привлекательна...

— Но она перепугана! — взвизгнул я. — Ради Бога, что-нибудь сделай, чтобы она не кричала! Как мне с ней жить, когда она в таком состоянии?

— Ты хотел, чтобы она была точно такой, какой была до катастрофы, — напомнил мне Микцанцикатли. — Такой она и была, такой я тебе ее отдаю!

— Что ты говоришь? Она что, всегда будет так кричать? Она всегда будет перепугана? Она всегда будет думать, что сейчас погибнет?

— Всегда и везде, — улыбнулся Микцанцикатли. — До того дня, пока не вернется в Страну Мертвых.

Я посмотрел в сторону старого ресторана. Джейн все еще стояла там, отчаянно крича и закрывая лицо руками. Она кричала так уже почти пять минут, и я понял, что Микцанцикатли обманул меня. Он вовсе не имел власти воскрешать мертвых, он мог только вернуть мгновение, предшествовавшее той минуте, когда они предстали перед лицом смерти, так как именно тогда их души возносились в Страну Мертвых, а это была граница владений Микцанцикатли.

Я чувствовал, как слезы застилают мне глаза. Но у меня осталось достаточно сил и решимости, чтобы поднять топорик пожарника, брошенный возле темно-зеленого медного ящика, прежде чем я вторично кинулся к ресторану. Я положил топорик рядом с Джейн, снова обнял ее и начал молить, чтобы она перестала кричать, молить, чтобы она отняла руки от лица. Но я все еще слышал холодный смех Микцанцикатли и знал, что никакой надежды нет.

— Джейн, — сказал я, стараясь не слышать ее крика. Я крепко прижимал ее к себе, пытаюсь спасти от несчастья, которое уже случилось и от которого я уже никак не мог ее спасти.

Джейн все еще кричала. Наконец я отпустил ее, отворачиваясь, поднял топорик и с размаха ударил. Лезвие застряло глубоко между ее поднятыми руками.

Кровь брызнула между пальцев. Одна нога инстинктивно задрожала. Джейн зашаталась и упала. Я отбросил топорик как можно дальше от себя, а потом пошел, не оглядываясь.

Я миновал гроб Микцанцикатли. На него я тоже не посмотрел. Я пошел между старыми постройками в сторону шоссе, с каждой минутой ускоряя шаг.

— Ты никогда от меня не убежишь, Джон, — прошептал демон. — Обещаю тебе, Джон, ты никогда от меня не убежишь.

Я дошел до Восточнобережного шоссе и огляделся в наступившей среди бела дня темноте в ожидании какого-то автомобиля, или грузовика, или возвращающегося Квамуса. Тогда я заметил вдали какие-то бледные неясные фигуры, одетые в потрепанные лохмотья, похожие на нищих, странствующих по городу. Я долго смотрел на них, пока не понял, кто они. Они плелись толпой, волоча ноги, гниющие и слепые.

Это были мертвецы из Грейнитхед, трупы с кладбища. Это были слуги Микцанцикатли, ищущие свежей крови и людских сердец для своего хозяина, освобожденного мной.

Я бросился бежать.

Глава 34

Я никогда раньше не замечал, что Восточноебережное шоссе такое длинное. Не пробежав и половины мили, я начал задыхаться и должен был замедлить бег. Дальше я шел нормальным быстрым шагом. Умершие, выползающие на дорогу со стороны Кладбища Над Водой, остались позади. Оглядываясь, я уже не видел за собой толпу, волочащую ноги, но предпочитал не дожидаться, пока они догонят меня.

Я посмотрел на часы, которые все еще шли, хотя в них налилось немало морской воды. Они показывали половину первого дня, но с таким же успехом это могла быть половина первого ночи. Ветер стонал и свистел у меня в ушах, высохшие листья и клочки газет летели мимо, как убегающие духи. В воздухе висел апокалиптический ужас, как будто пришел конец света, когда открываются гробы, земля дрожит, а живые и мертвые вперемешку стоят перед судом. Это был день жестокого суда Микцанцикатли, владыки Страны Мертвых, пожирателя людских сердец, Не Имеющего Плоти.

Восточноебережное шоссе соединяется с улицей Лафайет, которая ведет прямо к центру Салема. Неподалеку от пересечения Восточноебережного шоссе и Лафайет, однако, находится кладбище «Звезда Морей». Когда, задыхаясь и ковыляя, с ломотой в груди и в горле, как будто прочищенным наждачной бумагой, я вошел на улицу Лафайет, я увидел, что гробы на кладбище «Звезда Морей» также открыты. Я увидел множество живых трупов, закутанных в пожелтевшие саваны и отрепья, мигающих тем

же самым холодным электрическим светом, который раньше предвещал приход духа Джейн.

Я замедлил шаг. Мертвые плелись по всей ширине улицы, и вначале я думал, что они просто ослеплены и дезориентированы. Но потом я заметил между ними стоящий неподвижно автомобиль. Я пригнулся и, крадучись между деревьев, попытался подобраться поближе, не выдавая своего присутствия. От автомобиля меня отделяло уже не более двадцати пяти ярдов, когда я понял, что произошло. Трупы задержали автомобиль, блокируя проезд. Они вытащили водителя, который теперь лежал, распятый на капоте, в разорванной рубашке, с обнаженным животом и грудью. Из разорванной грудной клетки торчали окровавленные ребра, один из мертвых держал в поднятой костлявой руке красное, блестящее сердце, и кровь стекала по белым костям кисти. Два или три других трупа на разных стадиях разложения питались печенью и кишками.

Меня замутило и вытошнило проглоченной раньше морской водой. Один из мертвецов поднял голову над распоротым брюхом водителя. Из его зубов свисал белесый обрывок кишки. Он посмотрел на меня пустыми глазницами, а потом заскрежетал, показывая на меня рукой, и вся кошмарная толпа повернулась в мою сторону.

Я выпрямился и побежал назад, к Восточнобережному шоссе. Я бежал по центру шоссе так быстро, как только мог. Я слышал собственное свистящее дыхание и глухой стук ботинок по поверхности шоссе. А сзади, слишком близко, я слышал звуки погони, шепот и вопли преследующих меня мертвецов.

Я почти добежал до пересечения с Восточнобережным шоссе, когда появились первые ряды мертвых с Кладбища Над Водой, а потом следующие, более многочисленные. Они перегородили шоссе, отрезая мне путь к бегству. Я повернулся и увидел, что толпа мертвецов, гнавших меня по улице Лафайет, наступает мне на пятки. Преследователи уже торжествующе тянули руки, чтоб схватить меня.

Я отчаянно попытался отпрыгнуть в сторону, но один из трупов дотянулся до меня и схватил за рукав. Я нанес

ему молниеносный удар в лицо, но, к моему ужасу, кулак прошел сквозь сгнившее тело навывлет, пробил хрупкие кости черепа и глубоко застрял в холодной, скользкой студенистой массе мозга. Очередной труп, на этот раз женский, схватил меня сзади, прыгнул на закорки и перепончатыми пальцами вцепился в лицо и шею. Еще один, с ногами, съеденными гнилью до колен, схватил меня за щиколотки. Все больше их атаковало меня со всех сторон, дергало и царапало, пока впервые в жизни я не завопил во всю глотку.

Умершие придавили меня к земле тяжестью своих разлагающихся тел. Они скрипели, свистели и булькали, сопели, втягивая со свистом воздух в гниющие обрывки легких, в ноздри, проеденные червями. Я чувствовал, как их руки срывают с меня одежду, царапают мою грудь, слепо повинаясь приказам Микцанцикатли, который требовал человеческих сердец. Он требовал свежих сердец, вырванных из живого тела, чтобы насытиться ими, набрать сил и снова властвовать над миром.

Неожиданно раздался громкий рев, а трупы, пища, визжа и спотыкаясь, обратились в бегство. Я стоял на коленях на проезжей части, прикрывая голову руками, свернувшись в как можно более плотный клубок, но рискнул украдкой бросить взгляд из-под левой руки и увидел едущее на четырех колесах спасение. Это был Квамус на грузовике-рефрижераторе. Он врезался в толпу трупов, трубя клаксоном, со всеми включенными фарами. Я видел женщину, попавшую под переднее колесо, десятитонная тяжесть пригвоздила ее к асфальту, и я видел, как ее тело скорчилось и задергалось, а потом поток черной жидкости хлынул по асфальту. Я видел, как еще один труп рискнул попытаться вскочить в кабину и рухнул вниз, когда руки его отвалились от тела. Квамус неудержимо пробивался сквозь визжащую массу воскрешенных мертвецов, раздавливая их и дробя без пощады. Когда-то эти мертвецы были людьми, но теперь они были всего лишь марионетками Микцанцикатли, проклятого и в аду, и на небе демона.

Я отер кровь с губ, прыгнул на ступеньку и заколотил в дверь. Квамус увидел меня и открыл дверь. Я благодарно забрался в кабину. Квамус снова заблокировал замок и тут же двинулся дальше, слепя фарами, раздавив при этом три или четыре трупа, которые преграждали нам путь.

— От тебя воняет, — сказал он. — Воняет трупом.

— Они хотели вырвать у меня сердце, — выдавил я. — Они бросились на меня с когтями, понимаете? Бросились на меня как грифы-стервятники.

Наступило долгое молчание. Квамус съехал на край шоссе и, осторожно маневрируя, повернул в сторону Салема.

— Ты освободил Микцанцикатли, — заявил он.

Я посмотрел на него. Отпираться было бессмысленно. Мы оба хорошо понимали, что, если гробы в Грейнитхед открыты, это значит, что Не Имеющий Плоти очутился на свободе.

— Да, — признался я.

Квамус не отрывал глаза от дороги и давил на педаль газа. Через минуту нам предстояло проехать через толпу трупов, и он хотел ударить по ним на скорости не менее восьмидесяти миль в час, чтобы они не смогли остановить нас.

— Мистер Эвелит предупреждал, что ты, по всей вероятности, освободишь Не Имеющего Плоти, — наконец сказал Квамус. — Он подозревал это. Так же как и Энид. Она прочла твое будущее по остаткам чая, который ты пил во время первого визита в наш дом. Она увидела нерешительность, необычайное обещание и вмешательство сверхъестественных сил. Не Имеющий Плоти наверняка обещал, что он отдаст жену?

— Вы осуждаете меня за то, что я согласился?

Квамус пожал плечами.

— Мы бьемся с огромной мощью, со страшной колдовской мощью зла. Мы не можем при этом пользоваться категориями вины и осуждения. Ты сделал то, что считал правильным. Мы все знаем, что ты неплохой человек.

В ту же самую секунду, двигаясь со скоростью почти девяносто миль в час, мы врезались в целую толпу живых трупов. Прогнившие куски тел полетели во все стороны, оторванные конечности застучали по ветровому стеклу. Невозмутимый Квамус проверил в боковых зеркалах, не цепляется ли какой-нибудь труп за бока рефрижератора, после чего сбавил ход, и дальше мы поехали уже совсем спокойно и медленно.

Нам не нужно было соблюдать ограничения скорости: у полиции и так было чересчур много дел. Салем лежал под смоляно-черным небом, как картина ада. Повсюду пылали пожары: банк Рождера Конанта, фабрика игрушек братьев Паркер, «Любимые девушки», все было ярко освещено и пылало как в котле дьявола. Салем был городом исторических некрополей, теперь все они выплевывали своих мертвецов: кладбище на Хармони Гроув, кладбище на Гринлоун, на Дерби-стрит, на Чеснат-стрит, на Бридж-стрит, кладбище в Свомпскотте. Мертвые на улицах гонялись за живыми. Тротуары проезжей части были залиты кровью и покрыты трупами.

Мы проехали через город, направляясь в Тьюсбери. Несколько раз живые мертвецы преграждали нам дорогу и пытались вцепиться в грузовик, но Квамус, отчаянно крутя баранку, бросал машину из стороны в сторону, пока не сбрасывал их, а однажды даже зацепил боком машины, чтобы избавиться от трех мертвецов, которые вцепились в бок машины. Я видел в зеркале, как они кувыркались по шоссе, разбрасывая в стороны черепа и конечности.

До Тьюсбери мы добрались через пятнадцать минут. Квамус затормозил перед железными воротами владений Эвелитов и нажал на клаксон. Энид пинками отогнала пса и открыла ворота. Квамус быстро заехал внутрь, выскочил из кабины и помог Энид запереть ворота.

Старый Эвелит стоял на верхней ступеньке парадного входа, опираясь на трость. Увидев, что я выбираюсь из кабины рефрижератора, он поднял руку в знак приветствия и закричал:

— Значит, вы это сделали? Вы выпустили Микцанци-катли?

Я заколебался, но знал, что Квамус не собирается вмешиваться и мне самому придется объяснить все, что случилось. Я медленно поднялся по ступеням, потом остановился и откашлялся.

— Я должен вам кое-что объяснить, — прохрипел я.

Старый Эвелит долго смотрел на меня, сначала сурово, потом с растущим пониманием. Наконец он отвернулся и посмотрел на темное небо, где, как грифы, поднявшиеся со дна ада, кружили стаи чаек.

— Ну что ж, — сказал он. — Я догадывался, что так и будет. Но вы сначала должны зайти внутрь. Вы замерзли, промокли, устали и от вас разит смертью.

Глава 35

— Я поверил ему, — объяснил я, когда мы сидели в библиотеке за рюмкой крепкого бренди. — Он обещал, что вернет мне жену, а я поверил ему. Это мое единственное оправдание.

Дуглас Эвелит внимательно следил за мной через выпуклые стекла своих очков. Потом он подался вперед, опираясь руками о стол, и сказал:

— Вас никто ни в чем не обвиняет, мистер Трентон. Или, скорее, я должен обращаться к вам по имени, Джон. Уже много лет я пытаюсь спасти моего умершего предка. У тебя значительно лучшее оправдание, ты пытался спасти свою жену, Джон. Увы, Микцандикатли — это демон, и ему нельзя верить. Это демон смерти и уничтожения. Значит, ты был обманут и чуть было не лишился жизни.

— Что мы будем теперь делать? — спросил я. — Он уже уничтожил половину города. Как мы можем его теперь сдержать?

Старый Эвелит задумчиво почесал затылок.

— Я глубоко продумал этот вопрос, пока ты купался, Джон. Квамус считает, что Микцандикатли к этому времени уже насытился и набрал достаточно сил, чтобы покинуть платформу, где ты его оставил. Но, по его мнению, демон не ушел далеко. Поскольку он проснулся после почти трехсотлетнего сна, то он, несомненно, сначала должен прийти в себя, набраться сил, а потом пытаться вернуть себе власть над местным народом и постепенно расширять свое влияние.

— Тогда, что он сделает? — спросил я.

— Что ж, — начал Дуглас Эвелит. — Мы догадываемся, что демон поищет себе какое-то убежище, какое-то место, которое ему памятно из прошлого. Энид указала на старый дом Дэвида Дарка в Милл-Понд. Демон пребывал в нем большую часть времени, вероятнее всего, именно туда он направился и сейчас.

— Но ведь там уже нет никакого дома.

— Нет, — подтвердил Дуглас Эвелит. — Согласно моим картам от 1690 года дом Дэвида Дарка стоял посреди кущи деревьев, точно к западу от нынешней Канал-стрит.

— А что там теперь? Может быть, только голое поле?

— О нет, теперь там стоит дом, — ответил старый Эвелит. — Линфилдский окружной книжный склад. По нашему мнению, именно там скроется на какое-то время Микцанцикатли, и именно туда мы должны направиться, чтобы его уничтожить.

Я сделал еще глоток бренди и почувствовал жжение в горле. Потом я посмотрел на Квамуса и старого Эвелита.

— Что вы предлагаете? — спросил я. — Каким образом вы можете уничтожить живой скелет, особенно такой могучий, как Микцанцикатли?

— Есть только одна надежда, — ответил Квамус. — Не Имеющего Плоти надо заморозить. Когда он будет заморожен, нужно будет разбить его на кусочки молотом. Затем каждый кусочек кости нужно закопать отдельно в пустом поле и каждый гроб освятить именем великого духа Гиче Маниту и именем Святой Троицы. Тогда Микцанцикатли не сможет никуда бежать, даже в мир индейских духов, которые первоначально владели этим миром прежде чем здесь появилась религия белых людей.

— Каким образом вы хотите его заморозить? Вы думаете, он вам это позволит? Сегодня утром он на моих глазах вырвал все внутренности у полицейского.

— Мы должны рискнуть и подобраться к нему как можно ближе, — ответил старый Эвелит. — Он может нас прикончить на месте, но мы должны рискнуть. Я не вижу другого выхода. Когда мы подберемся достаточно близко, мы обольем его жидким азотом. У нас все для этого

приготовлено. Мы собирались использовать это снаряжение против Микцанцикатли после освобождения моего предка, Джозефа Эвелита, из-под власти Тецкатлипоки. Но даже если мы его никогда не освободим, то все равно мы обязаны уничтожить Не Имеющего Плоти, и для этого у нас есть средства.

Я внимательно посмотрел сначала на Дугласа Эвелита, а потом на Квамуса.

— Вы должны позволить сделать это мне.

Дуглас Эвелит покачал головой.

— Риск чересчур велик. А кроме того, ты неопытен в таких делах.

— Но это я освободил Микцанцикатли. Я сделаю все, чтобы уничтожить его.

— Нет, — твердо сказал Дуглас Эвелит. — Квамус уже готов сделать это.

— Но...

— Нет, — повторил старый Эвелит, и на этот раз я знал, что не смогу убедить его. Но он добавил более мягким тоном:

— Если хочешь, можешь пойти с Квамусом. Ты можешь помогать ему. Ему понадобится помощь для переноса сосуда с жидким азотом. Ему будет нужна помощь для того, чтобы разбить кости Микцанцикатли, когда демон уже будет побежден.

Старый Эвелит говорил таким тоном, как будто задание было уже выполнено, но я видел по суровому выражению лица Квамуса, что мы будем подвергаться ужасной опасности. Вполне возможно, что еще до прихода ночи мы оба станем пищей для страшных челюстей Не Имеющего Плоти, Костяного Человека.

— Теперь ты должен отдохнуть, Джон, — продолжал Дуглас Эвелит. — Вы отправитесь в Милл-Понд через час. Я хочу, чтобы ты все это время думал исключительно о победе над силами тьмы. Ты должен поверить, что ты достаточно силен для того, чтобы победить самого могучего из демонов. Только думай, что ты — воин, отправляющийся навстречу с великим приключением, который

будет убивать демонов, совершать мифические и героические деяния. Ведь уничтожение Микцанцикатли именно такое великое деяние.

Несмотря на наставления Дугласа Эвелита, весь последний час я провел, блуждая по своим апартаментам и накачиваясь виски.

Снаружи небо застилала густая тьма, так что пришлось зажечь свет. Я попробовал читать, но у меня не было соответствующего настроения для изучения геологии, поэтому прочел только одно слово: «Введение». Я хотел позвонить Джилли, но телефонная связь не действовала, и я слышал в трубке только отдаленный треск. Наконец я повалился на постель, закрыл глаза руками и постарался ни о чем не думать. Однако через пять минут, как раз когда я начал расслабляться, в комнату вошел Квамус и хмуро сказал:

— Мы готовы ехать. Поспешите.

Я молча спустился за ним по ступеням, подпрыгивая на правой ноге, поправляя соскакивающий ботинок. В рефрижератор уже загрузили двадцать баллонов жидкого азота и пожарный комплект для тушения водой, а также изолирующий комбинезон и перчатки для Квамуса, чтобы предохранить его от жидкого газа. Энид должна была ехать с нами, но Дуглас Эвелит остался дома. Он объяснил, что он уже слишком стар для того, чтобы биться с демонами, но мы все понимали, что по крайней мере один человек, знающий методы борьбы с демонами, должен остаться в безопасном месте на случай, если все мы погибнем.

Дуглас Эвелит взял мои руки в свои и крепко пожал:

— Следи за собой, — сказал он. — И помни, что бьешься с чудовищем, у которого нет никаких моральных устоев, никакой совести или чего-то, что напоминало бы совесть. Он тебя убьет, если сможет, и того же самого ожидает и от тебя.

Мы уехали в темноту, тесно набившись в кабину грузовика, и почти не разговаривали, следуя на восток, в направлении Салема. Мы все чувствовали страх, и все

знали об этом, но говорить на эту тему было неприятно. Баллоны с азотом побрякивали сзади, а я думал, пригодятся ли они хоть как-то в бою с Микцанцикатли.

Простирающийся вокруг нас пейзаж Массачусетса напоминал адские видения Иеронима Босха. Огонь выстреливал с крыш лавок и частных резиденций, перевернутые машины пылали на дорогах, как гротескные погребальные костры, с шинами, шипящими, как пиротехнические траурные венки.

— Наверняка, именно так выглядел Салем в те времена, когда Дэвид Дарк впервые привез сюда демона из Мексики, — заговорила Энид. — Ничего удивительного, что они убрали из книг всякие упоминания, касающиеся этих событий, и никогда к этому не возвращались. Наверняка, это был такой же кошмар, пока они не избавились от демона.

Наконец мы добрались до предместий Салема, из осторожности объехали по аллее Джефферсона и пересекли железнодорожные пути достаточно далеко к югу от линфилдского книжного склада. Шины грузовика скрежетали по разбитому стеклу, когда мы медленно приближались к складу, а весь асфальт был залит кровью, как будто с неба упал красный дождь. Я видел семью, которая была выдрана из машины и безжалостно разорвана на части, как будто дикими зверями. И с ужасом я подумал, что в этом виноват я и никто другой. Если бы не мой эгоизм и слепота, то Микцанцикатли никогда не выбрался бы на свободу и никогда не произошла бы такая кровавая резня.

Все, что я мог сделать, чтобы искупить свою глупость, это уничтожить демона, которого освободил.

Склад стоял на пересечении улиц Канал и Рослин, неподалеку от железнодорожных путей. Это здесь около трехсот лет назад жил Дэвид Дарк, и здесь он погиб. Его дом стоял среди деревьев, которые исчезли уже давно, но для Микцанцикатли это было все еще знакомое место. Демоны, сказал мне Дуглас Эвелит, пропитывают своим смрадом место, в котором пребывают, как больные псы. Именно потому даже спустя столько веков они знают, куда

они должны вернуться, и потому места, посещаемые злыми духами, всегда испускают тошнотную вонь.

Склад, к которому с одной стороны прилегал небольшой административный блок, был серым прямоугольным зданием с рядом окон высоко под крышей. Квамус подъехал к краю тротуара, и мы сразу убедились, что Дуглас Эвелит угадал верно: внутри здания виднелось бело-голубое электрическое мигание, выдающее присутствие зловещей энергии, которой пользовался Микцанцикатли. Квамус остановил грузовик поперек проезжей части, и мы все вышли.

— Нам нельзя задерживаться, — заявил Квамус. — Мы должны сразу же зайти внутрь и облить это чудовище жидким азотом. Если мы проявим нерешительность, он нас убьет, а ты ведь видел, что он может сделать с человеческим телом даже на таком расстоянии.

Я поддакнул. Я был так перепуган, что не мог выдавить ни слова. Я открыл багажник машины, помог Квамусу выгрузить баллоны с азотом и поместить их на тележку. Потом Квамус надел серебристый изоляционный комбинезон, а Энид прикрепила к его спине пожарный шланг.

Подготовка заняла у нас максимум пять минут, но, к счастью, поблизости не было ни одного живого трупа. Слуги Микцанцикатли, наверно, нас не заметили. Мы быстро пробежали через улицу и вошли через боковую калитку на двор склада. Вблизи дома нас еще больше охватило ощущение угрозы. Смерд, исходящий от демона, был так силен, что мне опять захотелось опорожнить желудок. Я взломал небольшие задние двери склада, и мы протиснулись внутрь, сначала Квамус, потом я с тележкой, и последней — Энид. Мы тихо пробежали по коридорам влево, вправо, опять влево, и добрались до двустворчатых дверей, ведущих непосредственно на сам склад.

Квамус, держа под рукой свой изоляционный шлем, жестом приказал мне подойти к дверям. Через маленькие оконца, расположенные на высоте глаз, мы могли видеть все содержимое склада. От того, что мы увидели, меня пробрало холодом в десять раз большим, чем когда-либо

до этого. Это была сцена из какой-то варварской оргии, представляющая все, что может быть отвратительно и омерзительно.

Скелет Микцанцикатли восседал со скрещенными ногами на имитации трона из ящиков и пакетов, склонив вперед свой огромный череп. Вокруг него толпились в погребальных саванах мертвецы со всех окрестных кладбищ, из Грейнитхед, Салема и Мейпл-хилл. Каждый труп держал в руке человеческое сердце, иногда два или даже три, и ждал своей очереди, чтобы возложить мрачный дар к костлявым стопам Микцанцикатли.

Всю эту кошмарную сцену освещал мигающий электрический свет, в котором кровь казалась черной, а пустые глазницы владыки Страны Мертвых — темными, бездонными пропастями бесконечного зла.

— Да, это то, — шепнул Квамус. — Вы готовы?

— Нет, но начнем.

Квамус надел шлем, взял конец шланга и сказал:

— Когда я крикну: «Давай!», открути клапан газа. Не раньше. Когда крикну «Стоп», закрути.

— Пожалуй, я понял.

— Лады, это все, — закричал Квамус, толкнул маятниковые двери, и прежде чем я сообразил, что происходит, мы оба уже бежали по бетонному складу, отталкивая в стороны шатающиеся трупы, уклоняясь от молотящих рук, сосредоточенные только на одном: заморозить Не Имеющего Плоти, прежде чем он нас заметит и разорвет на части.

Мы скользили по лужам крови, сердцам и кусочкам человеческих тел, а потом оказались на месте, точно напротив Микцанцикатли, точно под его огромным блестящим черепом, состоявшим из десятка более мелких черепов. Демон пожирал человеческие сердца, по оскаленным зубам, облепленным жилами и артериями, текла кровь. Он кивнул головой и обернулся к нам. Чудовищный череп завис над нами как луна. Тут Квамус сдавленным голосом крикнул: «Давай!», и я дернул за ручку, открывая поток жидкого азота.

Морозящий газ вырвался из шланга. Квамус направил струю вверх, прямо в костлявый череп демона.

Я услышал глубокий вибрирующий рык, от которого задрожал пол. Он не напоминал голос ни одного живого существа, скорее гром лобового удара при столкновении двух поездов в туннеле. Сотрясение бросило меня на землю. Я упал на бок, сильно ударив руку, а вокруг меня летали куски гнилого мяса, остатки трупов Микцанцикатли.

Квамус каким-то чудом удержался на ногах и медленно, упорно, систематически поливал череп демона. Даже с расстояния десяти футов я чувствовал пронизывающий холод жидкого азота. Вокруг губ и глазных впадин Микцанцикатли создавались ободки замерзающего газа.

Но чудовище не было еще побеждено. Оно вытянуло одну скелетообразную руку, и прежде чем Квамус успел отклониться, схватило его за туловище. Квамус закричал, я увидел, как он направляет струю шипящего газа на пальцы, стискивающие его. Но Микцанцикатли стиснул его еще сильнее. Я услышал ужасный треск, доносящийся изнутри изолированного комбинезона. Квамус дернулся, потом повис, еще раз дернулся и упал на пол. Шланг упал возле него, извиваясь как змея и разбрызгивая вокруг струю газа.

Я, шатаясь, встал и схватил наконечник шланга. Металл был так холоден, что мои руки тут же примерзли к нему и я уже не мог их оторвать. Я направил струю на Микцанцикатли, начал поливать его сверху вниз, по ребрам, по голове, крича изо всех сил, выкрикивая неразборчивые слова, лишённые смысла, слова страха, ненависти и истерии мести.

Микцанцикатли потянулся ко мне рукой, медленно, но неотвратно. Я полил его пальцы и увидел, что они чуть отдернулись, но через секунду демон вытянул другую руку.

Я отскочил, но споткнулся об онемевшее тело какого-то старца. Огромная лапа Микцанцикатли схватила меня за бедро, а потом обвила вокруг пояса. У меня было ощущение, что я попал в открытую пасть акулы-людоеда.

— А-а-а! — заорал я во всю глотку. Я знал, что мне пришел конец. Я чувствовал, как лопаются мои ребра, я чувствовал ужасную боль в раздавливаемых костях таза. Я все еще поливал лицо демона, но постепенно начинал терять сознание. Все вокруг становилось черно-белым, как на негативе. Я услышал треск ребра, которое не выдержало нажима.

Неожиданно нажим ослаб, а потом совершенно исчез. Я упал на колени, крепко закрыл глаза и старался направить струю газа на Микцанцикатли, хотя и не мог сориентироваться, где находится демон. Лишь через какое-то время я пришел в себя, поднял голову и, оглядевшись, увидел, что случилось.

Среди живых трупов появилась Джейн, излучающая неземной свет, с совершенно белым лицом и вся белая, но, несмотря на это, прекрасная. Прекрасная и сильная. Ее волосы колыхались вокруг головы, как и раньше, когда я видел ее в нашем доме, но теперь от них брызгали лучи серебряного блеска, подобно солнечной короне.

Она была совершенно обнажена, но по какой-то причине ее великолепное пышное тело было асексуальным, одухотворенным. Рядом с ней стоял маленький мальчик в возрасте четырех или пяти лет, такой же красивый, как и она, такой же нагой и излучающий такой же неземной, спокойный свет.

Микцанцикатли неуверенно поднял свою ужасную голову. Вокруг его скул выросли толстые ободки изморози, с ключиц свисали длинные сосульки. Он посмотрел на Джейн с заметным недоверием и закричал, как раненый зверь.

Я не понимал, что произошло, но воспользовался случаем. Двигая шланг, я взобрался на голень Микцанцикатли, а потом на его массивное бедро. Несмотря на боль, которая пронизывала меня всего, сжав зубы, я добрался до грудной клетки Микцанцикатли, остановился там и вливал в нее замораживающий газ, пока позвоночник демона не покрылся толстым слоем белого мерцающего инея.

Джейн постепенно растворилась в воздухе, а мальчик исчез вместе с ней. В ту же самую минуту раздался треск. Один из замороженных пальцев Микцанцикатли отломился от ладони и с треском упал на пол склада. Потом отломилось какое-то ребро, потом следующее; мне казалось, что я стою на качающейся грудной клетке, когда весь скелет Не Имеющего Плоти начал разваливаться на куски под моими ногами.

Голова его склонилась вперед, позвоночник лопнул, и огромный ужасный череп покатился по бетонному полу, после чего развалился на десятки более мелких черепов.

Я слез со скелета демона. Вокруг меня мертвецы из Салема и Грейнитхед опускались на землю как кучи тряпок. Ложная жизнь покинула их, а лжедыхание улетело из их легких.

Энид медленно подошла и помогла мне закрутить рычаг, перекрывающий поток жидкого азота. С обеих моих ладоней была содрана кожа, я был тяжело изранен, но по крайней мере был жив и благодарил за все это Бога.

— Ты видела Джейн? — спросил я Энид дрожащим голосом. — Ты видела ее?

Энид кивнула.

— Конечно, видела. Ведь это я сама ее вызвала.

— Ты ее вызвала? Каким образом?

Энид положила мне руку на плечо и широко улыбнулась.

— Идем, — сказала она. — У нас еще очень много работы. Мы должны вынести отсюда все останки демона и похоронить их в разных местах с соблюдением ритуала.

— Но все же, как ты вызвала Джейн? И почему она нам помогла? Ведь я думал, что и она служит Микцанцикатли.

— Да, так и было, — подтвердила Энид. — Пока ты не убил ее во второй раз, потому что этим ты освободил ее из-под власти демона. Благодаря тебе она теперь может уйти на вечный покой, так же как и твой так и не родившийся сын.

— Но я так и не понимаю, почему все же она появилась здесь.

Энид оглядела омерзительное содержимое склада и с грустью посмотрела на останки Квамуса.

— Ваша жена принадлежала к нашему сообществу, мистер Трентон. Она никогда тебе этого не говорила, потому что это было ей запрещено. Но ты и так не поверил бы ей.

— К сообществу?

Энид еще раз кивнула.

— Твоя жена была ведьмой из Салема. Не по материнской линии, а только со стороны отца, потому-то она и не обладала большой мощью. Но все же она была в достаточной мере ведьмой, чтобы поддерживать постоянную связь с остальными членами сообщества, и, конечно же, как ведьма, являлась крайне подверженной влиянию Микцанцикатли.

— Ну и что же будет теперь? — спросил я, указывая кивком головы на разбитый скелет. — Исчезнет ли ваша мощь, если чудовище теперь окончательно уничтожено?

— Я не думаю, — ответила Энид. — Мощь добра будет существовать вечно. Когда Микцанцикатли увидел вашу любимую умершую жену, мистер Трентон, это был для него знак, что его мощь ограничена и что существует еще большая мощь, которая правит миром даже в наши неправовые времена.

Я поднял голову. Я был ужасающе измучен. Через высоко расположенные окна книжного склада внутрь падали бледные лучи послеполуденного солнца, прошивая мрачные внутренности складского помещения полосами света, как в соборе. Я понял, что черная мощь Микцанцикатли наконец побеждена, и изо всех сил старался сдержать неудержимо навертывающиеся на глаза слезы.

Эпилог

Я покинул Грейнитхед в начале мая и на какое-то время поселился в Сент-Луисе, у родителей. Мать пыталась меня откормить, а отец забирал на долгие прогулки по ботаническим садам Миссури и рассказывал разные банальности о жизни, поскольку считал, что мне от этого становится легче. Он своими руками сшил пару красивых оксфордских полуботинок и подарил их мне без какого-либо предложения, просто чтобы показать, что он меня любит.

В июне я вернулся в Массачусетс, чтобы продать дом на Аллее Квакеров. Я съездил в Тьюсбери, посетил старого Эвелита и выпил с ним рюмочку шерри в библиотеке. Он сказал мне, что вскоре, наверно, откроет магические узы, которыми надеется связать Тецкатлипоку — «дымящееся зеркало», — и что он сможет использовать кусочек кости из разбитого скелета Микцанцикатли для выполнения ритуала, который наконец отошлет его предков на вечный отдых. Я вышел от него через час. И больше уже нигде и никогда не хотел слышать ничего ни о каких демонах.

Я так и не примирился с Эдвардом Уордвеллом. Я узнал от Джилли, что Эдвард так и не простил мне того, что я взорвал «Дэвида Дарка». Он, наверно, имел право чувствовать ко мне отвращение. Что же касается самой Джилли... ну что же, кроме безумного секса нас ничего не связывало друг с другом. Я действительно ужасно хотел иметь ее в постели, считая, что этого может быть достаточно, но все же нас разделяло слишком большое несовпадение характеров...

С о д е р ж а н и е

Пария	. 5
Перевод О. Колесникова	

Литературно-художественное издание

Грэм Мастертон

ПАРИЯ

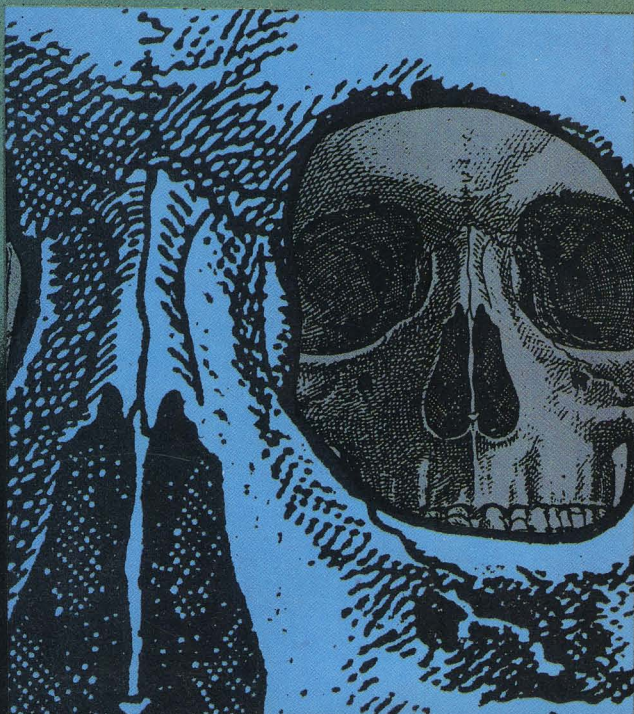
Выпуск 32

Сдано в набор 02.05.95. Подписано в печать 17.07.95 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 26 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20

ГРЭМ МАСТЕРТОН

Четыреста лет назад в заливе около
американского городка Грейнитхед
захоронен страшный ацтекский демон —
владыка Страны Мертвых.
Внезапно демон пробуждается,
призывая своих подданных
для захвата новых живых душ.